

ISSN (online): 2074-5885

э л е к т р о н н ы й ж у р н а л

Психологическая наука

и образование

psyedu.ru

Psychological Science

and Education

e l e c t r o n i c j o u r n a l

«Карта» общих точек зрения в дискурсе о наркоманах: поисковое исследование

Ковалев М.А.,

соискатель кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия

Конкин В.Ю.,

аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия

Дворянчиков Н.В.,

кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, dvorian@gmail.com

Бовина И.Б.,

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия innabovina@yandex.ru

Дебольский М.Г.,

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры пенитенциарной психологии, профессор кафедры пенитенциарной психологии факультета юридической психологии, (ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, mdebolsky@mail.ru)

Ильин А.В.,

начальник психологической службы УФСИН России по Владимирской области, Владимир, Россия, ailin99@mail.ru

Для цитаты:

Ковалев М.А., Конкин В.Ю., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б., Дебольский М.Г., Ильин А.В. Карта общих точек зрения в дискурсе о наркоманах: поисковое исследование [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kovalev_Konkin_et_al.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

*Kovalev M.A., Konkin V.Y., Dvorjanchikov N.V., Bovina I.B., Debol'skiy M.G., Il'in A.V., A "map" of common points of view in the discourse about drug addicts: An exploratory study [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kovalev_Konkin_et_al.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)*

Употребление наркотиков по-прежнему остается одной из ключевых проблем общественного здоровья, поэтому особенно актуальны разработки эффективных превентивных программ, ориентированных на различные группы молодежи. При этом любая профилактическая мера с необходимостью должна опираться на конкретные

результаты эмпирических исследований. В статье излагаются результаты подготовительного этапа исследования социальных представлений о наркоманах, выполненного в рамках теории социальных представлений (в рамках идей Женевской школы, развиваемых В. Дуазом с коллегами). Цель исследования заключалась в выявлении «карты» общих точек зрения в дискурсе о наркоманах. Выборку составили 308 человек (195 мужчин и 112 женщин, в одном случае указание на пол отсутствует) в возрасте от 16 до 47 лет (медиана – 25 лет). Полученные результаты дают эмпирическую поддержку предположению авторов о «карте» общих точек зрения в дискурсе о наркоманах.

Ключевые слова: наркоманы, теория социальных представлений, «карта» общих точек зрения в дискурсе о наркоманах, публичная и частная сферы, медицинский, социальный и юридические контексты дискурса о наркоманах.

По данным ООН, употребление наркотиков по-прежнему остается одной из ключевых проблем общественного здоровья [21]. Появлением и широким использованием новых психоактивных веществ в различных регионах планеты серьезно озабочены специалисты, работающие над созданием профилактических и превентивных мер, ориентированных на подростково-молодежную среду.

Дело в том, что распространению новых психоактивных веществ пока весьма затруднительно противостоять на законодательном уровне, ибо новые психоактивные вещества не попадают в список запрещенных веществ. Кроме того, на настоящий момент отсутствуют какие-либо исследования, которые позволяли бы оценить масштаб последствий, опасных для жизни тех, кто употребляет эти психоактивные вещества [21].

Эти проблемы имеют определенную специфику в различных странах. В России, насколько позволяют судить статистические данные, происходит рост показателей общей заболеваемости каннабиноидной наркоманией, а именно: в 2005 г. – 15,4 больных на 100 тыс. населения, а в 2011 г. – уже 16,1. Таким образом, этот показатель за 6 лет вырос на 4,5 % [7]. Структура зарегистрированных больных наркоманией выглядит следующим образом: 85,6 % – больные с опийной зависимостью; 6,8 % – больные с зависимостью от каннабиса; 6,2 % – больные, употребляющие другие наркотики и сочетания различных наркотиков. И даже эти статистические показатели не являются точными, ибо, как отмечает В.В. Киржанова [6], по результатам эпидемиологических оценок, реальное количество потребителей инъекционных наркотиков (ПИН) может быть в 4–5 раз выше официального и даже достигать 1 % – 3 % от общей численности населения в отдельных регионах страны [6].

Об опасности ситуации, сложившейся в России в связи с употреблением наркотиков в подростково-молодежной среде, можно судить также и по росту показателей смертности, по положительной динамике показателей болезней, обусловленных этой практикой, в частности – гепатита, сифилиса и ВИЧ-инфекции [6]. Словом, распространение наркомании представляет собой серьезную угрозу, причем на уровне безопасности страны [8].

В связи с этим повышается значимость исследовательских работ, которые могли бы лечь в основу создания концепции профилактических программ, а также формулирования превентивных рекомендаций.

Наркотики не раз становились объектом социальных представлений, изучаемых с помощью различных методологических стратегий в рамках теории социальных

1Из общего числа потребителей наркотиков в 2011 г. 378,6 тыс. человек употребляли их инъекционным способом (ПИН). Этот показатель составляет 71 % от общего числа потребителей наркотиков в РФ. При этом почти 57 тыс. человек из общего числа зарегистрированных ПИН, т. е. 15 % (в 2010 г. – 14,4 %), являются ВИЧ-положительными [7].

представлений [12; 16; 17; 18 и др.]. Стоит вспомнить исследование К. Хадлей и Дж. Стокдейл [18], которые выявили особенности представлений о наркотиках в различных возрастных группах (от 5 до 11 лет). А. Эчебаррия-Эчабе с коллегами [16] продемонстрировали эффект влияния таких факторов, как опыт знакомства с наркотиками и социальные представления о них, на процессы социальной перцепции и каузальной атрибуции.

В работах, выполненных в рамках теории социальных представлений, было показано, что наркотики и практика их употребления – это социально, культурно и исторически локализованное явление [18]. Оно не существует вне социокультурного контекста, в который включены как потребители наркотиков, так и, равным образом, те, кто их не употребляет [12]. В молодежной среде можно выделить группы, которые имеют различные образы наркотика. Причем динамика социальных представлений изменяется в зависимости от опыта употребления наркотиков (сравниваемые группы – потребители наркотиков и люди без опыта употребления наркотиков или бывшие потребители наркотиков) и в зависимости от влияния знакомых – потребителей наркотиков (сравниваемые группы – те, у кого есть знакомые потребители наркотиков, и те, у кого нет таких знакомых) [12; 16; 17].

Заметим, что в меньшей степени внимание исследователей было обращено к такому объекту представлений, как сами потребители наркотиков. В одной из немногих работ в фокусе исследовательского внимания оказалась специфика представлений о наркоманах в различных возрастных группах [5]. Как и ожидалось, представители старшего поколения в большей степени склонны обращаться к стратегии стигматизации наркоманов, считать, что для преодоления этой болезни допустимы любые действия. Более того, были выделены четыре группы респондентов – представители четырех типов социальных представлений: «игнорирующие» (полностью отстраненные от проблемы наркомании, негативно относящиеся к наркоманам), «равнодушные» (понимают серьезность проблемы наркомании, но при этом остаются отстраненными по отношению к наркоманам), «толерантные» (понимают существование проблемы и при этом позитивно относятся к наркоманам), «непримиримые» (враждебно относятся к проблеме наркомании и к наркоманам) [5].

Наше обращение к теории социальных представлений объясняется не тем, что в рамках этого теоретического направления уже неоднократно предпринимались исследования², результаты которых могут быть нами использованы, а возможностями самой теории.

В литературе можно найти целый ряд определений социальных представлений [9; 10; 11; 14; 19; 20]. Согласно одному из них, социальные представления – это обыденное знание об общих темах (будь то СПИД, компьютер, гендер, здоровье, интеллект, психоанализ, работа) [19].

² С опорой на результаты социологических исследований [22] можно говорить о том, что в западноевропейских странах употребление наркотиков претерпело следующие изменения. В конце 1960-х гг. такая практика ассоциировалась со студенческими выступлениями во Франции 1968 г., т. е. имела политическую составляющую, связывалась с сопротивлением властям. Постепенно она превратилась в настоящее социальное бедствие, в особенности в связи с эпидемией ВИЧ-инфекции, затронувшей потребителей инъекционных наркотиков. В России развитие практики употребления наркотиков имеет свою социокультурную и историческую специфику. Историко-социологический анализ проблемы наркотизации российского общества, выполненный Ф.И. Григорец, показывает, что, несмотря на наличие довольно активной практики употребления наркотиков и рост показателей потребителей среди молодежи, исследования в рамках социогуманитарных наук, а также обсуждение проблемы на уровне публичного дискурса до определенного момента отсутствовали [4].

Как формулирует В. Дуаз, это – «организующие принципы символических отношений между индивидом и группой» [13, р. 97]. Социальные представления выполняют различные функции: защитную функцию (трансформация нового, непонятного, угрожающего в нечто понятное и знакомое); функцию, связанную с осуществлением внутригрупповых коммуникаций; функцию регуляции социального поведения и практики; функцию конструирования и поддержки социальной идентичности; функцию оправдания социальных отношений [9; 10; 14; 20]. В связи с этим открывается возможность проследить специфику социальных представлений о наркоманах в аутгруппе (среди тех, кто не употребляет наркотики) и в ингруппе (среди тех, кто употребляет наркотики), что позволит говорить о трансформации социальных представлений в связи с социальной идентичностью.

Среди различных подходов к анализу социальных представлений (Парижская школа, школа Экс-ан-Прованса и Женевская школа), разрабатываемых в рамках теории социальных представлений, для ответа на наши вопросы наиболее продуктивным являются идеи подхода, разрабатываемого В. Дуазом с коллегами (Женевская школа). В рамках этого подхода исследователи предлагают говорить о связях между социальной регуляцией и когнитивным функционированием. Другими словами, требуется изучать отношения между социальной метасистемой и когнитивной системой. Функционирование когнитивной системы основывается на процессах категоризации, умозаключения и пр., а они, в свою очередь, контролируются и направляются метасистемой [13]. Это регулирование осуществляется посредством социокогнитивных процессов – процессов объективации и анкеровки.

Под процессом объективации понимается трансформация абстрактного в конкретное с помощью процесса коммуникации [13]. Социальное представление на этом этапе является словарем значений, возникающих в результате превращения абстрактного в конкретное. Для того чтобы участвовать в дискуссии, ее участники должны опираться на некоторые общие опорные точки (это не означает консенсуса, как в школе Экс-ан-Прованса), так как позиция индивида, несмотря на свою оригинальность и индивидуальность, предполагает опору на что-то известное всем, в противном случае человек кажется исключенным из дискуссии. Позиция, которую занимает индивид, связана и управляется более общими принципами мышления, и степень структурированности этих принципов определяется тем, насколько он вовлечен в дискуссию с другими.

Социальное позиционирование является результатом «захватывания» разделенного знания в различных группах. Таким образом, группы отличны друг от друга не только в силу того, что не имеют доступа к одной и той же информации, но и в силу того, что в группах разделяются специфические убеждения и опыт.

В рамках подхода В. Дуаза предлагается стратегия анализа социальных представлений, реализуемая посредством трех этапов:

- на первом этапе изучается организация поля представления (выявляется «карта» общих точек зрения);
- на втором этапе выявляются организующие принципы, которые надстраиваются над различиями между индивидами (изучается социальное позиционирование);
- на третьем этапе анализируется процесс якорения в соответствующих символических системах значений (исследуется структура и происхождение этих позиций) [13; 15].

Идеи этой модели и служили ориентиром в проводимом нами эмпирическом исследовании. В настоящей статье мы излагаем результаты только первого его этапа.

Целью этого этапа было выявление «карты» общих точек зрения, которые используются в дискурсе о наркоманах.

Объектом исследования стали социальные группы. Выборку составили представители ряда социальных групп, имеющие опыт употребления наркотиков и не имеющие опыта употребления наркотиков, а также те, кто не употребляет наркотики, но имеет друзей и знакомых среди потребителей наркотиков. В силу того, что на первом этапе требовалось получить только «карту» общих точек зрения [11], разделение на подгруппы не предпринималось. В исследовании приняли участие 308 человек (195 мужчин и 112 женщин, в одном случае указание на пол отсутствует) в возрасте от 16 до 47 лет (медиана – 25 лет).

Согласно Л. Дани и Т. Апостолидис, наркотики являют собой сложный и многоаспектный объект [12]. Л. Дани и Т. Апостолидис предлагают различать две сферы: публичную и частную [12].

В *публичной сфере* они предлагают рассматривать как минимум два соответствующих контекста – медицинский и юридический. Другими словами, употребление наркотиков является болезнью, борьба с которой обсуждается на самых высоких уровнях, а палитра разрабатываемых и реализуемых мер профилактики достаточно широка и разнообразна. Кроме того, употребление наркотиков сопряжено с незаконными, противоправными действиями.

Частная сфера затрагивает стиль жизни, который связывается с употреблением наркотиков; в частности, можно говорить о «молодежной моде».

Однако стоит оговориться, что ситуация с употреблением наркотиков в РФ имеет свою специфику. Это касается не только законодательных аспектов, связанных с употреблением наркотиков, но и социальной практики употребления, самих веществ, которые употребляются, наконец, дискурса о наркотиках и наркоманах, по сравнению с контекстом западно-европейских стран в целом. Поэтому представляется возможным говорить также о социальном контексте в рамках публичной сферы [3]. Социальный контекст связан с тем, что употребление наркотиков ассоциируется с нарушением морали и вызывает в обществе в отношении «нарушителей» морали соответствующую реакцию. Именно этот аспект достаточно ярко продемонстрирован в работе Е.П. Емельяновой о стигматизации наркоманов [5].

Наше исследование носило поисковый характер. Мы исходили из общего предположения, что «карта» общих точек зрения в дискурсе о наркоманах будет включать понятия, указывающие на публичную сферу (в частности, медицинский, юридический и социальные контексты), а также на частную сферу.

Основным методом нашего исследования было анкетирование. В соответствии с методологической стратегией теории социальных представлений нами была разработана анкета, которая состояла из четырех частей. Ключевой методикой была методика свободных ассоциаций [11], она предназначалась для выявления лексики, используемой в дискурсе о наркоманах. Кроме того, нами использовались открытые вопросы, направленные на уточнение результатов ассоциативной методики. Наконец, респондентам задавались социально-демографические вопросы.

Ниже мы представим результаты, полученные с помощью ассоциативной методики.

Описание и анализ результатов

Всего респонденты высказали 1203 понятия. Наиболее частотными были следующие понятия³: смерть – 62 упоминания, больные люди – 54 упоминания, слабый (слабохарактерный, слабовольный) – 47 упоминаний, жалость – 41 упоминание, зависимый – 38 упоминаний, обман – 35 упоминаний. Наиболее частотные понятия принадлежат

³Здесь мы приводим только те понятия, которые упоминаются не менее, чем 10 % респондентов.

медицинскому контексту – «*смерть*», «*больные люди*», «*зависимый*». Обращает на себя внимание характеристика «*жалость*» – в исследованиях по социальным представлениям о ВИЧ-позитивных [1; 2]; она также является высокочастотной. Это может быть жалость к больным людям (которые по каким-то причинам стали использовать наркотики, и это поведение грозит им смертельно опасными последствиями), но вполне возможно, что это реакция высказывается преимущественно теми респондентами, которые сами являются потребителями наркотиков, и тогда это реакция относится к членам своей группы. Как уже было сказано выше, на первом этапе не предполагалось дифференцировать респондентов в зависимости от опыта употребления наркотиков, поэтому уточнение этого факта будет предпринято на втором этапе исследования.

Все высказанные понятия были подвергнуты частотно-смысловому анализу, что позволило категоризовать 1203 понятия. Нас в первую очередь интересовали те понятия, которые касались указанных выше сфер – публичной и частной.

Публичная сфера: *социальный контекст* («жалость», «обман», «отвращение», «нуждаются в помощи», «сострадание», «опасный», «одиночество», «отверженные обществом» и прочие единичные ответы, касающиеся взаимодействия с наркоманами и отношения к ним) – 298 упоминаний; *медицинский контекст* («смерть», «болезнь», «больница», «больные», «ВИЧ-инфекция», «необходимость лечения», «зависимый», «неизлечимый» и другие единичные ответы, касающиеся болезней и лечения наркоманов) – 288 упоминаний; *юридический контекст* («преступление», «преступники», «мошенники», «бандиты» и другие единичные ответы, касающиеся противоправных действий) – 36 упоминаний.

Частная сфера представлена категориями, так или иначе указывающими на скрипт употребления наркотиков: *наркотик* («доза», «марихуана», «наркотик», «героин» и другие единичные указания на вещества) – 13 упоминаний; *желание его принять* («взять у него дозу», «соблазн» и др.) – 8 упоминаний; *действия для получения наркотика* («готовы на все ради дозы») – 4 упоминания; *другие участники процесса принятия наркотиков* («друзья», «партнер», «соучастник» и др.) – 12 упоминаний; *места употребления наркотиков* («дискотека», «подъезд», «подвал» и др.) – 9 упоминаний; *состояния, связанные с приемом наркотика* («кайф», «ломка», «блаженство», «зависающий», «галлюцинации» и др.) – 67 упоминаний. Кроме того, в эту сферу попадает категория характеристики индивида, принимающего наркотики, *особенности его поведения* (психологические и поведенческие особенности, а также *внешность наркомана*: «слабохарактерный», «глупый», «жизнь ради наркотиков», «худой», «пустой взгляд» и пр.) – 257 упоминаний.

Таким образом, «карта» общих точек зрения в дискурсе о наркоманах образована понятиями, указывающими на публичную (в частности, медицинский, юридический и социальный контексты) и частную сферы. Объем понятий составляет 82,5 % от всех высказанных ассоциаций, что говорит в пользу нашего предположения. Среди прочих категорий были получены следующие: *бранные слова* – 40 упоминаний; *указание на различных персонажей* (Пугачева, Собчак и др.) – 6 упоминаний; *эмоциональные реакции* (в категорию были объединены позитивные и негативные реакции, ассоциирующиеся с наркоманами: «страх», «отчаяние», «веселье» и др.) – 22 упоминания; *превентивный контекст* («12 шагов», «антинаркотическая реклама» и др.) – 12 упоминаний; *указание на кинематограф* («Игла», «Реквием по мечте», «Мост») – 4 упоминания. Все остальные ответы, представленные единичными понятиями, были объединены в категорию *другое*.

Соотношение публичной и частной сфер составляет 51,7 % и 30,75 % соответственно. Публичная сфера образована преимущественно социальным и медицинским контекстами. Юридический контекст занимает второстепенное место в дискурсе о наркоманах.

Выводы

Итак, нами был проведен первый (подготовительный) этап исследования в рамках идей теории социальных представлений. На этом этапе была выявлена «карта» общих точек зрения в дискурсе о наркоманах. Было показано, что «карта» общих точек зрения в дискурсе о наркоманах образована категориями публичной и частной сфер. Публичная сфера образована тремя основными контекстами: социальным, медицинским и юридическим; причем респонденты в первую очередь используют социальный и медицинский контексты, юридический играет второстепенную роль. Таким образом, выдвинутое общее предположение о том, какие категории используются в дискурсе о наркоманах, получило эмпирическую поддержку.

Полученные результаты служат основанием для проведения основных этапов изучения социальных представлений в рамках модели В. Дуаза, а именно: на втором этапе предполагается исследовать то, какие организующие принципы надстраиваются над различиями между индивидами в дискурсе о наркоманах; на третьем этапе будет предпринят анализ структуры и происхождения позиций, которые занимают представители различных групп молодежи в дискурсе о наркотиках.

Результаты, полученные в ходе реализации трех этапов, позволят сформулировать соответствующую стратегию профилактики употребления наркотиков в молодежной среде с учетом гетерогенности этой среды и специфики образа наркотиков и наркоманов.

Литература

1. *Березина Е.Б.* Содержание и структура обыденных представлений о болезнях в молодежной среде: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 252 с.
2. *Бовина И.Б.* Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 473 с.
3. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Дебольский М.Г.* и др. Наркотики в молодежном дискурсе: подход теории социальных представлений // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 49–58.
4. *Григорец Ф.И.* Наркотизация молодежи: характеристики, причины, профилактика. Владивосток: Издат-во «48 часов», 2012. 148 с.
5. *Емельянова Т.П.* Проблема стигматизации наркозависимых людей в двух возрастных группах // Психологические исследования нравственности/ Отв. ред. А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 303–326.
6. *Киржанова В.В.* Медико-социальные последствия инъекционного употребления наркотиков в России (методы оценки и предупреждения): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2009. 45 с.
7. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2010–2011 годах. Статистический сборник. М., 2012. 212 с.
8. *Щербакова Е.М.* Нарконашествие в России: о чем говорит статистика? // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 70–75.
9. *Abric J.C.* Pratiques sociales et représentations. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 256 p.
10. *Breakwell G.* Social representational constraints upon identity processes // Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions/ Eds. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 271–284.
11. *Clémence A.* L'analyse des principes organisateurs des représentations sociales // Les méthodes des sciences humaines / Sous la dir. S. Moscovici, F. Buschini. P.: Presses Universitaires de France, 2003. P. 393–410.
12. *Dany L, Apostolidis T.* L'étude des représentations sociales de la drogue et du cannabis: un enjeu pour la prévention // Santé Publique. 2002. Vol.14. P. 335–344.

13. *Doise W.* Human rights studied as normative social representations // *Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions* / Ed. by K.Deaux, G.Philogène. Oxford:Blackwell Publishers, 2001. P. 96–112.

14. *Doise W.* Les représentations sociales: définition d'un concept // *L'étude des représentations sociales* / Ed. by W.Doise, A.Palmonari. Neuchatel: Delachaux et Niestlé.1986. P. 86–98.

15. *Doise W., Spini D., Clémence A.* Human rights studies as social representations in a cross-cultural context // *European Journal of Social Psychology*. 1999. Vol. 29. P. 1–29.

16. *Echebarria-Echabe A., Fernandez-Guede E., Sanjuan Guillen C.* at al. Social representations of drugs, causal judgment and social perception // *European Journal of Social Psychology*. 1992. Vol. 22. P. 73–84.

17. *Galand Ch., Salès-Wuillemain E.* La représentation des drogues chez les étudiantes en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage // *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 2009. Vol. 84. P. 125–152.

18. *Hadley C., Stockdale J.E.* Children's representations of the world of drugs // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 1996. Vol. 6. P. 276–289.

19. *Lorenzi-Cioldi F., Clémence A.* Group process and the construction of social representations // *Blackwell Handbook of Social Psychology: Group Processes*/ Eds. by M.A. Hogg, R.S. Tindale. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. P. 311–333.

20. *Moscovici S.* Introduction // C. Herzlich. *Health and Illness. A Social Psychological Analysis*. L.: Academic Press, 1973. P. ix-xiv.

21. *World Drug Report 2013*, United Nations. N. Y.: United Nations publication, 2013. 145 p.

22. *Zafiropoulos M., Pinell P.* Drogues, déclassement et stratégies de disqualification // *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*. 1982. № 42. P. 61–75.

A "Map" of Common Points of View in the Discourse about Drug Addicts: An Exploratory Study

Kovalev M.A.,

Doctoral Candidate, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, dvorian@gmail.com

Konkin V.Y.,

PhD Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, dvorian@gmail.com

Dvorjanchikov N.V.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, dvorian@gmail.com

Bovina I.B.,

Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, innabovina@yandex.ru

Debol'skiy M.G.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Professor, Chair of Penitentiary Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, mdebolsky@mail.ru

Il'in A.V.,

Chief of Psychological Services, FPS of Russia in Vladimir region, Vladimir, Russia, ailin99@mail.ru

Drug use continues to be one of the key public health problems, so it is particularly relevant to develop effective prevention programs targeted at different groups of young people. In this case, any preventive measure must necessarily rely on the results of empirical research. The article presents the results of the preparatory phase of the study of social representations about drug addicts, made in the framework of the theory of social representations (in the framework of the Geneva School ideas developed by V. Doisy and colleagues). The aim of the study was to identify the "map" of the common points of view in the discourse about drug addicts. The sample consisted of 308 people (195 men and 112 women, and one respondent did not state his gender), aged 16 to 47 years (median age is 25 years). The results provide empirical support for the hypothesis of the authors of the "map" of common points of view in the discourse about drug addicts.

Keywords: drug addicts, the theory of social representations, "map" of common points of view in the discourse about drug addicts, public and private spheres, medical, social and legal contexts of discourse about drug addicts.

References

1. Berezina E.B. Soderzhaniye i struktura obydenykh predstavleniy o boleznyakh v molodezhnoy srede. Dis. kand. psikhol. nauk. [Content and structure of everyday representations of illnesses among youth. Ph.D (Psychology) Thesis]. Moscow, 2011. 252 p.
2. Bovina I.B. Sotsial'nyye predstavleniya o zdorov'ye i bolezni: struktura, dinamika, mekhanizmy. Diss. dokt. psikhol. nauk. [Social representations of health and illness: structure, dynamics, and mechanisms. Dr.Sci. (Psychology) diss]. Moscow, 2009. 473 p.
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Debol'skiy M.G., Konopleva I.N., Il'in A.V. Narkotiki v molodezhnom diskurse: podkhod teorii sotsial'nykh predstavleniy [Drugs in the youth discourse: social representations theory perspective] *Prikladnaya ayuridicheskaya psikhologiya [Applied forensic psychology]*, 2013, no. 1, pp. 49–58.
4. Grigorets F.I. Narkotizatsiya molodezhi: kharakteristiki, prichiny, profilaktika. [Drug addiction among youth: characteristics, causes, and prevention], Vladivostok: Publ. "48 chasov", 2012. 148 p.
5. Yemel'yanova T.P. Problema stigmatizatsii narkozavisimykh lyudey v dvukhvoznostnykh gruppakh [The problem of stigmatization of drug users in two age groups]. In Zhuravlev A.L. (eds.) *Psikhologicheskiye issledovaniya npravstvennosti [Psychological research of ethics]*. Moscow: Publ. Institute of Psychology, "Russian Academy of Sciences", 2013, pp. 303–326.
6. Kirzhanova V.V. Mediko-sotsial'nyye posledstviya in'yektsionnogo upotrebleniya narkotikov v Rossii (metody otsenki i preduprezhdeniya). Avtoref. diss. d. med. nauk. [Medical and social consequences of injecting drug usage in Russia (evaluation methods and prevention). Dr. Sci. (Medicine) diss.]. Moscow, 2009. 45 p.
7. Osnovnyye pokazateli deyatelnosti narkologicheskoy sluzhby v Rossiyskoy Federatsii v 2010-2011 godakh. Statisticheskii sbornik [The main indicators of narcological service in Russian Federation in 2010-2011]. Moscow, 2012. 212 p.

8. Shcherbakova Ye.M. Narkonashestviye v Rossii: o chem. Govorit statistika? [Invasion of drugs in Russia: what do statistics say?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological studies]*, 2004, no. 1, pp. 70–75.
9. Abric J. C. *Pratiques sociales et représentations*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 256 p.
10. Breakwell G. Social representational constraints upon identity processes. *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Eds. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 271-284.
11. Clémence A. L'analyse des principes organisateurs des représentations sociales. *Les méthodes des sciences humaines*. Sous la dir. S. Moscovici, F. Buschini. Paris: Presses Universitaires de France, 2003, pp. 393–410.
12. Dany L, Apostolidis T. L'étude des représentations sociales de la drogue et du cannabis: un enjeu pour la prévention. *Santé publique*, 2002. Vol.14, pp. 335–344.
13. Doise W. Human rights studied as normative social representations. *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Deaux K., Philogène G. (eds.). Oxford: Blackwell Publishers. 2001, pp. 96–112.
14. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept. In Doise W. (eds.) *L'étude des représentations sociales*, 1986, pp. 86-98.
15. Doise W., Spini D., Clémence A. Human rights studies as social representations in a cross-cultural context. *European Journal of Social Psychology*, 1999. Vol. 29, pp. 1–29.
16. Echebarria-Echabe A., Fernandez-Guede E., Sanjuan Guillen C., Valencia- Garate J.F. Social representations of drugs, causal judgment and social perception. *European Journal of Social Psychology*, 1992. Vol. 22, pp. 73–84.
17. Galand Ch., Salès-Wuillemin E. La représentation des drogues chez les étudiantes en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage. *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 2009. Vol. 84, pp. 125–152.
18. Hadley C., Stockdale J.E. Children's representations of the world of drugs. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 1996. Vol. 6, no. 1, pp. 276–289.
19. Lorenzi-Cioldi F., Clémence A. Group process and the construction of social representations. In Hogg M.A. (eds.) *Blackwell Handbook of Social Psychology: Group Processes*. Oxford: Blackwell Publishing, 2003, pp. 311–333.
20. Moscovici S. Introduction. In C. Herzlich, *Health and illness. A social psychological analysis*. London, Academic Press, 1973, pp. ix-xiv.
21. World drug report 2013, United Nations, New York: United Nations publication, 2013. 145 p.
22. Zafiroopoulos M., Pinell P. Drogues, déclassement et stratégies de disqualification. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1982, no. 42, pp. 61–75.

Формирование способности выявлять причины девиантного поведения подростков у студентов педагогического вуза

Бусарова О.Р.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права,
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия
olga-bus0@yandex.ru

Целью представленного в статье исследования явились разработка и апробация специальных упражнений для формирования у студентов педагогического вуза умений грамотно определять причины девиантного поведения подростков на занятиях по психологии. В исследовании приняли участие 23 студента II курса Московского педагогического государственного университета. Методологической основой занятий со студентами выступили результаты исследований, выполненных в русле концепции постановки психологического диагноза А.Ф. Ануфриева. Центральное место в предлагаемых упражнениях уделяется выдвижению диагностических гипотез, поскольку в проведенных ранее исследованиях отмечалось, что этот этап диагностического поиска представляет для учителей наибольшую трудность. Эффективность разработанных упражнений оценивалась по качеству решения студентами задач на определение причин девиантного поведения учащихся средних классов. По результатам исследования сделан вывод о том, что предложенные студентам педагогического вуза упражнения повышают качество решения задач и позволяют значительно уменьшить число ошибок, свойственных деятельности учителей по определению причин нарушения поведения школьников.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, причины девиантного поведения, психологическая подготовка учителя.

Для цитаты:

Бусарова О.Р. Формирование способности выявлять причины девиантного поведения подростков у студентов педагогического вуза [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Busarova.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Busarova O.R. Formation of the ability to identify the causes of deviant behavior among adolescents in students of pedagogical high school [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Busarova.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

В профилактике и коррекции девиантного поведения детей и подростков школе отведена значительная роль. Являясь наряду с семьей основным институтом социализации подрастающего поколения, школа может и должна сформировать просоциальную направленность личности учащихся, активизировать их познавательную мотивацию, обучить навыкам успешного общения со сверстниками и взрослыми. Если школа не справляется с решением этих задач, то возникает риск различных форм девиантного поведения детей и подростков. Особый пик нарушений социализации, результатом которых является отклоняющееся поведение, приходится на подростковый возраст. По данным

С.А. Беличевой, доля подростков в возрасте от 11 до 16 лет составляет 2/3 от лиц, стоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних [3, с. 29].

Поскольку коррекция девиантного поведения начинается с выявления его причин, постольку на первый план выходит вопрос о формировании готовности выпускника педагогического вуза правильно определять детерминанты девиантного поведения подростков. Традиционно в преподавании психологии в российских педагогических университетах подростковому возрасту уделяется особое внимание: подробно анализируются социальная ситуация развития, ведущая деятельность и основные новообразования возраста, рассматриваются и факторы риска девиантного поведения подростков, его профилактика и коррекция. Однако в последние годы специалисты по психологии развития все чаще указывают на принципиальные изменения в социальной ситуации развития современного российского подростка, что дает основания для переоценки взгляда на подростковый возраст как период развития.

К.Д. Хломов называет следующие факторы изменения системы социальных отношений российских тинейджеров: распространение Интернета и компьютерных технологий, отсутствие ясно сформированного, устойчивого в долговременной перспективе и определяющего ценности и жизненный путь подростка общественного заказа, рост социальной напряженности, изменение отношений в семье и «размытая» идентичность подростков, обусловленная трансформацией социальных и культурных пространств России начала XXI в. [8] К.Н. Поливанова, анализируя в целом психическое развитие в детстве и юности, приходит к выводу о том, что в современном мире институциональные формы взросления диверсифицируются, а сам процесс взросления в категориях «жизненной траектории» становится процессом крайне индивидуальным [6]. В связи с этим нам представляется важным сформировать у будущих педагогов способность и готовность анализировать каждый случай девиантного поведения школьника с точки зрения его уникальной социальной ситуации развития, что требует посвятить этой теме специальные занятия по дисциплине «Психология» в педагогическом вузе и обеспечить их методически.

Целью нашей работы была разработка и апробация специальных упражнений для формирования у студентов-педагогов умений определять психологические причины девиантного поведения учащихся средней школы.

В исследовании приняли участие 23 студента, обучающиеся в бакалавриате Московского педагогического государственного университета по направлению «Педагогическое образование» (профиль – «Русский язык и литература»). Исследование проводилось на заключительных практических занятиях по дисциплине «Психология». В течение трех семестров студенты в отведенном учебным планом объеме изучали следующие разделы дисциплины: «Общие основы психологии», «Социальная психология», «Психология развития», «Педагогическая психология». В качестве испытуемых привлекались студенты, регулярно посещавшие занятия по психологии и получавшие в рамках текущего контроля знаний оценки не ниже «хорошо».

Упражнения основаны на выводах, полученных в цикле работ по экспериментальному изучению диагностической деятельности практического психолога под руководством А.Ф. Ануфриева. Содержание занятий составляют подготовка к решению задач-моделей, основанных на материале анализа докриминальных форм девиантного поведения подростков, решение задач и обратная связь об успешности решения. Задачи-модели составлены на основе реальных запросов из практики школьного психолога. Задачи содержат запрос, касающийся выявления причин отклоняющегося поведения подростка (грубость по отношению к взрослым, конфликты со сверстниками, неуспеваемость, систематические прогулы занятий, срыв уроков и т. п.), и анамнестическую информацию – сведения об ученике, сообщенные учителями, родителями, школьным врачом, а также информацию о составе семьи, успеваемости, особенностях поведения, внешнем виде

подростка. Студент должен выдвинуть гипотезы о причинах отклоняющегося поведения подростка и предложить действия учителя, направленные на устранение этих причин. К задачам прилагаются правильные ответы, в которых указываются причины отклонений в поведении, установленные на основании данных психологической диагностики и подтвердившиеся по результатам проведенной со школьником коррекционной работы и дальнейшего отслеживания его поведения в течение не менее года с момента обследования.

Центральное место в предлагаемых упражнениях уделяется выдвижению диагностических гипотез, поскольку, по мнению специалистов, именно этот этап диагностического процесса является его ключевым звеном. Например, А. Анастаси и С. Урбина отмечают: «Сердцевину процесса психологической оценки составляет непрерывный цикл построения и проверки гипотез в отношении конкретного пациента или клиента. Каждая порция информация – будь это факт из истории болезни, мнение клиента или тестовый показатель – дает возможность выдвинуть гипотезу, которая получит подтверждение или будет опровергнута по мере сбора других данных» [1, с. 559]. В то же время, как показывают исследования процесса решения диагностических задач учителями, выдвижение гипотез о причинах школьных трудностей учащихся младшей и средней школы представляет для педагогов значительную сложность. Чаще всего этот этап диагностического поиска ими просто пропускается [5; 7].

Исходя из положений концепции постановки психологического диагноза [2], студентам предлагалось при формулировании гипотез руководствоваться следующими правилами:

- гипотеза должна быть сформулирована так, чтобы ее можно было проверить с помощью имеющихся в распоряжении диагноста средств;
- гипотеза должна формулироваться с использованием научной терминологии, а не обыденным языком;
- гипотеза должна рассматривать причины нежелательных особенностей поведения или состояния обследуемого, а не их симптомов;
- в качестве гипотез не должны выдвигаться медицинские, социальные, демографические и другие факторы, не относящиеся к психолого-педагогическим;
- причинами девиантного поведения не могут быть нейтральные или положительные особенности личности;
- гипотезы должны отражать особенности личности обследуемого, а не факторы межличностных отношений.

Во время решения задач требования к диагностическим гипотезам, записанные на розданных студентам карточках, находились у них перед глазами.

Работа по формированию у студентов умений определять психологические причины девиантного поведения подростков строилась следующим образом:

- студенты знакомились с основными звеньями диагностического процесса, при этом особое внимание обращалось на выдвижение диагностических гипотез – студентам объяснялось, что диагностические гипотезы должны отвечать определенным требованиям;
- под руководством преподавателя студенты сообща решали задачу-модель по выявлению психологических причин отклоняющегося поведения подростков;
- каждый студент решал аналогичную задачу-модель и представлял результаты решения в письменном виде;

• преподаватель сообщал студентам правильные ответы к задачам, информировал об успешности решения задач каждым студентом и анализировал типичные для данной группы ошибки и недочеты решения задач.

Упражнения предлагались двум академическим группам. В одной из них студенты помимо ознакомления с требованиями к диагностическим гипотезам перед решением задачи-модели специально тренировали умение корректно выдвигать гипотезы, эту группу мы рассматривали как экспериментальную. Студентам данной группы предлагались возможные варианты гипотез о причинах девиантного поведения школьников, которые они оценивали как удачные или неудачные и сообщали о своем мнении группе, обосновывая его при возникновении вопросов однокурсников или преподавателя.

При анализе решения задач-моделей учитывались следующие показатели:

- количество гипотез;
- корректность гипотез – процент гипотез, соответствующих требованиям к психодиагностическим гипотезам;
- адекватность гипотез – процент гипотез, в которых правомерно запрос-жалоба связывается с возможными причинами девиантного поведения подростка;
- качество решения задачи – насколько полно в гипотезах отражены возможные при данном нарушении поведения его психологические причины: не отражены – 0 баллов, отражены частично – 1 балл, отражены полностью – 2 балла.

Результаты сравнения успешности решения задач студентами экспериментальной и контрольной групп представлены в табл. Достоверность различий результатов двух групп проверялась с помощью критерия U Манна-Уитни и углового преобразования Фишера (ϕ^*). Применялся компьютерный пакет SPSS Statistics 17.0.

Таблица

Сравнение средних показателей решения задач-моделей экспериментальной и контрольной группами (студенты-педагоги)

Группа	Н гипотез	Корректность гипотез, %	Адекватность гипотез, %	Качество решения (от 0 до 2 баллов)
Экспериментальная N=11	3,9	48,1	29,3	0,82
Контрольная N=12	4,3	41,9	19,0	0,5
Значение U	64,5 незначимо	56 незначимо	40,5 незначимо	–
Значение ϕ^*	–	–	–	1,65*

Примечание. * – $p < 0,05$.

Как следует из таблицы, среднее число гипотез в обеих группах практически одинаково, а процент корректных и адекватных гипотез о причинах девиантного поведения подростков в экспериментальной группе несколько выше, чем в контрольной, но различие

статистически не значимо. Основной показатель решения задач-моделей – качество решения – в экспериментальной группе достоверно выше, что, вероятно, является следствием несколько лучших показателей корректности и адекватности гипотез в этой группе. В экспериментальной группе из 11 студентов правильно обозначили хотя бы одну возможную причину девять испытуемых (82 %), в контрольной группе результат заметно ниже – из 12 будущих педагогов частично справились с решением задачи-модели только шесть (50 %). Таким образом, наше предположение о необходимости специальных упражнений на формирование у будущих учителей умений корректно формулировать диагностические гипотезы подтвердилось.

Следует отметить, что ни один студент-педагог не получил максимальный балл за качество решения задачи-модели (2 балла), т. е. перечень возможных причин девиантного поведения подростка, о котором шла речь в задаче, оказался неполон (1 балл), а иногда и не содержал ни одной реальной причины (0 баллов). Это свидетельствует о трудности «заочной» диагностики причин девиантного поведения для будущих педагогов.

Содержательный анализ гипотез, выдвинутых студентами, показал, что ознакомление с рекомендациями по корректной формулировке диагностических гипотез позволило избежать тех ошибок, которые допускают учителя при решении аналогичных задач-моделей. Так, в исследовании С.В. Вахрушева выявлено, что типичными диагностическими ошибками учителей, решающих задачи-модели без специальной подготовки, являются: отождествление диагноза с коррекцией, ограниченность диагноза симптоматическим уровнем, ограниченность мышления диагностическими стереотипами [4].

Нашим испытуемым таких ошибок практически удалось избежать: только одна студентка допустила отождествление диагноза с коррекцией (экспериментальная группа), и в контрольной группе три студента предлагали среди прочих гипотез симптомы отклонений в поведении вместо их причин. Эпизодически в ответах студентов фигурировали социальные, демографические и бытовые факторы – в экспериментальной группе они упоминались три раза, в контрольной – пять раз. Такие ответы мы расценивали как неудачные, поскольку эти особенности семьи подростка могут лишь повышать вероятность возникновения девиантного поведения, но не определяют его непосредственно, и, следовательно, не могут выступать в качестве перспективных мишеней для коррекционной работы.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие **выводы**.

1. Формирование у студентов педагогического вуза логики диагностического поиска, описанной в теории постановки психологического диагноза, позволяет мобилизовать психологические и педагогические знания студентов для выявления причин докриминального девиантного поведения подростков, что необходимо для успешной работы по профилактике и коррекции отклоняющегося поведения учащихся.

2. Особое внимание при формировании у будущих учителей способности выявлять причины девиантного поведения подростков следует уделить становлению ключевого диагностического умения – выдвигать гипотезы о психологических причинах неблагополучия учащихся.

3. Помимо ознакомления студентов-педагогов с требованиями к диагностическим гипотезам следует специально отработать умение выдвигать корректные гипотезы, что достоверно повышает качество решения задач, моделирующих типичные для школьной практики задачи выявления причин докриминального отклоняющегося поведения подростков.

4. Предложенные и апробированные нами упражнения для студентов педагогического вуза позволяют значительно уменьшить число ошибок, свойственных деятельности учителей по определению причин нарушений поведения школьников.

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2007. 688с.
2. Ануфриев А.Ф. Психологический диагноз: система основных понятий. М.: Ось-89, 2006. 192 с.
3. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. М.: Ред.-издат. центр Консорциума «Социальное здоровье России», 1994. 236 с.
4. Вахрушев С.В. Психодиагностика учителем трудностей в обучении младших школьников: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1996. 161 с.
5. Костромина С.Н. Исследование процесса решения диагностических задач практическим психологом при работе с младшими школьниками: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 20 с.
6. Поливанова К.Н. Практики развития: взросление в современном мире (Доклад) [Электронный ресурс] // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». URL: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56295.shtml> (дата обращения: 20.05.2014).
7. Пучкова Е.Б. Особенности решения психодиагностических задач учителями с различным уровнем коммуникативной компетентности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 21 с.
8. Хломов К.Д. Подросток на перекрестке жизненных дорог: социализация, анализ факторов изменения среды развития [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml> (дата обращения: 23.05.2014).

Formation of the Ability to Identify the Causes of Deviant Behavior among Adolescents in Students of Pedagogical High School

Busarova O.R.,

PhD (Psychology), Assistant Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, olga-bus0@yandex.ru

The aim of the presented research was the development and testing of special exercises for the formation of skills to competently determine the causes of deviant behavior among adolescents during psychology classes in students of pedagogical high school. The study involved 23 students of 2nd grade at Moscow State Pedagogical University. Methodological basis for students training were the results of studies carried out in line with the concept of psychological diagnosis by A.F. Anufriev. The focus of the proposed exercises is the diagnostic hypotheses production, because in previous studies it was noted that this step of the diagnostic search is of the greatest difficulty for teachers. The efficiency of the developed exercises was evaluated by the quality of the

problems solution proposed by the students to assess the causes of deviant behavior of middle school students. According to the study, we concluded that the exercises proposed to pedagogical high school students increase quality of solving problems and can significantly reduce the number of errors inherent in the activities of teachers to determine the causes of the behavior of students.

Keywords: deviant behavior, teens, causes of deviant behavior, psychological training of teachers.

References

1. Anastazi A., Urbina S. *Psikhologicheskoe testirovanie [Psychological Testing]*. St. Petersburg: Piter, 2007. 688p.
2. Anufriev A.F. *Psikhologicheskii diagnoz: sistema osnovnykh ponatii [Psychological diagnosis: a system of basic concepts]*. Moscow: Os'-89, 2006. 192 p.
3. Belicheva S.A. *Osnovy preventivnoi psikhologii [Basics of Preventive Psychology]*. Moscow: Redakcionno-izdatel'skii centr Konsorciuma "Social'noe zdorov'e Rossii", 1994. 236 p.
4. Vahrushev S.V. *Psihodiagnostika uchitelem trudnosti v obuchenii mladshih shkol'nikov. Dis. kand. psikhol. nauk [Psychodiagnosics teacher learning difficulties younger students. Ph. D. (Psychology) diss.]*. Moscow, 1996. 161 p.
5. Kostromina S.N. *Issledovanie processa resheniya diagnosticheskikh zadach prakticheskim psihologom pri rabote s mladshimi shkol'nikami. Avtoreferat dis. kand. psikhol. nauk [Study of the process diagnostics problems solving practical psychologist working with younger students. Ph. D. (Psychology) Thesis]*. Moscow, 1997. 20 p.
6. Polivanova K.N. *Praktiki razvitiya: vzroslenie v sovremennom mire [Development practices: growing up in today's world] Materialy nauchno-ekspertnogo seminar "Novoe detstvo" [Proceedings of the Expert Workshop "New Childhood"]*. Available at: URL: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56295.shtml> (accessed 20.05.2014).
7. Puchkova E.B. *Osobennosti resheniya psihodiagnosticheskikh zadach uchiteliami s razlichnym urovnem kommunikativnoi kompetentnosti Avtoreferat dis.kand. psihol. nauk [Features solutions psychodiagnostical tasks teachers with different levels of communicative competence. Ph. D. (Psychology) Thesis]*. Moscow, 1999. 21 p.
8. Hlomov K.D. *Podrostok na perekrestke zhiznennykh dorog: socializaciya, analiz faktorov izmeneniya sredi razvitiya [Elektronnyi resurs] [Teenager at the life crossroads: socialization, analysis of the factors of developmental environment change]*. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2014, no.1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml> (Accessed 23.05.2014).

Медиация в системе образования: обзор опыта разных стран

Коновалов А.Ю.,

научный сотрудник лаборатории ювенальных технологий, ГБОУ ВПО МГППУ,
Москва, Россия

Konovalov-A@yandex.ru

В различных странах формируются программы школьной медиации, по-разному отвечающие на следующие вопросы: должна ли школьная медиация становиться профессией или это дополнительный навык, нужный педагогам и администрации? должна ли в школах реализовываться какая-то определенная модель медиации или важно, чтобы школа выбирала для себя подходящую модель? медиаторы в школе больше сосредотачиваются на решении конфликта или на воспитательных эффектах медиации? должна ли школьная медиация внедряться массово или она должна быть в школах, проявляющих сильную заинтересованность? в чем различие классической медиации и восстановительных практик? Распространяя в России модель Школьной службы примирения, необходимо учитывать международный опыт, положительные и негативные стороны разных программ медиации и восстановительных практик в школе. В статье рассматриваются разные формы организации медиации в системе образования разных стран, выделяются спорные точки и направления развития медиации в системе образования. Дается краткая информация о восстановительных практиках в системе образования в России, приводятся данные о числе школьных и территориальных служб примирения, работающих в рамках модели восстановительной медиации, о проводимых ими программах, количестве медиаторов и участников и т. д.

Ключевые слова: Школьные службы примирения, медиация, восстановительные практики, школьная медиация, восстановительное правосудие.

Для цитаты:

Коновалов А.Ю. Модели работы с конфликтами на основе восстановительной медиации в системе образования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Konovalov.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Konovalov A.Y. Mediation in the education system: a review of the experience of different countries [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Konovalov.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

В России более 12 лет развивается медиация в образовательной сфере в форме Школьных служб примирения [9]. Модель Школьной службы примирения разработана и совершенствуется межрегиональным общественным центром «Судебно-правовая реформа».

Особенности данной модели заключаются в следующем.

1. Ее деятельность основана на парадигме восстановительного правосудия [8] или восстановительной медиации [13], в центре внимания которой – ответственность обидчика перед жертвой, состоящая в заглаживании им самим причиненного жертве вреда и восстановлении разрушенных отношений. Также важно, чтобы конфликтующие стороны

перестали видеть друг в друге врага и поняли, как видит ситуацию противоположная сторона.

2. В Школьную службу примирения входят учащиеся, поскольку часть происходящих в образовательном учреждении конфликтов скрыта от взрослых, и помочь решить их могут только сверстники.

3. В соответствии со Стандартами восстановительной медиации, Школьная служба примирения может не только использовать восстановительную медиацию, но и привлекать школьное сообщество для урегулирования конфликтов в виде других восстановительных программ «Круг поддержки сообщества» и «Школьная восстановительная конференция».

4. В работе Школьной службы примирения большое внимание уделяется воспитательному результату. Этот результат может выразиться в осознании участниками конфликта произошедшего события и последствий, в принятии на себя ответственности за исправление последствий случившегося, в обсуждении вопроса, что нужно сделать, чтобы подобное больше не повторилось.

5. Школьная служба взаимодействует с территориальной службой примирения и/или региональной ассоциацией восстановительной медиации.

6. Школьная служба примирения стремится распространить свои идеи и принципы, популяризирует их педагогам, ученикам и их родителям, проводит просветительские и обучающие мероприятия [9].

Первая медиация школьниками-медиаторами была проведена 16 декабря 2002 г. в школе № 464 г. Москвы. Эту дату можно считать началом деятельности Школьных служб примирения в России

По данным ежегодного мониторинга [15], проводимого Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации, на начало 2013 г. в 15 территориях уже действовали 748 школьных и 77 территориальных служб примирения. За 2012 г. ими в ходе проведения различных восстановительных программ было разрешено около 5 тыс. конфликтных и криминальных ситуаций, в которых участвовали более 17 тыс. человек, находящихся в конфликте. В 2013 г. мониторинг проводился только по 284 школьным службам примирения, взаимодействующим с Ассоциацией восстановительной медиации, ими за 2013 г. были проведены 1698 восстановительных программы, в которых приняли участие 6637 человек.

Важность создания школьных служб примирения и развития восстановительного подхода отмечается в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [16]. Это дает административную поддержку процессу развития служб примирения в России.

Для того чтобы обсуждать дальнейшее развитие Школьных служб примирения в России, необходимо знать, какие модели школьной медиации существуют в других странах, на чем делаются акценты в разных моделях школьной медиации, какие дискуссии в этой области ведутся.

Мы выделили четыре вопроса, вокруг которых разворачиваются основные дискуссии:

• Школьная медиация должна быть деятельностью высокопрофессиональных специалистов или это навык, которым должен владеть каждый, чтобы помогать решать конфликты своему ближайшему окружению?

• На какой модели медиации строить работу Школьных служб примирения в России (какая модель является наиболее адекватной)?

• Основной акцент школьная медиация должна делать на разрешении конфликта или на воспитании и не повторении подобного в будущем?

· В урегулировании конфликтов через медиацию должен участвовать один медиатор или в этот процесс должна быть вовлечена вся школа?

Школьная медиация кроме России существует во многих странах мира: Австралии, Канаде, Новой Зеландии, США, Великобритании, Шотландии и Северной Ирландии, Италии, Румынии, Польше, Испании, Турции, Германии, Южной Африке, Украине, Финляндии, Норвегии, Дании, Швеции и других. Посмотрим, как в разных странах отвечают на сформулированные выше вопросы и какие формы организации школьной медиации там осуществляются.

Общинная или профессиональная медиация?

Анализируя имеющуюся информацию о школьной медиации в других странах, можно сделать вывод, что некоторые модели школьной медиации имеют своей исходной точкой «соседскую» медиацию (и строятся на работе волонтеров, общественных организаций, членов сообщества), а другие – профессиональные психологические и конфликтологические практики. Оба этих направления интересны, они взаимно дополняют друг друга, но у них есть отличия в представлениях о результатах медиации и средствах работы медиатора.

Общинная медиация находится в русле идеи о минимизации влияния специалистов-профессионалов, чья деятельность в значительной степени снижает способность людей самостоятельно решать возникающие проблемы. Эти вопросы обсуждаются в работах норвежского криминолога Нильса Кристи [11], Ивана Иллича [5] и других.

Например, в США из «соседской» медиации создались многие модели «общинной» школьной медиации. Так, это направление поддерживает существующая с 1984 г. американская Ассоциация школьной медиации. Вот что говорит о ней в своих книгах [25; 26] ее руководитель Ричард Коэн:

«Люди, стоявшие у истоков соседской (community) медиации, утверждали, что медиация является более эффективным процессом для разрешения широкого круга конфликтов, чем судебное разбирательство, особенно если стороны до этого поддерживали длительные отношения друг с другом. В типичной программе соседской медиации соседи-волонтеры обучались медиировать споры, возникающие в общине: между соседями, членами семьи, землевладельцами и арендаторами, потребителями и торговцами, друзьями и мелкими бизнесменами. Успех первых программ медиации был впечатляющим. На подавляющем большинстве сессий медиации сторонам удавалось вырабатывать соглашения, эффективно разрешавшие их конфликты. Стороны сообщали о высоком уровне удовлетворения процессом, и часто в результате участия в медиации их отношения если не улучшались, то сохранялись» [25].

«В начале 1980-х гг. определенное число программ “соседской” медиации попыталось повторить свой успех в школах, обучая учащихся медиировать конфликты своих ровесников. Это движение в школы было основано на четырех предположениях:

1. Что конфликт является нормальной частью жизни, которую можно использовать как возможность для учебного и личностного роста школьников.

2. Что поскольку конфликт неизбежен, обучение навыкам разрешения конфликтов представляется важным с “образовательной” точки зрения и существенным для долгосрочного успеха молодых людей, таким же, как изучение геометрии или истории.

3. Что в большинстве случаев школьники могут разрешить свои конфликты с помощью других школьников так же эффективно, как и с помощью взрослых.

4. Что поощрение конфликтующих учащихся разрешать конфликты путем сотрудничества обычно является более эффективным методом предотвращения будущих конфликтов (и развития ответственности школьников), чем административные наказания за прошлые поступки» [25].

Центр «Рока» (в переводе с испанского – «скала») в пригороде Бостона, Массачусетс, содействует развитию многонациональной общины. Сотрудники центра используют Круги примирения в тех случаях, когда подростки, бездомные молодые люди и участники молодежных банд обращаются к ним за помощью [17]. Подобные «конфликтные» Круги занимаются разнообразными проблемами, с которыми сталкиваются молодые люди, начиная от драк среди молодежи и напряженных отношений подростков с родителями до постоянных враждебных стычек между молодежными бандами. Круги организует и проводит Хранитель Круга вместе с командой волонтеров.

«Лучшими хранителями являются те, чья работа почти не заметна. Они создают возможность для принятия полномочий другими, включая их в выполнение различных функций Круга. ... Справедливость, честность, владение навыками управления эмоционально нагруженными диалогами, знание общины, сочувствие, внимание к другому и терпение – все эти качества необходимы. Но, прежде всего, хранители должны понимать ценности, принципы и методы работы Кругов примирения. Как сказал один хранитель: «Я не работаю в Круге, я стараюсь проживать там мою жизнь» [17, с. 87].

В школах США существует и профессиональная медиация. Вот требования Стандартов к взрослому профессиональному медиатору в проекте *медиации ровесников* в школах США.

«Практик-профессионал должен:

- 1) обладать всеми знаниями и навыками координатора программы;
- 2) пройти общий подготовительный курс медиации для взрослых;
- 3) наблюдать или принимать участие в качестве медиатора не менее чем в пяти случаях разрешения конфликтов взрослых людей с помощью медиации;
- 4) иметь не менее двух лет опыта в качестве эффективного тренера и работать с программами медиации ровесников не менее пяти лет;
- 5) продолжать получать дополнительную подготовку в сфере медиации ровесников, разрешения конфликтов или медиации взрослых;
- 6) взаимодействовать с другими тренерами программ по разрешению конфликтов и профессионалами;
- 7) обеспечить тренерам и координаторам программы доступ к дополнительной информации и ресурсам по таким проблемам, как: предотвращение издевательств; образование в сфере разрешения конфликтов; теория разрешения конфликтов; динамика управления классом; сбор средств; ведение переговоров и фасилитация; разрешение споров через Интернет; миролюбивое образование; методика и навыки решения проблем;
- 8) обладать глубокими экспертными знаниями в сфере медиации, медиации ровесников, разрешения конфликтов, моделей профессионального роста и/или специального межкультурного образования;
- 9) располагать собственными методическими материалами, презентациями, подготовленными для различных конференций, и программами практических занятий, связанными с подготовкой эффективных программ медиации ровесников и координацией программ школьной медиации;
- 10) демонстрировать понимание систематического процесса подготовки и оценки медиаторов-ровесников, координаторов программы и наставников тренеров;
- 11) уметь осуществлять текущие мониторинг и оценку программ школьной медиации» [35].

Мы видим, что требования к профессиональному медиатору, развивающему медиацию ровесников в школе достаточно высоки. Однако обратим внимание, что они относятся

именно к деятельности медиатора, и не включают в себя юридические, педагогически, психологические и иные знания и навыки.

Некоторые медиаторы Австралии и Новой Зеландии большое внимание уделяют развитию восстановительной культуры и работе с сообществом школы. Работы некоторых авторов имеют религиозные аспекты, и деятельность взрослого медиатора является продолжением его религиозного становления [12].

Общинные формы медиации более развиты в тех странах, где сохранились традиции коренных народов (индейцев в Америке, племен Маори в Новой Зеландии). Эти традиции заключаются в участии общин в решении проблем, возникающих у каждого из их членов.

В противоположность этому Европейские страны в большей степени обращаются за решением конфликтов к специалистам (адвокатам, судьям, психологам), что формирует соответствующую ориентацию их медиации.

Практика Школьных служб примирения в нашей стране относится скорее к общественному (в образовательной и социальной сфере общин нет, но есть сообщества) типу и развивается активистами и организациями с ориентацией на профессиональные сообщества. Во время обучения мы больше говорим о конструктивном взаимодействии в школьном сообществе, поддержке, позитивных взаимосвязях, ответственности и т. п. С нашей точки зрения, медиатор в российской школе должен быть не узкоспециализированным специалистом-конфликтологом, а скорее человеком, поддерживающим принципы и ценности восстановительной медиации, учитывающим воспитательное воздействие школьной медиации.

Классическая или восстановительная медиация?

Еще одно различие моделей школьной медиации можно выделить между восстановительными практиками (пришедшими из идей и принципов восстановительного правосудия) и классической медиацией (медиацией интересов). В классической модели медиации обсуждается переход от позиций к «подлинным» интересам человека и выработка в процессе «мозгового штурма» взаимовыгодного решения [7]. Но при этом не делается акцента на восстановлении отношений и важности понимания ситуации оппонента. Это желаемый, но не обязательный результат, поскольку договориться о взаимовыгодном решении можно и без примирения, взаимопонимания, раскаяния и прощения.

В восстановительной медиации (восстановительных практиках) основной акцент делается на осознании и исправлении обидчиком причиненного жертве вреда, на прекращении вражды, восстановлении взаимопонимания и разрушенных отношений [4].

Об этом говорится, в частности, в статье шотландских авторов «Различия между медиацией и восстановительным правосудием/практикой».

Во-первых, они различают понятия «конфликт» и «причинение вреда». Взяв за основу словарное определение конфликта, они указывают, что «...один человек может причинить другому довольно серьезный вред, и при этом между ними не будет никакого спора или конфликта. Рассмотрим следующую ситуацию, когда у пострадавшего своровали DVD плеер, тот, кто своровал, не будет говорить, что между ним и пострадавшим имеются серьезные разногласия по поводу того, кому принадлежит данный плеер. Обе стороны согласятся с тем, кому принадлежит эта вещь, а также с тем, что плеер не является подарком и не был передан в свободное пользование, а также с тем, что данный плеер был взят без разрешения пострадавшей стороны. Но, тем не менее, налицо тот факт, что одна сторона причинила вред другой стороне» [24].

Существуют также нарративная [20] и трансформативная модели медиации [2].

Примером применения классической модели медиации интересов в образовании могут служить проекты Польского центра медиации [34].

В школьной медиации Великобритании используют разные модели. Часть из них уделяет большое внимание освоению коммуникативных навыков и использует классическую модель медиации. Например, в сборнике «Медиация работает!» под редакцией Мариам Лейбманн [33] приводятся восемь трехчасовых тренинговых сессий со школьниками, направленных на понимание ими причин конфликтов и способов их урегулирования. Другие модели основываются на идеях восстановительного правосудия, в частности изложенных в книге Белинды Хопкинз [30], а также в обзорной информации в сборнике Marian Liebmann [32].

На Украине школьная медиация организуется Украинским центром согласия (Роман Коваль, Ukrainian Centre for Common Ground) как программа профилактики правонарушений. Службы примирения создаются в соответствии с приказом «О преодолении преступности среди несовершеннолетних и организации профилактической работы» Министерства образования и науки Украины. Модель Школьной Службы Понимания (Шкільної Служби Порозуміння) сформировалась как подход к созданию безопасной среды в учебных заведениях Украины в течение 2006–2010 гг. [23] Первые прецеденты создания служб медиации в школах были в Одессе в 2001 г. В результате пилотного проекта «Стратегия милиции относительно профилактики подростковой преступности в Украине» была разработана региональная трехуровневая модель профилактики подростковой преступности, предложенная Департаментом криминальной милиции по делам детей Министерства внутренних дел Украины для внедрения.

Школьники проводят медиацию и Круги примирения на классных часах. Интересно, что они применяют и восстановительную, и классическую модели медиации. Автор статьи знает также о развитии школьной медиации в Латвии (в 2006–2007 гг.), Белоруссии, Молдове. Однако о дальнейшем распространении опыта пилотных проектов автору ничего не известно.

Обратим внимание на уже упоминавшиеся «Рекомендуемые стандарты к программам медиации ровесников...»: «В рамках программы подготовка студентов проходит в одном из следующих стилей медиации: разрешение проблем/фасилитация, трансформативная медиация, социальная справедливость или нарративный подход. Медиация ровесников может быть частью программы восстановительного правосудия» [35].

На наш взгляд, для образовательных учреждений в России лучше подходит восстановительная модель медиации, направленная на повышение ответственности, осознание, поддержку сообщества и восстановление взаимосвязей между людьми.

Акцент на решении конфликтов или на воспитании?

В одних моделях школьной медиации делается акцент на решении различных конфликтов. В этих моделях школьники привлекаются к участию в разрешении конфликтов в меньшей степени (в образовательном учреждении работает взрослый медиатор по довольно сложным конфликтам), например работа с буллингом, как в Conflict Resolution Unlimited Institute [27]. В некоторых моделях школьной медиации в ФРГ участие школьников в качестве медиаторов стараются ограничить (хотя полностью не исключают) [6; 21; 22].

В других моделях важным является воспитательный аспект, а конфликт и медиация используются скорее как средство для воспитания учащихся.

В Финляндии в некоторых школах медиация включена в воспитательную работу в виде программ повышения ответственности у школьников и рассматривается скорее как воспитательная работа [18]. Примером может служить шестишаговая программа «Ступени ответственности». Основная мысль, содержащаяся в «Ступенях ответственности»: ответственность за себя и других становится частью самосознания, которое дает возможность продвижения в совместной работе. Детский проступок можно рассматривать как возможность обучения ребенка брать ответственность на себя. Программа «Ступени

ответственности» предлагает альтернативу наказаниям, которые могут лишь вызвать негативную реакцию, разобщить детей, воспитать у них чувство ложного геройства [29].

Один медиатор или вовлечена вся школа?

В некоторых школах России медиаторами работают только взрослые, привлекая одного-двух старшеклассников и решая довольно сложные конфликты в том числе между взрослыми. Но без более активного участия школьников эта работа выглядит неполной. Особенно если учесть, что усиление или ослабление конфликта среди подростков очень часто зависит от реакции окружающих сверстников: будут они провоцировать эскалацию конфликта и взаимную неприязнь или будут помогать сгладить сильные негативные эмоции и выйти из конфликта. Одному медиатору сложно изменить установки педагогов и администрации, есть риск, что медиатора будут вынуждать изменять свою позицию, например, требовать защищать интересы школы или заниматься «исправлением» неподобающего поведения школьников. Поэтому наиболее интересны программы, которые постепенно вовлекают в медиативные и/или восстановительные практики все сообщество школы, включая сотрудников.

Обратим внимание на требования к специалисту, организующему проект по медиации в образовательном учреждении (координатор), сформулированному в Ассоциации по урегулированию конфликтов (ACR). Ассоциация представляет более 6 тыс. медиаторов, третейских судей, посредников и преподавателей. Она разработала «Рекомендуемые стандарты к программам медиации ровесников, реализуемым в рамках средних образовательных учебных заведений». Непосредственно к проведению медиации имеют отношение 1-й и 2-й пункты, остальные относятся к встраиванию программы в образовательное учреждение, приданию ей устойчивости.

«К концу предварительной подготовки (обучения) координатор проекта медиации в образовательном учреждении должен уметь:

- 1) участвовать в процессе разрешения конфликтов в качестве медиатора, пройдя специальную подготовку для учеников или взрослых;
- 2) выдерживать рекомендуемые для школьной медиации ровесников стандарты;
- 3) участвовать в создании и поддержке проекта по медиации в образовательном учреждении;
- 4) распределять время, необходимое для функционирования проекта;
- 5) добиваться поддержки со стороны администрации школы, учительского состава, учеников и их родителей;
- 6) отстаивать, доказывать и разъяснять положительные стороны медиации;
- 7) сформулировать цели проекта по медиации;
- 8) быть осведомленным о наиболее типичных предрассудках, культурном разнообразии и необходимости ликвидации стереотипов;
- 9) выработать новые или поддержать имеющиеся правила, процедуры и формы;
- 10) вести необходимые записи;
- 11) осуществлять отбор и вовлечение учеников в проект по медиации;
- 12) руководить работой медиаторов в целом и анализировать конкретные ситуации;
- 13) популяризировать проект по медиации;
- 14) побудить учеников принимать участие в координации проекта медиации;
- 15) владеть информацией о различных моделях медиации, чтобы максимально адаптировать программу к нуждам конкретной школы;

16) объяснить роль медиации как части комплексной программы по предотвращению насилия и улучшению школьного климата;

17) генерировать идеи для устойчивого и успешного развития проекта по медиации;

18) проконтролировать осуществление оценки потребностей;

19) получить доступ к ресурсам, услугам и дополнительному обучению для поддержки проекта по медиации» [35].

Еще более интересной представляется программа «Института восстановительных практик» [31] (Вифлием, Пенсильвания, США), в ходе которой практически все педагоги, учащиеся и администрация обучаются различным восстановительным практикам – не только медиации, но и Кругам сообщества, восстановительным формам коммуникации, работой с чувством стыда и т. д.

Образовательная программа состоит из одиннадцати «блоков» (элементов):

- коммуникативная грамотность;
- специально составленные вопросы;
- школьные восстановительные конференции – встреча всех участников инцидента, часто включая друзей и семьи всех сторон, вместе с обученным посредником, который не был вовлечен в инцидент, с соблюдением структурированного протокола встречи;

• Круги примирения;

• медиация;

• семейные восстановительные конференции, работа с чувством стыда у обидчика [31]

и т. д.

Для внедрения в педагогическом коллективе администратор организует команды педагогов, регулярно использующих восстановительные практики. Обычно это группы по 8–12 человек, которые собираются на 40 мин. один раз в месяц. Предварительно Институтом проводится двух-трехдневное обучение, а также супервизии и консультирование (в том числе по Интернету) на ежемесячных встречах. Но большая часть встреч проводится силами самой школы, когда каждый сотрудник занимается одним из блоков, развивает его и докладывает о нем. Также школа получает комплект книг и методических материалов.

Образовательная программа охватывает два года. В ходе нее весь коллектив школы получает образование и осваивает восстановительные практики. При этом Институт восстановительных практик является одновременно и академическим вузом, дающим возможность получить научную степень в области восстановительных практик.

Заключение

Как видно из приведенного обзора, в мире существует большое разнообразие моделей и программ медиации в образовательной сфере. Разрабатываемая в России модель работы медиатора в виде Школьной службы примирения получила широкое распространение, что во многом подтверждает ее работоспособность. Восстановительная медиация (включающая идеи восстановительного правосудия) как концептуальная основа Школьных служб примирения актуальна в России, поскольку обвинение, агрессия и наказание являются часто применяемыми формами реагирования на конфликты. Также хочется подчеркнуть воспитательное воздействие восстановительной медиации, важное для образовательных учреждений и для работы с детьми в трудной жизненной ситуации. На наш взгляд, медиация (медиативный подход) это скорее навык, который полезно освоить каждому, и на пути к его освоению у желающих не должно быть серьезных препятствий.

В образовательной сфере в работе с конфликтами и криминальными ситуациями нам кажется наиболее подходящим восстановительный подход, поскольку он позволяет формировать сообщество и возвращать людям способность к пониманию и решению конфликтов. Основной акцент при работе со школьными конфликтами делается более на воспитании и на позитивном будущем участников конфликта, чем на самом предмете спора. В урегулирование конфликтов через медиацию и восстановительные практики лучше вовлекать школьников, специалистов и педагогов школы. Без команды единомышленников удержать принципы восстановительной медиации довольно трудно, и эта сложность возникает не только в России.

И в завершении: важно изучать традиции примирения народов, живущих на территории России, и формировать медиативную и восстановительную практику с учетом сохранившихся традиций и культуры нашего народа.

Литература

1. *Брейтуэйт Д.* Преступление, стыд и воссоединение / Пер. с англ. Н.Д. Хариковой; под общ. ред. М.Г. Флямера; комм. Я.И. Гилинского. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 310 с.
2. *Буш Р.А., Фолджер Д.П.* Что может медиация. Трансформативный подход к конфликту: Пер. с англ. Киев: Издатель Захарченко В.А., 2007. 264 с.
3. *Бэйзмор Г.* Три парадигмы ювенальной юстиции // Восстановительная ювенальная юстиция: Сб. статей / Сост. А.Ю. Коновалов. М.: МОО «Судебно-правовая реформа», 2007. 196 с.
4. *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ./Общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 324 с.
5. *Иллич И.* Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир (фрагменты работ разных лет) / Под ред. Т. Шанина. М.: Просвещение, 2006. 249 с.
6. *Каппахер К.* Медиация в группе равных / Пер. с нем. Г. Похмелкиной // Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / Сост. Г. Мета и Г. Похмелкина. М.: «VERTE», 2004. С. 123–126.
7. *Карнозова Л.М.* Медиативный метод: классическая и восстановительная медиация // Вестник восстановительной юстиции. 2013. Вып. 10. Вызовы и стратегии. С. 6–18.
8. *Карнозова Л.М.* Программы восстановительного правосудия с несовершеннолетними правонарушителями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: www.psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56611.shtml (дата обращения: 01.06.2014).
9. *Коновалов А.Ю.* Школьная служба примирения и работа медиатора в конфликте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: www.psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56612.shtml (дата обращения: 01.06.2014).
10. *Коновалов А.Ю.* Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 253 с.
11. *Кристи Н.* Конфликты как собственность // Восстановительная ювенальная юстиция: Сб. статей / Сост. А.Ю. Коновалов. М.: МОО «Судебно-правовая реформа», 2007. 196 с.
12. *Кронин-Лэмп К., Кронин-Лэмп Р.* Развитие восстановительной культуры школы: слияние личного и профессионального «пути паломника» [Электронный ресурс] // URL: www.narrlibrus.wordpress.com/2010/05/13/k-lamp1 (дата обращения: 01.06.2014).
13. *Максудов Р.Р.* Базовые элементы концепции восстановительной медиации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: www.psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56613.shtml (дата обращения: 01.06.2014).
14. *МакЭлри Ф.* Конфликты в школах. Решение «Выигрыш-выигрыш» // Вестник восстановительной юстиции. 2004. № 4. Восстановительное правосудие в школах. С. 32–41.

15. Мониторинг восстановительных практик // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 11. Развитие служб примирения в России. М.: МОО «Судебно-правовая реформа», 2014. С. 136–178.
16. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы [Электронный ресурс]// URL: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 26.08.2014).
17. *Прайнис К., Стюарт Б., Уэйдж У.* Круги примирения: от преступления к сообществу / Пер. с англ. Н.С. Силкиной; под ред. Р.Р. Максудова, Л.М. Карнозовой, Н.В. Путинцевой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2010. 238 с.
18. Служба примирения в Финляндии [Электронный ресурс]// URL: www.sovittelu.fi/index.php/ru (дата обращения 26.08.2014).
19. Стандарты восстановительной медиации// Вестник восстановительной юстиции. 2010. Вып. 7. Концепция и практика восстановительной медиации. М.: МОО «Судебно-правовая реформа». С. 139–145.
20. *Уинслед Д., Монк Дж.* Нарративная медиация. Новый подход к разрешению конфликтов/ Пер. с англ. Д.А. Кутузовой; под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2009. 348 с.
21. *Хёрндлер Х.* Конфликты в классе // Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями/ Сост. Г. Мета и Г. Похмелкина; пер. с нем. Г. Похмелкиной. М.: «VERTE», 2004. С. 127–134.
22. *Хофер С., Эдер К.* Заодно, а не друг против друга // Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями/ Сост. Г. Мета и Г. Похмелкина; пер. с нем. Г. Похмелкиной. М.: «VERTE», 2004. С. 135–248.
23. Школьная служба разрешения конфликтов. Опыт создания. Жмеринка: ОО «Инициатива», 2008. 62 с.
24. *Brookes D., McDonough I.* The Differences between Mediation and Restorative Justice: Practice [Электронный ресурс]// URL: www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2014/07/MedvsRJ-P1.pdf (дата обращения 26.08.2014).
25. *Cohen R.* Students Resolving Conflict: Peer Mediation in Schools. USA: Good Year Books, 2005. 264 p. <http://www.schoolmediation.com/books/resolvingconflict/index.html> (дата обращения 26.08.2014).
26. *Cohen R.* The School Mediator's Field Guide. USA: School Mediation Associates, 1999. 256 p. [Электронный ресурс] //URL: <http://www.schoolmediation.com/books/fieldguide/index.html> (дата обращения 26.08.2014).
27. Conflict Resolution Unlimited Institute (USA) [Электронный ресурс]// URL: www.cruinstitute.org/ (дата обращения 26.08.2014).
28. Helsinki Brief Therapy Institute [Электронный ресурс]//URL: www.reteaming.com (дата обращения 26.08.2014).
29. *Hirvihuhta H., Ahola T., Furman B.* Reteaming. [Электронный ресурс] // URL: www.reteaming.com/ (дата обращения 26.08.2014).
30. *Hopkins B.* Just Schools A Whole School Approach to Restorative Justice. L., N. Y.: Jessica Kingsley Publishers, 2004. 108 p.
31. International Institute for Restorative Practices [Электронный ресурс]//URL: www.iirp.edu. (дата обращения 26.08.2014).
32. *Liebmann M.* Restorative Justice: How It Works. London: Jessica Kingsley Publishers. 2007 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.jkp.com/catalogue/book/9781843100744> (дата обращения 26.08.2014).
33. *Liebmann M.* Mediation Works! Bristol: Mediation UK, 1998. 241 p.
34. Mediator . Warszawa: Polskie Centrum Mediacji. 2011. № 3. 44 p.
35. Recommended Standards for School-Based Peer Mediation Programs The Association for Conflict Resolution. Association for Conflict Resolution. 2007 [Электронный ресурс] // URL: www.mediate.com/acreducation (дата обращения 26.08.2014).

Mediation in the Education System: a Review of the Experience of Different Countries

Konovalov A.Y.,

Research Assisociate, Laboratory of Juvenile Technologies, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, Konovalov-A@yandex.ru

Various countries establish school mediation programs, providing different answers to the following questions: whether the school mediation should become a profession or an additional skill required for teachers and administration? Whether some specific model or mediation should be implemented in schools, it is important that the school chose its own model? Should the mediators in the school be more focused on solving the conflicts or on the educational effects of mediation? Whether the school mediation should be introduced en masse, or only in schools showing strong interest? What is the difference of classical mediation and restorative practices? Spreading the model of "school service of reconciliation" in Russia, it is necessary to take into account international experience, both positive and negative aspects of different programs of mediation and restorative practices in school. The article deals with different forms of mediation in the educational system of different countries, highlights controversial points and the direction of development of mediation in the education system. We summarize the restoration practices in the education system in Russia, show the number of schools and regional reconciliation services, operating in the framework of restorative mediation, on their programs, the number of mediators and participants, and so on.

Keywords: school systems of reconciliation, mediation, restorative practices, school mediation, restorative justice.

References

1. Breitueit D. Prestuplenie, styd i vossoedinenie [Crime, shame and reintegration]. K Flyamer M.G. (eds.). Moscow: Publ. MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma", 2002. 310 p.
2. Bush R.A., Foldzher D.P. Chto mozhet mediatsiya. Transformativnyi podkhod k konfliktu. [The Promise of Mediation. The Transformative Approach to Conflict]. Kiev: Publ. Zakharchenko V.A., 2007. 264 p.
3. Beizmor G. Tri paradigmy yuvenal'noi yustitsii. [Three paradigms of juvenile justice]. In Konovalov A.Y. *Vosstanovitel'naya yuvenal'naya yustitsiya. Sbornik statei [Restorative juvenile justice]*. Moscow: Publ. MOO "Sudebno-pravovaya reforma", 2007. 196 p.
4. Zer H. Vosstanovitel'noe pravosudie: novyi vzglyad na prestuplenie i nakazanie. [Changing Lenses. A new focus for crime and justice]. Karnozova L.M. (eds.). Moscow: Publ. MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma", 2002. 324 p.
5. Illich I. Osvozhdenie ot shkol. Proportsional'nost' i sovremenniy mir: (fragmenty rabot raznykh let) [Deschooling Society. Proportionality and the Contemporary World]. Shanin T. (eds.). Moscow: Publ. Prosveshchenie, 2006. 249 p.
6. Kappakher K. Mediatsiya v gruppe ravnykh. [Mediation in peer group]. In Meta G. (eds.) *Mediatsiya - iskusstvo razreshat' konflikty. Znakomstvo s teoriei, metodom i professional'nymi tekhnologiyami. [Mediation - the art of resolving conflicts. Familiarity with the theory, method and professional technology]*. Moscow: Publ. "VERTE", 2004, pp. 123–126.
7. Karnozova L.M. Mediativnyi metod: klassicheskaya i vosstanovitel'naya mediatsiya. [Meditative method: classical and restorative mediation] In Karnozova L.M. (eds.) *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii. Vyzovy i strategii. Vypusk 10 [Bulletin of restorative justice. Challenges and Strategies. Issue 10]*. Moscow: Publ. MOO "Sudebno-pravovaya reforma", 2013, pp. 6–18.

8. Karnozova L.M. Programmy vosstanovitel'nogo pravosudiya s nesovershennoletnimi pravonarushitelyami [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2012, no. 4. Available at: www.psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56611.shtml (Accessed: 01.06.2014).

9. Konovalov A.Y. Shkol'nye sluzhby primireniya i vosstanovitel'naya kul'tura vzaimootnoshenii: prakticheskoe rukovodstvo. [School service of reconciliation and restorative school culture]. Karnozova L.M. (eds.). Moscow: Publ. MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma", 2012. 253 p.

10. Konovalov A.Y. Shkol'naya sluzhba primireniya i rabota mediatora v konflikte [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2012, no. 4. Available at: www.psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56612.shtml (Accessed: 01.06.2014).

11. Kristi N. Konflikty kak sobstvennost'. [Conflicts as Property]. In Konovalov A.Y. (eds.) *Vosstanovitel'naya yuvenal'naya yustitsiya [Restorative juvenile justice]*. Moscow: Publ. MOO "Sudebno-pravovaya reforma", 2007, pp. 40–58.

12. Kronin-Lemp K., Kronin-Lemp R. Razvitie vosstanovitel'noi kul'tury shkoly: sliyanie lichnogo i professional'nogo "puti palomnika" [Elektronnyi resurs] [Development of restorative school culture: the merger of personal and professional "way pilgrim"]. *O narrativnoi praktike, terapii i rabote s soobshchestvami po russki [About narrative practice, therapy and work with community has work in Russian]*. Available at: www.narrlibrus.wordpress.com/2010/05/13/k-lamp1 (Accessed: 01.06.2014).

13. Maksudov R.R. Bazovye elementy kontseptsii vosstanovitel'noi mediatsii. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2012, no. 4. Available at: www.psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56613.shtml (Accessed: 01.06.2014).

14. MakElri F. Konflikty v shkolakh. Reshenie «Vyigrysh-vyigrysh». [Conflicts in school. Win-win solution]. In Karnozova L.M. (eds.) *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii Vypusk 4 [Bulletin of restorative justice. Issue 4]*. Moscow: Publ. MOO "Sudebno-pravovaya reforma", 2004, pp. 32–41.

15. Monitoring vosstanovitel'nykh praktik [Monitoring of restorative practices] In Karnozova L.M. (eds.) *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii. Vyzovy i strategii. Vypusk 10 [Bulletin of restorative justice. Challenges and Strategies. Issue 10]*. Moscow: Publ. MOO "Sudebno-pravovaya reforma", 2013, pp. 136–152.

16. Natsional'naya strategiya deistvii v interesakh detei na 2012 - 2017 gody [National Strategy for Action for Children 2012-2017] [Elektronnyi resurs]. Informatsionno-pravovoi portal Garant. Available at: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (Accessed: 26.08.2014).

17. Prainis K, Styuart B., Uedzh U. Krugi primireniya: ot prestupleniya k soobshchestvu [Peasmaking Circles From Crime to Community]. Maksudov R.R. (eds.). Moscow: Publ. MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma", 2010. 238 p.

18. Sluzhba primireniya v Finlyandii [Elektronnyi resurs] Available at: www.sovittelu.fi/index.php/ru (Accessed: 26.08.2014).

19. Standarty vosstanovitel'noi mediatsii. [Standards restorative mediation]. In Karnozova L.M. (eds.) *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii. Kontseptsiya i praktika vosstanovitel'noi mediatsii. Vypusk 7 [Bulletin of restorative justice. The concept and practice of restorative mediation. Issue 7]*. Moscow: Publ. MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma", 2010, pp. 139–145.

20. Uinsled. D., Monk Dzh. Narrativnaya mediatsiya. Novyi podkhod k razresheniyu konfliktov. [Narrative Mediation. A New Approach to Conflict Resolution]. Karnozova L.M. (eds.). Moscow: Publ. MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma", 2009. 348 p.

21. Kherndler Kh. Konflikty v klasse [Conflicts in the classroom]. In Meta G., Pokhmelkina G. *Mediatsiya - iskusstvo razreshat' konflikty. Znakomstvu s teoriei, metodom i professional'nymi tekhnologiyami. [Mediation - the art of resolving conflicts. Familiarity with the theory, method and professional technology.]*. Moscow: Publ. "VERTE", 2004, pp. 127–134.

22. Eder K., Khofer S. Zaodno, a ne drug protiv druga [Together rather than against each other]. In Meta G., Pokhmelkina G. *Mediatsiya - iskusstvo razreshat' konflikty. Znakomstvu s teoriei, metodom i professional'nymi tekhnologiyami [Mediation - the art of resolving conflicts. Familiarity with the theory, method and professional technology]*. Moscow: Publ. "VERTE", 2004, pp. 135–148

23. Shkol'naya sluzhba razresheniya konfliktov. Opyt sozdaniya. [School service conflict resolution. Review of the experience.]. Ukraina, Zhmerinka: Publ. OO "Initsiativa", 2008. 62 p.
24. Brookes D., McDonough I. The Differences between Mediation and Restorative Justice\Practice [Electronic resource]. Available at: www.restorativejusticescotland.org.uk (Accessed: 26.08.2014).
25. Cohen R. The School mediator's field guide. USA, Massachusetts, 1999. 256 p.
26. Cohen R. Students Resolving Conflict: Peer Mediation in Schools. Publ. Good Year Books. Arisona, USA, 1995. 264 p.
27. Conflict Resolution Unlimited Institute (USA) [Electronic resource]. Available at: www.cruinstitute.org (Accessed: 26.08.2014).
28. Helsinki Brief Therapy Institute [Electronic resource]. Available at: www.reteaming.com (Accessed: 26.08.2014).
29. Hirvihuhta H., Ahola T., Furman B. Reteaming [Electronic resource]. Available at: www.reteaming.com (Accessed: 26.08.2014).
30. Hopkins B. Just Schools A Whole School Approach to Restorative Justice. Jessica Kingsley Publishers. London and New York, 2004. 108 p.
31. International Institute for restorative practices [Electronic resource] Available at: www.iirp.edu (Accessed: 26.08.2014).
32. Liebmann M. Restorative Justice How It Works [Electronic resource]. Publ. by Jessica Kingsley Publishers. USA, 2007. Available at: <http://www.jkp.com/catalogue/book/9781843100744> (Accessed: 26.08.2014).
33. Liebmann M. Mediation Works! Bristol: Publ. Mediation UK, 1998. 241 p.
34. Mediator № 3/2011. Warszawa: Polskie Centrum Mediacji [Electronic resource], 2011, Available at: www.mediator.org.pl (Accessed: 26.08.2014).
35. Recommended Standards for School-Based Peer Mediation Programs The Association for Conflict Resolution [Electronic resource], 2007, Available at: www.mediate.com/acreducation (Accessed: 26.08.2014).

Оценка эффективности судебно-психиатрической профилактики

Макушкина О.А.,

доктор медицинских наук, руководитель отдела судебно-психиатрической профилактики, ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия, makushkina@serbsky.ru

Булыгина В.Г.,

кандидат психологических наук, руководитель лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия, ver210@yandex.ru

Изложены показатели, имеющие количественные характеристики, анализ которых дает представление о силах и средствах, которыми располагают судебно-психиатрические учреждения здравоохранения. Обсуждена возможность использования существующей системы статистического наблюдения для динамической оценки качества мероприятий по первичной профилактике общественно опасных деяний и осуществлению принудительных мер медицинского характера на региональном и федеральном уровнях. Артикулированы качественные показатели процесса оказания специализированной помощи: безопасность окружения, уровень организационной культуры, подготовка и повышение уровня квалификации персонала, полнота и качество психосоциальных мероприятий, степень профилированности психообразовательной работы, качество психотерапевтического контакта и его динамика. Обсуждена проблема валидности критериев успешности реабилитационных вмешательств, которая обеспечивается за счет соблюдения методологических принципов оценки их эффективности. Предложены пути повышения эффективности деятельности региональных психиатрических служб по профилактике общественно опасных деяний, подходы к проведению экспертной оценки и мониторинга этой работы.

Ключевые слова: лица, страдающие психическими расстройствами, общественная опасность, система судебно-психиатрической профилактики, показатели оценки эффективности.

Для цитаты:

Булыгина В.Г., Макушкина О.А. Количественные и качественные показатели эффективности судебно-психиатрической профилактики [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Buligina_Makushina.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Makushkina O.A., Bulygina V.G. Evaluating the effectiveness of forensic psychiatric prevention [Elektronnyy resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Buligina_Makushina.shtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Одним из основных направлений реализуемой в настоящее время в стране «Концепции развития здравоохранения до 2020 г.» выступает достижение эффективного функционирования отрасли за счет совершенствования организационной системы, ресурсного и нормативно-правового обеспечения, подготовки квалифицированных кадров. Рассмотрение данной

проблемы применительно к деятельности психиатрической службы по профилактике общественно опасного поведения лиц, страдающих психическими расстройствами, представляется своевременным и актуальным [5; 6].

Проблема общественно опасных действий (ООД) психически больных имеет большое социальное значение. Лица с тяжелыми психическими расстройствами, исключаящими вменяемость, ежегодно совершают порядка 1 % всех зарегистрированных в Российской Федерации деяний, повлекших возбуждение уголовного дела. По своему характеру ООД психически больных отличаются от преступлений, совершенных психически здоровыми лицами, в основном за счет более высокой доли наиболее тяжких деяний, связанных с физической агрессией. В силу специфики генеза их профилактика является прерогативой психиатрии [11].

Сложившийся к настоящему времени порядок предупреждения опасных действий психически больных осуществляется с помощью целой системы мер, которые условно можно разделить на меры первичной и вторичной профилактики. Первичная профилактика заключается в раннем выявлении, квалифицированном оказании специализированной помощи, в том числе в своевременной госпитализации и лечении лиц с психическими расстройствами. Центр тяжести такой профилактической работы ложится на внебольничные подразделения психиатрической службы (психоневрологические диспансеры, диспансерные отделения и кабинеты психиатров), профилактическая деятельность которых связана с обычной лечебно-реабилитационной практикой. Вторичная профилактика, т. е. предупреждение повторных ООД больных с социально опасным поведением, осуществляется путем исполнения принудительных мер медицинского характера (ПММХ), а также реализации комплекса специфических медицинских мероприятий, направленных на превенцию повторного ООД как стационарными, так и внебольничными подразделениями психиатрической службы [11].

Важная часть обеспечения эффективности и качества оказания любого вида медицинской помощи – оценка и контроль [12]. Их реализация применительно к системе судебно-психиатрической профилактики, по нашему мнению [9], возможна с использованием принятой в здравоохранении триады А. Донабедиана [16], предполагающей оценку качества структуры (ресурсов), технологии (процесса) и результата в сопоставлении со стандартами качествами этих трех параметров. Аналогичные подходы, согласно «Концепции развития здравоохранения до 2020 г.», заложены в систему управления качеством оказания медицинской помощи на государственном уровне с внедрением принципа стандартизации, выделением критериев качества.

Оценка структуры (ресурсов) может быть проведена как по отношению к медицинской организации, обеспечивающей систему мер судебно-психиатрической профилактики на определенной территории (оценка ее материально-технической базы, кадрового обеспечения, организации работы, сервисных условий), так и к каждому медицинскому работнику в отдельности с оценкой его профессиональных качеств и уровня подготовки.

Оценка технологии (процесса реализации мер, направленных на первичную и вторичную профилактику ООД психически больных) должна включать в себя анализ: соблюдения действующих в психиатрической службе Порядков, Стандартов и Протоколов ведения больных; доступности современных психофармакопрепаратов; полноты использования методов психосоциальной реабилитации при оказании специализированной помощи.

Оценка результата предполагает сопоставление фактически достигнутых и запланированных показателей деятельности по профилактике общественной опасности лиц, страдающих психическими расстройствами. К значимым критериям, позволяющим оценить результативность функционирования системы судебно-психиатрической профилактики (СПП), относятся: показатель повторности противоправных деяний, совершенных пациентами, в том числе после исполнения в отношении них ПММХ, а также длительность временного периода, в течение которого больные не совершали ООД после отмены принудитель-

ного лечения (ПЛ). Логичным представляется, что чем меньше указанный интервал, тем больше необходимость анализа качества исполнения предшествующей ПММХ, достаточности проведенной лечебно-реабилитационной работы, адекватности оценки риска потенциальной общественной опасности больного, обоснованности принятия решения об отмене ПЛ [13]. Важным для оценки качества СПП является также мнение пациентов о деятельности службы, удовлетворенность оказываемой помощью, качество их жизни [15].

В настоящее время большая часть из указанных показателей, имеющих количественные характеристики, включена в официальную статистическую отчетность, ежегодно предоставляемую органами управления здравоохранения субъектов Российской Федерации в Минздрав России. Их анализ дает представление о силах и средствах, которыми располагают учреждения здравоохранения, занимающиеся СПП, об основных направлениях этой деятельности и ее эффективности. Существующая система статистического наблюдения может быть использована для динамической оценки качества мероприятий по первичной профилактике ООД и осуществлению принудительных мер медицинского характера на региональном и федеральном уровнях.

Инструментом оценки технологического процесса функционирования системы СПП в различных регионах страны также являются социологические опросы руководителей региональных психиатрических служб и учреждений, которые позволяют получать оперативную информацию, необходимую для сравнения достижений в этой области, уровня внедрения новых технологий, направленных на улучшение качества оказываемой помощи и формирование более эффективных профилактических мероприятий и программ [7].

Однако проблему оценки эффективности и качества мер, направленных на профилактику ООД психически больных, нельзя считать решенной в полной мере, в первую очередь, из-за необходимости анализа при ее проведении комплекса так называемых качественных показателей, характеризующих сам процесс оказания специализированной помощи.

Основой эффективности системы судебно-психиатрической профилактики, как известно, является реализация биопсихосоциальной модели оказания помощи, принципа единства медикаментозных и психосоциальных мероприятий с использованием бригадных форм взаимодействия специалистов. Соответственно, необходима разработка и использование единых критериев оценки полноты такого рода работы на различных территориях и в лечебных учреждениях страны. На сегодняшний день в официальной статистической отчетности они отсутствуют.

Важным разделом системы СПП является обеспечение профилактики общественной опасности больных непосредственно при исполнении ПММХ. Так, по данным официальной статистики, количество эпизодов агрессивного поведения с нападением на персонал и других пациентов ежегодно превышает 2000, что требует особого внимания, в том числе с позиций оценки качества исполнения ПММХ в отношении больных, их совершивших. В этой связи необходимо формирование общих принципов оценки риска внутрибольничной агрессии (ВБА) лиц, находящихся на принудительном лечении в психиатрических стационарах, и критериев эффективности работы, направленной на ее профилактику.

Инциденты агрессивного поведения пациентов в стационаре целесообразно рассматривать в качестве продукта взаимодействия между несколькими переменными. Эти переменные включают в себя: характеристики больного; компоненты окружения (например, размер и наполненность больничных отделений, общее окружение); факторы взаимодействия; аспекты, связанные с персоналом (например, установки и уровень профессиональной подготовки в сфере управления агрессией) [2].

В качестве показателей **безопасности окружения** необходимо учитывать:

инфраструктуру отделения. Наличие отдельных помещений для изоляции, отделенных от других помещений и доступных для наблюдения; из этих помещений должен быть легко осуществим доступ к душевым и туалетам. Внутренний дизайн отделения должен

позволять осуществлять наблюдение (должны быть исключены «слепые зоны» для наблюдения, входы и выходы должны находиться в поле зрения персонала, выходы – быть доступными, передвигаемые предметы – обладать безопасной конструкцией, размером и весом);

продуманность единой системы мер при сигналах тревоги, а также возможность подать такой сигнал во всех помещениях, где осуществляется взаимодействие членов персонала с пациентами один на один;

условия содержания (распределение «трудных» пациентов по различным отделениям; соотношение числа пациентов в отделении и общей площади отделения, а также количества коек и персонала в отделении; качество питания, мебели, помещений для проживания и сна; наличие личного пространства, отдельных помещений для дневных занятий и просмотра телепередач; возможность принимать участие в занятиях физической культурой);

терапевтический климат.

Во многих учреждениях судебно-психиатрического профиля при совершении пациентами агрессивных действий могут предприниматься меры, которые служат целям безопасности и усиливают чувство ответственности больного за свои действия (перевод в отделение или клинику с более строгим режимом наблюдения, усиление медикаментозного лечения, изменение лечения, изоляция или лишение каких-либо привилегий).

При активном использовании подобных мер в учреждении следует обязательно оценивать показатели, отражающие **уровень организационной культуры**: наличие единых для всего учреждения критериев применения мер; разбор случаев агрессивного поведения специалистом, не участвующим в лечении данного пациента; контроль со стороны администрации учреждения; наличие единой системы учета случаев внутрибольничной агрессии [1].

Персоналу принадлежит важная роль в предотвращении или, напротив, провокации конфликтных ситуаций.

подавляющее большинство исследований, посвященных выявлению субъективных причин насильственного и агрессивного поведения среди пациентов, указывает на то, что в сознании пациентов основной причиной агрессии является поведение персонала, рассматриваемое ими как неуважительное или насильственное. При сравнении субъективных оценок пациентов и персонала, относящихся к определению триггеров агрессии, наблюдается значительное расхождение. Так, по разным данным, если пациенты не способны идентифицировать причину агрессивного поведения в 10–15 % случаев, то персонал – в 54–59 % случаев. Расхождения в оценках причин агрессивного поведения между персоналом и пациентами указывают на необходимость при оценке ситуации учитывать не только наблюдения персонала.

Проведенный в 2011–2013 гг. сравнительный анализ 144 больных шизофренией и органическим психическим расстройством (ОПР) выявил определенные различия в атрибуции причин нарушений режима в отделении, конфликтов с соседями по палате и медицинским персоналом. У больных с ОПР конфликты с медицинским персоналом в трети случаев происходили из-за волнения перед комиссией, у больных шизофренией в 36,8 % случаев – после отказа персонала в удовлетворении их просьб в грубой форме. У 40 % больных обеих нозологических групп конфликты с врачом возникали из-за того, что пациенты считали, что врач не понимает их проблемы. В два раза большее количество больных шизофренией, нежели больных с ОПР, объясняли агрессивное поведение в стационаре тем, что с ними грубо разговаривал персонал. Более половины больных ОПР и больных шизофренией мотивировали нарушение режимных требований провокационным поведением других пациентов

Наиболее важны следующие **характеристики персонала**: профессиональная подготовка, опыт работы; личностные особенности; особенности поведения; установки по отношению к пациентам; уровень испытываемого стресса [4].

В связи с актуальностью задачи предотвращения внутрибольничной агрессии среди показателей эффективной работы судебно-психиатрического учреждения должны рассматриваться *подготовка и повышение уровня квалификации работающего персонала*: обучение специальным навыкам работы с такой категорией пациентов; периодичность проведения тренингов, их соответствие задачам профилактики агрессивного поведения лиц, находящихся на принудительном лечении. Рекомендуются тренинги по распознаванию гнева, потенциальной агрессии, предвестников и факторов риска агрессивного поведения, а также по мониторингу собственного вербального и невербального поведения. Обучение также должно включать в себя методы оценки прогноза агрессии, техники деэскалации (разрешения) конфликтов и копинга с агрессивным поведением.

Следующая группа показателей – оценка **полноты и качества психосоциальных мероприятий**, в том числе тренинговой, психокоррекционной и психотерапевтической работы в рамках судебно-психиатрической профилактики.

При оценке конкретных психопрофилактических программ следует учитывать, являются ли они моно- или полиинтервенциями. Эффективные программы ориентированы одновременно на изменения в познавательной, эмоциональной и поведенческой сферах. Среди важных аспектов анализа следует отметить включение в программу социально-бытовой реабилитации и работы, направленной на повышение общеобразовательного уровня. Первая предусматривает формирование у пациентов социально-бытовой, социально-правовой и социально-средовой компетентности, развитие социально-бытовых навыков, способствующих более успешной интеграции в общество. Вторая включает в себя получение пациентом общеобразовательных знаний и знаний в интересующих его областях. Данное направление базируется на различных программах – от программы вспомогательной и начальной школы до материалов, изучаемых в вузах.

Важным критерием *профилированности психообразовательной работы* является наличие в программах не только общего блока, но и блока специализированного, освещающего, к примеру, факторы риска совершения повторного ООД.

Критерии оценки качества любых видов тренинговой, психокоррекционной, социально-педагогической и психотерапевтической работы должны включать в себя и *нацеленность*: 1) на укрепление терапевтического сотрудничества между врачами-психиатрами и пациентами в будущем (посещение психиатра в амбулаторных условиях); 2) совладание с болезнью; 3) совладание с гневом; 4) осознание пациентом его реальных нужд; 5) обучение предвидеть, понимать и рационально решать «типичные» проблемы; 6) предупреждение кризисных ситуаций, формирование навыков их самостоятельного решения (жизнь вне стен больницы); 7) привитие правильных представлений о психическом заболевании, его природе, возможных проявлениях, течении; 8) улучшение соблюдения лекарственного режима пациентом и понимание важности психосоциальных программ [3].

Учету должны подлежать и более частные показатели, такие как *соблюдение специальных принципов психокоррекционных мероприятий*. Они предполагают: системность коррекционных, профилактических и развивающих задач; единство диагностики и коррекции; коррекцию «снизу вверх» (коррекция поведения строится как подкрепление – положительное или отрицательное) уже имеющихся шаблонов поведения с целью закрепления социально желательного поведения и торможения социально неприемлемого; деятельностный принцип коррекции (основным направлением работы психологов и специалистов по социальной работе является целенаправленное формирование обобщенных способов ориентировки пациентов в различных сферах предметной деятельности, межличностных взаимодействий); практическую направленность обучения; высокую структурированность со-

держания занятий; предоставление информации небольшими информационными блоками; повторяемость изучаемого материала; чередование форм и методов подачи информации.

Наиболее трудно измеримый по результативности вид работы – психотерапия. Здесь следует оценивать *качество психотерапевтического контакта*¹. Для оценки *динамики психотерапевтического контакта* выделено несколько показателей: отсутствие динамики, положительная и отрицательная динамика [10].

Важным интегративным качественным показателем эффективности лечебно-реабилитационных мероприятий, как уже было сказано выше, является *субъективная удовлетворенность больного лечением*. Практическая значимость данного показателя обусловлена тем, что он является не только одной из характеристик результата лечения, но и фактором, влияющим на дальнейший ход течения болезни в зависимости от положительного или отрицательного влияния на комплаенс пациента после выписки [14]. В него включены: общая удовлетворенность, соответствие результатов ожиданиям, оценка действия лекарств и переносимости их побочных эффектов, оценка динамики самочувствия, включая физическое состояние, оценка динамики самооценки, своего коммуникативного и проблемно-решающего поведения в результате лечения, динамики взгляда на будущее в результате терапии, восприятие будущего.

Следует добавить, что *валидность критериев успешности реабилитационных вмешательств обеспечивается, в том числе, за счет соблюдения методологических принципов оценки их эффективности*.

Напомним эти **методологические принципы**.

- Критериями успешности тех или иных воздействий в отношении лиц, находящихся на принудительном лечении, являются: улучшение психического состояния и редуция общественной опасности, улучшение социального функционирования и повышение качества жизни больных.

- Оценка, проводимая перед началом реализации лечебно-реабилитационных программ, является обязательным и неотъемлемым звеном общего процесса оценки эффективности. Именно она дает возможность определить степень влияния вмешательств на получаемый результат.

- Выбор маркеров или критериев эффективности воздействий должен соответствовать основной, а не частной цели вмешательств или входящих в его структуру подходов. Если оценивается эффективность реабилитационных мероприятий в процессе ПЛ, то центральной задачей всех вмешательств является улучшение психического состояния и редуция общественной опасности. Соответственно в первую очередь должно оцениваться улучшение показателей, сдерживающих совершение повторных ООД, или снижение показателей, связанных с риском совершения агрессивных поступков.

- Методы, с использованием которых будет подтверждаться динамика реабилитационной работы, должны охватывать несколько сфер функционирования пациента.

- Наряду с широко распространенным использованием самоотчетов оценка эффективности лечения должна включать в себя оценку поведения. К некоторым из показателей, его характеризующих, относятся: посещение проводимых в отделении мероприятий, степень

¹ Качество оценивается на начальной стадии психотерапии начиная с 3-й – 4-й встречи, а также на завершающей стадии, т. е. после 10-й – 15-й встречи. Процедура оценки качества психотерапевтического контакта включает в себя два этапа. На первом этапе определяется наличие или отсутствие согласованности представлений врача-психотерапевта и пациента о личности последнего в начале или в конце лечения. На втором этапе существующий психотерапевтический контакт оценивается и интерпретируется в соответствии с указанными выше вариантами качества контакта.

включенности, степень внимания, понимания и применения полученных навыков вне занятий.

• Каждый пациент до начала и после завершения психообразовательных и тренинговых программ должен проходить тестовый контроль имеющихся и полученных знаний и умений².

• Для точной оценки эффективности мероприятий необходим контроль степени влияния социальной желательности на обнаруживаемые до и после их осуществления изменения показателей. В отношении определенной категории лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших агрессивные ООД, наблюдаемые изменения или данные самоотчетов могут быть обусловлены мотивацией социальной желательности демонстрируемого поведения и высказываний.

•

Резюмируя изложенное, следует сказать, что на сегодняшний день не вызывает сомнения целесообразность проведения планомерной комплексной научной проработки проблемы оценки эффективности и качества превенции общественной опасности лиц, страдающих психическими расстройствами.

Работа по предупреждению опасных действий этой категории больных нуждается в постоянном контроле и мониторинге ее эффективности со стороны главных врачей, главных психиатров субъектов РФ, в том числе с использованием предложенных критериев оценки качества системы судебно-психиатрической профилактики.

Литература

1. *Альфарнес С.А., Булыгина В.Г.* Структурно-динамические процедуры оценки риска насилия с помощью HCR-20 и V-RISK-10 // Российский психиатрический журнал. 2009. № 9. С. 12–18.
2. *Булыгина В.Г.* Измерение рисков насилия в судебной психиатрии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. № 1. URL: <http://www.psyedu.ru/journal/2011/1/2051.phtml> (дата обращения 08.09.2014).
3. *Булыгина В.Г., Кузнецов Д.А.* Учет гендерной специфики криминального поведения в судебно-психиатрической профилактике [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: <http://www.psyedu.ru/journal/2012/2/2901.phtml> (дата обращения 25/11/2011).
4. *Булыгина В.Г., Шульга А.Г., Кабанова Т.Н.* Методология и практика управления конфликтами в отношении пациентов в психиатрическом стационаре // Психическое здоровье. 2010. № 8. С. 50–55.
5. *Голдобина О.А., Трешутин В.А.* Система охраны психического здоровья и повышения эффективности психиатрической службы на региональном уровне. Новосибирск: Наука, 2005. 260 с.
6. *Голдобина О.А., Трешутин В.А., Ястребов В.С.* Система управления психиатрической службой, повышения ее эффективности на региональном уровне // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2005. Т. 105. № 10. С. 46–49.
7. *Макушкина О.А.* Эффективность деятельности учреждений, осуществляющих исполнение принудительных мер медицинского характера // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы / Под ред. В.В. Вандыша. М.: ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2014. Вып. 11. С. 138 – 146.

² В настоящее время модули «проблемно-решающего поведения» специалисты включают в общий модуль тренинга социальных навыков. В помощь тренерам созданы видеоруководства, которые представляют собой подробные инструкции по оценке изменений у пациентов, происходящих на каждом занятии.

8. *Макушкина О.А., Голланд В.Б., Яхимович Л.А.* Мониторинг и значимые показатели внебольничной профилактики общественно опасных действий психически больных в Российской Федерации // Российский психиатрический журнал. 2011. № 5. С. 4–10.
9. *Макушкина О.А., Казаковцев Б.А.* Оценка эффективности профилактики общественно опасных действий психически больных // Психическое здоровье. 2012. № 4. С. 3–11.
10. Оценка качества психотерапевтического контакта в процессе психотерапии невротических расстройств: Методические рекомендации. Санкт-Петербург, 2009 г. (Бубнова И.В., Павловский И.О., Назыров Р.К., Ремесло М.Б., Яковис А.С.) // Психическое здоровье. 2012. № 6. С. 13–18.
11. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре: Руководство для врачей / Под ред. В.П. Котова. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2009. 380 с.
12. *Солохина Т.А.* Подходы к обеспечению и оценке качества психиатрической помощи // XII Съезд психиатров России (1–4 ноября 1995 г.): Материалы съезда. М., 1995. С. 117–118.
13. Судебно-психиатрическая профилактика в Российской Федерации: Аналитический обзор / Под ред. Б.А. Казаковцева и О.А. Макушкиной. М.: ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского», 2012. 356 с.
14. Факторы, сдерживающие риск насилия. Субъективные оценки и реабилитационный потенциал: Методические рекомендации / Булыгина В.Г., Казаковцев Б.А., Макушкина О.А., Кабанова Т.Н. и др. М.: ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского», 2013. 24 с.
15. *Ястребов В.С., Солохина Т.А.* Основные положения концепции обеспечения качества психиатрической помощи // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2003. Т. 103. № 5. С. 4–10.
16. *Donabedian A.* The Seven pillars of quality // Arch Pathol. Lab. Med. 1990. Vol.114. P. 115–119.

Evaluating the Effectiveness of Forensic Psychiatric Prevention

Makushkina O.A.,

Dr. Sci. (Medicine), Director of the Department of Forensic Psychiatric Prevention, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Moscow, Russia, makushkina@serbsky.ru

Bulygina V.G.,

PhD (Psychology), Head of the Laboratory of Psychological Problems of Forensic Prevention, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Moscow, Russia, ver210@yandex.ru

We discuss the quantitative indicators, the analysis of which gives an idea of the strengths and means at the disposal of forensic health care. We discuss the possibility of using the existing statistical monitoring system for a dynamic assessment of the quality of the measures for primary prevention of socially dangerous acts and implementation of compulsory medical measures at the regional and federal levels. We emphasize the quality indicators of the process for specialized assistance: security environment, organizational culture, training and upgrading the skills of staff, completeness and quality of psychosocial interventions, the degree of profiling the psycho-educational work, the quality of psychotherapeutic contact and its dynamics. We discuss the problem of the validity of the criteria of rehabilitation interventions success by compliance with the methodological principles for the evaluation of their effectiveness. We suggest ways to improve the effectiveness of regional mental health services for the prevention of socially dangerous acts, approaches to peer review and monitoring of the work.

Keywords: people with mental disorders, public danger, system of forensic psychiatric prevention, indicators to measure performance.

References

1. Al'farnes S.A., Bulygina V.G. Strukturno-dinamicheskie protsedury otsenki riska nasiliya s pomoshch'yu HCR-20 i V-RISK-10 [Structural and dynamic risk assessment procedures violence through HCR-20 and V-RISK-10]. *Rossiiskii psikhi-atricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2009, no. 9, pp. 12–18.
2. Bulygina V.G. Izmerenie riskov nasiliya v sudebnoi psikhiatrii [Elektronnyi resurs] [Measuring risks of violence in forensic psychiatry]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2011. no. 1. Available at:<http://www.psyedu.ru/journal/2011/1/2051.phtml> (Accessed 08.09.2014). (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Bulygina V.G., Kuznecov D.A. Uchet gendernoi spetsifiki kriminal'-nogo povedeniya v sudebno-psikhiatricheskoi profilaktike [Elektronnyi resurs] [Gender-specific criminal behavior in forensic psychiatric prevention]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2012, no. 2. Available at:<http://www.psyedu.ru/journal/2012/2/2901.phtml> (Accessed 25.11.2011). (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Bulygina V.G., Shul'ga A.G., Kabanova T.N. Metodologiya i praktika upravleniya konfliktami v otnoshenii patsientov v psikhiatricheskom statsi-onare [Methodology and practice of conflict man-

agement for patients in the hospital]. *Psikhicheskoe zdorov'e [Mental Health]*, 2010, no. 8, pp. 50–55.

5. Goldobina O.A., Treshutin V.A. Sistema okhrany psikhicheskogo zdoro-v'ya i povysheniya effektivnosti psikhiatricheskoi sluzhby na regional'nom urovne. [Mental health system and improve the effectiveness of psychiatric services at the regional level]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 260 p.

6. Goldobina O.A., Treshutin V.A., Yastrebov V.S. Sistema upravleniya psikhiatricheskoi sluzhboi, povysheniya ee effektivnosti na regional'nom urovne [Psychiatric service management system, improve the performance at the regional level]. *Zhurnal nevrologii i psikhii im. S.S. Korsakova [Neurology and Psychiatry. Korsakoff's]*, 2005. Vol. 105, no. 10, pp. 46–49.

7. Makushkina O.A. Effektivnost' deyatel'nosti uchrezhdenii, osu-shchestvlyayushchikh ispolnenie prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera [Effectiveness of the institutions engaged in the execution of compulsory medical measures]. In Vandysh V.V. (ed.) *Sudebnaya psikhii. Aktual'nye problemy [Forensic psychiatry. Actual problems]*. Moscow.: FGBU "GNTs SSP im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii, 2014, pp.138–147.

8. Makushkina O.A., Golland V.B., Yakhimovich L.A. Monitoring i znachimye pokazateli vnebol'nichnoi profilaktiki obshchestvenno opasnykh deistvii psikhicheski bol'nykh v Rossiiskoi Federatsii [Monitoring and meaningful indicators of community prevention of socially dangerous actions of the mentally ill in the Russian Federation]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2011, no. 5, pp. 4–10.

9. Makushkina O.A., Kazakovtsev B.A. Otsenka effektivnosti profilaktiki obshchestvenno opasnykh deistvii psikhicheski bol'nykh [Evaluating the effectiveness of prevention of socially dangerous actions of the mentally ill]. *Psikhicheskoe zdorov'e [Mental Health]*, 2012, no. 4, pp. 3–11.

10. Bubnova I.V. (eds.) Otsenka kachestva psikhoterapevticheskogo kontakta v protsesse psiko-terapii nevroticheskikh rasstroistv [Evaluation of the quality of psychotherapeutic contact during psy-chotherapy neurotic disorders]: Metodicheskie rekomendatsii. Sankt-Peterburg, 2009 g. *Psikhicheskoe zdorov'e [Mental health]*, 2012, no. 6, pp. 13–18.

11. Kotov V.P. (ed.) Prinuditel'noe lechenie v psikhiatricheskom stacionare: Rukovodstvo dlya vrachei. [Compulsory treatment in a psychiatric hospital]. Moscow: FGBU "GNTs SSP Roszdrava", 2009. 380 p.

12. Solokhina T.A. Podkhody k obespecheniyu i otsenke kachestva psikhiatricheskoi pomoshchi [Approaches to quality assurance and evaluation of the quality of mental health care]. *Vtoroi S"ezd psikhiatrov Rossii (1–4 noyabrya 1995 g.): Materialy s"ezda (Moscow, 1–4 noyabrya 1995g.) [Proceedings of the Second Congress of Russian Psychiatrists]*. Moscow, 1995, pp. 117–118.

13. Kazakovtsev B.A. (eds.) Sudebno-psikhiatricheskaya profilaktika v Rossiiskoi Federatsii: Analiticheskii obzor [Forensic Psychiatric prevention in the Russian Federation: Analytical Review]. Moscow: FGBU "GNTs SSP im. V.P. Serbskogo", 2012, 356 p.

14. Bulygina V.G. (eds.) Faktory, sderzhivayushchie risk nasiliya. Sub"ektivnye otsenki i rehabilitatsionnyi potentsial [Constraints on the risk of violence. Subjective evaluation and rehabilitation potential]: Metodicheskie rekomendatsii. Moscow: FGBU "GNTs SSP im. V.P. Serbskogo", 2013, 24 p.

15. Yastrebov V.S., Solokhina T.A. Osnovnye polozheniya kontseptsii obespecheniya kachestva psikhiatricheskoi pomoshchi [Basic concept of providing quality mental health care]. *Zhurnal nevrologii i psikhii im. S.S. Korsakova [Journal of Neurology and Psychiatry. SS Korsakov]*, 2003. Vol. 103, no. 5, pp. 4–10.

16. Donabedian A. The Seven Pillars of Quality. *Arch Pathol. Lab. Med.*, 1990. Vol.114, pp. 115–119.

Категория возрастной незрелости в юридическом контексте

Федонкина А.А.,

младший научный сотрудник, Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, Москва, Россия, afedonkina@gmail.com

Представлены психологические и юридические подходы к понятию возрастной незрелости, определение субъекта преступления. Анализируются различия возрастных аспектов субъекта преступления в разных странах, критерии установления минимального возраста уголовной ответственности. Обсуждается проблема возможности снижения возраста уголовной ответственности в Российской Федерации с точки зрения психологической науки. Рассматриваются юридическая категория «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», и ее психологический эквивалент – «личностная незрелость». Описаны основные проблемы, возникающие при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы на предмет наличия у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. Изложены психологические подходы к понятию «личностная незрелость», описано понятие «зрелая личность».

Ключевые слова: возраст, возрастная незрелость, личностное развитие, несовершеннолетние правонарушители, отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, возраст наступления уголовной ответственности.

Для цитаты:

Федонкина А.А. Категория возрастной незрелости в юридическом контексте [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Fedonkina.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Fedonkina A.A. The category of immaturity in a legal context [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Fedonkina.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

В настоящее время в нашей стране – в обществе и на уровне законодательной власти – обсуждается возможность снижения минимального возрастного порога уголовной ответственности до 12 лет, поскольку, по мнению законодателя, подобные меры могут способствовать снижению наметившейся тенденции к росту преступности в среде несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста. Несомненно, изменение минимального возраста уголовной ответственности должно быть научно обосновано, так как без учета специфики психологии подростка сложно прогнозировать последствия подобных решений.

Могут ли подобные меры быть эффективной профилактикой совершения общественно опасных действий подростками младше 14-летнего возраста? Не приведут ли они к обратному эффекту – росту преступности в среде несовершеннолетних в силу их ранней криминализации? Ответы на эти вопросы могут быть конструктивными и обоснованными, если в их обсуждении учитывается психологический аспект.

Субъект преступления – необходимый элемент состава преступления. Одним из признаков субъекта преступления является достижение человеком предусмотренного

законодательством возраста уголовной ответственности, так как способность управлять своим поведением связана с возрастным развитием. Возраст уголовной ответственности в России и ряде зарубежных стран различается. В таком случае следует разобраться в том, что лежит в основе установления возрастных границ уголовной ответственности, все ли люди с определенного возраста могут быть ответственны за совершенные ими правонарушения? Ведь достижение человеком возраста уголовной ответственности не всегда сопровождается достаточным уровнем его личностного развития.

Развитие в подростковом возрасте отличается гетерохронностью, и проявления естественной возрастной незрелости могут быть нормальным явлением. В российском законодательстве эти обстоятельства учтены в рамках ч. 3 ст. 20 УК РФ, которая включает в себя категорию «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством». Формулировка данной статьи вызывает множество вопросов и трудностей при проведении экспертных исследований специалистами психологами и психиатрами. Существуют различные точки зрения и позиции относительно изменения формулировки статьи, но приведут ли такие изменения к более четкому пониманию критериев экспертной оценки? Рассмотрение подобных вопросов нуждается в особом внимании, так как они затрагивают дальнейшую судьбу несовершеннолетнего правонарушителя. Необходимо изучение категорий «возраст» и «возрастная незрелость» в аспекте уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних.

Субъектом преступления, согласно Уголовному Кодексу Российской Федерации, является человек, совершивший общественно опасное деяние и способный нести за него уголовную ответственность. В ст. 19 УК РФ отмечены основные признаки, которыми должен обладать субъект преступления. Этим субъектом должно быть вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста уголовной ответственности [14].

Говоря о возрасте уголовной ответственности, важно дать определение категории «возраст». В юридической литературе возраст трактуется в широком и узком смысле слова. Возраст в широком смысле – это календарный период от рождения человека до другого хронологического момента его жизни. В узком смысле в уголовном праве под возрастом понимается календарный период психофизиологического состояния человека, с которым связаны социальные и юридические изменения и последствия [2].

От юридического понятия «возраст», имеющего хронологический характер и подразумевающего четкие календарные сроки, отличается категория «возраст», или «психологический возраст», в психологии. В соответствии с концепцией Л.С. Выготского (1981) [4], под возрастом понимается период психологического развития человека, характеризующийся качественно специфическими возрастными новообразованиями или определенным типом строения личности и ее деятельности.

Учитывая тот факт, что возможность быть субъектом преступления определяется, в том числе, достижением человеком определенного возраста, важно отметить, что законодатель при определении данного минимального возрастного порога ориентируется на способность человека регулировать свое поведение с учетом правовых, социальных норм.

По мнению О.Д. Ситковской, критерием адекватности возрастного порога уголовной ответственности служит «социально ориентированная управляемость поведением в ситуации выбора» [14, с. 16]. Такая способность в целом формируется примерно к концу подросткового возраста (14–15 лет). Однако поскольку развитие в подростковом возрасте отличается гетерохронностью, постольку в норме у подростков могут наблюдаться естественные колебания индивидуального темпа развития, которые в большинстве случаев компенсируются по мере взросления. Тем не менее, личностная незрелость, имеющая непатологический, возрастной характер, может выступать наряду с другими обстоятельствами (психические заболевания, эмоциональное состояние) в качестве фактора, который может негативно влиять на способность несовершеннолетнего осознавать фактический характер и общественную опасность своих противоправных

действий и руководить ими в юридически значимой ситуации правонарушения и существенно ее ограничивать.

Возраст наступления уголовной ответственности

Несовершеннолетний возраст определяет привилегированное положение подростков в уголовном законодательстве. Исторически несовершеннолетие рассматривалось как обстоятельство, смягчающее ответственность. В уголовном праве выделяются три принципа политики уголовного права по отношению к несовершеннолетним: принцип уголовной безответственности, принцип разумения и принцип воспитуемости [11].

Концепция уголовной безответственности предусматривает юридическую защиту детей и подростков, совершивших противоправные деяния и подпадающих под уголовную ответственность и наказание. Основа данного принципа заключается в том, что до достижения определенного возраста человек не может нести ответственность за свои поступки, так как еще не может учитывать в своем поведении социальные нормы.

Принцип разумения предполагает освобождение несовершеннолетнего от наказания в силу непонимания им характера преступного деяния. Этот принцип относился к полномочиям суда, который в своих выводах основывался на анализе личности несовершеннолетнего и обстоятельств конкретного дела. В качестве основания уголовной ответственности судом рассматривается понимание, осознание несовершеннолетним содеянного и его последствий.

Истоки принципа воспитуемости лежат в концепции ювенального права, и его возникновение обусловлено спецификой ювенальной юстиции, ориентированной преимущественно не на кару, а на воспитание, а также необходимостью введения в законодательство положений, касающихся исполнения принудительных мер воспитательного воздействия. Согласно принципу воспитуемости приоритетным является определение мер воспитательного воздействия для коррекции и ресоциализации несовершеннолетнего в соответствии с особенностями его личности и психического развития.

Как упоминалось ранее, субъектом преступления в большинстве стран признается физическое лицо, достигшее ко времени совершения общественно опасного деяния установленного законом возраста. Данное обстоятельство является одним из необходимых условий привлечения человека к уголовной ответственности.

В разных странах возраст привлечения к уголовной ответственности отличается как по количественным показателям, так и по тем принципам, которые закладывались в основу уголовной ответственности несовершеннолетних.

Рассмотрим международный опыт правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних.

В уголовном законодательстве *Германии* дети до достижения 14-летнего возраста не несут какой-либо ответственности за совершенные ими общественно опасные действия. Так называемая условная уголовная ответственность для подростка наступает по достижении им 14-летнего возраста [12]. Несовершеннолетний является уголовно ответственным лицом в том случае, если он достаточно зрел по своему интеллектуальному и моральному развитию и в соответствии с этим понимает противоправность своих поступков и учитывает это в своих действиях. То есть несовершеннолетнего можно привлекать к уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние лишь тогда, когда он понимает, что совершает уголовно наказуемое действие и способен к внутренней борьбе с возникшими побуждениями. Таким образом, в немецком законодательстве предусмотрен принцип недостаточной способности несовершеннолетнего к волевому контролю своего поведения. К совершеннолетним правонарушителям в возрасте 18–21 года также может быть применен Ювенальный судебный закон, в котором говорится

о моральной и умственной зрелости несовершеннолетнего, т. е. о достаточной развитости ценностного сознания и способности к принятию рациональных решений. Полная уголовная ответственность наступает по достижении лицом 21 года [7].

Во *французском* законодательстве возраст наступления уголовной ответственности совпадает с возрастом наступления полной гражданской правоспособности и соответствует 18 годам. Однако нижний возрастной порог уголовной ответственности во французском уголовном праве жестко не фиксирован. Решение о возможном привлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности относится к компетенции судебных органов. Вместе с тем ориентиром выступает возраст 13 лет, закрепленный в УК как возраст, по достижении которого несовершеннолетнему, совершившему общественно опасное деяние, могут быть назначены меры как воспитательного, так и карательного характера. Тем не менее несовершеннолетний правонарушитель является «уголовно неотвечественным» (презумпция неотвечественности), так как в отличие от взрослого личность несовершеннолетнего находится в стадии формирования. Французское позитивное право поддерживает принцип уголовной неотвечественности несовершеннолетних правонарушителей, но в зависимости от того, достиг ли несовершеннолетний 13-летнего возраста, эта презумпция является простой или неопровержимой [1].

По прецедентному праву *Англии* субъектом преступления может быть лицо, достигшее 10-летнего возраста, к полной уголовной ответственности могут быть привлечены лица, достигшие 17-летнего возраста [12]. Уголовное право Англии различает три группы несовершеннолетних лиц: несовершеннолетние до 10 лет, несовершеннолетние в возрасте от 10 до 14 лет и подростки от 14 до 17 лет. Соответственно, до достижения ребенком 10-летнего возраста он не может быть уголовно дееспособным, и совершенные им общественно опасные действия не влекут за собой уголовной ответственности. До 1998 г. по общему закону дети в возрасте от 10 до 14 лет также считались уголовно недееспособными, поскольку совершенное таким ребенком общественно опасное деяние не являлось достаточным доказательством вины, однако такая презумпция не была незыблемой. Обвиняющая сторона должна была доказать наличие при совершении данных действий у ребенка так называемой злонамеренности, т. е. присяжные спрашивали у ребенка, знает ли он, что поступает плохо, неправильно. Однако для привлечения ребенка к уголовной ответственности недостаточно было только лишь доказательства понимания им неправильности совершенных действий, важным фактором были также сведения о поведении ребенка после содеянного, его ответы на вопросы полиции, особенности его психического состояния, тяжесть содеянного. С 1998 г. презумпция неспособности ребенка в возрасте от 10 до 14 лет к осознанному совершению «злонамеренных» действий была отменена [15].

В уголовном законодательстве *Соединенных Штатов Америки* минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности варьируется в зависимости от штата, в отдельных случаях составляет 10 лет, однако в целом находится на границе 12-летнего возраста. Принципы, на которые опирается ювенальное правосудие США, базируются на двух фундаментальных предположениях о подростковом возрасте: 1) несовершеннолетний является менее виновным при совершении правонарушения, чем взрослый; 2) несовершеннолетние лица более чувствительны к реабилитационным процедурам, нежели взрослые и, соответственно, в большей степени способны к исправлению и позитивным изменениям [18]. Еще один важный фактор, свидетельствующий о способности несовершеннолетнего принимать ответственность за свои поступки, – способность к принятию решений. Процесс принятия решений, несомненно, связан с особенностями суждений, со степенью их зрелости. В подростковом возрасте суждения зачастую отличаются поверхностностью, облегченностью, а связи с этим поступки могут быть недостаточно обдуманнными, что в определенных случаях приводит к нарушению закона [17].

В *российском* уголовном законодательстве указывается, что уголовная ответственность за совершенные правонарушения наступает с 16-летнего возраста. Однако за совершение тяжких и особо тяжких общественно опасных деяний подростки могут привлекаться к уголовной ответственности с 14-летнего возраста [16]. Критерием адекватности возрастного порога уголовной ответственности, как уже говорилось, служит «социально ориентированная управляемость поведением в ситуации выбора» [14, с.16]. Возможность произвольной регуляции своего поведения с учетом правовых, социальных норм, интересов других людей характеризует тот уровень «необходимой и достаточной зрелости», которым должен обладать несовершеннолетний.

В последнее время весьма активно обсуждается возможность снижения возраста уголовной ответственности в уголовном законодательстве Российской Федерации. Подобные предложения вызывают массу споров и разногласий. Однако, как упоминалось ранее, обсуждение подобных вопросов должно происходить не только с позиции юриспруденции, но и с позиции возрастной психологии. Нам представляется, что снижение возраста уголовной ответственности может привести к негативным последствиям. Во-первых, целесообразно устанавливать минимальный возраст уголовной ответственности с того момента, когда у человека появляется способность регулировать свое поведение с учетом правовых, социальных норм. 12-летний возраст является началом подросткового возрастного периода, в этом возрасте самосознание, а также основные социальные регулятивные функции личности находятся в начале своего формирования. Способность управлять своим поведением, принимать осознанные решения с учетом социальных норм достигается человеком к концу подросткового возраста (14–15 годам), поэтому снижение возраста уголовной ответственности будет противоречить принципу уголовной безответственности и разума. Кроме того, с точки зрения профилактики совершения подростками общественно опасных деяний привлечение их в раннем возрасте к уголовной ответственности может негативно сказаться на их дальнейшем личностном развитии. Для подросткового возраста характерна ориентация на позицию и мнение референтной группы, поэтому, находясь в местах лишения свободы и взаимодействуя с другими несовершеннолетними с криминальным поведением, подросток с большой долей вероятности будет перенимать соответствующие образцы поведения, и в дальнейшем возможно совершение им повторных правонарушений.

Таким образом, возможность привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности тесно связана, во-первых, с достаточной способностью подростка к пониманию противоправности совершаемых им поступков, во-вторых, с достаточным уровнем развития личности для того, чтобы он мог регулировать свое поведение на основе такого понимания. В большинстве европейских стран минимальный возраст, с которого возможно привлечение человека к уголовной ответственности, относится к подростковому периоду. Однако и в этом возрасте личность не завершает своего формирования, а подросткам часто свойственна естественная возрастная незрелость.

Возрастная незрелость и ее учет в уголовном праве

Психическое развитие подчиняется закону гетерохронности, оно может не совпадать по темпу с биологическим развитием и имеет сложную организацию [3]. Отсутствие устойчивости, постоянные изменения психических процессов – характерные признаки подросткового периода. По мнению Л.С. Выготского, основными новообразованиями в подростковом возрасте являются рефлексия и формирующееся на ее основе самосознание. Развитие самосознания важно не только для внутренних изменений личности, но и для способности подростка к более глубокому пониманию окружающего мира, людей [4]. Таким образом, психическое развитие подростка, который по своему хронологическому возрасту формально способен быть субъектом преступления, может отставать. В силу этого такой несовершеннолетний в юридически значимой ситуации не может в полной мере осознавать характер и значение собственных действий, предвидеть их последствия.

Указанное обстоятельство учитывается в законодательстве многих стран. В § 3 Ювенального судебного закона Германии несовершеннолетний от 14-летнего до 18-летнего возраста является уголовно ответственным, если он во время совершения правонарушения «по своему моральному и умственному развитию достаточно зрел для того, чтобы понимать неправомочность поступка и действовать в соответствии с этим пониманием» [7, с. 28]. Таким образом, законодатель подразумевает, что сформированность способности несовершеннолетнего к осознанному руководству собственной деятельностью у конкретного подростка подлежит доказательству. В контексте положений § 3 Ювенального судебного закона должна определяться не общая зрелость несовершеннолетнего, а сформированность конкретных функций, обеспечивающих предпосылки ответственности ко времени совершения общественно опасного действия [7].

Согласно ч. 3 ст. 20 Уголовного Кодекса Российской Федерации, «если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности» [16, с. 88]. Категории «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» юристы, психиатры и психологи давали различные интерпретации, однако в практике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы большинством экспертов принята трактовка данной категории как возрастной личностной незрелости непатологического характера [7; 10].

Феномен личностной незрелости в настоящее время изучен недостаточно. В частности, остается неясным, каковы конкретные характеристики данного явления, какой степени выраженности должна быть возрастная личностная незрелость для того, чтобы констатировать существенное ограничение возможности несовершеннолетнего осознавать фактический характер и общественную опасность собственных действий и руководить ими. Понятие «личностная незрелость» можно рассматривать с различных теоретических позиций. Для определения понятия личностной незрелости важно уточнить категорию «зрелая личность», которую можно описать как «сложное системное образование, характеризующееся гармоничностью, соразмерностью, иерархизированностью, соподчиненностью свойств» [13, с. 38].

В психологии развития личностная незрелость рассматривается как нормальное явление подросткового возраста, она отражает гетерохронность психического развития в данном возрастном периоде. В рамках концепции смысловой регуляции деятельности, предложенной Д.А. Леонтьевым, личностная незрелость рассматривается как недостаточное развитие этой системы регуляции [8; 9].

Личностная незрелость, являясь нормативной в возрасте 14–15 лет, в юношеском возрасте, особенно при ее выраженных проявлениях, как правило, сопровождается клиническими признаками психопатологии. При выявлении признаков личностной незрелости в подростковом и юношеском возрасте важно отличать данное явление от клинически выраженных признаков психического инфантилизма. Проявления личностной незрелости при нормальном личностном развитии являются менее выраженными, нежели при инфантилизме, и носят, как правило, парциальный характер. Дифференциация естественной возрастной личностной незрелости подростков и клинических форм нарушения темпов личностного развития имеет большое значение для практики комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних обвиняемых, в частности, при решении вопросов, определяемых ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Феномен личностной незрелости изучается в рамках нашего исследования, проводящегося на базе ГНЦССП им. В.П. Сербского. Нами были проанализированы заключения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, после чего

выделены 14 признаков, характеризующих личностную незрелость. С помощью кластерного анализа были определены следующие обобщенные группы (кластеры) этих признаков: 1) бедность мотивов и трудности организации деятельности; 2) пониженный уровень морального развития; 3) недифференцированность оценок; 4) слабая сформированность регулятивных функций. Данные клинической диагностики психических расстройств позволяют предположить наличие взаимосвязи между личностной незрелостью и органическим поражением головного мозга, что в совокупности может существенно снижать способность несовершеннолетнего к осознанному руководству собственными действиями [5]. Результаты данного исследования важны для формулирования экспертно-диагностических критериев и рекомендаций по профилактике правонарушений несовершеннолетних с личностной незрелостью и коррекционно-реабилитационной работе.

При обсуждении вопросов возрастной незрелости в контексте ч. 3 ст. 20 УК РФ было бы важно проанализировать применение этой правовой нормы на территории России, однако, к сожалению, официальной статистики о применении данной статьи нет. В большинстве случаев (около 95 %) уголовные дела данной категории прекращаются на стадии предварительного расследования [6].

В целом, проведение экспертиз в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ сопровождается определенными трудностями. Во-первых, формулировку самой статьи нельзя назвать удачной. Мнения специалистов относительно понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», зачастую расходятся. Юридический критерий ч. 3 ст. 20 совпадает с аналогичным критерием ч. 1 ст. 22 УК («Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости»). Вместе с тем, правовые последствия этих статей существенным образом различаются, так как в случае применения ч. 3 ст. 20 УК РФ подросток не привлекается к уголовной ответственности, а в случае применения ст. 22 УК РФ – привлекается. Во-вторых, данная статья не предусматривает каких-либо воспитательных либо социальных мер воздействия по отношению к несовершеннолетнему [10].

Таким образом, важным аспектом перспективы изучения проблематики применения ч. 3 ст. 20 УК РФ является усовершенствование формулировки данной статьи при последующей модификации Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Выводы

1. Исследование проблемы возрастной незрелости имеет несомненную ценность как для психологической, так и для юридической науки. Необходима ее дальнейшая разработка на стыке этих двух направлений. При определении границ возраста привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности законодателю следует не только опираться на правовые критерии, но и учитывать психологические особенности возрастных периодов.

2. В некоторых странах возраст уголовной ответственности ниже, чем в России. Однако перенимать и использовать опыт этих стран, вероятно, не совсем корректно. Законодательства различных государств отличаются, во многих западных странах действует система ювенального правосудия, нацеленная, прежде всего, на комплексную реабилитацию подростка и профилактику правонарушений, а также на реализацию практик восстановительного подхода. В Российской Федерации система реабилитационных и восстановительных мер еще не получила широкого развития, а при ориентации на наказание в виде лишения свободы существует большая вероятность того, что, попав в криминальную среду, младший подросток вернется в общество с соответствующим стилем поведения и системой взглядов.

3. Важно учитывать, что развитие личности подростка отражает его способность регулировать свое поведение в рамках социальных и правовых норм. Если граница

минимального возраста уголовной ответственности будет ниже возрастных границ периода, при котором эта способность формируется, то это будет противоречить принципу уголовной безответственности, основа которого заключается в том, что до достижения определенного возраста человек не может нести ответственность за свои поступки, так как не способен полностью учитывать в своем поведении социальные нормы.

4. Законодателю следует принимать во внимание, что развитие подростка отличается неравномерностью, и в норме может наблюдаться отставание в развитии определенных когнитивных и личностных функций. Эта проблема отражена в ч. 3 ст. 20 УК РФ. Вместе с тем, формулировка статьи представляется неудачной. Для того чтобы она была более ясной для экспертов, а положения статьи нашли более широкое применение, целесообразна корректировка формулировки. Важно, чтобы юридический критерий ч. 3 ст. 20 не совпадал с аналогичным критерием ч. 1 ст. 22 УК РФ, что имеет место в настоящее время. Кроме того, в статье необходимо предусмотреть меры воспитательного характера для подростка, у которого выявляется отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, что позволит снизить риск совершения таким несовершеннолетним повторных правонарушений.

Литература

1. *Артеменко Н.В.* Актуальные проблемы вменяемости (невменяемости) и возраста уголовной ответственности: Сравнительный историко-правовой анализ уголовного законодательства РФ и Франции: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов-н/Д, 1999. 32 с.
2. *Байбарин А.А.* Уголовно-правовая дифференциация возраста: Монография. М.: Высшая школа, 2009. 252 с.
3. *Выготский Л.С.* Биогенетический подход в психологии и педагогике // Хрестоматия по возрастной психологии: В 3 ч.: Ч. 1 / Под ред. О.А. Карабановой, А.И. Подольского, Г.В. Бурменской. М., 1999. С. 244–269.
4. *Выготский Л.С.* Педология подростка // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
5. *Дозорцева Е.Г., Федонкина А.А.* Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2013. № 3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/3/3428.phtml> (дата обращения: 07.04.2014).
6. *Душкина Е.О.* Исключение уголовной ответственности несовершеннолетних вследствие отставания в психическом развитии: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. 24 с.
7. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе: Руководство для врачей / Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г и др. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 124 с.
8. *Леонтьев Д.А.* Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. 43 с.
9. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
10. Медицинская и судебная психология: Курс лекций / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2009. 606 с.
11. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учеб. пособие: 2-е изд., испр., доп. М.: Дело, 2001. 272 с.
12. *Павлов В.Г.* Субъект преступления. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 318 с.
13. *Портнова А.Г.* Личностная зрелость: подходы к определению // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 37–41.
14. *Ситковская О.Д.* Уголовный кодекс Российской Федерации. Психологический комментарий. М.: Контракт, Вольерс Клувер, 2009. 192 с.

15. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие / Под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. 576 с.

16. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо, 2014. 256 с.

17. *Cauffman E., Steinberg L.* Immaturity of judgment in adolescents: why adolescents may be less culpable than adults // *Behavioral Sciences and the Law*. 2000. № 18. P. 741–760.

18. *Heilbrun K.* Juvenile Justice: Evaluations of Competence and Transfer/ Reverse Transfer. The American Academy of Forensic Psychology Intensive Review Workshop (Advanced) Albuquerque NM, 2011. 22 p.

The Category of Immaturity in a Legal Context

Fedonkina A.A.,

Junior Research Associate, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Moscow, Russia, afedonkina@gmail.com

We presented psychological and legal approaches to the concept of immaturity, and the definition of the perpetrator. We analyzed the differences of age aspects of the subject of crime in different countries, the criteria for establishing a minimum age of criminal responsibility. We discuss the problem of the possibility of lowering the age of criminal responsibility in the Russian Federation from the point of view of psychological science. We considered the legal category of "mental retardation not associated with mental illness" and its psychological equivalent - "personal immaturity". We describe the main problems arising in the course of the complex judicial, psychological and psychiatric examination for the presence of a mental retardation not associated with mental illness in minor. We presented psychological approaches to the concept of "personal immaturity", described the concept of "mature personality".

Keywords: age, age immaturity, personal development, juvenile offenders, mental retardation not associated with a mental disorder, the age of criminal responsibility.

References

1. Artemenko N.V. Aktual'nye problemy vmenyaemosti (nevmenyaemosti) i vozrasta ugovolnoi otvetstvennosti: Sravnitel'nyi istoriko-pravovoi analiz ugovolnogo zakonodatel'stva RF i Frantsii. Avtoref. diss. kand. jur. nauk. [Actual problems of responsibility (insanity) and the age of criminal responsibility: Comparative historical and legal analysis of the criminal laws of the Russian Federation and France. Ph. D. (Law) Thesis]. Rostov-na-Donu, 1999. 32 p.
2. Baibarin A.A. Ugolovno-pravovaya differentsiatsiya vozrasta: monografiya [Criminal legal age differentiation: monograph]. Moscow: Vysshaya shkola, 2009. 252 p.
3. Vygotskii L.S. Pedologiya podrostka [Pedology teenager]. *Sobr. soch.: V 6 t.* Moscow: Pedagogika, 1984. T. 4. 432 p.
4. Vygotskii L.S. Biogeneticheskii podkhod v psikhologii i pedagogike [Biogenetic approach in psychology and pedagogy]. In Kabanova O.A. (eds.) *Khrestomatiya po vozrastnoi psikhologii [Readings on the psychology]*. Moscow, 1999. 358 p.
5. Dozortseva E.G., Fedonkina A.A. Psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh pravonarushitelei s lichnostnoi nezrelost'yu [Psychological characteristics of juvenile offenders with personal immaturity] [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological science and education psyedu.ru]*, 2013, no. 3. Available at <http://psyedu.ru/journal/2013/3/3428.phtml> (data obrashcheniya: 07.04.2014)

6. Dushkina E.O. Isklyuchenie ugovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh vsledstvie otstavaniya v psikhicheskom razvitiy Avtoref. diss. kand. jur. nauk. [Exclusion of juvenile criminal responsibility due to mental retardation. Ph. D. (Law) Thesis]. Moscow, 2005. 200 p.
7. Leont'ev D.A. Ocherk psikhologii lichnosti [Essay of personality psychology]. Moscow: Smysl, 1993. 43 p.
8. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla. Priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of sense. Nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl, 2003. 487 p.
9. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Oshevskii D.S., Chibisova I.A. Kompleksnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza nesovershennoletnikh obvinyaemykh v ugovnom protsesse: rukovodstvo dlya vrachei [Comprehensive psychological and psychiatric expertise of juvenile offenders in criminal proceedings]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 124 p.
10. Meditsinskaya i sudebnaya psikhologiya: Kurs lektsii [Medical and forensic psychology: Lectures]. In: Dmitrieva T.B. (eds.). Moscow: Genezis, 2009. 606 p.
11. Mel'nikova E.B. Yuvenal'naya yustitsiya: problemy ugovnogo prava, ugovnogo protsessa i kriminologii [Juvenile justice: problems of criminal law, criminal procedure and criminology]. Moscow: Delo, 2001. 272 p.
12. Pavlov V. G. Sub"ekt prestupleniya [Crime committer]. St. Petersburg: Publ. "Yuridicheskii tsentr Press", 2001. 318 p.
13. Portnova A.G. Lichnostnaya zrelost': podkhody k opredeleniyu [Personal maturity: approaches to defining]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian psychological journal], 2008, no. 27, pp. 37–41.
14. Sitkovskaya O.D. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii. Psikhologicheskii kommentarii [The Criminal Code of the Russian Federation. Psychological commentary]. Moscow: Kontrakt, Vol'ers Kluver, 2009. 192 p.
15. Kozochkina I.D. (ed.) Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshchaya chast': Uchebnoe posobie [Criminal Law of foreign countries. Overview: Tutorial]. Moscow: Omega-L, Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki im. A.S. Griboedova, 2003. 576 p.
16. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [The Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Eksmo, 2014. 256 p.
17. E. Cauffman, L. Steinberg Immaturity of judgment in adolescents: why adolescents may be less culpable than adults. *Behavioral Sciences and the Law*, 2000, no. 18, pp. 741–760.
18. K. Heilbrun. Juvenile Justice: Evaluations of Competence and Transfer. Reverse Transfer. The American Academy of Forensic Psychology Intensive Review Workshop (Advanced) Albuquerque NM, 2011. 22 p.

Различные подходы к социально-психологическому сопровождению подростков, находящихся в конфликте с законом: российский и зарубежный опыт

Великоцкая А.М.,

педагог-психолог Центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток», ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, avelikotskaya78@gmail.com

Иванова А.В.,

педагог-психолог Центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток», ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, scotland.iv@gmail.com

Статья посвящена вопросам социально-психологического сопровождения и ресоциализации подростков, находящихся в конфликте с законом. Эффективные условия социально-психологического сопровождения и ресоциализации подростков в ситуации правонарушения, по мнению авторов, напрямую связаны с механизмами реагирования государства и общества на правонарушения несовершеннолетних. Поэтому в данной статье основное внимание уделяется анализу различных способов реагирования на правонарушения несовершеннолетних в российской и зарубежных государственных системах. Отдельная часть статьи посвящена практике восстановительного правосудия, которая реализуется на границе юридической, социальной, педагогической и психологической областей и является важным компонентом социально-психологического сопровождения подростка в ситуации правонарушения и ценным ресурсом для системы помощи и создания условий для ресоциализации подростка-правонарушителя.

Ключевые слова: социальная ситуация подростка, правонарушения подростков, социально-психологическое сопровождение подростка, ресоциализация подростка, программы восстановительного правосудия.

Для цитаты:

Великоцкая А.М., Иванова А.В. Различные подходы к социально-психологическому сопровождению подростков, находящихся в конфликте с законом: российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Velikozkaya_Ivanova.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Velikotskaya A.M., Ivanova A.V. Different approaches to the social and psychological support for adolescents in conflict with the law: Russian and foreign experience [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Velikozkaya_Ivanova.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

По данным МВД, в России за последние годы наблюдается тенденция к увеличению процента подростков, совершивших правонарушение повторно. Если в 2005 г. удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступления повторно, составлял 16,1 %, то к 2012 г. этот показатель увеличился до 21,8 %. Эти данные указывают на снижение эффективности

программ сопровождения для подростков-правонарушителей, так как именно такие программы должны быть направлены, в том числе, на профилактику повторных правонарушений несовершеннолетних.

Модели и способы реагирования государства на правонарушения несовершеннолетних обозначаются термином «ювенальная юстиция». В разных странах модели ювенальной юстиции могут быть встроены как в систему уголовного правосудия (учет возрастных особенностей, распространение альтернативных форм наказания, развитие восстановительного правосудия и т. д.), так и в систему социальной помощи (осуществление социальной и психологической работы с подростками, находящимися в конфликте с законом, как элемент общей системы социальной защиты или как отдельное направление оказания помощи) [15].

В России на сегодняшний день ювенальная юстиция представлена в виде разрозненных проектов, которые реализуются в разных регионах и в отдельных компонентах, встроенных в работу различных ведомств, таких, например, как полиция, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав и т. д.

Мы рассмотрим три уровня реагирования государства и общества на правонарушения несовершеннолетних:

- 1) система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних;
- 2) система реагирования на правонарушение несовершеннолетних;
- 3) система исполнения наказания в отношении подростков.

Система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних

«Профилактика преступлений» – широкий термин, охватывающий ряд мероприятий, – от образования до высокотехнологичных мер безопасности, нацеленных на снижение преступности. Следует различать первичную и вторичную профилактику. *Первичная индивидуальная профилактика* включает в себя работу с отдельными людьми, которые могут совершить преступления или стать их жертвами; эта работа в основном имеет образовательный характер. *Вторичная индивидуальная профилактика* включает в себя снижение риска и предотвращение делинквентного поведения у преступников (например, работу по наблюдению за условно освобожденными и малолетними правонарушителями) [2]. В широком понимании профилактика является синонимом предупреждения. В узком же смысле слова профилактикой считаются меры, направленные на выявление и ликвидацию причин и условий конкретных преступных деяний, а также на установление лиц, потенциально способных совершить преступление, для осуществления направленного предупредительного воздействия [6].

В Федеральном законе Российской Федерации «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» приведен перечень *лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа* [14]:

- совершившие правонарушение, повлекшее применение меры административного взыскания;
- совершившие правонарушение до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность;
- совершившие общественно опасное деяние и не подлежащие уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством;

- обвиняемые или подозреваемые в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, предусмотренные Уголовно-процессуальным Кодексом Российской Федерации;

- употребляющие наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо употребляющие одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию.

Как мы видим, в Федеральном законе, регламентирующем систему профилактики, речь идет скорее о вторичной профилактике, т. е. о снижении уже существующих социальных рисков, и в нем не заложена идея о том, что профилактика правонарушений может быть полезна подросткам – вне зависимости от того, был ли у них опыт попадания в противоправные ситуации или нет. Особое место в системе специального предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних отводится органам внутренних дел, которые выполняют основной объем этой работы, непосредственно занимаются исправлением и перевоспитанием несовершеннолетних, совершивших правонарушения.

Задачи, которые ставятся перед специалистами этих ведомств, в основном заключаются в следующем [10]:

- ограничение влияния негативных социальных факторов, связанных с причинами и условиями противоправного поведения несовершеннолетних;

- непосредственное воздействие на несовершеннолетних, от которых можно ожидать совершения преступлений;

- воздействие на группы с антиобщественной направленностью, способные совершить или совершающие преступления, участником которых является несовершеннолетний.

Основная суть перечисленных здесь задач профилактики сводится к воздействию: воздействию на причины и на самого подростка. Но как производить такое воздействие, остается неясным. Может быть, поэтому специалисты государственных ведомств, в задачу которых входит профилактическая работа с несовершеннолетними, ориентированы на решение узких задач, связанных с информированием о том, почему совершать правонарушения нельзя, и о том, какие последствия наступают после правонарушения.

Система реагирования на правонарушения несовершеннолетних

В России в ситуации, когда подросток совершил правонарушение, а потерпевшая сторона подала заявление в полицию, на подростка заводится уголовное дело. При этом уголовное дело ведут следователи, которые расследуют дела в отношении взрослых и, как правило, не имеют специальной подготовки для работы с несовершеннолетними. В Уголовном Кодексе сказано, что если подросток не достиг возраста 16 лет, то на допросе обязательно присутствие педагога-психолога. Эта норма говорит о том, что для подростков существует особая форма организации следственных действий. Однако эту форму нельзя назвать формой работы или оказания помощи подростку, так как педагог подключается только к допросу и дальше не поддерживает контакта с подростком.

К ситуации правонарушения также могут подключиться специалисты органов опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, центров социально-психологической помощи. Но чаще всего у этих специалистов возникают трудности в междисциплинарном взаимодействии, и в фокусе их внимания – не системная работа с актуальной социальной ситуацией развития подростка, не налаживание взаимодействия с подростком и его семьей, а скорее установление контроля за ситуацией подростка. Опыт взаимодействия с репрессивной системой и контролирующая позиция специалистов вызывают у подростка и его семьи ощущение потери контроля над своей жизнью и вынуждают защищаться. Поэтому часто вместо того, чтобы занять активную позицию по отношению к ситуации и взять на себя ответственность за совершенное деяние, подросток старается избежать ответственности, а семья его в этом поддерживает.

На стадии досудебного расследования ювенальная юстиция нередко действует обособленно от сложившейся практики уголовного правосудия. Особенность ювенальной юстиции на этой стадии состоит в определении роли полиции. Полиция во многих странах ограничена в своих действиях и должна передать информацию о подростке и деянии в офис прокурора (Германия) или ювенальному судье (Франция). Полиция может иметь специальное подразделение по работе с несовершеннолетними (Нидерланды, Австрия, Бельгия), которое тесно связано со следующей стадией ювенальной юстиции – с судебным расследованием, а также с территориальными социальными сервисами. Функции работы с подростками на стадии досудебного расследования могут быть делегированы офицерам пробации (в Великобритании – в отдельных случаях). Наличие или отсутствие специального подразделения органов внутренних дел определяет эффективность следующей стадии ювенальной юстиции, связанной с процессом принятия решения [15].

Система исполнения наказания в отношении несовершеннолетних

Стадия исполнения наказания в зарубежных странах предполагает наиболее существенные различия между уголовным правосудием и ювенальной юстицией как относительно лишения свободы, так и относительно исполнения альтернативных мер наказания. Существуют специальные исправительные учреждения для несовершеннолетних (основным направлением становится обучение – навыкам организации жизни, труду и т. д.); в отношении отбывающих наказание в виде лишения свободы действуют иные правила взаимодействия с семьей и родственниками; к несовершеннолетним чаще и быстрее применяется практика предоставления *квазисвободы* (когда на день или на ночь подросток уходит из тюрьмы, а в учреждении ночует или, наоборот, проводит день) [15].

Позиция нашего государства в принятии решения в отношении правонарушений несовершеннолетних стала меняться сравнительно недавно от применения жестких мер к более мягким. Как представлено в табл. 1, к 2012 г. увеличился процент дел, прекращенных за примирением сторон, однако лишь 6 % дел прекращено с применением мер воспитательного воздействия, а это является специфической мерой для несовершеннолетних.

Таблица 1

Соотношение карательных и некарательных мер в российской системе исполнения наказаний¹

Показатели	2003 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Число несовершеннолетних, чьи дела рассмотрены судами по существу	123696	73605	64309	57182
Из них:				
осуждено (%)	78	64	60,7	57,8
прекращено за примирением, применением воспитательных мер (%)	20,5	34	37,7	40,5
В том числе меры воспитательного воздействия (доля от всех дел, чьи дела рассмотрены, %)	2,6	5,4	5,9	6

Как показано в табл. 2, чаще всего «смягчение законодательства» выражается в том, что суд в отношении несовершеннолетнего вместо реального лишения свободы выносит решение об условном наказании. Поэтому большинство подростков-правонарушителей становятся подопечными специалистов Федеральной службы исполнения наказаний.

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Таблица 2

Меры наказания, применяемые к несовершеннолетним в российской системе исполнения наказаний²

Показатели	2007 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Осуждено всего (лиц)	84009	47210	39017	33059
Доля от общей численности несовершеннолетних осужденных (%):				
лишение свободы	21	18	16	16
условное лишение свободы	54	49	47,2	40,5
обязательные работы	8,8	14,6	16,8	19,9
ограничение свободы	-	1	1,7	3
исправительные работы	1,7	1,2	1,1	1,6
Штраф	9	10	11	11,7
Условное осуждение к другим мерам	2,4	1,6	1,3	1,8
Освобождение от наказания при вынесении обвинительного приговора	2,8	3,7	3,5	3,7
В том числе с направлением в учреждения закрытого типа (доля осужденных, %)	0,5	0,9	1,1	1

В функции специалистов Федеральной службы исполнения наказаний входит отслеживание и контроль за изменениями в ситуации подростка, а не проведение работы с подростком. Психологи службы исполнения наказаний, которые есть не во всех районных подразделениях, больше ориентированы на проведение диагностики ситуации подростка и личности подростка, а не на работу с подростком на изменение его ситуации.

Когда социальная ситуация подростка благоприятная (не разрушены связи с семьей, друзьями, подросток мотивирован на продолжение учебы или поиск работы), при поддержке друзей и значимых близких он может справиться со сложной ситуацией, и процесс ресоциализации происходит естественным образом. Если же в семье и социальном окружении подростка недостаточно ресурсов для изменения ситуации и нет никакой поддержки от специалистов, то это может способствовать *ситуации альтернативной адаптации* подростка. Ситуация альтернативной адаптации – это такая ситуация развития подростка, в которой он начинает соответствовать предписанной социумом роли и подкрепляет свой новый статус усугублением девиантного поведения [5]. Подросток получает доступ к ресурсам за счет построения новых отношений и использования тех средств, которые были обнаружены им в ситуации правонарушения. В этих способах и отношениях есть определенные возможности для реализации потребностей подростка, однако совершение правонарушения может укрепить связи с криминальной компанией и привести к повторному правонарушению.

Практика восстановительного правосудия как важный компонент процесса ресоциализации подростка-правонарушителя

В России действуют различные проекты, в рамках которых разрабатывается практика восстановительного правосудия, направленная на организацию программ по заглаживанию вреда с подростками, совершившими правонарушение и пострадавшими в ситуации правонарушения. Но деятельность таких проектов ограничена теми пробелами

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

в организации системы работы с подростками-правонарушителями, которые мы обозначили ранее.

Идеи восстановительного правосудия и первые в стране опыты по практической реализации медиации по уголовным делам относятся к концу 1990-х гг., такая работа началась в проектах Общественного центра «Судебно-правовая реформа». Работа по практическому освоению проведения программ восстановительного правосудия, теоретико-методологическому осмыслению и методическому обеспечению включения медиации в российский уголовный процесс привела в 1998 г. к организации первой в России экспериментальной площадки по отработке элементов восстановительной юстиции в деятельности российского правосудия при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних [3]. Экспериментальная площадка на базе Черемушкинского районного суда г. Москвы стала прототипом для формирования российской модели *восстановительной ювенальной юстиции* [4] – использования программ восстановительного правосудия в реагировании на преступления несовершеннолетних, элементы которой реализуются сегодня в ряде регионов [1].

Ядром подхода становится иное понимание преступления: *преступление* есть в первую очередь насилие, обида, нанесенные другому человеку. Соответственно радикально переформулируется *цель* правосудия: не наказание, а восстановление – разрешение конфликтной ситуации между людьми (а не процессуальными фигурами), примирение, исцеление и возмещение ущерба [3]. Восстановительная медиация – это процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем, возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций [12].

Целью восстановительного реагирования на ситуации правонарушений и конфликтов с участием несовершеннолетних является запуск такого процесса, который направлен на интеграцию детей и семей в общество и вовлечение в разработку и реализацию решения по поводу правонарушения и семейных ситуаций людей, которых эта ситуация непосредственно касается [8].

Таким образом, в технологию проведения программ восстановительного правосудия заложена идея восстановления ресурса социального окружения для подростка-правонарушителя, поэтому программа обладает большим потенциалом для системы помощи подростку и создания условий для ресоциализации.

В некоторых случаях программа восстановительного правосудия изначально направлена на восстановление системы социальной поддержки. Такой программой является Семейная конференция. На настоящий момент разработаны две основные модели Семейных конференций: Семейная конференция по принятию решения и Семейная конференция как программа восстановительного правосудия. Семейную конференцию как программу восстановительного правосудия можно назвать расширенной медиацией с включением семей правонарушителя и потерпевшего.

В силу различных правовых традиций и национальных систем права можно обнаружить разные организационные модели, обеспечивающие взаимодействие программ восстановительного правосудия с уголовной юстицией: в одних странах действуют независимые службы примирения, в других они включены в службы пробации, в третьих – являются частью исправительных служб, в четвертых медиацией занимаются социальные службы муниципалитетов и т. д. Существуют разные способы законодательного оформления медиации: в законах о ювенальной юстиции (Австрия, Германия, Финляндия, Польша, некоторые штаты США), в УПК (Австрия, Франция, Бельгия, Финляндия, Польша), в УК (Германия, Финляндия, Польша), в специальном законе о медиации (Норвегия, Финляндия, Молдова), в законе о службе пробации (Чехия, Латвия) [3].

В Новой Зеландии Семейная конференция как программа восстановительного правосудия является частью процесса правосудия и применяется для решения вопросов заглаживания вреда потерпевшей стороне, если преступление совершил несовершеннолетний. На такой конференции могут быть разработаны рекомендации для рассмотрения в суде вопроса о том, как следует действовать в отношении несовершеннолетнего в данной ситуации [9].

Существующая в России система ресоциализации осужденных подростков увеличивает арсенал социально-педагогических и психологических техник при разработке программ социально-психологического сопровождения несовершеннолетних правонарушителей, однако в государственной системе профилактики и реагирования на правонарушения несовершеннолетних имеются явные *противоречия* [10; 11; 13]:

- между осознанием объективной потребности в модернизации государственной системы и сохраняющимся консерватизмом отдельных ведомств;

- между формирующейся новой идеологией работы с несовершеннолетними правонарушителями и методологической неразработанностью государственно-общественной поддержки таких подростков.

Большинство исследователей данной проблематики [7; 10; 11; 13] сходятся в том, что ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей будет протекать эффективно, если будут:

- разработаны и внедрены модель и критерии ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей;

- улучшено качество межведомственного взаимодействия компетентных специалистов (органов, учреждений), задействованных в работе с несовершеннолетними правонарушителями;

- оказываться методическая помощь специалистам, осуществляющим работу с несовершеннолетними правонарушителями.

Процесс ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей опирается на определенные принципы и осуществляется при наличии определенных факторов, поэтому исследование механизмов, заложенных в этом процессе, и различных способов влияния на этот процесс крайне важны для разработки эффективных программ сопровождения и подростков-правонарушителей.

Литература

1. Восстановительная ювенальная юстиция. Модели работы в регионах / Науч. ред. и сост. Р.Р. Максудов. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2008. 244 с.
2. Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
3. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): Монография. М.: Проспект, 2014. 264 с.
4. Карнозова Л.М. Включение программ восстановительной ювенальной юстиции в работу суда: Метод. пособие. М.: ООО «Информполиграф», 2009. С. 64–67.
5. Кондрашкин А.В., Кириллова Т.О. Социальная ситуация развития современного подростка в контексте модели социально-психологической помощи в восстановительном подходе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57076.shtml (дата обращения: 01.05.2014).
6. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 912 с.
7. Леус Э.В., Соловьев А.Г. Адаптационные технологии ресоциализации несовершеннолетних осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54179.shtml> (дата обращения: 30.04.2014).

8. *Максудов Р.Р.* Восстановительная медиация: идея и технология. Методические рекомендации. М.: Институт права и публичной политики, 2009. 72 с.
9. *Макэлри Ф.* Новозеландская модель семейных конференций // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. Кн. 1/ Под ред. М.Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 40–71.
10. *Печников Н.П.* Профилактика правонарушений и предупреждение преступлений: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. 72 с.
11. *Садовникова М.Н.* Некоторые аспекты ресоциализации несовершеннолетних в зарубежных странах // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2 (45). С. 73–78.
12. Стандарты восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 7. М.: Общественный центр «Судебно-правовая реформа», 2010. С. 139–145.
13. *Сухова Е.И.* Ресоциализация подростков в условиях социального пространства (исторический аспект) [Электронный ресурс] // Вестник НГГУ. 2009. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-podrostkov-v-usloviyah-sotsialnogo-prostranstva-istoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 30.04.2014).
14. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ с изм. от 02.04.2014 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс
15. *Шмидт В.Р.* Интеграция подростков в конфликте с законом: зарубежный опыт. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2007. 120 с.

Different Approaches to the Social and Psychological Support for Adolescents in Conflict with the Law: Russian and Foreign Experience

Velikotskaya A.M.,

Educational Psychologist, Center for Social and Psychological Adaptation and Development of Adolescents "Crossroads", Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, avelikotskaya78@gmail.com

Ivanova A.V.,

Educational Psychologist, Center for Social and Psychological Adaptation and Development of Adolescents "Crossroads", Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, scotland.iv@gmail.com

The article is devoted to the socio-psychological support and re-socialization of adolescents who are in conflict with the law. Effective conditions for social and psychological support and re-socialization of adolescents in the situation of the offense, according to the authors, is directly related to the response mechanisms of the state and society on juvenile delinquency. Therefore, this article focuses on the analysis of different ways to respond to juvenile delinquency in the Russian and foreign governmental systems. A separate section is devoted to the practice of restorative justice, which is implemented on the border of the legal, social, educational and psychological areas and is an important component of social and psychological support to the teenager in the situation of the offense and a valuable resource to support system and creating conditions for the re-socialization of juvenile offenders.

Keywords: social situation of adolescent, juvenile delinquency, social and psychological support of adolescent, adolescents resocialization, programs of restorative justice.

References

1. Maksudov R.R. (ed.) Vosstanovitel'naya yuvenal'naya yusticiya. Modeli raboty v regionah [The restorative juvenile justice. The models of work in the regions]. Moscow: MOO Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2008. 244 p.
2. Gulina M.A. Slovar'-spravochnik po social'noi rabote. [The dictionary of social work] St. Petersburg: Piter, 2008. 400 p.
3. Karnozova L. M. Vvedeniye v vosstanovitel'noye pravosudiye (mediaciya v otvet na prestupleniye): monografiya [The introduction in restorative justice (mediation in response to crime)]. Moscow: Prospekt, 2014. 264 p.
4. Karnozova L.M. Vvlyucheniye program vosstanovitel'noi yuvenal'noi yusticii v rabotu suda: metodicheskoye posobiye [The programs of restorative justice in the Court]. Moscow: Informpoligraf, 2009, pp. 64-67.
5. Kondraschkin A.V., Kirillova T.O. Social'naya situaciya razvitiya sovremennogo podrostka v kontekste modeli social'no-psihologicheskoi pomoschi v vosstanovitel'nom podhode [Electronnyi resurs][The social situation of development of teenager in the model of social and psychological help in the restorative approach]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education] psyedu.ru.*, 2012, no. 4. Available at http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57076.shtml (Accessed: 01.05.2014). (In Russ. Abstr. in Eng.).

6. Dolgovaya A.I. (ed.) *Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov* [Criminology]. Moscow: Norma, 2007. 912 p.

7. Leus E.V., Solovyev A.G. Adaptacionnye tehnologii resocializacii nesovershennoletnih osuzhdennyh [Electronnyi resurs] [The adaptation technologies of resocialization of juvenile offenders]. *Psikhologiya i pravo* [The Psychology and Law], 2012, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54179.shtml> (Accessed: 30.04.2014). (In Russ. Abstr. in Eng.).

8. Maksudov R.R. Vosstanovitel'naya mediaciya: ideya i tehnologiya. Metodicheskiye rekomendacii. [The restorative mediation: ideas and technology. Methodological recommendations]. Moscow: Institut prava i publichnoi politiki [The Institute of Law and Public Policy], 2009. 72 p.

9. Makelry F. Novozelandskaya model' semeinyh konferencii [New Zealand model of family conferences]. In Flyamer M.G. (ed.) *Pravosudiye po delam nesovershennoletnikh. Mirovaya mozaika i perspektivy v Rossii* [Juvenile justice. World mosaic and prospects in Russia]. Vyp. 2. Kn. 1. Moscow: MOO Centr "Sudebno-pravovaya reforma", 2000, pp. 40–71.

10. Pechnikov N.P. Profilaktika pravonarushenii i preduprezhdeniye prestuplenii: uchebnoye posobiye [The delinquency and crime prevention]. Tambov: Publ. TGTU, 2006. 72 p.

11. Sadovnikova M. N. Nekotorye aspekty resotsializatsii nesovershennoletnikh v zarubezhnykh stranakh [Some aspects of re-socialization of juvenile offenders in foreign countries]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Law Journal], 2009, no. 2 (45), pp. 73–78.

12. Standarty vosstanovitel'noi mediacii [The standards of restorative mediation]. *Vestnik vosstanovitel'noi yusticii* [The journal of restorative justice], 2010. Vol. 7, pp. 139–145.

13. Suhova E.I. Ressocializaciya podrostkov v usloviyah social'nogo prostranstva (istoricheskiy aspekt) [Resocialization of juveniles in social space (historical aspect)]. *Vestnik NGGU* [Journal NGGU], 2009, no. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-podrostkov-v-usloviyah-sotsialnogo-prostranstva-istoricheskiy-aspekt> (Accessed: 30.04.2014).

14. Federal'nyi zakon "Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh" [The Federal Law "The prevention of child neglect and juvenile delinquency"]. [Federal'nyi zakon 24.06.1999 №120-FZ s izmeneniyami 02.04.2014]. *Consultant Plus* [Consultant Plus].

15. Shmidt V.R. Integraciya podrostkov v konflikte s zakonom: zarubezhnyi opyt. [The integration of adolescents in conflict with the law: world experience]. Moscow: ROO "Centr sodeistviya reforme ugolovnogo pravosudiya" [The Centre for Prison Reform], 2007. 120 p.

Образовательный процесс как фактор формирования правосознания

Егоров И.А.,

руководитель центра правовых исследований и разработок, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, egorovpravo@mail.ru

Сафуанов Ф.С.,

доктор психологических наук, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, safuanov@rambler.ru

Представлены результаты исследования, направленного на выявление показателей формирования правосознания у старшеклассников (X и XI классы) трех школ города Москвы (123 респондента 1996–1999 года рождения: 56 лиц мужского пола, 67 лиц женского пола, двое не указали свой пол). Изучался вопрос степени влияния учебно-воспитательного процесса в общеобразовательной организации на формирование правосознания по каждому из показателей. Анализ полученных данных позволил сформулировать гипотезу о показателях правосознания, на формирование которых наибольшее влияние оказывает образовательный процесс (отдельно описана выявленная не статичная взаимосвязь юридических знаний и неправомерного поведения). Отмечены направления формирования правосознания, на которые образовательный процесс оказывает наибольшее влияние, и направления, на формирование которых он оказывает минимальное влияние. Данная работа, помимо научно-исследовательской, имеет также и важную практическую перспективу – она определяет актуальные направления работы образовательных организаций по повышению эффективности учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: правосознание, общее образование, образовательный процесс, правомерное поведение.

Для цитаты:

Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Образовательный процесс как фактор формирования правосознания [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Egorov_Safuanov.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Egorov I.A., Safuanov F.S. Educational process as a factor in the formation of Legal Consciousness [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Egorov_Safuanov.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [8] отмечается, что правовой нигилизм девальвирует подлинные духовно-нравственные ценности, служит почвой для многих негативных социальных явлений (пьянство, наркомания, порнография, проституция, семейное насилие, бытовая преступность, пренебрежение правами и охраняемыми законом интересами окружающих, посягательство на чужую

собственность, самоуправство, самосуд) (пункт 11), указано, что одним из факторов, влияющих на формирование позитивного типа правосознания, является высокий уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания (пункт 12), а в качестве одной из мер государственной политики в сфере образования и воспитания подрастающего поколения названо развитие практики обучения основам права в образовательных учреждениях различного типа и вида, поддержка различных вариантов региональных моделей правового образования, разработка учебных курсов, включающих правовую тематику, соответствующих образовательных программ, учебных и методических пособий (подпункт 2 пункта 18).

Все вышеизложенное свидетельствует об актуальности и важности изучения проблем формирования правосознания молодого поколения, в том числе роли образовательной деятельности в таком формировании.

В соответствии с подпунктом 3 пункта 18 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [8] среди мер государственной политики в области образования и воспитания подрастающего поколения названо применение специальных программ правового образования и воспитания детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, трудных подростков и несовершеннолетних правонарушителей,

Проблематикой взаимосвязи формирования правосознания и образования, в первую очередь высшего юридического, занимались и занимаются многие исследователи. К примеру, можно выделить работы: «Новые подходы к формированию правосознания студентов-юристов в контексте реформирования высшего юридического образования» [2], «Новые тенденции, складывающиеся в сфере высшего юридического образования, их влияние на формирование профессионального правосознания» [4], «Практические занятия и формирование правосознания студента-юриста» [10], «Взаимосвязь изучения правовых дисциплин с уровнем правосознания (на примере студентов, изучающих правовые дисциплины)» [1], «Образование как составляющая процесса формирования правосознания военнослужащих внутренних войск» [13]. В работе «Исследование особенностей правосознания несовершеннолетних» [3] показаны особенности правосознания детей (15–17 лет) с нормативным поведением, осужденных детей и детей с девиантным поведением. Также необходимо отметить работу «Актуальные проблемы социализации старшеклассников в образовательном учреждении» [7], в которой доказывается актуальность изучения психологических особенностей социализации старшеклассников, их представлений о собственных личностных результатах освоения образовательной программы, представлен развернутый анализ психолого-педагогической литературы по проблеме социализации детей и подростков, особое внимание уделено описанию особенностей процесса социализации и формирования самостоятельной зрелой личности старшеклассника с развитыми духовно-нравственными ценностями, психологически готовой к вступлению во взрослую жизнь, указан ряд рисков, которые могут исказить этот процесс, сделать его менее эффективным для подрастающего человека.

Статьей 66 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [12] установлено, что основное общее образование, помимо прочего, направлено на становление и формирование личности обучающегося (формирование нравственных убеждений, эстетического вкуса и здорового образа жизни, высокой культуры межличностного и межэтнического общения, развитие склонностей, интересов, способности к социальному самоопределению), а среднее общее образование – на дальнейшее становление и формирование личности обучающегося, подготовку обучающегося к жизни в обществе, самостоятельному жизненному выбору. Таким

образом, очевидна целесообразность проведения исследования правосознания именно среди старшекласников, т. е. детей, освоивших программу основного общего образования и приступивших к освоению программы среднего общего образования.

В работе «Показатели формирования правосознания и правовой культуры в образовательных стандартах» [6] выделены следующие пять основных направлений формирования правосознания (аналогичные показатели выделены в неопубликованной к настоящему времени работе Н.В. Дворянчикова и И.А. Егорова «Общее образование в формировании правосознания и правовой культуры: правовое регулирование и пути совершенствования»):

А. Юридические знания.

Б. Оценочное отношение к праву в целом.

В. Оценочное отношение к правовой действительности, к практике реализации правовых норм.

Г. Ценностные ориентации, регулирующие поведение.

Д. Свобода правомерного поведения.

По каждому из показателей можно выделить социально-психологические факторы, которые в наибольшей степени влияют на их формирование у детей (семья, друзья, школа, средства массовой информации и т. д.). Нас заинтересовал такой фактор формирования правосознания, как учебно-воспитательный процесс в общеобразовательной организации (школе), влияние содержания образовательных программ и качества их реализации на формирование правосознания.

Осенью 2013 г. мы провели анонимное анкетирование старшекласников (X и XI классы) трех школ города Москвы (123 респондента 1996–1999 года рождения: 56 лиц мужского пола, 67 лиц женского пола, двое не указали свой пол). Для оценки правосознания по каждому из показателей в анкете содержались по три вопроса, каждый из которых, в свою очередь, содержал три варианта ответа, из которых только один являлся правильным (в вопросах, оценивающих юридические знания, – показатель А) или диагностически значимым (для остальных показателей). Примеры вопросов по каждому показателю приведены ниже.

А. Юридические знания

С какого возраста гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности?	1. 16 лет. 2. 18 лет.* 3. 21 год
--	--

Б. Оценочное отношение к праву в целом

Как только закон принят, его необходимо соблюдать, вне зависимости от своего отношения к нему	1. Согласен.* 2. Не согласен. 3. Свой вариант
---	---

В. Оценочное отношение к правовой действительности, к практике реализации правовых норм

Сосед сверху залил вашу квартиру, ущерб не большой, но и такой ущерб он в довольно грубой форме отказался компенсировать – варианты дальнейших действий	1. Обратиться в суд.* 2. Забыть об этом. 3. Решить вопрос иначе (укажите как)
---	---

Г. Ценностные ориентации, регулирующие поведение

Выйдя из магазина, вы обнаружили, что кассир, передавая вам сдачу, ошибся и отдал лишние 500 рублей – ваши действия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вернусь и отдам 500 рублей кассиру.* 2. Оставлю 500 рублей себе и потрачу на свои нужды. 3. Оставлю 500 рублей себе, но потом отдам их нуждающимся
---	---

Д. Свобода правомерного поведения

Правомерного поведения населения можно добиться только: ...	<ol style="list-style-type: none"> 1. Усилением карательных мер – ужесточением наказаний. 2. Реализацией принципа неотвратимости наказания за совершенное правонарушение на уровне, близком к 100 %. 3. Свой вариант ответа*
---	---

Примечание. * – вопросы, направленные на диагностику правосознания (диагностически значимые ответы).

Выделяя показатели, на формирование которых в наибольшей степени влияет школа (образовательный процесс), мы исходили из того, что по ним в разных школах будут выявлены наиболее дифференцированные результаты. Чем больше величина различия показателей правосознания в разных школах, тем больше оснований предполагать степень влияния на формирование данных показателей образовательного процесса.

Данные анкетирования (рис.) показали следующую дифференциацию показателей по школам:

показатель А – от 4,6 (данные школ № 1¹ и № 2) до 28,4 (школы № 1 и № 3) процентных пункта;

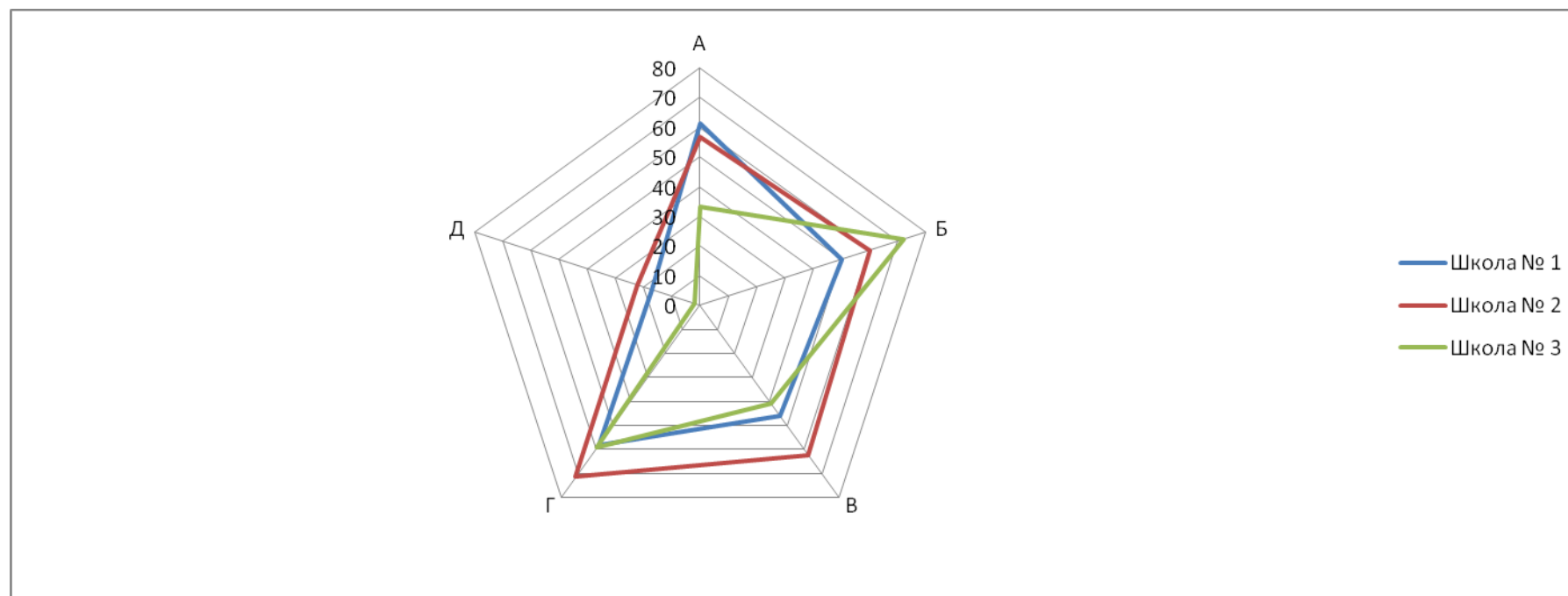
показатель Б – от 10 (школы № 2 и № 1) до 21,7 (школы № 3 и № 1) процентных пункта;

показатель В – от 5,3 (школы № 1 и № 3) до 21,6 (школы № 2 и № 3) процентных пункта;

показатель Г – от 1 (школы № 3 и № 1) до 13,3 (школы № 2 и № 1) процентных пункта;

показатель Д – от 5,3 (школы № 2 и № 1) до 20,3 (школы № 2 и № 3) процентных пункта.

¹ Здесь и далее номера школ условные.

Школа	Показатель А, %	Показатель Б, %	Показатель В, %	Показатель Г, %	Показатель Д, %
Школа № 1	61,3	50,3	46	58	17
Школа № 2	56,7	60,3	62,3	71,3	22,3
Школа № 3	33,3	72	40,7	59	2

Рис. Данные анкетирования по исследованию правосознания по пяти показателям в процентном отношении к количеству респондентов.
Номера школ условные

Исходя из данных анкетирования, можно сделать следующие выводы:

1) наибольшее влияние организация и реализация образовательного процесса в конкретной школе оказывает на формирование показателя А (юридические знания), что является вполне ожидаемым результатом;

2) большое влияние образовательный процесс (хотя и меньшее, чем по показателю А) оказывает на формирование показателей В (отношение к правовой действительности, к практике реализации правовых норм) и Д (свобода правомерного поведения);

3) меньшее влияние конкретная школа оказывает на формирование показателя Б (оценочное отношение к праву в целом) и наименьшее – на формирование показателя Г (ценностные ориентации, регулирующие поведение).

Анализ результатов анкетирования по школам показал следующее:

• учащиеся школы № 1, имея самый высокий результат по показателю А, при этом демонстрируют самые низкие результаты по показателям Б и Г;

• учащиеся школы № 2 имеют наивысшие результаты по показателям В и Г, ни по одному из показателей не выявлено наименьшего результата;

• учащиеся школы № 3 обнаруживают наименьшие результаты по показателям А, В и Д, при этом у них выявляется наивысший результат по показателю Б.

Можно сделать следующие выводы:

1) низкий результат формирования показателя А (юридические знания) имеет прямую корреляцию с низким показателем Д (свобода правомерного поведения), при этом прямая зависимость высокого показателя А и наиболее высоких показателей Д не установлена;

2) результаты показателя А (юридические знания) и результаты показателей Б (отношение к праву в целом) и Г (ценностные ориентации, регулирующие поведение) имеют наименьшую зависимость между собой.

Таким образом, выясняется, что низкий уровень усвоения юридических знаний связан с высокой вероятностью правомерного поведения, однако высокий уровень юридических знаний не гарантирует следования правовым нормам.

Анализ полученных данных позволяет сформулировать гипотезу о том, что содержание образовательных программ и качество их реализации в наибольшей степени оказывает влияние на формирование таких показателей, как юридические знания, отношение к правовой действительности, к практике реализации правовых норм.

Гипотеза подлежит дальнейшей проверке, в том числе экспериментальным и эмпирическим путем, однако, очевидна необходимость, во-первых, концентрации усилий школы для повышения эффективности формирования в процессе обучения тех показателей правосознания, на который этот процесс оказывает наибольшее влияние, во-вторых, проработки вопроса об усилении роли образовательного процесса в формировании тех показателей, на которые к настоящему времени школа имеет наименьшее влияние.

Актуальность и значимость формирования позитивного правосознания у несовершеннолетних подтверждается не только жизненными реалиями, но и нормативными актами высокой юридической силы. К примеру, Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [11] обязывает организации, осуществляющие образовательную деятельность, осуществлять меры по реализации программ и методик, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних. Основы государственной политики Российской Федерации

в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [8], как было указано выше, предусматривают целый комплекс мероприятий образовательных организаций, направленных на формирование позитивного правосознания. Образовательным организациям для данной работы необходимы специалисты, обладающие компетенциями, отвечающими современным реалиям, и в первую очередь специалистов в области юридической психологии [5; 9].

Дальнейшие исследования авторов в этой области будут также направлены и на разработку соответствующих методических рекомендаций для образовательных организаций.

Литература²

1. Будыкин С.В., Жигачев А.С. Взаимосвязь изучения правовых дисциплин с уровнем правосознания (на примере студентов, изучающих правовые дисциплины) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68299.shtml> (дата обращения: 01.06.2014).

2. Горбатова М.К., Надыгина Е.В., Носакова Е.С. Новые подходы к формированию правосознания студентов-юристов в контексте реформирования высшего юридического образования // Юридическое образование и наука. 2011. № 4. С. 22–25.

3. Дворянчиков Н.В., Савкина И.А. Исследование особенностей правосознания несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39933.shtml (дата обращения: 09.04.2014).

4. Домнина А.В. Новые тенденции, складывающиеся в сфере высшего юридического образования, их влияние на формирование профессионального правосознания // Юридическое образование и наука. 2011. № 1. С. 7–10.

5. Егоров И.А. Юридическая психология и федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46578.shtml> (дата обращения: 09.04.2014).

6. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Показатели формирования правосознания и правовой культуры в образовательных стандартах // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: Сборник тезисов к 3-й Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. 2012. С. 202 – 204.

7. Милехин А.В. Актуальные проблемы социализации старшеклассников в образовательном учреждении // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 122–128.

8. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2011, 14 июля.

9. Примерное положение о специальной подготовке при реализации основной образовательной программы по направлению подготовки (специальности) 050407 «Педагогика и психология девиантного поведения (для подготовки специалистов для социальной сферы)» // Бюллетень Учебно-методического объединения вузов РФ по психолого-педагогическому образованию. 2012. № 1. С. 43–47.

10. Теслицкий И.В. Практические занятия и формирование правосознания студента-юриста // Общество и право. 2009. № 4. С. 281–285.

² При подготовке использовались материалы справочной правовой системы «Консультант Плюс».

11. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 02.04.2014)// Российская газета. 1999, 30 июня.

12. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 05.05.2014)// Российская газета. 2012, 21 декабря.

13. Яковлев М.В. Образование как составляющая процесса формирования правосознания военнослужащих внутренних войск // Военно-юридический журнал. 2014. № 1. С. 2–4.

Educational process as a factor in the formation of Legal Consciousness

Egorov I.A.,

Director of the Center for Legal Research and Development, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, egorovpravo@mail.ru

Safuanov F.S.,

Dr. Sci. (Psychology), Head of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, safuanov@rambler.ru

We present the results of a study aimed at identifying indicators of sense of justice formation at high school students (grades X and XI) of three Moscow schools (123 respondents of 1996-1999 year of birth: 56 males, 67 females, and two did not indicate their gender). We studied the degree of influence of the educational process in a comprehensive organization on the formation of justice for each of the indicators. Analysis of the data allowed us to formulate a hypothesis about the performance of sense of justice, the formation of which is influenced by the educational process (we describe non-static relationship of legal knowledge and misconduct separately). We show the directions of sense of justice formation, for which the educational process has the greatest influence, and directions, on which whose formation it has a minimal impact. This work, in addition to research, also has important practical perspective - it determines the actual direction of the educational organizations to improve the efficiency of the educational process.

Keywords: legal consciousness, general education, educational process, legal behavior.

References

1. Budykin S.V., Zhigachev A.S. Vzaimosvyaz' izucheniya pravovykh distsiplin s urovnem pravosoznaniya (na primere studentov, izuchayushchikh pravovye distsipliny) [Elektronnyi resurs] [Study the legal relationship with the level of legal disciplines (for example, students of legal disciplines)]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2014, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68299.shtml> (Accessed: 01.06.2014). (In Russ., Abstr. in Engl.).

2. Gorbatova M.K., Nadygina E.V., Nosakova E.S. Novye podkhody k formirovaniyu pravosoznaniya studentov-yuristov v kontekste reformirovaniya vysshego yuridicheskogo obrazovaniya [New approaches to law students of justice in the context of the reform of higher legal education]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal education and science]*, 2011, no. 4, pp. 22–25. (In Russ., Abstr. in Engl.).

3. Dvoryanchikov N.V., Savkina I.A. Issledovanie osobennostei pravosoznaniya nesovershennoletnikh [Elektronnyi resurs] [Investigation of the features of justice minors].

Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2011, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39933.shtml (Accessed: 09.04.2014). (In Russ., Abstr. in Engl.)

4. Domnina A.V. Novye tendentsii, skladyvayushchiesya v sfere vysshego yuridicheskogo obrazovaniya, ikh vliyanie na formirovanie professional'nogo pravosoznaniya [New trends developing in the field of higher legal education, their influence on the formation of professional sense of justice]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal education and science]*, 2011, no. 1. pp. 7–10. (In Russ., Abstr. in Engl.)

5. Egorov I.A. Yuridicheskaya psikhologiya i federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty tret'ego pokoleniya [Elektronnyi resurs] [Legal psychology and the federal state educational standards of the third generation]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2011, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46578.shtml> (Accessed: 09.04.2014). (In Russ., Abstr. in Engl.)

6. Egorov I.A., Safuanov F.S. Pokazateli formirovaniya pravosoznaniya i pravovoi kul'tury v obrazovatel'nykh standartakh [Indicators forming consciousness and legal culture in educational standards]. Sbornik tezisov k 3-i Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem Kochenovskie chteniya "*Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii*" [Book of abstracts to the 3rd All-Russian conference on legal psychology with international participation Kochenovskie reading "*Psychology and Law in Modern Russia*"], 2012, pp. 202–204. (In Russ.)

7. Milekhin A.V. Aktual'nye problemy sotsializatsii starsheklassnikov v obrazovatel'nom uchrezhdenii [Actual problems of socialization of seniors in an educational institution]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2011, no. 3. pp. 122–128. (In Russ., Abstr. in Engl.)

8. "Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v sfere razvitiya pravovoi gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan" (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 N Pr-1168) ["Principles of State Policy of the Russian Federation in the sphere of legal literacy and legal awareness of citizens" (approved by the President of the Russian Federation 28.04.2011 N Pr-1168)], *Rossiiskaya gazeta [Russian newspaper]*, no. 151, 14.07.2011. (In Russ.)

9. Primernoe polozhenie o spetsial'noi podgotovke pri realizatsii osnovnoi obrazovatel'noi programmy po napravleniyu podgotovki (spetsial'nosti) 050407 "Pedagogika i psikhologiya deviantnogo povedeniya (dlya podgotovki spetsialistov dlya sotsial'noi sfery)" [Approximate position of special training in the implementation of the basic educational program for training (specialty) 050407 "Pedagogy and Psychology of deviant behavior (for training for the social sphere)"]. *Byulleten' Uchebno-metodicheskogo ob"edineniya vuzov RF po psikhologo-pedagogicheskomu obrazovaniyu [Bulletin of the Methodological Association Russian universities on psychological-pedagogical education]*, 2012, no. 1, pp. 43–47. (In Russ.)

10. Teslitskii I.V. Prakticheskie zanyatiya i formirovanie pravosoznaniya studenta-yurista [Workshops and the formation of justice law student]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2009, no. 4, pp. 281–285. (In Russ.)

11. Federal'nyi zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ "Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh" [Federal Law of 24.06.1999 № 120-FZ "On Principles of Prevention of Juvenile Delinquency"]. *Rossiiskaya gazeta [Russian newspaper]*, no. 121, 30.06.1999, (as amended on 02.04.2014). (In Russ.)

12. Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law of 29.12.2012 № 273-FZ "On Education in the Russian Federation"]. *Rossiiskaya gazeta [Russian newspaper]*, no. 303, 21.12.2012, (as amended on 05.05.2014). (In Russ.)

13. Yakovlev M.V. Obrazovanie kak sostavlyayushchaya protsessa formirovaniya pravosoznaniya voennosluzhashchikh vnutrennikh voisk [Education as part of the process of formation of internal troops of justice]. *Voенно-yuridicheskii zhurnal [Military Law Journal]*, 2014, no. 1, pp. 2–4. (In Russ., Abstr. in Engl.)

Исследование смысловых конструктов, отражающих отношение к национальностям и национализму у подростков-правонарушителей

Гурина О.Д.,

аспирант кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, knurik@yandex.ru

Распространение среди подростков ксенофобии и враждебности к иным национальностям представляет социальную опасность. Проблема отношений подростков с противоправным поведением к национализму и национальностям является малоизученной. Выяснение характера смысловых конструктов, отражающих отношение к национальностям и национализму, у несовершеннолетних, совершивших преступления без националистической мотивации, и у тех, кто совершил агрессивные преступления на национальной почве, важно для правильного выбора коррекционно-реабилитационной работы с подростками-правонарушителями. В проведенном автором исследовании приняли участие 62 подростка мужского пола в возрасте от 14 до 18 лет. Использовался цветовой тест отношений (ЦТО) в варианте психосемантической методики. В результате было установлено, что солидаризация с идеологией национализма, негативные установки к другим национальностям, проблемное становление гендерной идентичности усиливают риск совершения правонарушений на национальной почве и способствуют им. В то же время отсутствие ориентации на ценности национализма, идентификации с группой «скинхеды» сдерживает совершение правонарушений на национальной почве.

Ключевые слова: девиантное поведение, национализм, ксенофобия, подростки, подростки-правонарушители, смысловые конструкты.

Для цитаты:

Гурина О.Д. Исследование смысловых конструктов, отражающих отношение к национальностям и национализму у подростков-правонарушителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Gurina.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Gurina O.D. The study of semantic constructs reflecting the attitude towards nationalities and nationalism in juvenile offenders [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Gurina.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

В российском обществе за последние годы отмечена тенденция к снижению преступлений на национальной почве среди несовершеннолетних (данные информационно-аналитического центра «СОВА» от 20.01.2014, <http://www.sova-center.ru/>). Несмотря на это, проблема ксенофобии, враждебного поведения по отношению к приезжим, мигрантам не ослабевает, а становится все более масштабной и опасной. Националистические группировки и движения привлекают большое количество подростков, которые не удовлетворены своим социальным положением. Разочарование, неудовлетворенность жизнью способствуют агрессивному поведению, в том числе совершению правонарушений на национальной почве. Наиболее подвержены такому влиянию подростки с девиантным и

делинквентным поведением. За последние 5 лет из 1640 человек – общего числа осужденных по статьям, связанным с экстремистской деятельностью, 306 человек – несовершеннолетние. Среди преступлений, совершенных этой категорией несовершеннолетних, 82 % составляют агрессивно-насильственные деликты, совершенные по мотивам ненависти, 8 % – пропаганда фашизма (нацизма), 6 % – вандализм по мотивам ненависти, 4 % – организация и участие в экстремистских сообществах (данные информационно-аналитического центра «СОВА» от 20.01.2014, <http://www.sova-center.ru/>). Приведенные цифры свидетельствуют, что большая часть преступлений, совершенных несовершеннолетними на почве ненависти, имеет агрессивно-насильственный характер.

С психологической точки зрения совершение правонарушений на национальной почве, в первую очередь, связано с выраженной агрессивностью, враждебностью, предубежденностью, негативными социальными установками по отношению к лицам иной национальности, расы, вероисповедания и т. д. [7; 8; 9; 12; 16; 18; 20; 24; 25; 28]. При этом наличие высокой агрессивности, враждебности по отношению к лицам иной национальности, расы, религии и т. д. может не проявляться в реальном поведении либо реализовываться в социализированных формах [15; 23]. В связи с этим возникает вопрос: какие личностные структуры способны оказать тормозящее влияние на открытые проявления национальной, расовой и иной нетерпимости, а какие, напротив, могут способствовать подобным проявлениям? Решение данного вопроса – актуальная задача профилактики ксенофобского поведения среди несовершеннолетних, в том числе подростков с девиантным и делинквентным поведением.

В рамках отечественных и зарубежных психологических исследований были выделены личностные, социально-психологические и иные особенности и характеристики подростков, склонных к враждебному, агрессивному поведению по отношению к «чужим». К таким особенностям, в частности, относятся: половозрастные, социально-экономические, социально-психологические характеристики [1; 13; 20; 24]; индивидуально-психологические особенности [3; 11; 19]; гендерные особенности [12]; паттерны взаимодействия с окружающим миром, психологические механизмы защиты [19; 26]; способы группового взаимодействия [18]; ценностно-смысловые образования, а именно ориентация на ценности идеологии национализма, расизма, связанные с такими категориями, как сохранение национальной идентичности, чистота крови, следование традиционным ценностям и их поддержание, враждебность и оправданность насилия по отношению к чужим, «не своим» [1; 3; 7].

В отечественной психологии основной причиной совершения правонарушений считаются нарушения в ценностно-смысловой сфере, регулирующей социальное поведение личности [5; 10; 14].

Нами был проведен ряд исследований, в результате которых были изучены особенности смысловой сферы подростков, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения на почве национализма, и школьников с условно нормативным поведением [6].

Было установлено, что у несовершеннолетних, совершивших преступления на почве ненависти, внутренние проблемы, связанные с воспитанием в неполной семье, отвержением отцом, изолированностью и отчужденностью в отношениях с социальными институтами и адаптированными сверстниками, со школьной неуспешностью компенсируются сильной эмоциональной привязанностью к матери и друзьям, имеющим аналогичный статус. При этом национализм, проявляющийся как в сугубо отрицательном отношении к «нерусским», «мигрантам», так и в выраженной идентификации с национальностью «русский» и националистическими группировками («скинхеды»), служит для таких подростков основой структурирования и укрепления своеобразного строения их личности. Национализм формирует и поддерживает их позитивное самоотношение, идентичность, в том числе гендерную мужскую, ощущение силы, в том числе за счет принадлежности к

более широкой социальной группе. Одновременно подобная ценностно-смысловая направленность в значительной мере обуславливает совершение этой категорией подростков инкриминируемых им агрессивно-насильственных противоправных действий.

Подростки с нормативным поведением, напротив, имеют положительную идентификацию с ближайшим окружением, включая школьное, и даже при умеренных националистических тенденциях негативно относятся к радикальным националистическим группировкам. Их смысловая сфера более дифференцирована и менее поляризована. Вместе с тем у этой категории подростков личностно-смысловая структура, самоотношение еще находятся в стадии становления, отличаются противоречивостью, амбивалентностью.

Остается, однако, неясным, свойственны ли характеристики, которые обнаружены у подростков, совершивших преступления на почве ненависти, только этой специфической группе или же подросткам-правонарушителям в целом. До сих пор проблема националистических установок и смысловых конструкторов у подростков с противоправным поведением остается малоизученной. Неясно также, чем взгляды на национальности и национализм у подростков-правонарушителей отличаются от взглядов на эти феномены у их сверстников с условно нормативным поведением, какова их специфика. Вместе с тем выяснение указанных обстоятельств важно для правильного выбора направлений коррекционно-реабилитационной работы с подростками-правонарушителями.

Целью проведенного нами исследования было выявление у несовершеннолетних с противоправным поведением, не связанным с националистическими мотивами, смысловых конструкторов, отражающих их отношение к национальностям и национализму.

Мы выдвинули следующие гипотезы:

1) характер смысловых конструкторов, отражающих отношение к национальностям и национализму, у несовершеннолетних, совершивших преступления без националистической мотивации, и тех, кто совершил агрессивные преступления на национальной почве, не различается;

2) характер смысловых конструкторов у подростков с противоправным поведением, не связанным с националистическими мотивами, и у подростков группы условной нормы различается.

Были обследованы 25 подростков мужского пола (средний возраст $16,9 \pm 0,7$), отбывающих наказание в Можайской воспитательной колонии за преступления, не связанные с национализмом.

В качестве материала для сравнения были использованы данные обследования выборки из 12 подростков мужского пола (средний возраст $16,2 \pm 1,4$), совершивших агрессивные противоправные действия на национальной почве и направленных на комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ) в ФГБУ «ГНЦ ССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России в период с 2008 по 2011 гг. 1

Помимо этого для сравнения были использованы данные 25 подростков мужского пола (средний возраст $16 \pm 1,04$) с условно нормативным поведением (учащиеся IX–XI классов общеобразовательной школы).

Для исследования смысловых конструкторов подростков использовался цветовой тест отношений (ЦТО) в варианте психосемантической методики [5; 14]. Полученные данные обрабатывались с помощью кластерного анализа (Single Linkage – «Метод одиночной связи») в программном пакете STATISTICA 6.0. В качестве меры связи определялись расстояния между переменными и кластерами в Евклидовом пространстве. Для оценки

¹ Материал любезно предоставлен Д.С. Ошевским.

устойчивости кластерных структур применялись кластеризация произвольно выделенной половины выборки, а также выборочное исключение из анализа ряда стимулов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что между обследованными группами подростков существуют различия смысловых структур.

Семантическая структура смыслов у подростков, совершивших преступления без националистической окраски, характеризуется полярностью негативных и позитивных смыслов. Ниже представлены фрагменты смысловой сферы подростков с противоправным поведением, не связанным с националистическими мотивами (рис. 1, рис. 2).

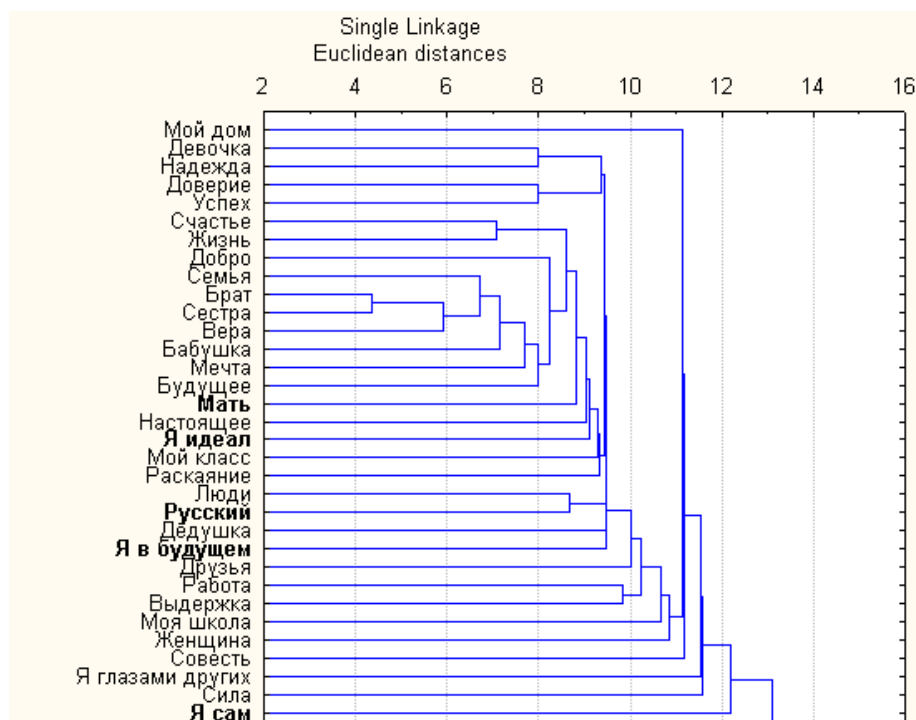

Рис. 1. Кластерная структура позитивных смыслов у подростков, совершивших преступления, не связанные с националистическим мотивом

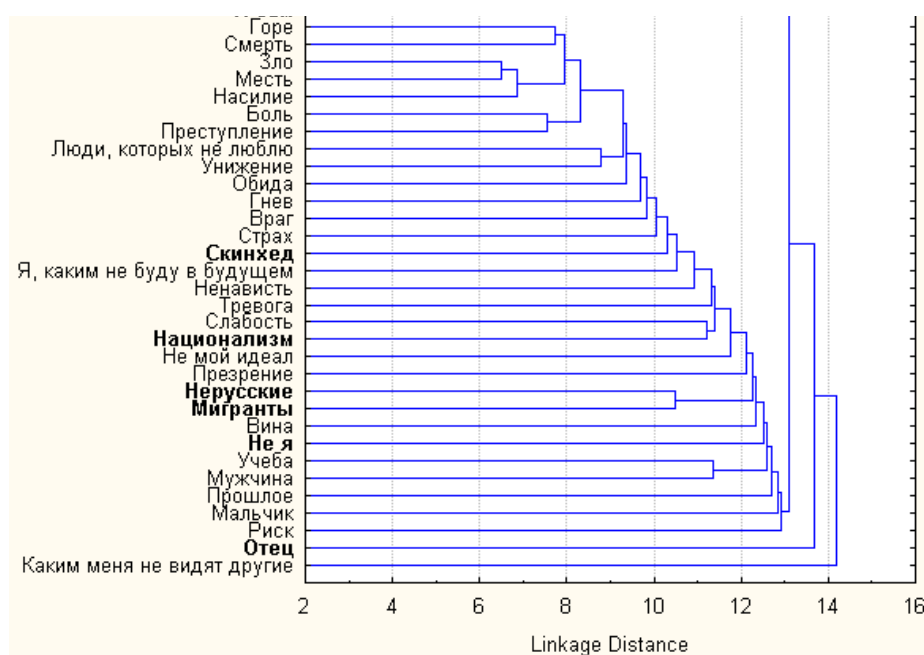

Рис. 2. Кластерная структура негативных смыслов у подростков, совершивших преступления, не связанные с националистическим мотивом

Содержание смысловой сферы подростков с противоправным поведением, не связанным с националистическими мотивами, характеризуется положительным отношением к ближайшему окружению, подростки идентифицируются с «матерью», «друзьями», «братом», «сестром», «семьей», со своей национальностью «русский». Таким образом, подростки с противоправным поведением характеризуются сильной привязанностью к близкому окружению. Категория «я сам» связана с понятиями «сила», «я глазами других», «совесть». Понятия, связанные с будущим, также входят в структуру положительных смыслов.

При этом у подростков с противоправным поведением, не связанным с националистическими мотивами, выражено негативное отношение к «нерусским», «мигрантам». Эти понятия связаны с категориями «презрение», «вина», «не мой идеал», «не я». Одновременно негативные установки этой группы подростков связаны с категориями, обозначающими национализм («национализм», «скинхед»). Тем самым подростки с противоправным поведением, не имеющие националистических мотивов, негативно относятся к идеологии национализма, отрицательно воспринимают деятельность радикально настроенной молодежи.

Следует отметить, что обследуемые подростки, так же, как подростки с националистическими мотивами, демонстрируют негативные коннотации с образом отца, а также мужчины и мальчика. Это может указывать на сложность усвоения подростками гендерных и социальных ролей.

Таким образом, выдвинутая гипотеза исследования подтверждена частично. Вышеприведенные результаты исследований подростков показывают сходство между обследованными группами, которое состоит в положительной идентификации образа Я с понятием «русский» при негативном отношении к людям другой национальности, мигрантам. В то же время различия между подростками, совершившими преступления, обусловленные националистической мотивацией, и без таковой, состоят в том, что первые характеризуются выраженной позитивной связью самоидентификации с понятиями

«национализм» и «скинхед», тогда как у вторых эти понятия находятся в негативной части смыслового спектра [6; 13].

Следует отметить, что структура смыслов обеих групп подростков характеризуется негативной связью с образом отца при позитивном отношении к матери. На основании этих данных можно предположить проблемный характер усвоения гендерной роли на регуляторно-смысловом уровне у подростков-правонарушителей независимо от характера их правонарушений. Эти данные также подтверждаются исследованиями К.В. Сыроквашиной и Н.В. Дворянчикова [4], в результате которых были сделаны выводы о том, что мальчики с делинквентным поведением демонстрируют слабую интериоризацию гендерных стереотипов в когнитивную структуру самосознания, а также их недифференцированность и спутанность на эмоционально-смысловом уровне.

Для проверки гипотезы о различиях в смысловых сферах подростков с противоправным поведением, не совершавших правонарушения на национальной почве, и подростков с условно нормативным поведением были использованы результаты исследования 25 школьников мужского пола.

Как следует из представленных ниже рисунков кластерных структур, у группы нормы (рис. 3, рис. 4) также выявляется отрицательная окраска смысловых отношений к понятиям, обозначающим другие национальности, мигрантов. Однако как группа социально адаптированных подростков, так и выборка подростков-правонарушителей, не совершавших преступления на националистической почве, сходным образом демонстрируют негативное отношение к понятиям «национализм» и «скинхед», что позволяет с достаточной уверенностью говорить об отсутствии у них идеологически обусловленной склонности к агрессивным, насильственным действиям националистического характера.

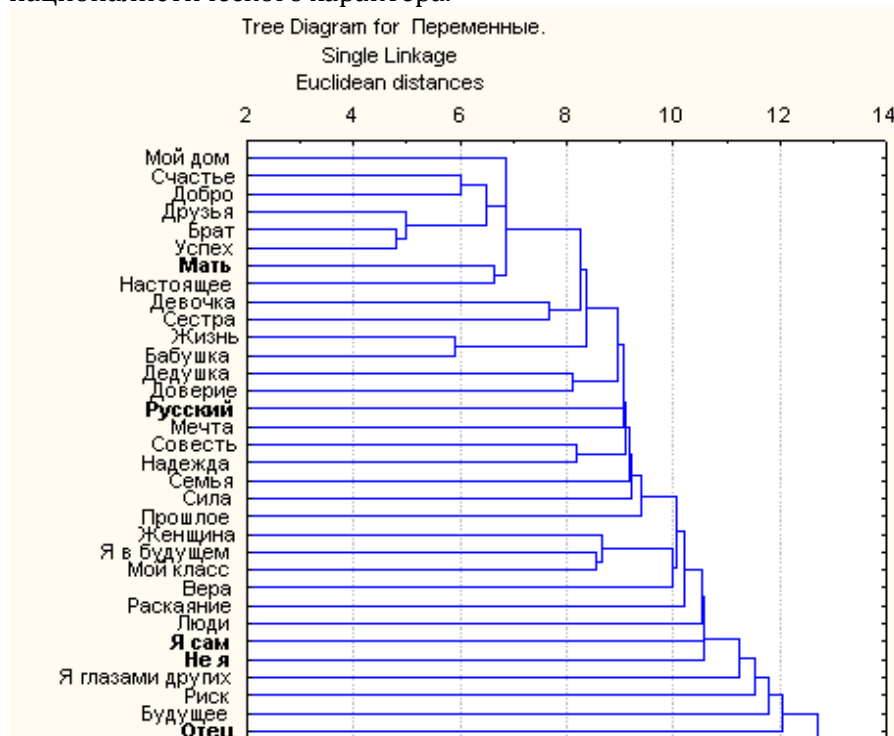

Рис. 3. Кластерная структура позитивных смыслов у подростков с условно нормативным поведением

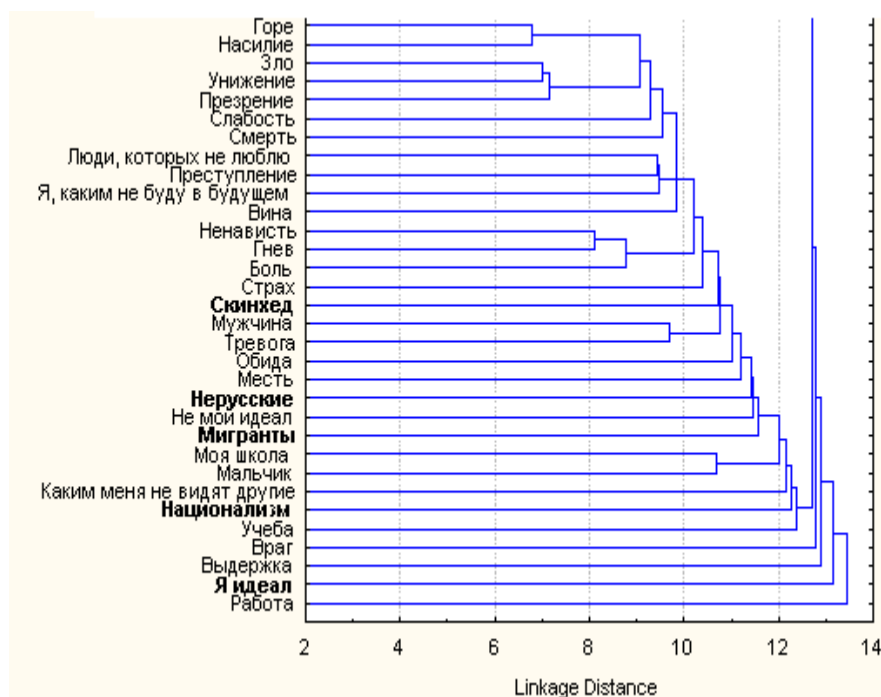

Рис. 4. Кластерная структура негативных смыслов у подростков с условно нормативным поведением

Таким образом, в проведенном исследовании были выделены основные смысловые конструкторы, отражающие установки к национальностям и национализму, отношения и самоидентификацию несовершеннолетних, совершивших преступления без националистических мотивов.

Полученные данные свидетельствуют о том, что обследуемые подростки, как с националистическими мотивами, так и с отсутствием таковых, негативно относятся к мигрантам, представителям «чужих» национальностей. Это подтверждает идею о том, что для подростков в целом характерно негативное отношение к лицам иной, «чужой» группы. Вероятно, это связано с формированием групповой идентичности подростков [17; 21; 22; 27]. При этом, чем выше уровень развития подростков, тем меньший уровень предубежденности они демонстрируют [27].

Между тем среди выявленных особенностей смысловой сферы подростков, совершивших агрессивно-насильственные преступления на национальной почве, по сравнению с подростками, не совершавшими подобные преступления, наиболее существенными являются такие, как ориентация на идеологию национализма, одобрение и солидаризация с этой идеологией, идентификация с радикально настроенной группой «скинхеды».

Подростки с противоправным поведением характеризуются проблемным становлением гендерной идентичности, что отражено в самосознании подростков как негативный образ отца, отвержение мужских социальных ролей. Следует отметить, что в условиях проблемного становления гендерной идентичности у подростков-правонарушителей в целом идентификация с образами и идеями национализма помогает подросткам консолидировать образ Я, повысить самооценку [2; 5].

Таким образом, совокупность факторов, связанных с проблемным становлением гендерной идентичности, солидаризацией с идеологией национализма, негативными установками к «чужим» усиливают риск совершения правонарушений на национальной почве и способствуют их совершению. В то же время отсутствие ориентации на ценности национализма, идентификации с группой «скинхеды» является фактором, сдерживающим совершение правонарушений на национальной почве.

Выделенные особенности смысловой сферы подростков следует учитывать при организации коррекционно-реабилитационной работы с подростками-правонарушителями различных категорий и создании условий для иных способов их самореализации и нахождения позитивного гендерного образа Я в социально нормативном варианте.

Для дальнейшего изучения склонности к агрессивным, насильственным действиям националистического характера, на наш взгляд, необходимо также выявлять способы реализации мотивов и смыслов, связанных с отношениями к иностранцам, чужим. В качестве таких способов, которые могут либо благоприятствовать совершению насилия на национальной почве, либо препятствовать ему, мы можем рассматривать типичные для подростков индивидуально-психологические особенности, такие, как уровень агрессивности, тревожности, сензитивности, ригидности, лабильности и др.

Помимо указанных факторов важными также являются ситуативные факторы, которые в данных условиях могут быть связаны с воздействием на подростков провоцирующей либо психотравмирующей ситуации, способствующей совершению агрессивно-насильственных действий по отношению к «чужим». Комплексное изучение смысловых конструкторов, социальных установок и индивидуально-психологических особенностей позволит в дальнейшем с большей вероятностью выделить лиц, склонных к агрессивно-насильственным действиям на национальной почве, и в соответствии с полученными результатами подобрать необходимые профилактические коррекционно-реабилитационные меры.

Литература

1. *Аминов Д.И., Оганян Р.Э.* Молодежный экстремизм. М.: Триада, 2005. 196 с.
2. *Валицкас Г.С., Гиппенрейтер Ю.Б.* Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 45–55.
3. *Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Сокольская М.Д.* и др. Ценностные ориентации правых экстремистов // Юридическая психология. 2010. № 5. С. 92–103.
4. *Дворянчиков Н.В., Сыроквашина К.В.* Гендерная идентичность у подростков с делинквентным поведением // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 12. С. 222 – 227.
5. *Дозорцева Е.Г.* Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением: Монография. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2004. 352 с.
6. *Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Гурина О.Д.* Структура смыслов у несовершеннолетних с аномалиями психического развития, совершивших агрессивно-насильственные деликты на почве национализма // Психическое здоровье – фактор социальной стабильности и гармоничного развития общества: Материалы V национального конгресса по социальной и клинической психиатрии (Москва, 11–13 декабря 2013 г.)/ Под ред. З.И. Кекелидзе, Е.В. Макушкина, А.С. Тиганова. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2013. С. 8.
7. *Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В.* Психологические аспекты «преступлений ненависти» [Электронный ресурс] // NarCom.ru: Русский народный сервер против наркотиков. 2008. URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/757> (дата обращения 23.02.2014).
8. *Кон И.С.* Психология предрассудка: о социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1961. № 10. С.187–205.

9. *Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М.: Academia, 2005. 40 с.
10. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
11. *Мешкова Н.В.* Исследование личностных и ситуативных особенностей межгрупповой предубежденности // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 73–87.
12. *Мешкова Н.В.* Ситуативные и личностные особенности межгрупповой предубежденности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 23 с.
13. *Ошевский Д.С.* Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 30–34.
14. *Ошевский Д.С.* Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 23 с.
15. *Сафуанов Ф.С.* Агрессия на почве ксенофобии: проблема психологических механизмов // Профилактика ксенофобии, экстремизма и национализма в детской и подростковой среде: Сборник научных тезисов / Под ред. Е.Г. Дозорцевой, М.С. Миримановой, О.Е. Хухлаева, М.Ю. Чибисовой, А.Ю. Коновалова. М.: МГППУ, 2009. С. 30–34.
16. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с.
17. *Солдатова Г.У., Макаруч А.В.* Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М.: Генезис, 2006. 256 с.
18. *Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И. и др.* Этнонациональные установки и ценности современной молодежи (на материале исследования студенчества нескольких регионов России) // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 97–106.
19. *Юрасова Е.Н.* Психология ксенофобии // Актуальные проблемы науки: ИГУМО и ИТ как исследовательский центр. 2014. № 17. С. 154–157.
20. *Craig K.M.* Examining hate-motivated aggression. A review of the social psychological literature on hate crimes as a distinct form of aggression // Aggression and Violent Behaviour. 2002. Vol. 7. P. 85–101.
21. *Degner J., Wentura D.* Automatic prejudice in childhood and early adolescence // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. Vol. 98. P. 356–374.
22. *French S. E., Seidman E., Allen L.R. et al.* The development of ethnic identity during adolescence // Developmental Psychology. 2006. Vol. 42. P. 1–10.
23. *Pettigrew T.F., Meertens R.W.* Subtle and blatant prejudices in western Europe // European Journal of Social Psychology. 1995. Vol. 57. P. 57–75.
24. *Steinberg A., Brooks J., Remtulla T.* Youth hate crimes: identification, prevention, and intervention // Am. J. Psychiatry. 2003. Vol. 160. P. 979–989.
25. *Sullaway M.* Psychological perspectives on hate crime laws // Psychology, Public Policy and Law. 2004. Vol. 10. № 3. P. 250–292.
26. *Wahl K.* Development of Xenophobia and Aggression // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2002. Vol. 26. № 2. P. 247–256.
27. *White F.A., Wootton B., Man J. et al.* Adolescent racial prejudice development: The role of friendship quality and interracial contact // International Journal of Intercultural Relations. 2009. Vol. 33. P. 524–534.
28. *Whitley Jr. B.E., Kite M.E.* The Psychology of Prejudice and Discrimination. Second Edition. Belmont, CA: Thomson-Wadsworth, 2009. 692 p.

The Study of Semantic Constructs Reflecting the Attitude towards Nationalities and Nationalism in Juvenile Offenders

Gurina O.D.,

PhD Student, Chair of Psychology and Law, Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, knurik@yandex.ru

Wide distribution of xenophobia and hostility towards other nationalities among adolescents is a danger to society. The problem of relations of adolescents with illegal conduct towards nationalism and ethnic groups is poorly understood. Clarification of the nature of semantic constructs that reflect the attitude toward nationality and nationalism in juvenile offenders without nationalistic motivation, and those who have committed the crime of aggression on a national basis, is important to choose the right correction and rehabilitation work with juvenile offenders. The current study involved 62 adolescent males aged 14 to 18 years. We used color relations test as a psychosemantic technique. As a result, it was found that solidarisation with ideology of nationalism, negative attitudes towards other nationalities, and problematic gender identity formation increase the risk of delinquency on a national basis and contribute to them. At the same time, the lack of focus on the nationalism values and identification with the group of "skinheads" restrains offenses on a national basis.

Keywords: deviant behavior, nationalism, xenophobia, adolescents, juvenile offenders, semantic constructs.

References

1. Aminov D.I., Oganyan R.E. Molodezhnyi ehkstreimizm [Youth Extremism]. Moscow: Triada, 2005, 196 p.
2. Valitskas G.S., Gippenreiter Y.B. Samootsenka u nesovershennoletnikh pravonarushitelei [Self-esteem among juvenile offenders]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1989, no. 1, pp. 45-55.
3. Dvoryanchikov N.V., Enikolopov S.N., Sokol'skaya M.D., Fursova I.A. Tsennostnye orientatsii pravyykh ehkstreimistov [Value orientation of right-wing extremists]. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Juridical psychology], 2010, no. 5, pp. 92-103.
4. Dvoryanchikov N.V., Syrokvashina K.V. Gendernaya identichnost' u podrostkov s delinkventnym povedeniem [Gender identity in adolescents with delinquent behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik St. Petersburg University], 2008, no. 12, pp. 222-227.
5. Dozortseva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem [An anomalous development of personality in adolescents with unlawful behavior]. Monografiya. Moscow: GNTs SSP im. V.P. Serbskogo, 2004, 352 p.
6. Dozortseva E.G., D.S. Oshevskij, O.D. Gurina. Struktura smyslov u nesovershennoletnikh s anomaliami psikhicheskogo razvitiya, sovershivshikh agressivno-nasil'stvennyye delikty na pochve natsionalizma [The structure of the meanings of the minor anomalies mental development, committed aggressive and violent offenses on nationalism]. In Kekelidze Z.I. (eds.) *Materialy 5 natsional'nogo kongressa po sotsial'noj i klinicheskoy psikhiiatrii "Psikhicheskoe zdorov'e – faktor*

sotsial'noj stabil'nosti i garmonichnogo razvitiya obshhestva" (g. Moskva, 11-13 dekabrya 2013 g.) [Proceedings of the Fifth National Congress of Social and Clinical Psychiatry "Mental health is a factor of social stability and harmonious development of society"]. Moscow: GNTs SSP im. V.P. Serbskogo, Moscow, 2013, p. 8.

7. Enikolopov S.N., Meshkova N.V. Psikhologicheskie aspekty «prestuplenii nenavisti» [Psychological aspects of "hate crimes"]. *NarCom.ru: Russkii narodnyj server protiv narkotikov* [NarCom.ru: Russian folk server against drugs], 2008. Available at: <http://www.narcom.ru/publ/info/757.html> (Accessed 23.02.2014).

8. Kon I.S. Psikhologiya predrassudka: o sotsial'no-psikhologicheskikh kornyakh ehtnicheskikh predubezhdenii [Psychology of prejudice: on socio-psychological roots of ethnic prejudices]. *Novyi mir* [New world], 1961, no. 10, pp.187–205.

9. Kroz M.V., Ratinova N.A. Sotsial'no-psikhologicheskie i pravovye aspekty ksenofobii [Social-psychological and legal aspects of xenophobia]. Moscow: Academia, 2005, 40 p.

10. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [Psychology sense: nature, structure and dynamics of the meaning of reality]. Moscow: Smysl, 1999, 487 p.

11. Meshkova N.V. Issledovanie lichnostnykh i situativnykh osobennostei mezhruppovoi predubezhdenosti [Study of personal and situational characteristics intergroup bias]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2012, no. 1, pp. 73–87.

12. Meshkova N.V. Situativnye i lichnostnye osobennosti mezhruppovoi predubezhdenosti. Avtoref. dis. kand. psychol. nauk. [Situational and personal characteristics intergroup bias. Kand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 23 p.

13. Oshevskii D.S. Negativnye sotsial'nye ustanovki i smyslovye konstrukty u podrostkov, sovershivshikh agressivnye protivopravnye deyaniya na natsional'noi pochve [Negative social attitudes and semantic constructs in adolescents who have committed violent criminal acts on national ground]. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Juridical psychology], 2012, no. 3, pp. 30–34.

14. Oshevskii D.S. Psikhicheskoe razvitie u podrostkov s psikhicheskimi rasstroistvami, sovershivshikh agressivno-nasil'stvennye pravonarusheniya: Avtoref. dis. kand. psychol. nauk. [Mental development of adolescents with mental disorders who have committed aggressive and violent offences. Kand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 23 p.

15. Safuanov F.S. Agressiya na pochve ksenofobii: problema psikhologicheskikh mekhanizmov [Aggression motivated by xenophobia: the problem of psychological mechanisms]. In Dozortseva E.G. (eds.) *Sbornik nauchnykh tezisov "Profilaktika ksenofobii, ehkstremizma i natsionalizma v detskoj i podrostkovoj srede"* (g. Moskva, 16 sentyabrja, 2009) [Collection of scientific theses "Prevention of xenophobia, extremism and nationalism in children and adolescents"]. Moscow: Publ. MGPPU, 2009, pp. 30-34.

16. Soldatova G.U. Psikhologiya mezhehtnicheskoi napryazhennosti [Psychology of inter-ethnic tensions]. Moscow: Smysl, 1998. 386 p.

17. Soldatova G.U., Makarchuk A.V. Mozhet li «drugoi» stat' drugom? Trening po profilaktike ksenofobii [Can the "other" to become a friend? Training on the prevention of xenophobia]. Moscow: Genezis, 2006. 256 p.

18. Huhlaev O.E., Buchek A.A., Zinurova R.I., Radina N.K., Tudupova T.T.S., Hakimov E.H.R. Etnonatsional'nye ustanovki i tsennosti sovremennoi molodezhi (na materiale issledovaniya studenchestva neskol'kikh regionov Rossii) [Ethnic attitudes and values of modern youth (on materials of research of the students of several regions of Russia)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2011, no. 4, pp. 97–106.

19. Urasova E.N. Psikhologiya ksenofobii [Psychology of xenophobia]. *Aktual'nye problemy nauki: IGUMO i IT kak issledovatel'skii tsentr* [Actual problems of science: IGUMO and IT research center], 2014, no. 17, pp. 154–157.

20. Craig K.M. Examining hate-motivated aggression. A review of the social psychological literature on hate crimes as a distinct form of aggression. *Aggression and Violent Behaviour*, 2002, vol. 7, pp. 85–101.

21. Degner J., Wentura D. Automatic prejudice in childhood and early adolescence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010, vol. 98, pp. 356–374.
22. French S.E., Seidman E., Allen L.R., Aber J.L. The development of ethnic identity during adolescence. *Developmental Psychology*, 2006, vol. 42, pp. 1–10.
23. Pettigrew T.F., Meertens R.W. Subtle and blatant prejudices in western Europe. *European Journal of Social Psychology*, 1995, vol. 57, pp. 57–75.
24. Steinberg A., Brooks J., Remtulla T. Youth hate crimes: identification, prevention, and intervention. *Am J Psychiatry*, 2003, vol. 160, pp. 979–989.
25. Sullaway M. Psychological perspectives on hate crime laws. *Psychology, Public Policy and Law*, 2004, vol. 10, no. 3, pp. 250–292.
26. Wahl K. Development of Xenophobia and Aggression. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2002, vol. 26, no. 2, pp. 247–256.
27. White F.A., Wootton B., Man J., Diaz H., Rasiah J., Swift E., Wilkinson A. Adolescent racial prejudice development: The role of friendship quality and interracial contact. *International Journal of Intercultural Relations*, 2009, vol.33, pp. 524–534.
28. Whitley Jr. B.E., Kite M.E. *The Psychology of Prejudice and Discrimination*. Second Edition. Belmont, CA: Thomson-Wadsworth, 2009, p. 692.

Типологические и интегративные модели сексуального злоупотребления

Демидова Л.Ю.,

младший научный сотрудник лаборатории судебной сексологии, Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского»), Москва, Россия, lyubov.demidova@gmail.com

Дворянчиков Н.В.,

кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, dvorian@gmail.com

Рассматриваются основные типологические и интегративные теоретические модели, объясняющие возникновение сексуального злоупотребления детьми и различия, выявляемые среди лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Полноценного обзора теоретических концепций сексуального злоупотребления в нашей стране, по сути, не проводилось, и в данной работе впервые предпринята такая попытка. Показано, что существующие представления о сексуальном злоупотреблении во многом пересекаются друг с другом, но каждая из моделей так или иначе учитывает факторы, подробно не затрагивающиеся в других концепциях. Системное рассмотрение теоретических моделей сексуального злоупотребления позволяет обобщить и систематизировать имеющиеся данные о механизмах педофильного поведения. Такой обзор дает возможность выработать новую точку отсчета в исследованиях сексуального злоупотребления, приблизиться к построению наиболее точной и всеобъемлющей модели. В свою очередь это может способствовать разрешению вопросов о факторах, динамике и профилактике преступного сексуального поведения в отношении детей.

Ключевые слова: сексуальное злоупотребление, педофилия, сексуальная преступность, теоретические модели.

Для цитаты:

Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В. Типологические и интегративные модели сексуального злоупотребления [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Degtyarev.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Demidova L.Y., Dvorjanchikov N.V. Typological and integrative models of sexual abuse [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Degtyarev.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Результаты многочисленных исследований показывают, что сексуальное злоупотребление детьми обусловлено множеством различных факторов, среди которых выделяются как биологические, так и психосоциальные [10]. Однако ни одна из предлагаемых теоретических концепций сексуального злоупотребления достаточно полно не объясняет механизмы сексуальной преступности в отношении детей, что связывается учеными с гетерогенностью лиц, совершающих подобные преступления [15; 17].

Полноценного обзора концепций сексуального злоупотребления в нашей стране, по сути, не проводилось. Из доступных широкой публике работ наиболее развернуто такая попытка была

предпринята Н.А. Исаевым [5], однако представленные в его работе модели преимущественно касаются насильственных сексуальных преступлений и непосредственно не затрагивают сексуальную преступность в отношении детей.

В данной работе впервые предпринята попытка осветить основные модели сексуального злоупотребления детьми. Такой обзор позволяет создать новую точку отсчета исследований сексуального злоупотребления, приблизиться к построению наиболее точной и всеобъемлющей модели.

Существующие модели сексуального злоупотребления можно условно разделить на четыре типа: таксономические (типологические), биологические, психосоциальные и интегративные. Типологические модели позволяют дать первичную классификацию субъектов преступления и создают основу для дальнейшего анализа факторов, способствующих возникновению того или иного типа сексуального злоупотребления. Биологические и психосоциальные модели во многом страдают редукционизмом и сводят преступное сексуальное поведение лишь к нескольким факторам, что делает их принципиально несостоятельными для объяснения всех вариантов сексуального злоупотребления. Интегративный подход к этиологии преступного сексуального поведения признается большинством ученых наиболее эффективным [33; 35], поскольку учитывает биологические, психологические и социальные факторы в единстве. В силу указанных причин, а также ограниченности объема статьи мы рассмотрим лишь типологические и интегративные модели.

Основные **типологические (таксономические) модели** предполагают разделение лиц, совершающих сексуальные действия в отношении детей, в первую очередь **на основании причин возникновения преступного поведения**. В рамках таких классификаций выделяются два основных типа преступников:

фиксированные/преференциальные преступники (альтернативные названия «экслюзивная/истинная/эротическая педофилия») характеризуются постоянным, стойким и компульсивным влечением к детям препубертатного возраста при невозможности получить сексуальное удовлетворение от взаимодействия со взрослыми партнерами [6; 12; 19; 21; 23; 25; 27; 28];

регрессивные/ситуативные преступники (альтернативные названия «псевдопедофилия», «заместительная педофилия») совершают преступления в отношении детей в результате временной или ситуативной невозможности удовлетворить половое влечение с соответствующими по возрасту партнерами [6; 12; 19; 21; 23; 25; 27; 28; 34]. У таких преступников в качестве объекта сексуального предпочтения выступает взрослый человек, а паттерны возбуждения у них идентичны с «нормальными» мужчинами [4; 32].

Как указывают исследователи, такое разделение является скорее континуумом с двумя полюсами, поскольку лишь малое число преступников можно однозначно отнести к одному из типов [28; 34].

С учетом этой типологии была разработана модель, пользующаяся в настоящее время наибольшей популярностью и являющаяся наиболее эмпирически подтвержденной [29] – типология **МТС:СМЗ** (Massachusetts Treatment Center: Child Molester Typology, version 3) [26; 27].

Эта классификация была разработана при оценке 177 растлителей детей в 1959–1981 гг. и представляет собой континуум, основанный на двух осях. В данной типологии преступники разделяются на шесть базовых типов с широким спектром поведения.

Вторая ось типологии во многом совпадает с рассмотренной выше классификацией и включает в себя два параметра: степень фиксации преступника на детях и уровень его социальной компетентности.

Первая ось представляет наибольший интерес и служит основанием для выделения шести базовых типов. Место растлителя в классификации по этой оси определяется при оценке четырех параметров:

- количество контактов преступника с детьми;
- значение контакта с ребенком для преступника;
- степень нанесенного физического вреда;
- специфика агрессивной мотивации (наличие сексуальной агрессии – садизма).

Межличностный и нарциссический типы преступников часто контактируют с детьми и имеют достаточный опыт для соблазнения ребенка, поэтому физические повреждения у жертв таких преступников, как правило, незначительные или вовсе отсутствуют. Однако преступники *межличностного* типа изначально мотивированы на общение с детьми, и сексуальный окрас их общение приобретает лишь со временем, а сексуальные действия, как правило, ограничиваются ласками, поглаживаниями и т. п. Преступники *нарциссического* типа в общении с детьми изначально сексуально мотивированы, поэтому их действия нередко включают мастурбацию и непосредственно половой акт.

Другие четыре типа, как и нарциссический, изначально сексуально мотивированы, однако имеют мало опыта общения с детьми или вовсе не заинтересованы в таком общении, что приводит к более насильственному характеру совершаемых преступлений.

Преступники *эксплуататорского* типа наносят ровно столько вреда, сколько нужно, чтобы подавить сопротивление жертвы, поэтому физический вред для жертв может быть относительно незначительным. Преступники агрессивного типа, напротив, наряду с мотивом сексуального удовлетворения отыгрывают на жертвах свои агрессивные побуждения, в результате чего жертвам наносятся серьезные физические травмы.

Два других типа преступников характеризуются наличием сексуальной (эротизированной) агрессии. Преступники *приглушенно садистического типа*, несмотря на отсутствие открытых садистических мотивов в сексуальных желаниях, проявляют некоторые элементы сексуальной агрессии (к примеру, используют связывание, реализуют различные ритуалы), за счет чего их жертвам также наносится физический вред, который, однако, может быть относительно небольшим. Преступники *открыто садистического типа* изначально мотивированы на проявление эротизированной агрессии, поскольку без нее не могут получить сексуальное удовлетворение; в таком случае жертвам, как правило, наносятся серьезные физические травмы.

Обе оси в совокупности дают 24 типа преступников.

К типологическим классификациям также можно отнести разделение преступников *по степени зрелости объекта* их сексуального влечения. Однако эта типология, судя по всему, касается лиц со сформированным объектом сексуального предпочтения, т. е. фиксированных/преференциальных преступников. В таком случае принято выделять следующие типы преступников, испытывающих влечение к детям: *педофильный* – к детям препубертатного возраста; *гебефильный* – к детям раннепубертатного возраста; *педогебефильный* – к обеим возрастным группам [16], *инфантильный* – к детям, не достигшим 5-летнего возраста [22]. Некоторые исследования показывают качественную разницу между преступниками разных типов по этой классификации [18].

К типологическим моделям можно отнести и разделение преступников со стойким влечением к детям *по полу объекта* сексуального предпочтения: *гетеросексуальный, гомосексуальный и бисексуальный* типы [14; 16]. Однако эта классификация является скорее вспомогательной, поскольку исследований, достоверно подтверждающих разницу между преступниками, совершающими сексуальные действия с детьми определенного пола, крайне мало.

Таким образом, типологические модели не раскрывают механизмов сексуального злоупотребления, а лишь подчеркивают качественную разницу между лицами, совершающими такие действия.

Интегративные модели, напротив, направлены именно на раскрытие возможных способов возникновения такого преступного поведения. Однако по большей части они разрабатывались для описания механизмов сексуальной преступности в целом. Тем не менее, в некоторых интегративных моделях отчетливо прослеживается логика объяснения педофильного поведения. Эти модели мы и рассмотрим далее.

Теория четырех предпосылок D. Finkelhor (Precondition theory) [20] предполагает, что сексуальное злоупотребление является результатом взаимодействия четырех основополагающих предварительных условий.

Первые два предварительных условия определяют внутренние причины возникновения сексуального злоупотребления.

Первая предпосылка отражает мотивацию индивида на совершение сексуального злоупотребления. Такая мотивация может возникнуть при наличии трех факторов или их совокупного влияния:

- эмоциональная конгруэнция (emotional congruence), означающая совпадение эмоциональных потребностей взрослого и характеристик ребенка;
- сексуальное возбуждение к ребенку, которое, по мнению автора, как правило, является результатом травматического опыта или научения;
- блокировка (blockage), характеризующая неспособность взрослого (в силу различных причин) удовлетворять его сексуальные и эмоциональные потребности во взрослых отношениях.

То есть у взрослого может возникнуть мотивация на сексуальный контакт с ребенком в случае, когда образ ребенка является для него сексуально привлекательным или когда у него в силу разных обстоятельств (временных – например, утраты, или более тотальных – например, при недостатке социальных навыков для формирования эффективных близких отношений с взрослыми) отсутствует возможность удовлетворения половой потребности с соответствующими по возрасту партнерами. Эти варианты мотивации по сути отражены в типологических моделях с разделением преступников на фиксированный (преференциальный) и регрессивный (ситуативный) типы. Вместе с тем автор выделяет дополнительный фактор риска совершения сексуального злоупотребления, когда взрослый получает эмоциональное удовлетворение от общения с детьми, поскольку имеет по сути детские эмоциональные потребности. Этот фактор пересекается с межличностным типом преступника в типологии МТС:СМЗ [26; 27].

Однако эта мотивация сама по себе не означает, что индивид совершит преступление. Необходимо наличие других предпосылок, каждая из которых является необходимым условием для возникновения следующей.

Вторая предпосылка (расторможенность – disinhibition) предполагает отсутствие внутренних тормозящих факторов для совершения злоупотребления. То есть преступник должен преодолеть свои запреты, ценности, установки, препятствующие совершению преступного поведения. Такая расторможенность обычно возникает под воздействием алкоголя, психоактивных веществ, при расстройствах импульса или психозах, в старости и т. п.

Оставшиеся две предпосылки определяют условия для реализации сексуального злоупотребления.

Третья предпосылка предполагает преодоление внешних препятствий для совершения преступления. Контакт с жертвой должен происходить в «безопасной» для преступника ситуации, когда вероятность быть пойманным достаточно низка. Эта предпосылка может соблюдаться при

нападении на незнакомого ребенка, при нарушениях семейной системы и безнадзорности жертвы, а также при сильных когнитивных искажениях самого преступника (например, он уверен, что жертва получит удовольствие от контакта и никому не расскажет).

Четвертая предпосылка вытекает из третьей и предполагает преодоление возможного сопротивления ребенка (с помощью угроз или физической силы, разного рода соблазнов, эмоциональной зависимости и т. п.).

По отдельности проблемы, приводящие к возникновению каждой из предпосылок, вполне решаемы, однако их сочетание увеличивает риск выбора социально неприемлемого способа сексуального поведения.

Интегративная теория W.L. Marshall и H.E. Barbaree (Integrated Theory) [30] представляет собой биопсихосоциальную модель, согласно которой преступное сексуальное поведение является результатом особых средовых условий, наложенных на врожденную predisposition.

Биологический компонент, или врожденная диспозиция, заключается в существующей органической связи между сексуальностью и агрессией. Согласно этой модели, индивид должен научиться отделять одно от другого, т. е. подавлять агрессию в сексуальном контексте.

Средовые факторы приобретают важнейшую роль при обучении контролю над этими импульсами. Авторы указывают, что насильственный стиль воспитания, поощрение агрессии, ранняя виктимизация (в том числе сексуальная), нарушения привязанности и другие неблагоприятные условия развития могут разрушить попытки индивида получить контроль над агрессивными и сексуальными импульсами (особенно в период подросткового возраста, когда связь между сексуальностью и агрессией становится сильнее).

Указанные условия развития также приводят к возникновению различных психологических факторов в виде неуверенности в себе и отсутствия положительного опыта привязанности, что в свою очередь способствует безразличию к чувствам других людей и озабоченности собственными переживаниями. Все это делает невозможным установление близких отношений с соответствующими по возрасту партнерами. Дети в таком случае могут восприниматься как более безопасные и надежные, чем взрослые, а сексуальный контакт с ними рассматриваться потенциальным преступником как способ удовлетворения сразу множества потребностей: в сексуальной и эмоциональной близости, в самоутверждении и контроле.

Четырехфакторная теория G.C.N. Hall и R. Hirschman (Quadripartite theory) [24] предполагает, что физиологические, когнитивные, аффективные и личностные факторы, которые выделяются разными исследователями в качестве причин сексуального злоупотребления, сами по себе служат основой мотивации сексуальных преступников.

Ключевая идея модели заключается в том, что каждый из вышеупомянутых факторов служит мотивационным предшественником, увеличивающим вероятность совершения преступления, но, как правило, лишь один из этих факторов является доминирующим для конкретного растлителя детей и выступает его основным мотивом.

Физиологический фактор включает в себя девиантное сексуальное возбуждение в ответ на признаки незрелости. Авторы проводят аналогию между индивидами, у которых доминирует физиологическая мотивация, и типом фиксированного/преференциального преступника.

Личностный мотивационный фактор сексуального злоупотребления выражается в нарушениях межличностного функционирования и, в частности, в невозможности установления отношений со сверстниками. Личностная мотивация к сексуальному злоупотреблению возникает вследствие различных причин (в результате нарушенных детско-родительских отношений, сексуальной или физической виктимизации и т. п.).

Аффективный мотивационный фактор отражает снижение контроля индивида за своим поведением в результате различных стрессовых ситуаций, негативных эмоциональных состояний

или нарушений саморегуляции (в принципе свойственных индивиду или возникших под влиянием психоактивных веществ).

Как можно видеть, доминирование личностного или аффективного мотивов в поведении свойственно и регрессивному/ситуативному преступнику, описанному в начале статьи.

Авторы выделяют также когнитивный мотивационный фактор, который заключается в наличии у индивида когнитивных искажений, позволяющих ему рассматривать детей как демонстрирующих сексуальные намерения.

Согласно модели G.C.N. Hall и R. Hirschman, активация одного из мотивационных факторов способствует возникновению и увеличению интенсивности других, и к совершению девиантного сексуального акта приводит их синергическое взаимодействие.

Многофакторная теория сексуальной преступности (The Integrated Theory of Sexual Offending (ITSO) T. Ward и A. Beech [36] представляет собой биопсихосоциальную модель. По мнению авторов теории, именно динамическое взаимодействие биологических, социальных и нейропсихологических факторов служит причиной сексуальной преступности.

Основное внимание в модели уделяется нейропсихологической составляющей, которая, по сути, позволяет объединить все известные факторы сексуального злоупотребления в единую систему.

Авторы ссылаются на данные исследователя В.Ф. Pennington [31], который вслед за А.Р. Лурия [7] выдвигает гипотезу, согласно которой центральная нервная система может быть разделена на три функциональных блока, связанных с различными функциями структур головного мозга: мотивационно-эмоциональную систему, систему восприятия и памяти, а также систему выбора и контроля действия.

Мотивационно-эмоциональная система связана с корковой, лимбической и стволовой структурами мозга. Функция этой системы заключается в генерации мотивации на основе целей и ценностей индивида. К нарушениям этой системы, согласно рассматриваемой теории, могут привести наследственность, патология развития нервной системы, особенности воспитания и индивидуального опыта. Например, индивид, воспитанный в эмоционально бедной среде, испытывает трудности с определением своих эмоций, а также эмоций других людей, в результате чего возникают сложности с пониманием и поведением в эмоционально насыщенных межличностных ситуациях.

Система восприятия и памяти связана, главным образом, с областями гиппокампа и задними отделами коры головного мозга. Одной из основных функций этой системы является обработка входящей сенсорной информации и построение репрезентаций объектов и событий. Нарушения системы памяти и восприятия могут приводить к неадекватным убеждениям и взглядам, трудностям в интерпретации социальных сигналов, что усложняет для человека эффективное управление своим поведением.

Система выбора и контроля действия связана с фронтальной корой, базальными ганглиями и частью таламуса; она обеспечивает способность к реализации планов и действий, направленных на достижение целей индивидов. Нарушения этой системы проявляются в проблемах саморегуляции, таких как импульсивность, неспособность подавлять отрицательные эмоции, неспособность корректировать действия в соответствии с изменившимися условиями, в плохих навыках решения проблем.

Предполагается, что для возникновения преступного сексуального поведения необходимо взаимодействие этих функциональных систем, но мотивы преступления и его реализация будут варьироваться в зависимости от конкретных нарушений. Авторы теории показывают, как взаимодействие нарушений в этих системах в результате может давать феноменологию сексуальных преступлений в виде проблем эмоциональной регуляции, когнитивных искажений, социальных трудностей и девиантного сексуального возбуждения. Объяснения механизмов

преступного сексуального поведения в рамках этой теории схожи с предыдущими точками зрения.

Биопсихосоциальная концепция аномального сексуального поведения (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.), предлагаемая отечественными учеными, качественно отличается от предложенных ранее зарубежных теорий.

Отечественные исследователи указывают, что сексуальное поведение обусловлено как биологическими, так и социальными факторами, каждый из которых на определенных этапах развития играет решающую роль.

А.А. Ткаченко и Г.Е. Введенский [1] показывают, что в основе аномального сексуального поведения может лежать множество различных вариантов органической патологии, среди которых в группе лиц с педофилией, в сравнении с показателями при других расстройствах сексуального предпочтения, доминируют нарушения височных отделов левого полушария.

Аномальное сексуальное поведение также оказывается связанным с целым рядом параметров сексуального дизонтогенеза в виде задержки психосексуального развития (инфантилизма), преждевременного развития и его дисгармонии (асинхронии психо- и соматосексуального развития) [13].

На различные варианты такой органической патологии наслаиваются разнообразные психосоциальные факторы в виде невозможности усвоения полоролевых стереотипов (при тяжелой степени умственной отсталости, при отсутствии эталона для идентификации с собственным полом и т. п.), отсутствия нормативного интереса к сексуальности в детском возрасте и пр.

Результирующими такого взаимодействия факторов становятся нарушения полового самосознания, что, в конечном итоге, и приводит к аномальному сексуальному поведению.

В работе 1998 г. Н.В. Дворянчиковым [2] было показано, что аномальное сексуальное поведение можно понимать как психосексуальную десоциализацию, являющуюся результатом нарушений полового самосознания. Им было обнаружено, что структура и содержание полового самосознания различаются у разных групп сексуальных преступников, а также были описаны диагностически значимые симптомокомплексы, характерные для той или иной клинко-сексологической нозологии.

Например, было показано, что у лиц, совершивших сексуальные преступления в отношении детей, выявляется *недостаточная усвоенность полоролевых стереотипов*, в частности, формальное представление о мужской половой роли, что может приводить к более упрощенному и свернутому характеру полоролевого поведения, обуславливая его стереотипизацию, ригидность [3]. Лица без расстройств сексуального предпочтения, совершившие сексуальные преступления в отношении детей, нередко имеют лишь формальное представление о мужской половой роли и в стремлении соответствовать эталону повышают свою самооценку за счет демонстрации во время преступления своей доминантности [9].

Для лиц с педофилией характерны определенные *нарушения полоролевой идентичности*, выражающиеся в слабой дифференциации образа Я по половозрастному признаку (выявляется идентификация с ребенком, черты инфантилизма) [8; 10]. В таком случае взаимодействие с ребенком становится для педофила дополнительным стимулом, поскольку такой объект больше подходит ему по уровню зрелости, недифференцированности полоролевых качеств и в этом смысле является более безопасным [9].

Половое самосознание лиц с педофилией характеризуется и *нарушениями восприятия объекта сексуального предпочтения*. Так, у них выявляются формальное и слабо дифференцированное восприятие половозрастных характеристик объекта [2; 8; 10]. Еще З. Старович [11] отмечал, что при просмотре фотографий с изображением девочек

гетеросексуальные педофилы отмечают в их типично детской мимике и поведении черты взрослого сексуального кокетства.

Как видно из проведенного анализа, все основные модели сексуального злоупотребления так или иначе пересекаются друг с другом. Вместе с тем, каждая из теоретических концепций в отдельности не исчерпывает всех возможных биопсихосоциальных факторов сексуальной преступности. Представляется, что обновление отечественной концепции сексуального злоупотребления на основе опыта зарубежных коллег существенно не меняет сути самой модели и позволит более детально подходить к анализу сексуальной преступности в отношении детей.

Литература

1. Аномальное сексуальное поведение / Под ред. А.А. Ткаченко, Г.Е. Введенского. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 1997. 426 с.
2. *Дворянчиков Н.В.* Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: Дис. ...канд. психол. наук. М., 1998. 178 с.
3. *Дворянчиков Н.В.* Психологическое исследование в сексологической экспертизе обвиняемых по сексуальным правонарушениям [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53470.shtml (дата обращения: 10.05.2014).
4. *Имелинский К.* Сексология и сексопатология. М.: Медицина, 1986. 424 с.
5. *Исаев Н.А.* Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 486 с.
6. *Крафт-Эбинг Р.Ф.* Половая психопатия. М.: Республика, 1996. 592 с.
7. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. 432 с.
8. *Макарова Т.Е., Дворянчиков Н.В.* Половозрастная идентичность у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63799.shtml> (дата обращения: 10.05.2014).
9. Педофилия: основные криминальные черты: Монография / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Проспект, 2012. 304 с.
10. *Радченко Н.А.* Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних: Дис. ... канд. мед. наук. М., 2002. 270 с.
11. *Старович З.* Судебная сексология. М.: Юридическая литература, 1991. 336 с.
12. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психоанализ детских неврозов. М.: АСТ, 2009. С. 147–280.
13. Частная сексопатология: В 2 т. Т. 2 / Под ред Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 1983. 352 с.
14. American Psychiatric Association. Paraphilic disorders // Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders: 5-th edition. DC, Washington: American Psychiatric Publishing, 2013. P. 697–700.
15. *Bickley J., Beech A.* Classifying child abusers: Its relevance to the theory and clinical practice // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2001. Vol. 45. № 1. P. 51–69.
16. *Blanchard R., Barbaree H.E.* The strength of sexual arousal as a function of the age of the sex offender: comparisons among pedophiles, hebephiles, and teleiophiles // Sexual Abuse: a Journal of Research and Treatment. 2005. Vol. 17. № 4. P. 441–456.
17. *Bridges M.R., Wilson J.S., Gacono C.B.* A Rorschach investigation of defensiveness, self-perception, interpersonal relations and affective states in incarcerated pedophiles // Journal of Personality Assessment. 1998. Vol. 70. № 2. P. 365–385.

18. *Danni K., Hampe G.D.* An analysis of predictors of child sex offender types using presentence investigation report // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2000. Vol. 44. № 3. P. 490–504.
19. *Dietz P.E.* Sex Offenses: Behavioural Aspects // *Encyclopedia of Crime and Justice* / S.H. Kadish (Ed.). N.Y.: Free Press, 1983. Vol. 4. P. 1489–1490.
20. *Finkelhor D.* Child sexual abuse: New theory and research. N. Y.: Free Press, 1984. 304 p.
21. *Fowler J.* A Practitioners' Tool for the Assessment of Adults Who Sexually Abuse Children. L.: J. Kingsley, 2008. 192 p.
22. *Greenberg D.M., Bradford J., Curry S.* Infantophilia – a new subcategory of pedophilia? A preliminary study // *The Bulletin of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 1995. Vol. 23. № 1. P. 63–71.
23. *Groth A.N., Hobson W.F., Gary T.S.* The child molester: Clinical observations // *Social Work and Child Abuse* / J. Conte, D.A. Shore (Eds.). N.Y.: Haworth, 1982. P. 129–144.
24. *Hall G.C.N., Hirschman R.* Sexual aggression against children: A conceptual perspective of etiology // *Criminal Justice and Behavior*. 1992. Vol. 19. № 1. P. 8–23.
25. *Holmes R.M., Holmes S.T.* Pedophilia and psychological profiling // *Holmes R.M., Holmes S.T. Profiling Violent Crimes: An Investigative Tool*. Thousand Oaks: Sage, 2002. P. 158–171.
26. *Knight R.A.* A taxonomic analysis of child molesters // *Human Sexual Aggression: Current Perspectives* / R.A. Prentky, V.L. Quinsey (Eds.). N.Y.: New York Academy of Sciences, 1988. P. 2–20.
27. *Knight R.A., Carter D., Prentky R.A.* A system for classification of child molesters // *Journal of Interpersonal Violence*. 1989. Vol. 4. № 1. P. 2–23.
28. *Lanning K.V.* Child Molesters: a Behavioral Analysis: For Professionals Investigating the Sexual Exploitation of Children. Arlington: National Center for Missing and Exploited Children, 2010. 196 p.
29. *Looman J., Gauthier C., Boer D.* Replication of the Massachusetts Treatment Center child molester typology in a Canadian sample // *Journal of Interpersonal Violence*. 2001. Vol. 16. № 8. P. 753–767.
30. *Marshall W.L., Barbaree H.E.* An integrated theory of the etiology of sexual offending // *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender* / Marshall W.L., Laws D.R., Barbaree H.E. (Eds.). N.Y.: Plenum Press, 1990. P. 257–278.
31. *Pennington B.F.* The Development of Psychopathology: Nature and Nurture. N.Y.: Guilford Press, 2002. 380 p.
32. *Quinsey V.L., Steinman C.M., Bergersen S.G. et al.* Penile circumference, skin conductance and ranking responses of child molesters and «normals» to sexual and non-sexual visual stimuli // *Behavior Therapy*. 1975. Vol. 6. № 2. P. 213–219.
33. *Samenow C.P.* A biopsychosocial model of hypersexual disorder/sexual addiction // *Sexual Addiction and Compulsivity*. 2010. Vol. 17. № 2. P. 69–81.
34. *Simon L.M.J., Sales B., Kaskniak A. et al.* Characteristics of child molesters: Implications of the fixated-regressed dichotomy // *Journal of Interpersonal Violence*. 1992. Vol. 7. № 2. P. 211–225.
35. *Walters G.D.* The paraphilias: A dialectically informed review of etiology, development, and process // *Sexual Addiction and Compulsivity*. 1997. Vol. 4. № 3. P. 221–243.
36. *Ward T., Beech A.* An integrated theory of sexual offending // *Aggression and Violent Behavior*. 2006. Vol. 11. № 1. P. 44–63.

Typological and Integrative Models of Sexual Abuse

Demidova L.Y.,

Junior Research Associate, Laboratory of Forensic Sexology, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Moscow, Russia, lyubov.demidova@gmail.com

Dvorjanchikov N.V.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, dvorian@gmail.com

We discuss the basic typological and integrative theoretical models that explain the occurrence of child sexual abuse and the differences detected among the perpetrators of crimes against sexual integrity of minors. A comprehensive review of the theoretical concepts of sexual abuse in our country, in fact has not been carried out, and in this paper for the first time we made such an attempt. It is shown that the existing notions of sexual abuse largely overlap each other, but each of the models somehow takes into account the factors not explicitly addressed in other concepts. Systematic consideration of the theoretical models of sexual abuse can generalize and systematize the available data on the mechanisms of pedophile behavior. This review provides an opportunity to develop a new benchmark in the study of sexual abuse, get closer to building the most accurate and comprehensive model. In turn, this may contribute to solving the questions about the factors, dynamics, and the prevention of criminal sexual conduct against children.

Keywords: sexual abuse, pedophilia, sexual crime, theoretical models.

References

1. Tkachenko A.A. (eds.) Anomal'noe seksual'noe povedenie [Abnormal sexual behavior]. Moscow: GNTs SSP im. V.P. Serbskogo, 1997. 426 p.
2. Dvoryanchikov N.V. Polorolevaya identichnost' u lits s deviantnym seksual'nym povedeniem. Diss. kand. psychol. nauk [Gender identity in individuals with deviant sexual behavior. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 1998. 178 p.
3. Dvoryanchikov N.V. Psikhologicheskoe issledovanie v seksologicheskoi ekspertize obvinyaemykh po seksual'nym pravonarusheniyam [Elektronnyi resurs] [Psychological research in sexological expertise of persons accused of sexual offences]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education www.psyedu.ru]*, 2012. no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53470.shtml (Accessed: 10.05.2014). (In Russ. Abstr. in Engl.).
4. Imelinskii K. Seksologiya i seksopatologiya [Sexology and Sexopathology]. Moscow: Meditsina, 1986. 424 p.
5. Isaev N.A. Seksual'nye prestupleniya kak ob'ekt kriminologii [Sexual crimes as an object of criminology]. St. Petersburg.: Juridicheskii centr Press, 2007. 486 p.
6. Kraft-Ebing R.F. Polovaya psikhopatiya [Sexual Psychopathy]. Moscow: Respublika, 1996. 592 p.
7. Luriya A.R. Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ikh narusheniya pri lokal'nyh porazheniyakh mozga [Higher cortical functions in man]. Moscow: Publ. Moskovskogo Universiteta, 1962. 432 p.
8. Makarova T.E., Dvoryanchikov N.V. Polovozrastnaya identichnost' u lits, sovershivshikh seksual'nye nasil'stvennye deistviya v otnoshenii detei [Age and gender identity in the perpetrators of sexual violence against children]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2013, no. 4. Available at:

<http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63799.shtml> (Accessed 10.05.2014). (In Russ. Abstr. in Engl.).

9. Antonyan Yu.M. (ed.) Pedofiliya: osnovnye kriminal'nye cherty: monografiya [Pedophilia: basic criminal traits: Monograph]. Moscow: Prospekt, 2012. 304 p.

10. Radchenko N.A. Kliniko-sotsial'naya kharakteristika i sudebno-psikhiatricheskaya otsenka lits, sovershivshikh protivopravnye seksual'nye deistviya v otnoshenii nesovershennoletnikh. Diss. kand. med. nauk [Clinico-social characteristics and forensic psychiatric assessment of persons who have committed illegal sexual acts with minors. M.D. diss.]. Moscow, 2002. 270 p.

11. Starovich Z. Sudebnaya seksologiya [Forensic Sexology]. Moscow: Juridicheskaya literatura, 1991. 336 p.

12. Freid S. Tri ocherka po teorii seksual'nosti [Three essays on the theory of sexuality]. In Freid S. *Psihoanaliz detskih nevrozov* [Psychoanalysis of childhood neuroses]. Moscow: AST, 2009. 288 p. (pp.147-280)

13. Vasil'chenko G.S. (ed.) Chastnaya seksopatologiya. V 2 T. T. 2 [Special sexopathology, Vol. 2]. Moscow: Meditsina, 1983. 352 p.

14. American Psychiatric Association. Paraphilic Disorders. Diagnostic and statistical manual of mental disorders, 5 edition. DC, Washington: American Psychiatric Publ., 2013. 991 p.

15. Bickley J., Beech A. Classifying child abusers: Its relevance to the theory and clinical practice. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2001. Vol. 45, no. 1, pp. 51-69.

16. Blanchard R., Barbaree H.E. The strength of sexual arousal as a function of the age of the sex offender: comparisons among pedophiles, hebephiles, and teleiophiles. *Sexual Abuse: A journal of research and treatment*, 2005. Vol. 17, no. 4, pp. 441-456.

17. Bridges M.R., Wilson J.S., Gacono C.B. A Rorschach investigation of defensiveness, self-perception, interpersonal relations and affective states in incarcerated pedophiles. *Journal of Personality Assessment*, 1998. Vol. 70, no. 2, pp. 365-385.

18. Danni K., Hampe G.D. An analysis of predictors of child sex offender types using presentence investigation report. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2000. Vol. 44, no. 3, pp. 490-504.

19. Dietz P.E. Sex Offenses: Behavioural Aspects. Encyclopedia of Crime and Justice. Kadish S.H. (ed.). NY, New York: Free Press Publ., 1983. Vol. 4, 1790 p. (pp. 1489-1490)

20. Finkelhor D. Child sexual abuse: New theory and research. NY, New York: Free Press Publ., 1984. 304 p.

21. Fowler J. A. Practitioners' Tool for the Assessment of Adults Who Sexually Abuse Children. London: J. Kingsley Publ., 2008. 192 p.

22. Greenberg D.M., Bradford J., Curry S. Infantophilia - a new subcategory of pedophilia? A preliminary study. *The Bulletin of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 1995. Vol. 23, no. 1, pp. 63-71.

23. Groth A.N., Hobson W.F., Gary T.S. The child molester: Clinical observations. In Conte J. (eds.) *Social Work and Child Abuse*. NY, New York: Haworth, 1982, pp. 129-144).

24. Hall G.C.N., Hirschman R. Sexual aggression against children: A conceptual perspective of etiology. *Criminal Justice and Behavior*, 1992. Vol. 19, no. 1, pp. 8-23.

25. Holmes R.M., Holmes S.T. Pedophilia and psychological profiling. In *Profiling violent crimes: An investigative tool*. CA, Thousand Oaks: Sage Publ., 2002, pp. 158-171.

26. Knight R.A. A taxonomic analysis of child molesters. In Prentky R.A. (eds.) *Human Sexual Aggression: Current Perspectives*. NY, New York: New York Academy of Sciences Publ., 1988, pp. 2-20.

27. Knight R.A., Carter D., Prentky R.A. A system for classification of child molesters. *Journal of interpersonal violence*, 1989. Vol. 4, no. 1, pp. 2-23.

28. Lanning K.V. Child Molesters: a behavioral analysis: For professionals investigating the sexual exploitation of children. VA, Arlington: National Center for Missing and Exploited Children Publ. 2010. National Center for Missing & Exploited children. 196 p.

29. Looman J., Gauthier C., Boer D. Replication of the Massachusetts Treatment Center child molester typology in a Canadian sample. *Journal of Interpersonal Violence*, 2001. Vol. 16, no. 8, pp. 753-767.

30. Marshall W.L., Barbaree H.E. An integrated theory of the etiology of sexual offending. In Marshall W.L. (eds.) *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender*. NY, New York: Plenum Press Publ., 1990, pp. 257–278.
31. Pennington B.F. The development of psychopathology: Nature and nurture. NY, New York: Guilford Press Publ., 2002. 380 p.
32. Quinsey V.L., Steinman C.M., Bergersen S.G., Holmes T.F. Penile circumference, skin conductance and ranking responses of child molesters and "normals" to sexual and non-sexual visual stimuli. *Behavior Therapy*, 1975. Vol. 6, no. 2, pp. 213–219.
33. Samenow C.P. A biopsychosocial model of hypersexual disorder/sexual addiction. *Sexual Addiction & Compulsivity*, 2010. Vol. 17, no. 2, pp. 69–81.
34. Simon L.M.J., Sales B., Kaskniak A., Kahn M. Characteristics of child molesters: Implications of the fixated-regressed dichotomy. *Journal of Interpersonal Violence*, 1992. Vol. 7, no. 2, pp. 211–225.
35. Walters G.D. The paraphilias: A dialectically informed review of etiology, development, and process. *Sexual Addiction & Compulsivity*, 1997. Vol. 4, no. 3, pp. 221–243.
36. Ward T., Beech A. An integrated theory of sexual offending. *Aggression and Violent Behavior*, 2006. Vol. 11, no. 1, pp. 44–63.

Сравнительный анализ личностных структур лиц, совершивших агрессивные и неагрессивные правонарушения

Калашникова А.С.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, старший научный сотрудник, ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» МЗ РФ, Москва, Россия, kaspsy@mail.ru

Василенко Т.Г.,

аспирантка кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, vasilenko.t.g@gmail.com

Проблема возникновения агрессивного поведения рассматривается через анализ взаимосвязи проагрессивных и ингибирующих агрессию личностных структур. В описываемом исследовании приняли участие 54 мужчины, отбывающие наказание за совершение уголовных преступлений, из них 24 человека – за совершение насильственных правонарушений и 30 человек – за совершение правонарушений без применения насилия. Использовались методики, направленные на исследование как проагрессивных, так и сдерживающих агрессию личностных структур. Статистическая обработка данных проводилась с помощью выявления значимых различий между группами и определения корреляционных связей. На их основании строились корреляционные плеяды, которые интерпретировались с помощью не только количественного, но и качественного анализа. Согласно полученным результатам, между исследуемыми группами статистически значимых различий по уровню выраженности агрессивности и ингибиторов агрессии обнаружено не было, однако были выявлены качественные различия при структурном анализе данных индивидуально-психологических особенностей, которые предположительно и отличают агрессивных правонарушителей от лиц, совершивших правонарушения без применения насилия.

Ключевые слова: агрессивное поведение, противоправные насильственные действия, правонарушения без использования насилия, проагрессивные факторы, ингибиторы агрессии, тормозящие (подавляющие) агрессию личностные структуры.

Для цитаты:

Калашникова А.С., Василенко Т.Г. Сравнительный анализ личностных структур лиц, совершивших агрессивные и неагрессивные правонарушения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalashnikova_Vasilenko.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

*Kalashnikova A.S., Vasilenko T.G. Comparative analysis of personality structures of the perpetrators of aggressive and non-aggressive offense [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalashnikova_Vasilenko.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)*

Проблема профилактики различного рода правонарушений стоит достаточно остро как в Российской Федерации, так и за рубежом в связи с неизменно высоким уровнем преступлений насильственного и ненасильственного характера, наносящими значительный ущерб государству и его гражданам. Между тем современные научные исследования сконцентрированы на изучении проблемы криминальной агрессии и в большинстве случаев ограничиваются рассмотрением исключительно личностных структур, провоцирующих агрессивное поведение и повышающих риск совершения противоправных насильственных действий [1; 2; 14], при этом проблема исследования совместного вклада агрессивных и тормозящих агрессивные проявления личностных структур остается в меньшей степени изученной [3; 4; 8]. Недостаточно освещен и вопрос о влиянии различно направленных личностных структур на формирование психологических механизмов совершения не только агрессивно-насильственных правонарушений, но и правонарушений без применения насилия. Научные исследования в данном направлении позволили бы не только более полно описать психологические факторы, вносящие вклад в формирование противоправного поведения, но и разработать направления профилактики и коррекции подобного рода деликтов.

Целью проведенного нами исследования было выявление индивидуально-психологических особенностей, способствующих и сдерживающих проявления агрессии, у лиц, осужденных за агрессивные правонарушения и осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия.

С точки зрения уголовного права и криминологии, агрессивно-насильственное преступление – это умышленное физическое действие, причиняющее физический ущерб личности, а также угроза нанесения такого или любого другого ущерба, принудительное воздействие на человека, его притеснение, нарушение личной неприкосновенности [6]. В нашем исследовании в качестве насильственных рассматривались все преступления, при совершении которых применялось насилие как субъективно враждебное и нацеленное причинение физического вреда разрушающего характера другому человеку, независимо от того, было ли оно элементом мотивации или только средством достижения цели [5; 13].

Индивидуально-психологические особенности в рамках выбранной для нашего исследования теоретической концепции [8] были условно разделены на способствующие и сдерживающие агрессивные импульсы личностные структуры. Так, проагрессивные факторы включают в себя общий уровень агрессивности личности, которая рассматривается в трех планах: мотивационная агрессивность (внутреннее побуждение к совершению агрессивных действий), агрессивность как черта личности (в виде привычного способа реагирования в различных жизненных ситуациях) и реактивная агрессивность (агрессия в ответ на психотравмирующие воздействия). Под ингибиторами агрессии понимаются психологические факторы, предупреждающие агрессивные действия и включающие в себя личностные структуры, подавляющие агрессивные импульсы [7]. Согласно типологии тормозящих (подавляющих) агрессию личностных структур, предложенной Ф.С. Сафуановым [8], среди ингибиторов агрессии выделяют социально-нормативные, ценностные, диспозиционные, эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные тормозящие тенденции и механизмы психологической защиты.

Материал и методы исследования

В нашем исследовании приняли участие 54 осужденных, отбывающих наказание в Следственном изоляторе № 3 Москвы, а также в Исправительной колонии Коломны в период с сентября 2012 г. по апрель 2013 г.

В качестве экспериментальной группы были исследованы 24 мужчины в возрасте от 18 до 55 лет (средний возраст – 31 год), отбывающие наказание за агрессивные правонарушения по статьям: 105 части 1, 2 УК РФ («Убийство»); 111 части 1, 4 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»); 131 части 1, 2 УК РФ

(«Изнасилование»); 132 части 1, 2 УК РФ («Насильственные действия сексуального характера»); 162 части 1, 2 УК РФ («Разбой»).

Контрольную группу составили 30 мужчин в возрасте от 19 до 55 лет (средний возраст – 30 лет), осужденные за правонарушения без применения насилия по статьям: 119 часть 1 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»); 135 части 1, 2 УК РФ («Развратные действия»); 158 УК РФ («Кража»); 159 части 2, 3 УК РФ («Мошенничество»); 160 часть 1 УК РФ («Присвоение или растрата»); 161 УК РФ («Грабеж»); 228 УК РФ («Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»); 325 части 1, 2 УК РФ («Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия»).

Для изучения социально-психологических характеристик, а также получения криминологических данных были использованы методы стандартизированного интервью и анализа документации. Для выявления индивидуально-психологических особенностей применялись следующие методики: «Тест смысловых ориентаций (СЖО)» Дж. Крамбо, Л. Махолика, адаптированный Д.А. Леонтьевым (для выявления ценностных ингибиторов агрессии); опросник Плутчика–Келлермана–Конте «Индекс жизненного стиля» (LSI) (для выявления механизмов психологической защиты); тест «Исследование волевой саморегуляции» (ВСК) А. Зверкова, Е.В. Эйдмана (для выявления эмоционального ингибитора агрессии в форме волевой саморегуляции); «Торонтская алекситимическая шкала» Г. Тейлора (TAS-26) (для выявления эмоциональных ингибиторов агрессии); «Личностный опросник агрессивности» Басса–Перри (для выявления диспозиционной агрессивности); «Тест руки» Э. Вагнера (для выявления мотивационной агрессивности); «Тест фрустрационной толерантности» С. Розенцвейга (для выявления реактивной агрессивности); «Методика многостороннего исследования личности (ММИЛ)» в интерпретации Ф.Б. Березина (для выявления социально-нормативных ингибиторов агрессии – шкалы F, 4,8; эмоциональных – шкалы 2, 7, 8, 9; коммуникативных – шкала 0; диспозиционных – шкалы 1, 3, 6).

Для верификации полученных результатов применялась статистическая обработка данных при помощи программы IBM SPSS Statistics 20. Определение значимости различий показателей между группами производилось с помощью критерия Манна–Уитни; корреляционный анализ – с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

По результатам проведенного исследования статистически значимых различий между экспериментальной выборкой лиц, осужденных за агрессивные правонарушения, и контрольной выборкой лиц, осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия, практически обнаружено не было. Единственным значимым различием при данном сравнении явился показатель удовлетворенности личности прожитым этапом жизни и его результативностью (показатель «Результат» в методике СЖО), выраженный у лиц, совершивших агрессивные правонарушения, в меньшей степени (при $p < 0,05$). Подобный результат может быть вызван рядом причин. Во-первых, испытуемые обеих групп исследования являются осужденными одной колонии и отбывают наказание вместе на протяжении многих лет, что придает этим группам черты гомогенности. Во-вторых, акцент на указанном показателе может быть обусловлен различными степенью тяжести и характером совершенных правонарушений, влекущими за собой различные последствия и условия отбывания наказания.

В связи с отсутствием статистически значимых количественных различий между группами был проведен качественный анализ путем интерпретации структурных

элементов в корреляционных плеядах¹, составленных на основе выявленных в каждой группе корреляционных связей².

По результатам проведенного качественного анализа наблюдаются уникальные картины связей проагрессивных и ингибирующих структур в каждой группе исследования. Если обратиться к корреляционной плеяде проагрессивных структур и ингибиторов агрессии в группе лиц, совершивших агрессивные правонарушения (рис. 1), то при ее анализе выявляется центральная тенденция – склонность к фиксации на препятствии на пути к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме явного подчеркивания наличия препятствия или состояния фрустрации (показатель E' в методике «Тест фрустрационной толерантности» С. Розенцвейга). Личностные свойства тесно связываются здесь в одну структуру. Внутри структуры, несмотря на большое количество ее элементов, наблюдается небольшое количество связей, что может говорить о простоте организации ассоциативных связей личностной структуры.

На первый взгляд, проагрессивные структуры и ингибиторы агрессии представлены примерно в равном соотношении, однако не все параметры, изначально принимаемые в качестве сдерживающих агрессию факторов, выполняют тормозящую функцию. Так, изначально предполагаемые в качестве ингибирующих агрессию структур шкалы ММИЛ проявляются в данной плеяде в качестве личностных особенностей, в большей мере способствующих проявлению агрессии (высокие значения шкалы 4 «Реализация эмоционального напряжения в непосредственном поведении», шкалы 6 «Аффективная ригидность», шкалы 8 «Ориентация на внутренние критерии» и низкие значения шкалы 7 «Фиксация тревоги и ограничительное поведение», имеющие прямые корреляционные связи с показателем E' «Склонность фиксации на препятствии»). Обнаруживается прямая корреляционная зависимость между большинством проагрессивных структур друг с другом и другими элементами личностной структуры; это говорит о том, что при усилении данных элементов проагрессивные структуры также усиливаются. Так, центральный компонент структуры – показатель E' – при обратной зависимости подавляет выраженность ингибиторов агрессии, один из которых (показатель «самообладание»), в свою очередь, при обратной зависимости усиливает элемент защитного механизма регрессии (методика LSI), увеличивающего при прямой зависимости выраженность проагрессивных структур. Обратная зависимость между разно направленными личностными тенденциями наблюдается лишь между тенденцией к реакции гнева («Гнев» в методике Басса–Перри) как элемента проагрессивных структур и общим уровнем волевого самоконтроля, самообладания и настойчивости (методика ВСК) как элементов ингибирующих агрессию структур личности. Так, при усилении общего уровня волевого самоконтроля, самообладания и настойчивости тенденция к реакции гнева ослабевает.

¹В связи с большим количеством измеряемых параметров и, как следствие, большим количеством значимых связей при составлении корреляционных плеяд учитывались корреляционные связи только при $p < 0,01$.

² При построении корреляционных плеяд учитывались взаимосвязи только между отдельными шкалами без учета суммарных показателей.

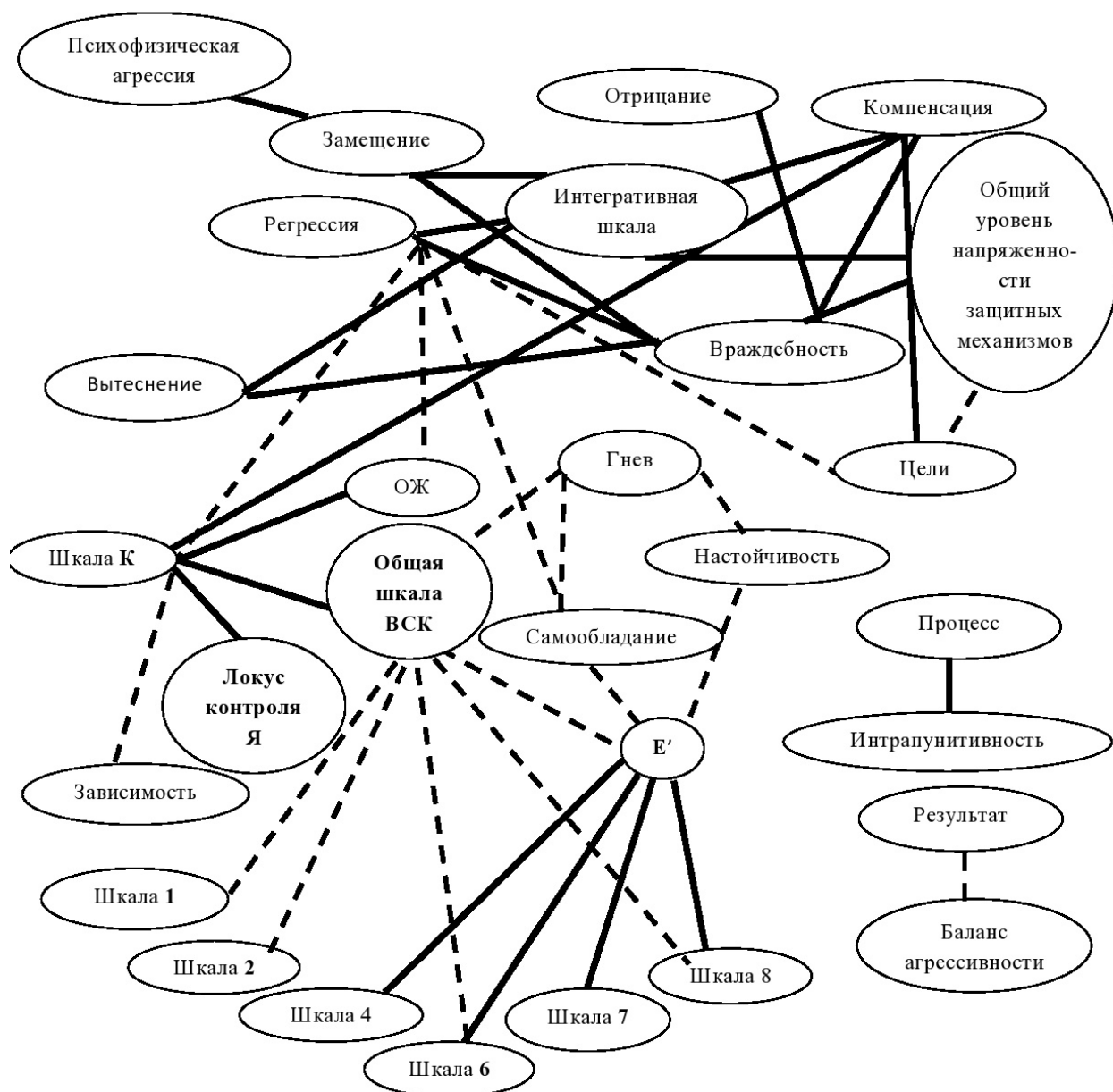

Рис.1. Корреляционная плеяда проагрессивных структур и ингибиторов агрессии в группе осужденных за агрессивные правонарушения ($p < 0,01$)

Вместе с тем отдельного внимания заслуживает группа проагрессивных структур (на рис. 1 показатели «психофизическая агрессия» и «враждебность»), напрямую связанная с механизмами психологической защиты. Так, склонность к проявлению физической агрессии у осужденных за агрессивные правонарушения часто сочетается с проявлением таких механизмов психологической защиты, как вытеснение, регрессия, отрицание, проекция, компенсация, а также с общим уровнем напряженности механизмов защиты (при $p < 0,05$)³ при наиболее выраженном механизме замещения (при $p < 0,01$). Склонность к реакции гнева тесно связана с механизмом регрессии (при $p < 0,05$), а тенденция к враждебности – с проекцией и рационализацией (при $p < 0,05$) и такими механизмами, как

³ На рис. 1 не представлены описываемые корреляционные связи при уровне значимости $p < 0,05$, поскольку при построении корреляционных плеяд учитывались корреляционные связи только при $p < 0,01$.

вытеснение, регрессия, замещение, отрицание, компенсация, а также с общим уровнем напряженности защитных механизмов (при $p < 0,01$). Общая тенденция к агрессивным реакциям тесно связана у осужденных за агрессивные правонарушения с механизмами отрицания, проекции, рационализации (при $p < 0,05$) при наиболее тесной связи с механизмами вытеснения, регрессии, замещения, компенсации, а также общей напряженностью защитных механизмов (при $p < 0,01$). В данном случае механизмы психологической защиты также не выполняют роль ингибиторов агрессии, а скорее способствуют ее реализации.

При анализе корреляционной плеяды проагрессивных структур и ингибиторов агрессии в группе осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия, выявляется центральный компонент структуры личностных параметров – алекситимия (TAS-26; рис. 2). Вместе с тем структура корреляционной плеяды рассматриваемой группы разделена на большое количество частей, не связанных между собой. Наблюдается небольшое количество связей между элементами, что может говорить о бедности личностной структуры и слабом характере ее ассоциативных связей. Можно сказать, что с небольшим перевесом преобладает выраженность ингибиторов агрессии по сравнению с проагрессивными структурами, при этом по сравнению с рассмотренной выше корреляционной плеядой осужденных, совершивших насильственные правонарушения, в этом случае изначально предполагаемые в качестве ингибиторов агрессии личностные структуры выполняют данную функцию, обнаруживая обратные корреляционные связи с показателями методик, отражающими склонность к проявлению агрессии. Так, у лиц, осужденных за совершение неагрессивных правонарушений, в отличие от осужденных за совершение насильственных преступлений, механизмы психологической защиты и шкалы ММИЛ играют роль ингибиторов агрессии (в том числе и при $p < 0,05$).

Наблюдается прямая зависимость между центральным показателем – алекситимией – и элементами проагрессивных структур личности: общей выраженностью агрессивных тенденций, реакцией гнева, враждебностью и психофизической агрессией (методика Басса–Перри). Это говорит о том, что у осужденных, совершивших правонарушения без применения насилия, ярко выраженная алекситимия усиливает выраженность данных элементов проагрессивных структур. Однако, как показано на рис. 2, обратной зависимостью связаны с алекситимией такие ингибиторы агрессии, как уровень волевого самоконтроля, самообладание (ВСК) и удовлетворенность прожитым этапом жизни («Жизнь» в методике СЖО) или его результативностью («Результат» в методике СЖО). Это означает, что при усилении данных тормозящих агрессию элементов выраженность алекситимии снижается, а вслед за ней соответственно снижается выраженность элементов проагрессивных структур. На проагрессивные структуры, в свою очередь, воздействует принятие ответственности и контроля над собственной жизнью, также их ослабляя.

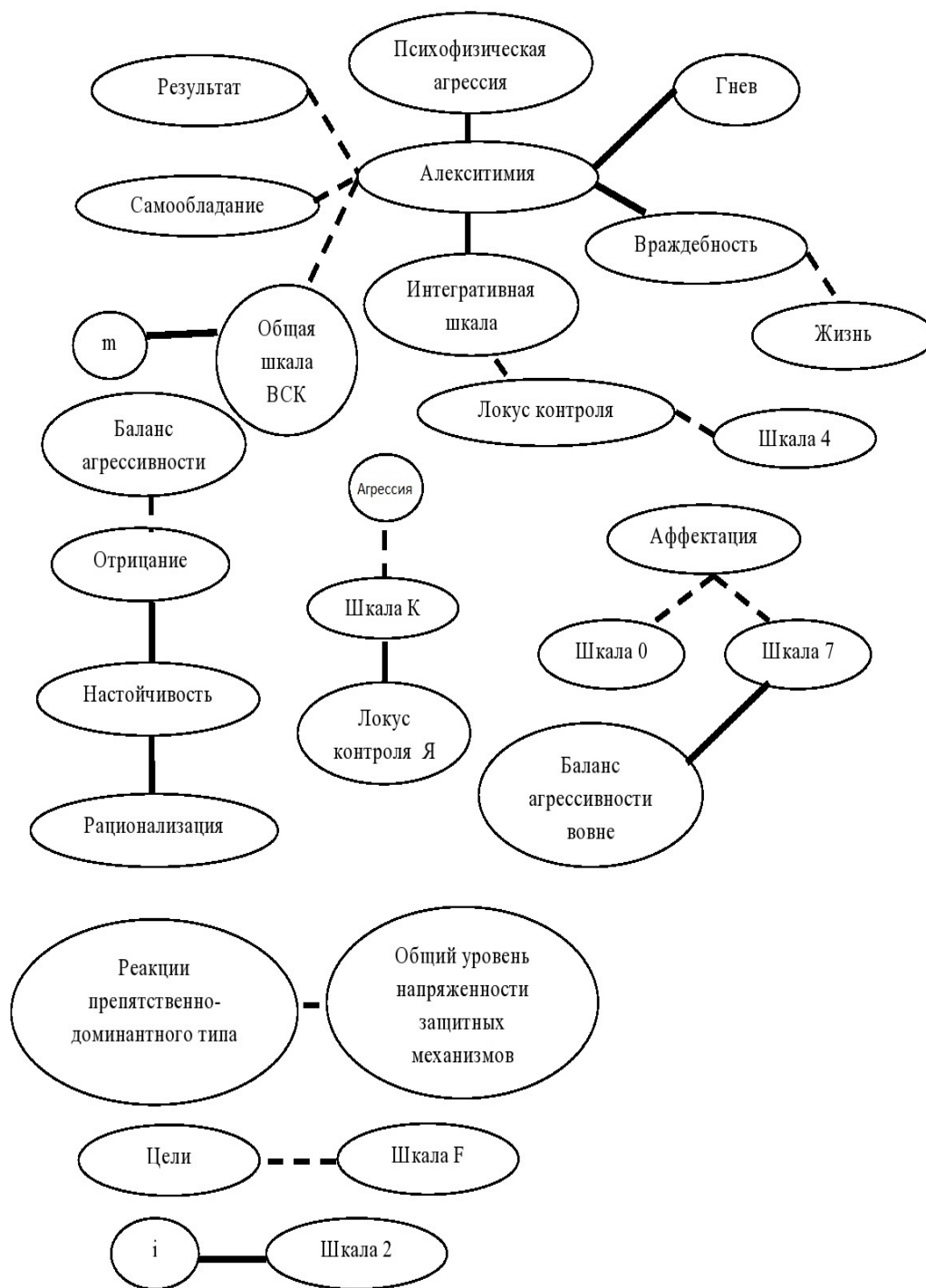

Рис. 2. Корреляционная плеяда проагрессивных структур и ингибиторов агрессии у лиц, совершивших правонарушения без применения насилия ($p < 0,01$)

Таким образом, у осужденных за насильственные правонарушения и осужденных за совершение правонарушений без применения насилия проагрессивные и ингибирующие элементы представлены различными картинами взаимосвязей в личностных структурах данных групп, что может являться фактором, обуславливающим характер поведения. Данные результаты подтверждают и дополняют исследования отечественных

и зарубежных авторов. Так, выявленные в нашем исследовании ведущие ингибиторы агрессии в форме самообладания и уровня волевого самоконтроля соотносятся с зарубежными исследованиями, представленными в Общей модели агрессии (General aggression model) [9; 10], мета-теории интегративной структуры связи агрессии и тормозящих механизмов I3 (I-cubedtheory) [11], теории взаимодействия личностных систем (Personality Systems Interaction Theory) [12]. Вместе с тем, в проведенном нами исследовании нашло отражение мнение, согласно которому любой фактор риска может являться одновременно защитным фактором, и наоборот [14].

Полученные в рамках данной работы результаты могут внести вклад в разработку коррекционных и реабилитационных программ как для осужденных за агрессивные правонарушения, так и для осужденных за правонарушения без применения насилия, реализация которых возможна в исправительных учреждениях. Данные программы могут быть построены с учетом принципа опоры на сохраненные и развитые ингибирующие агрессию структуры личности осужденных. Помимо этого, полученные данные могут быть приняты во внимание для профилактики правонарушений данного типа, а также в рамках судебной экспертизы.

Выводы

1. Статистически значимых количественных различий в выраженности индивидуально-психологических характеристик правонарушителей, осужденных за агрессивные правонарушения, и осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия, выявлено не было, за исключением показателя удовлетворенности личности пройденным этапом жизненного пути.

2. Для лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, характерно сочетание внешне обвиняющей позиции и склонности к фиксации на препятствии на пути к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме явного подчеркивания наличия препятствия, которое находится в прямой взаимосвязи с такими чертами личности, как аффективная ригидность, тревожность, низкая способность к эмпатии, и в обратной взаимосвязи с такими особенностями, как настойчивость, самообладание и самоконтроль.

3. Для осужденных за совершение правонарушений без применения насилия ведущим звеном проагрессивных личностных особенностей является сниженная способность к различению собственных эмоций и эмоций других людей, сопровождаемая склонностью к реакциям гнева, враждебностью и психофизической агрессией, однако решающая роль отводится факторам, сдерживающим агрессивные импульсы, в виде самообладания, нацеленности на результат, высокой осмысленности жизни, принятия общепринятых норм и правил поведения.

4. При одинаково слабом характере ассоциативных связей и бедности личностных структур у лиц, осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия, и у лиц, осужденных за агрессивные правонарушения, наблюдается преобладание схожих ингибиторов агрессии: волевого самоконтроля и самообладания.

5. Одни и те же личностные структуры у осужденных за совершение правонарушений без применения насилия выступают в качестве ингибиторов агрессии, а у осужденных за агрессивно-насильственные правонарушения – в качестве факторов, способствующих ее проявлению.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Личность преступника: Криминологическое исследование. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 368 с.
2. *Бартол К.* Психология криминального поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 352 с.

3. *Калашникова А.С.* Соотношение личностных предпосылок разнонаправленной (гетеро- и ауто-) агрессии // Мир психологии. 2009. № 4. С. 258–266.
4. *Калашникова А.С., Василенко Т.Г.* Особенности проявления проагрессивных и ингибирующих агрессию структур у лиц, совершивших агрессивные правонарушения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (дата обращения: 16.05.2014).
5. *Ложкин А.И.* Психология личности агрессивного-насильственного преступника (мотивационно-смысловой аспект). Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2002. 136 с.
6. *Лунеев В. В.* Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 107 с.
7. *Налчаджян А.А.* Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 736 с.
8. *Сафуанов Ф.С.* Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
9. *Anderson G.A., Carnagey N.L.* Violent evil and the general aggression model // Miller A.G. (Ed.). *The Social Psychology of Good and Evil*. N. Y.: Guilford Publications, 2004. P. 162–192.
10. *Cobb R. A., DeWall C.N., Lambert N.M.* et al. Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2013. P. 279–292.
11. *Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J.* Self-Control and aggression // *Current Directions in Psychological Science*. 2012. Vol. 21. P. 20–25.
12. *Ross T., Fontao M.I.* The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2008. Vol. 52. P. 554–572.
13. *Tapscott J.L., Hancock M., Hoaken P.N.S.* Severity and frequency of reactive and instrumental violent offending: divergent validity of subtypes of violence in an adult forensic sample // *Criminal Justice and Behavior*. 2012. Vol. 39. P. 202–223.
14. *Webster C.D., Martin M., Brink J.* et al. Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START): An evaluation and planning guide. Hamilton, Ontario: St. Joseph's Healthcare Hamilton, 2004. P. 1–15.

Comparative Analysis of Personality Structures of the Perpetrators of Aggressive and Non-aggressive Offense

Kalashnikova A.S.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Senior Research Fellow, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Moscow, Russia, kaspsy@mail.ru

Vasilenko T.G.,

PhD Student, Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, vol4onka_@mail.ru

The problem of the emergence of aggressive behavior is seen through the analysis of the relationship of proaggressive and inhibiting aggression personality structures. The study involved 54 men serving sentences for criminal offenses, of which 24 were accused for violent offenses and 30 - for offenses without resorting to violence. We used questionnaires to study the proaggressive and deterring aggression personality structures. Statistical analysis was performed to reveal significant differences between groups and to determine correlations. On this basis, the

correlations were interpreted with the help of not only quantitative but also qualitative analysis. The results showed no significant differences in the level of expression of aggression and aggression inhibitors between treatment groups, but we identified qualitative differences in the structural analysis of data from individual psychological characteristics that are expected to distinguish aggressive offenders from the perpetrators without violence.

Keywords: aggressive behavior, illegal acts of violence, offense without the use of violence, proaggressive factors, aggression inhibitors, personality structures which inhibit (suppress) aggression.

References

1. Antonian Yu. M. Lichnost' prestupnika: Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie [The personality of the offender: a criminological-psychological approach]. Moscow: Norma: Infra-M, 2010. 368 p.
2. Bartol K. Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya [Criminal Behavior: A Psychological Approach]. St. Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2004. 352 p.
3. Kalashnikova A.S. Sootnoshenie lichnostnykh predposylok raznonapravlennoi (getero- i auto-) agressii [The relationship of the individual predictors of the multidirectional (self- and other-directed aggression)]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2009, no. 4, pp. 258–266.
4. Kalashnikova A.S., Vasilenko T.G. Osobennosti proiavleniia proagressivnykh i ingibiruiushchikh agressiiu struktur u lits, sovershivshikh agressivnye pravonarusheniia [Features manifestations proagressivnykh and inhibiting aggression structures in perpetrators aggressive offense]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2013, no. 3. Available at: URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (Accessed 16.05.2014).
5. Lozhkin A.I. Psikhologiya lichnosti agressivno-nasil'stvennogo prestupnika (motivatsionno-smyslovoi aspekt) [The personality of violent offender: a psychological approach (the semantic-motivational aspect)]. Ekaterinburg: Publ. Ural.iurid. in-ta MVD Rossii, 2002. 136 p.
6. Lunev V.V. Motivatsiia prestupnogo povedeniia [Motivation of the violent behavior]. Moscow: Nauka, 1991. 107 p.
7. Nalchadzhian A.A. Agressivnost' cheloveka [Human aggressiveness]. St. Petersburg: Piter, 2007. 736 p.
8. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii [The psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.
9. Anderson G.A., Carnagey N.L. Violent evil and the general aggression model. In Miller A.G. (Ed.). *The social psychology of good and evil*. New York Guilford Publications, 2004, pp. 162–192.
10. Cobb R. A., DeWall C.N., Lambert N.M., Fincham F.D. Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence? *Personality and social psychology bulletin*, 2013, pp. 279–292.
11. Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J. Self-Control and Aggression. *Current Directions in Psychological Science*, 2012. Vol. 21, pp. 20–25.
12. Ross T., Fontao M.I. The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory. *International journal of offender therapy and comparative criminology*, 2008. Vol. 52, pp. 554–572.
13. Tapscott J.L., Hancock M., Hoaken P.N.S. Severity and frequency of reactive and instrumental violent offending: divergent validity of subtypes of violence in an adult forensic sample. *Criminal justice and behavior*, 2012. Vol. 39, pp. 202–223.
14. Webster C.D., Martin M., Brink J., Nicholls T.L., Middleton C. Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START): An evaluation and planning guide. Hamilton, Ontario: St. Joseph's Healthcare Hamilton, 2004, pp. 1–15.

Особенности представлений родителей о правовой социализации детей

Калашникова А.С.,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, старший научный сотрудник, ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» МЗ РФ, Москва, Россия
kaspsy@mail.ru*

Шалунова А.Д.,

*студентка кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия
Aniuta.Shalunova@yandex.ru*

Недостаточная изученность влияния родительских стратегий воспитания на становление правосознания детей и подростков в дестабилизирующих социальных условиях современного общества обуславливает актуальность проведенной авторами работы. В исследовании приняли участие 64 человека (39 женщин и 25 мужчин) в возрасте от 24 до 48 лет, имеющих несовершеннолетних детей, из них 30 человек с гармоничным стилем родительского воспитания и 34 человека – с дисгармоничным стилем. Использовались опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис), методика изучения уровня правосознания Дж. Тапп и Ф. Левина, а также специально разработанные авторские анкеты, направленные на изучение когнитивного (знания родителей о правовой социализации) и поведенческого (беседы на темы права, подкрепление и наказание правильных и неправильных действий, контроль за исполнением, личный пример) компонентов правовой социализации. Получены новые эмпирические данные о связи особенностей правовой социализации детей с детско-родительскими отношениями, уточнена роль отдельных типов родительского отношения в формировании правовой социализации детей, выявлены факторы родительского отношения, затрудняющие и облегчающие процесс правовой социализации детей.

Ключевые слова: правосознание, правовая социализация, стиль родительского воспитания, семья, институты социализации, права, безопасность, наказание, преступник, преступление, жертва.

Для цитаты:

В Калашникова А.С., Шалунова А.Д. Особенности представлений родителей о правовой социализации детей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalashnikov_Shalunova.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

*Kalashnikova A.S., Shalunova A.D. Parents representations of the legal socialization of children [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalashnikov_Shalunova.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)*

Правовую социализацию можно определить как процесс усвоения индивидом правовых норм и ценностей правовой культуры окружающей среды [2]. Процесс правового становления личности происходит посредством правового воспитания, а также предметно-

практической деятельности самого индивида [7]. Традиционными институтами правовой социализации являются семья, образовательные учреждения, средства массовой коммуникации, правоохранительные органы, суд, пенитенциарные учреждения, культура в целом [2]. Разные институты оказывают влияние на разных этапах жизни человека. В период ранней социализации, наиболее существенного этапа, важнейшую роль в развитии ребенка, его сознания, мышления, восприятия, речи безусловно играют родители, причем формирование личности ребенка проходит зачастую на бессознательном или подсознательном уровне. Инстинкт подражания помогает усваивать те образцы правомерного или противоправного поведения, которые демонстрируют значимые взрослые. Стремление к одобрению родителей является в раннем возрасте настолько сильным, что именно оно побуждает ребенка к такому поведению, в котором он не испытывает непосредственной потребности [8].

Семейная система является основой развития личности ребенка. Вовлеченность ребенка в семейную систему выступает одним из определяющих факторов его правовой социализации [8]. Вместе с тем остается невыясненным вопрос о взаимосвязи отдельных компонентов родительского отношения и элементов правовой социализации детей. Так, возможны различные варианты родительского отношения, в основе которых лежат как психологические особенности родителей, так и особенности семейной ситуации, условий жизни семьи, наличия культуры и знания об особенностях воспитания детей. В случае несбалансированного родительского отношения воспитание приобретает дисгармоничный вид, в целом негативно сказывающийся на развитии всей личности ребенка [10].

Семья является источником как имплицитной, так и эксплицитной правовой социализации [9]. Имплицитная правовая социализация проявляется в способах воспитания детей и их обосновании. В семье ребенок усваивает первые моральные нормы, часть которых («не убей», «не укради») соответствует существующему закону. Эксплицитная правовая социализация реализуется через обучение ребенка поведению в ситуациях, угрожающих его благополучию. В частности, из уст родителей ребенок получает сведения, способствующие его выживанию, например, информацию о том, что такое преступление и как не стать его жертвой.

Анализ научной литературы показал, что правовая социализация – недостаточно изученная область знаний. Так, все исследования сосредоточены в первую очередь на области образования [4; 5], в то время как в области семейной правовой социализации изучалось только одно направление – влияние особенностей семьи (количества родителей, криминальности их поведения и т. д.) на вероятность совершения человеком преступлений [1; 3]. Однако это направление касается, главным образом, особенностей поведения, а не правосознания, и традиционно относится к области криминальной психологии. Авторы подавляющего большинства исследований, связанных с правосознанием, в основном изучали вопросы, связанные с тем, как влияет правовая социализация на ту или иную составляющую жизни личности [6; 11], при этом в меньшей степени изучалось, что именно влияет на развитие самой правовой социализации.

Таким образом, существует необходимость исследовать связь представлений родителей о правовой социализации с уровнем их правосознания и со стилем родительского отношения. Изучение того, как правовая социализация реализуется родителями в воспитании детей согласно их представлениям и как особенности стиля родительского воспитания влияют на правовую социализацию детей, может существенно расширить существующие теоретические представления об эксплицитной и имплицитной правовой социализации в семьях.

Целью проведенного нами исследования стала проверка наличия связи между представлениями родителей о правовой социализации и стилями родительского отношения.

Материал и методы исследования

В нашем исследовании приняли участие родители, имеющие детей в возрасте от 5 до 15 лет. Выборка составила 64 человека – 39 матерей (67 %) и 25 отцов (33,3 %) в возрасте от 24 до 48 лет (средний возраст – 22,3 года), из них 34 человека с дисгармоничным стилем родительского воспитания составили экспериментальную группу, а 30 лиц с гармоничным стилем воспитания – контрольную.

Вывод о наличии дисгармоничного стиля родительского воспитания делался на основе результатов методики «Анализ семейных взаимоотношений» при наличии значительных отклонений от нормативных величин по определенным для каждого стиля шкалам опросника. Распределение типов дисгармоничных стилей воспитания среди испытуемых основной группы представлено в табл. 1. Под гармоничным стилем родительского воспитания понимались результаты, укладывающиеся в нормативные значения по всем шкалам опросника.

Таблица 1

Распределение дисгармоничных стилей воспитания в экспериментальной группе

Стиль воспитания	Количество человек	Процент
Потворствующая гиперпротекция	9	26,5
Доминирующая гиперпротекция	5	14,7
Жестокое обращение	1	2,9
Эмоциональное отвержение	6	17,6
Повышенная моральная ответственность	5	14,7
Гипопротекция	8	23,5

Для отбора испытуемых в группы и дальнейшего анализа взаимосвязи стиля родительского воспитания и элементов правовой социализации использовался опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис). Уровень правосознания выявлялся через качественный анализ ответов на вопросы методики изучения уровня правосознания Дж. Тапп и Ф. Левина.

Для рассмотрения особенностей представлений родителей о правовой социализации детей использовались специально разработанные для настоящего исследования авторские анкеты, направленные на изучение следующих компонентов правовой социализации:

- 1) когнитивный (знания родителей об элементах правовой социализации);
- 2) поведенческий:

а) правовое просвещение детей (беседы на темы права и т. п.);

б) правовое воспитание детей (подкрепление и наказание правильных и неправильных действий, контроль за исполнением);

в) личный пример (как родитель ведет себя сам).

Анкеты обрабатывались путем качественного анализа, в ходе которого были выявлены следующие **сферы правовой социализации**:

права. Их имеет каждый человек, в том числе и родитель, и ребенок. Знание своих прав и обязанностей во многом помогает человеку адаптироваться в современном обществе;

безопасность. Вопрос безопасности ребенка является одним из ключевых факторов, волнующих родителей. Вопросы анкеты направлены на изучение того, как родители стараются обеспечить эту безопасность, какие способы они используют;

понятия «преступление», «преступник», «жертва». Данная сфера была выделена для того, чтобы определить, насколько хорошо родители сами ориентируются в этих понятиях, насколько часто они затрагивают подобные темы при общении со своими детьми, объясняют ли, что такое преступление, какие виды преступлений встречаются, какой человек может стать преступником, и почему. А также выяснить то, насколько родители осознают, что каждый человек, в том числе и их ребенок, может стать жертвой преступления, и то, насколько важно, чтобы их ребенок умел правильно вести себя в подобных ситуациях;

наказание. Эта сфера была выделена для того, чтобы проанализировать мнение родителей о том, какие поступки должны быть наказуемы, а какие нет, и в какой степени они осведомляют об этом своих детей, а также получить сведения о том, как будут вести себя родители, в случае если их ребенку будет угрожать какое-либо наказание со стороны государства.

Полученные данные обрабатывались с помощью методов математической статистики посредством прикладной программы SPSS. Для обработки результатов использовались методы непараметрической статистики, для оценки значимости различий в подгруппах испытуемых был использован критерий U Манна-Уитни; для оценки степени взаимосвязи переменных применялся коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

Для выявления связей между стилями воспитания, сферами правовой социализации и уровнями правосознания был проведен корреляционный анализ с подсчетом коэффициентов корреляции Спирмена (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции стилей воспитания и сфер правовой социализации

Стиль воспитания	Сферы правовой социализации					
	Права	Безопасность	Преступления	Преступник	Жертва	Наказание
Гармоничный стиль	0,421**	-0,124	0,246*	0,122	0,111	0,223
Потворствующая гиперпротекция	0,311*	0,224	-0,256*	0,257*	0,087	0,181
Доминирующая гиперпротекция	0,227	-0,142	-0,015	-0,221	0,127	0,224
Жестокое обращение	-0,118	-0,027	-0,184	0,226	0,174	0,263*
Эмоциональное отвержение	-0,114	-0,018	-0,226	0,219	0,147	0,118
Повышенная моральная ответственность	-0,174	0,346*	0,118	0,224	0,216	0,114
Гипопротекция	0,164	-0,218	-0,161	0,076	0,192	0,247*

Примечание. * – уровень значимости $p < 0,01$; ** – уровень значимости $p < 0,05$.

Согласно результатам корреляционного анализа стиль воспитания «гармоничный» обнаруживает положительную корреляционную связь со сферами «права» ($p \leq 0,01$) и «преступление» ($p \leq 0,05$); это говорит о том, что родители с гармоничным стилем воспитания имеют более развитые представления о правовой социализации в этих областях и включают данную информацию в воспитательный процесс.

Стиль воспитания «потворствующая гиперпротекция» отрицательно коррелирует со сферой «преступление» ($p \leq 0,05$) и положительно – со сферами «преступник» и «права» ($p \leq 0,05$). Чем более выражен этот стиль воспитания, тем менее успешно проходит социализация в сфере преступлений и тем более успешно – в сфере описания преступника и в сфере прав. Следует предположить, что родители, обнаруживающие данный стиль воспитания, потворствуют поведению своего ребенка и затрудняются давать ему отрицательную оценку. Таким образом, у них осложняется контакт с ребенком в области тем, касающихся нарушения общепринятых норм и правил поведения. Вместе с тем тревога за поведение своего ребенка может быть обращена на другое лицо, используемое в качестве отрицательного примера (например, личность преступника).

Стиль воспитания «жестокое обращение» обнаруживает положительную корреляционную связь со сферой «наказания» ($p \leq 0,05$). Чем более выражен этот стиль воспитания, тем более развита правовая социализация в этой сфере у родителей. Родители со стилем воспитания «жестокое обращение» в большей степени имеют представления о такой сфере правовой социализации своих детей, как наказание. Данный результат является побочным следствием данного стиля воспитания, в котором основными методами являются устрашение и подчинение.

Стиль воспитания «повышенная моральная ответственность» обнаруживает положительную корреляционную связь со сферой «безопасность» ($p \leq 0,05$). Чем больше выражен данный стиль воспитания, тем более активно проходит правовая социализация в области безопасности, что может объясняться общей тревожностью родителей данного типа, беспокойством за поведение своего ребенка и, соответственно, желанием оградить его от влияния агрессивной внешней среды. Таким образом, правовую социализацию такие родители в большей мере осуществляют в сфере безопасности своих детей.

Стиль воспитания «гипопротекция» положительно связан со сферой «наказание» ($p \leq 0,05$). Это говорит о том, что чем более выражен данный стиль воспитания, тем ярче проходит правовая социализация в области наказаний. Данный результат может быть объяснен тем, что в случае гипопротекции между родителем и ребенком ослаблен положительный эмоциональный контакт, взаимодействие между ними происходит от случая к случаю и чаще всего в тот момент, когда ребенок приносит проблемы. Таким образом, родители, обнаруживающие данный стиль воспитания, большое внимание уделяют наказаниям как средству «профилактики» проблем, вызываемых ребенком.

Следует отметить, что единственная сфера правовой социализации, которая не включается в воспитательный процесс родителями вне зависимости от наличного стиля воспитания, это сфера «жертва». Полученный результат можно объяснить тем, что родители не склонны предполагать, что именно их ребенок может стать жертвой противоправного поведения, максимально дистанцируясь от данной вероятности.

Помимо этого была исследована представленность уровней правосознания в группах с гармоничным и дисгармоничным типами воспитания.

Так, в процентном соотношении в экспериментальной группе наиболее представлены уровень правопослушания (46,2 %; убежденность в правильности законов и следование им с целью избежания наказания) и уровень правоподдержания (36,1 %; убежденность в том, что правила необходимы для поддержания структуры того общества, частью которого человек является, а также в том, что законы — это результат договора между людьми),

а в контрольной – уровень правоподдержания (64,6 %). Вместе с тем статистически значимые различия между группами при уровне значимости $p \leq 0,05$ были выявлены по уровням правоподдержания и правотворчества (руководство не законами, а моральными нормами). Так, родители с гармоничным стилем воспитания по сравнению с родителями с дисгармоничным стилем значимо чаще находятся на уровне правоподдержания, при этом среди них практически не распространен уровень правотворчества (всего 4,3 % в контрольной группе и 17,7 % в экспериментальной).

Таким образом, наличие высокого уровня правосознания или гармоничный стиль родительского воспитания не являются залогом активной правовой социализации во всех ее сферах и компонентах. Более активно социализируют своих детей родители с гармоничным типом воспитания. Однако в отдельных сферах правовой социализации парадоксальным образом родители с дисгармоничными стилями воспитания имеют преимущество в силу особенностей их взаимодействия с ребенком.

Также были исследованы взаимосвязи стилей родительского отношения и уровней правосознания родителей.

Таблица 3

Корреляционные связи между стилем родительского воспитания и уровнем правосознания

Стиль воспитания	Уровень правосознания		
	Правопослушание	Правоподдержание	Правотворчество
Гармоничный	0,012	0,471**	0,127
Потворствующая гиперпротекция	-0,174	0,107	0,223
Доминирующая гиперпротекция	-0,018	0,095	0,146
Жестокое обращение	0,219	0,160	0,012
Эмоциональное отвержение	0,044	0,005	0,312*
Повышенная моральная ответственность	0,246*	0,025	-0,219
Гипопротекция	0,187	-0,149	0,123

Примечание. * – уровень значимости $p < 0,01$; ** – уровень значимости $p < 0,05$.

Уровень правосознания «правопослушание» положительно коррелирует со стилем воспитания «повышенная моральная ответственность» ($p \leq 0,05$), уровень «правоподдержание» – с гармоничным стилем ($p \leq 0,01$), а уровень «правотворчество» – со стилем воспитания «эмоциональное отвержение» ($p \leq 0,05$). Это говорит о том, что родители, придерживающиеся одного из этих стилей воспитания, с большей вероятностью будут иметь соответствующий этому стилю уровень правосознания.

Так, наиболее сильная связь обнаруживается между гармоничным стилем родительского воспитания и убежденностью в том, что правила необходимы для поддержания имеющейся структуры общества. В том числе это объясняется наличием уверенной родительской позиции, адекватным балансом между эмоциональной вовлеченностью в дела ребенка и уровнем самостоятельности, а также умением выстраивать конструктивный диалог со своим ребенком. Это отражается в идее, согласно которой существующие законы – это результат общественного договора между людьми.

Взаимосвязь стиля воспитания «повышенная моральная ответственность» с уровнем правопослушания объясняется желанием родителей максимально оградить своих детей от неприятностей, связанных с возможностью нарушения закона. Положительную корреляцию наиболее высокого уровня правосознания родителей – «правотворчество» – со стилем

воспитания «эмоциональное отвержение» можно объяснить тем, что высокий уровень правосознания предполагает большую вовлеченность родителей в общественные отношения и социальное взаимодействие вне семьи. Общественные интересы в этом случае преобладают над семейными. Такое положение дел затрудняет налаживание эмоционального контакта между родителем и ребенком и разрушает связи между ними. Данный вывод подтверждается результатами сравнительного анализа, в котором установлено, что в группе родителей с дисгармоничными стилями воспитания несколько чаще, чем у родителей с гармоничным стилем, встречается высший уровень правосознания.

Поскольку правовая социализация в различных сферах может быть реализована по-разному, нами дополнительно была исследована выраженность следующих компонентов правовой социализации в экспериментальной и контрольной группах:

- 1) когнитивный компонент – представления о правовой социализации;
- 2) правовое просвещение (беседы и рассказы о праве) детей;
- 3) воспитательное воздействие на детей (поощрения и наказания поступков в сферах правовой социализации);
- 4) личный пример – социализация путем подачи личного примера.

Результаты представлены в табл. 4. Значимость различий определялась по критерию U Манна–Уитни.

Таблица 4

Выраженность компонентов правовой социализации у родителей с различными типами воспитания (%)

Компонент	Дисгармоничный стиль (экспериментальная группа)	Гармоничный стиль (контрольная группа)
Когнитивный	74,7	82,6
Правовое просвещение	52,1	68,2*
Воспитательное воздействие	49,6	77,3*
Личный пример	41,3	44,7

Примечание. * – уровень значимости $p < 0,01$.

Так, в контрольной группе значимо больше выражены компоненты «правовое просвещение» и «воспитательное воздействие» ($p \leq 0,05$), т. е. родители с гармоничным стилем воспитания реализуют правовую социализацию в поведении и конкретных воспитательных действиях более активно по сравнению с родителями с дисгармоничным стилем воспитания. При дисгармоничных взаимоотношениях между родителями и детьми правовая социализация в целом более затруднена и в меньшей степени реализуется в конкретных действиях. Так, родители, использующие дисгармоничный стиль воспитания, менее активно социализируют своих детей в связи либо с утратой эмоциональной связи с ними, либо, напротив, – с поглощенностью каким-то отдельным ее аспектом.

Однако между группами не было выявлено значимых различий по компонентам «когнитивный» и «личный пример»; это говорит о том, что представления взрослых о различных областях права и их реализация в своем собственном поведении практически не связаны с их стилями воспитания детей. Общие представления родителей о праве являются скорее характеристикой их интеллектуального и образовательного уровня. В то

же время собственное поведение в различных сферах жизни, связанных с правом, является характеристикой, обусловленной в значительной мере собственными привычками и наличием соответствующего опыта.

Результаты проведенного нами исследования представлений родителей о правовой социализации детей во взаимосвязи со стилем родительского воспитания могут быть использованы при составлении индивидуальных и групповых консультационных и коррекционных программ, а также программ правового просвещения детей с учетом индивидуальных особенностей их взаимоотношений в семье.

Выводы

1. Родители с гармоничным стилем воспитания, хорошо ориентируясь в правовой сфере, в большей степени (по сравнению с родителями с дисгармоничными стилями воспитания) способствуют правовой социализации детей в области прав и обязанностей. Они часто затрагивают подобные темы при общении со своими детьми, объясняют, что такое преступление, какие виды преступлений встречаются и пр.

2. Родители с дисгармоничными стилями воспитания способствуют правовой социализации избирательно: стиль «потворствующая гиперпротекция» способствует правовой социализации в сфере «преступник» и затрудняет правовую социализацию в сфере «преступления» – при осложнении контакта с ребенком в области тем, касающихся нарушения общепринятых норм и правил поведения, тревога за поведение своего ребенка может быть обращена на другое лицо, используемое в качестве отрицательного примера (личность преступника); стили «жестокое обращение» и «гипопротекция» способствуют правовой социализации в сфере наказаний – ребенку разъясняются, какие поступки влекут за собой наказание; стиль «повышенная моральная ответственность» способствует правовой социализации в области безопасности – безопасность жизни и здоровья ребенка обеспечивается путем разъяснения правил поведения, снижающего возможные риски.

3. При гармоничном стиле родительского воспитания правовая социализация согласуется с подходами к воспитанию детей и отличается активностью и направленностью на изменение поведения ребенка. Родители с гармоничным стилем воспитания социализируют своих детей путем правового просвещения (беседы, рассказы и т. п.) и воспитательного воздействия (поощрения и наказания). В то же время родители с гармоничными и дисгармоничными стилями воспитания не различаются по своим представлениям о нормах права в различных сферах правовой социализации и по использованию для социализации детей собственного примера.

4. Высокий уровень правосознания не является обязательным признаком наличия у родителей активной позиции в вопросе правовой социализации. Так, среди родителей с дисгармоничным стилем наиболее представлены уровни «правопослушание» и «правоподдержание», а среди родителей с гармоничным стилем – уровень «правоподдержание». Вместе с тем родители с гармоничным стилем воспитания по сравнению с родителями с дисгармоничным стилем значительно чаще находятся на уровне «правоподдержание», при этом среди них практически не распространен уровень «правотворчество».

Литература

1. *Гайнер М.Л.* Правосознание подростков. М.: ИЧП Изд-во Магистр, 1998. 88 с.
2. *Гулевич О.А.* Психологические аспекты юриспруденции: Учеб. пособие: 2-е изд. М.: НОУ ВПО Моск. психолого-социальный ин-т, 2009. 512 с.
3. *Заячковский О.А.* Проблемы правовой социализации в условиях анонии российского общества // Вестник Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2010. № 9. С. 15–27.

4. *Куклина Е.А.* Правовая психология. Дефекты правовой социализации [Электронный ресурс] // Сообщество социальных педагогов: сайт. – URL: http://schools.pp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=162&Itemid=23 (дата обращения: 26.03.2013).
5. *Магомедов Д.Б.* К вопросу о социально-педагогических аспектах профилактики преступлений среди молодежи // Российский следователь. 2008. № 10. С. 29–31.
6. *Образ и опыт права: Правовая социализация в изменяющейся России / Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожвэн Ш. М.: Весь Мир, 2008. 208 с.*
7. *Попов М.Ю.* Правовая социализация личности как ресурс становления социального порядка в российском обществе: Дис. ... д-ра социол. наук. Ростов-н/Д, 2006. 433 с.
8. *Самыгин П.С.* Семья как институт правовой социализации молодежи в условиях социальной неопределенности развития российского общества // Общество: политика, экономика, право, 2007. № 1. С. 85–96.
9. *Томазова О.Е.* Правовая социализация молодежи в современном российском обществе: Дис. ... канд. юр. наук. Ростов-н/Д, 2003. 190 с.
10. *Эйдемиллер Э.Г.* Методы семейной диагностики и психотерапии. СПб.: Питер, 1996. 63 с.
11. *Campis L.K., Prentice'Dunn S., Lyman R.D.* Coping appraisal and parents's intentions to inform their children about sexual abuse: a protection motivation theory analysis // Journal of Social and Clinical Psychology. 1989. Vol. 8. P. 304–316.

Parents Representations of the Legal Socialization of Children

Kalashnikova A.S.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Senior Research Fellow, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Moscow, Russia, kaspsy@mail.ru

Shalunova A.D.,

Student, Chair of Juridical Psychology and Law, Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, Aniuta.Shalunova@yandex.ru

Insufficient knowledge about the impact of parental education on the development strategies of justice of children and adolescents in destabilizing the social conditions of modern society determines the relevance of the author's work. The study involved 64 subjects (39 women and 25 men) aged 24 to 48 years, with minor children, including 30 subjects with a harmonious style of parenting and 34 - with disharmonious style. We used a questionnaire "Analysis of family relationships" (E.G. Eidemiller, V.V. Yustitskis), a technique of studying legal awareness of J. Tapp and F. Levine, as well as specially designed questionnaires, aimed at studying the cognitive (knowledge of parents about legal socialization) and behavioral (conversations on topics of law, reinforcement and punishment of right and wrong actions, monitoring of performance, personal example) components of legal socialization. We obtained new empirical evidence on the relation between the features of legal socialization of children and parent-child relationship, clarified the role of the individual types of parental attitudes in the formation of the legal socialization of

children, revealed the factors of parental attitudes that hinder and facilitate the process of legal socialization of children.

Keywords: sense of justice, legal socialization, parenting style, family, institutions of socialization, rights, safety, punishment, criminal, crime victim.

References

1. Gainer M.L. Pravosoznanie подростков [Legal awareness of teenagers]. Moscow: IChP Publ. Magistr, 1998. 88 p.
 2. Gulevich O.A. Psihologicheskie aspekty yurisprudencii: uchebnoe posobie [Psychological aspects of law], 2-e izd. Moscow: NOU VPO Moskovskii psihologo-social'nyi institut, 2009. 512 p.
 3. Zayachkovskii O.A. Problemy pravovoi sotsializatsii v usloviyakh anomii rossiiskogo obshchestva [Problems of legal socialization in terms of anomie Russian society]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Herald Baltic Federal University named by I. Kant], 2010, no. 9, pp.15–27.
 4. Kuklina E.A. Pravovaya psikhologiya. Defekty pravovoi sotsializatsii [Legal psychology. Defects of legal socialization]. *Soobshchestvo sotsial'nykh pedagogov* [Community of social workers]. Available at: http://schools.pp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=162&Itemid=23 (Accessed 26.03.2013). URL:
 5. Magomedov D.B. K voprosu o sotsial'no-pedagogicheskikh aspektakh profilaktiki prestuplenii sredi molodezhi [On the social and educational aspects of crime prevention among youth]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2008, no. 10, pp. 29–31.
 6. Arutyunyan M., Zdravomyslova O., Kuril'ski-Ozhven Sh. Obraz i opyt prava: Pravovaya sotsializatsiya v izmenyayushcheysya Rossii [Image and experience of law: Legal socialization in a changing Russia]. Moscow: Ves' Mir, 2008. 208 p.
 7. Popov M.Yu. Pravovaya sotsializatsiya lichnosti kak resurs stanovleniya sotsial'nogo poriyadka v rossiiskom obshchestve. Diss. dokt. sociol. nauk [Legal socialization of the individual as a resource formation of social order in Russian society. Dr. Sci. (Sociology) diss.]. Rostov-on-Don, 2006. 433 p.
 8. Samygin P.S. Sem'ya kak institut pravovoi sotsializatsii molodezhi v usloviyakh sotsial'noi neopredelennosti razvitiya rossiiskogo obshchestva [Family as an institution of legal socialization of young people in the context of social uncertainty of Russian society]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2007, no. 1, pp. 85–96.
 9. Tomazova O.E. Pravovaya sotsializatsiya molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve. Diss. kand. yurid. nauk [Legal socialization of young people in contemporary Russian society. Dr. Sci. (Law) diss.]. Rostov-on-Don, 2003. 190 p.
 10. Eidemiller E.G. Metody semeinoi diagnostiki i psikhoterapii [Methods of diagnosis and family psychotherapy]. St. Petersburg: Piter, 1996. 63 p.
- Campis L.K., Prentice'Dunn S., Lyman R.D. Coping appraisal and parents's intentions to inform their children about sexual abuse: a protection motivation theory analysis. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 1989. Vol.8, pp. 304–316.

Роль информационно-психологического пространства в формировании отношения к правовому институту содействия граждан правоохранительным органам

Калягин Ю.С.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, uskalyagin@mail.ru

Предпринята попытка рассмотреть формирование отношения общества к институту содействия граждан правоохранительным органам и роль информационно-психологического пространства в данном процессе. Раскрыты юридическое содержание и правовое основание содействия граждан субъектам оперативно-розыскной деятельности. Рассмотрено индивидуальное правосознание с точки зрения юридической психологии. Предлагаются и обосновываются направления преодоления разбалансированности между необходимостью противодействия криминальным явлениям в обществе и наличием в современном информационно-психологическом пространстве факторов, нейтрализующих указанное противодействие. Продемонстрировано влияние информационно-психологического пространства на правовые установки. Представлены результаты эмпирического исследования некоторых элементов правосознания у студентов, обучающихся по специальностям психология и юриспруденция. Процесс обучения по различным специальностям рассмотрен как один из значимых элементов информационно-психологического пространства, который оказывает существенное влияние на поведенческие установки студентов в контексте рассматриваемого правового института.

Ключевые слова: информационно-психологическое пространство, информационная травма, правосознание, содействие граждан субъектам оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскная деятельность, методы диагностики уровня правосознания.

Для цитаты:

Калягин Ю.С. Роль информационно-психологического пространства в формировании отношения к правовому институту содействия граждан правоохранительным органам [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalyagin.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Kalyagin Yu.S. Role of informational and psychological space in shaping attitudes toward legal institution of promoting citizens to law enforcement authorities [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalyagin.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

На протяжении исторического развития государств вопросы борьбы с преступностью и воспитания законопослушного гражданина не теряли своей актуальности. Если раньше человек усваивал нормы правового поведения из личного опыта, то сейчас, по словам Г.В. Грачева, закономерностью общественного развития является преобладание и резкое увеличение доли информации, получаемой из информационных источников, нежели из непосредственного опыта и личного общения [3, с. 19].

Соглашаясь с этой позицией, следует подчеркнуть, что с распространением информационных технологий человек все больше сведений получает по вопросам, которые напрямую его не касаются, однако формируют его мнение и отношение к различным сторонам действительности, в том числе формируют и правосознание. Данная тенденция нарастает, в первую очередь, из-за значительного упрощения доступа к информации. Если еще десять лет назад возможности беспроводного Интернета были весьма ограничены, то теперь полноценный доступ к информационным сайтам, радиостанциям, телеканалам, вещающим исключительно в глобальной сети, возможен из любого места, в том числе и прямо с улиц – при помощи планшетных компьютеров, смартфонов и прочих мобильных устройств, количество которых также постоянно растет. Очевидно, что такая информационно-психологическая среда интенсивно воздействует на формирование правовых установок как общества в целом, так и индивидуального правосознания в частности.

Не случайно США на информационные технологии, с помощью которых формировалось положительное отношение к действиям американских военных в Ираке, а также осуществлялось моральное подавление противника государственными структурами, ежегодно тратят порядка 1 млрд долларов. Активно ведутся работы в области психологической составляющей информационных технологий, объектом которых является индивидуальное, групповое и массовое сознание. Эти работы финансируются Управлением перспективных исследований США и идут под руководством ЦРУ и РУМО [13].

Другой мировой лидер – Китай – в числе основных задач видит «блокирование доступа к зарубежной информации, навязывающей неприемлемый для китайцев образ жизни, подрывающий национальные культурные традиции и морально-этические нормы» [13, с. 269]. Руководство Китая, учитывая увеличение количества пользователей Интернета, ставит задачу сохранить за собой контролирующие и регулирующие функции. Озабоченность государственных органов Китая обусловлена тем, что различные организации, в том числе иностранные, имеют возможность оказывать влияние на процесс формирования общественного мнения и социально-политическую обстановку в стране. В целом следует отметить, что США, страны Евросоюза, Китай и многие другие страны на государственном уровне, так или иначе, осуществляют мероприятия, которые связаны с информационным сопровождением (порою достаточно агрессивным) проводимой государством политики.

Пожалуй, исключение может составить Россия, где, как показывает история, перемены происходят в радикальных формах. Например, в 1990-х гг. переход к новой идеологии повлек за собой огульное и агрессивное отрицание своего прошлого. Д.Л. Стровский сравнивает «четвертую власть» с маятником, который, отклонившись далеко от объективного информирования (в условиях советского времени), с силой устремился в обратную сторону, сметая все на своем пути. В этих условиях полнота и объективность информирования не стали более полноценными [20, с. 290–291]. Соглашаясь с автором, следует констатировать, что смена героев и ситуаций произошла не только в журналистике, но и в фильмах, литературе и пр.

Результаты анализа распространяемой СМИ в настоящее время информации криминального характера показывают, что у российского зрителя формируются негативные социально-психологические установки. Е.Е. Пронина, изучая в контексте террористической угрозы материалы различных медиаканалов, отмечает отчужденность и даже враждебность многих СМИ по отношению к государству, правоохранительным и силовым органам [15, с. 169]. В итоге человек находится в фокусе целенаправленного потока информации, который искажает его субъективную картину мира. При нахождении в таком информационно-психологическом пространстве даже просоциальные установки деформируются.

Не случайно специалист в области СМИ Д. Рашкофф ввел термин «медиавирус», означающий медиасобытия, вызывающие изменения в жизни общества. При этом распространение медиавирусов происходит со скоростью, прямо пропорциональной интересу зрителя [16]. В контексте исследования психологической защиты индивида О.М. Рыбалко [17] предлагает другое понятие, связанное с результатами воздействия массовой медиа на человека, – «информационная травма», под которым понимается воздействие, осуществляемое СМИ и вызывающее деструктивное изменение психологического состояния респондентов.

Не претендуя на детальный анализ имеющихся точек зрения на правосознание и на охват всех связанных с ним аспектов, в данной статье предпринята попытка рассмотреть вопросы формирования правосознания в контексте института оказания содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В том числе с учетом фактора влияния на этот процесс информационно-психологического пространства, под которым понимается многомерная сеть, построенная из прямых и обратных связей субъектов информационных взаимодействий [13, с. 33].

Осознавая размытость границ предмета исследования, в данной работе правосознание предлагается рассмотреть с точки зрения юридической психологии, в которой правосознание рассматривается как правовой опыт [2], как отражательная способность сознания [19; 14], как отношение к различным сторонам правовой действительности [4].

В России основным законом, который регламентирует деятельность по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, является Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В статье 17 указанного нормативного акта конкретизирован один из методов противодействия преступности – содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Развитие и реализация данной нормы всегда вызывала в нашем обществе неоднозначную реакцию, и сейчас вопросы нравственной легализации по-прежнему остаются открытыми [8; 6].

В данном контексте нельзя игнорировать фактор влияния информационно-психологического пространства, в котором проходит жизнедеятельность российских граждан, на их правосознание. Роль СМИ в формировании правосознания подчеркивает в Е.М. Юцкова, которая раскрывает формирование оценки обществом деятельности государства и правоохранительных органов [22]. Особое место СМИ как мощного инструмента формирования общественных отношений определяют в своей монографии А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов [13].

Важно отметить, что сотрудники правоохранительных органов, так же как и остальные граждане, являются объектами информационного воздействия, в этой связи уровень их правовой культуры может быть далек от оптимального. Вместе с этим, как отмечает В.А. Середнев, соблюдение оперативными работниками правовой культуры во взаимоотношениях с лицом, привлеченным к негласному сотрудничеству, является непременным условием [12; 10; 11; 18]. Однако в материалах, подаваемых через СМИ, зачастую демонстрируются далекие от идеала образы сотрудников правоохранительных органов. Демонстрация оперативного работника с низким уровнем правовой культуры формирует у населения отрицательные аттитюды по отношению к системе правоохраны в целом и к институту содействия граждан органам правоохраны в частности.

Очевидно, что отдельные проявления низкой правовой культуры у сотрудников не прибавляют популярности институту содействия граждан субъектам оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, это не укрепляет положительный имидж

правоохранительных органов и не повышает эффективность оперативно-розыскной деятельности. Необходимо акцентировать внимание на специальном обучении будущих сотрудников правоохранительных органов эффективным технологиям взаимодействия с различными категориями населения путем формирования у них определенного уровня правовой культуры [7]. Актуальны и выявление правовых установок у кандидатов на работу, осуществляемое на этапе профессионального отбора, и помощь в адаптации молодых сотрудников правоохранительных органов к профессиональной деятельности.

Помимо этого, по-видимому, необходимы и изменения в позиции журналистского сообщества, связанные с формированием и становлением общей правовой культуры, о которой говорит Д.Л. Стровский [21, с. 277]. Пока же следует согласиться с автором в том, что главное требование, предъявляемое к журналистам в любом демократическом обществе, – быть социально ответственными – в нашей стране особенно актуально. Следует сказать, что эта проблема – не только российская, последние полвека преобладал процесс освобождения СМИ от контроля («свобода подавляла ответственность») [9].

В настоящее время на государственном уровне создается система мер для формирования информационно-психологической среды, направленной на понимание и принятие гражданином своей ответственности за общество, в котором он живет. Например, важность взаимодействия системы правоохраны и граждан подчеркивается в ст. 9 Федерального закона «О полиции», вступившего в силу с 1 марта 2011 г., где говорится о стремлении полиции обеспечить общественное доверие к себе и поддержку граждан, о понимании гражданами действий сотрудников полиции. Пункт 6 указанной статьи определяет общественное мнение как один из основных критериев официальной оценки деятельности полиции. Кроме того, на рассмотрении в Государственной Думе ФС Российской Федерации находится проект Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка». Идея данного проекта заключается в расширении практики вовлечения граждан в содействие органам правопорядка. Вместе с этим, очевидно, что реализация этого закона должна сопровождаться формированием соответствующего информационно-психологического пространства.

Следует отметить, что привлечение граждан к выявлению антиобщественных элементов – распространенная практика. В одном из решений Верховного суда США говорится: «Использование секретных осведомителей или тайных агентов есть законная и правильная практика правоприменяющих органов и оправдана интересами граждан. Фактически без использования осведомителей многие преступления остались бы без возмездия и правонарушители избежали бы привлечения к ответственности» [20, с. 455].

Интересен опыт Йемена, где важным фактором, укрепляющим взаимодействие граждан с полицией в борьбе с преступностью, является религиозное воспитание. Конституцией Йеменской Республики ислам признан государственной религией, и практически 100 % населения – верующие, соблюдающие предписания Корана. Религиозное воспитание в стране имеет правовую составляющую. Поэтому когда гражданин оказывает помощь полиции в борьбе с преступностью, он считает, что выполняет не только гражданский, но и религиозный долг [20].

В этом контексте следует отметить мысль известного русского религиозного философа И.А. Ильина о европейском кризисе правосознания и расцвете абстрактной и формальной юриспруденции, что породило «пренебреженное и разлагающееся правосознание» [5, с. 323–324]. Такое правосознание И.А. Ильин относит только к видимости правосознания, на самом деле оно отрицает право как проявление духа и свободы и утверждает «диктаториальный, механистический» произвол. Таким образом, несмотря на критику воинствующих моралистов, следует констатировать, что данный институт будет способствовать оздоровлению общества, излечению от социальных недугов, связанных с криминалом.

Аттитюды по отношению к работникам правовых институтов играют немаловажную роль в привлечении граждан к любому виду содействия, в том числе и на конфиденциальной основе. Это касается и когнитивного компонента – в виде знаний и представлений граждан о мотивах оперативных работников правоохранительных органов, знаний и представлений о характере их деятельности (имеется в виду сложность и рискованность профессии и т. п.).

Говоря об этом, мы осознанно разводим знания и представления, поскольку знания – это объективная информация, наиболее адекватно отражающая действительность, в то время как представления – это формируемые в процессе жизнедеятельности установки по отношению к тем или иным сторонам действительности. Безусловно, эти два явления находятся во взаимосвязи, однако главное различие состоит в том, что знания формируются в процессе целенаправленной познавательной активности человека, а представления формируются стихийно, в том числе и под воздействием информационно-психологического пространства, в котором протекает жизнедеятельность человека.

В целом анализ литературы по психологии правосознания и психологии конфиденциального сотрудничества показал, что эти явления рассматриваются без учета их очевидной, как представляется, взаимосвязи. Более того, немногочисленны и исследования о влиянии информационного пространства на правосознание граждан. Тем не менее, исследователи в указанных областях признают актуальность своих научных направлений.

При, казалось бы, очевидной и признанной мировой практикой пользе содействия граждан правоохранительным органам влияние информационно-психологического пространства зачастую идет вразрез с интересами общества, формируя негативные образы правоохранительной системы в целом и лиц, оказывающих ей содействие, в частности.

Ввиду актуальности проблем противодействия терроризму нами было проведено исследование, посвященное влиянию информационно-психологического пространства на установки по отношению к институту сотрудничества. При определении терроризма за основу была взята диспозиция статьи 205 УК РФ.

Объектом нашего исследования выступила выборка, состоящая из студентов II и III курсов вузов в возрасте от 18 до 21 года: 10 человек – студенты МГППУ и 10 человек – студенты МГЮА. Все студенты мужского пола. Вузы рассматривались нами как один из основополагающих элементов информационно-психологического пространства обучающихся в них студентов.

Для решения исследовательских задач была подготовлена анкета. Предъявление стимульного материала осуществлялось в групповой и анонимной форме.

Отношение гражданина к норме закона, закрепленной в ст. 17 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которой правоохранительные органы могут привлекать отдельных лиц к конфиденциальному содействию в целях решения задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, определялось путем выбора респондентом одного из трех вариантов ответа: «это полезная норма, позволяющая гражданскому обществу эффективно противодействовать противоправным проявлениям»; «эта норма позволяет противодействовать противоправным явлениям, но имеет сомнительную морально-этическую основу»; «нельзя бороться со злом сомнительными способами».

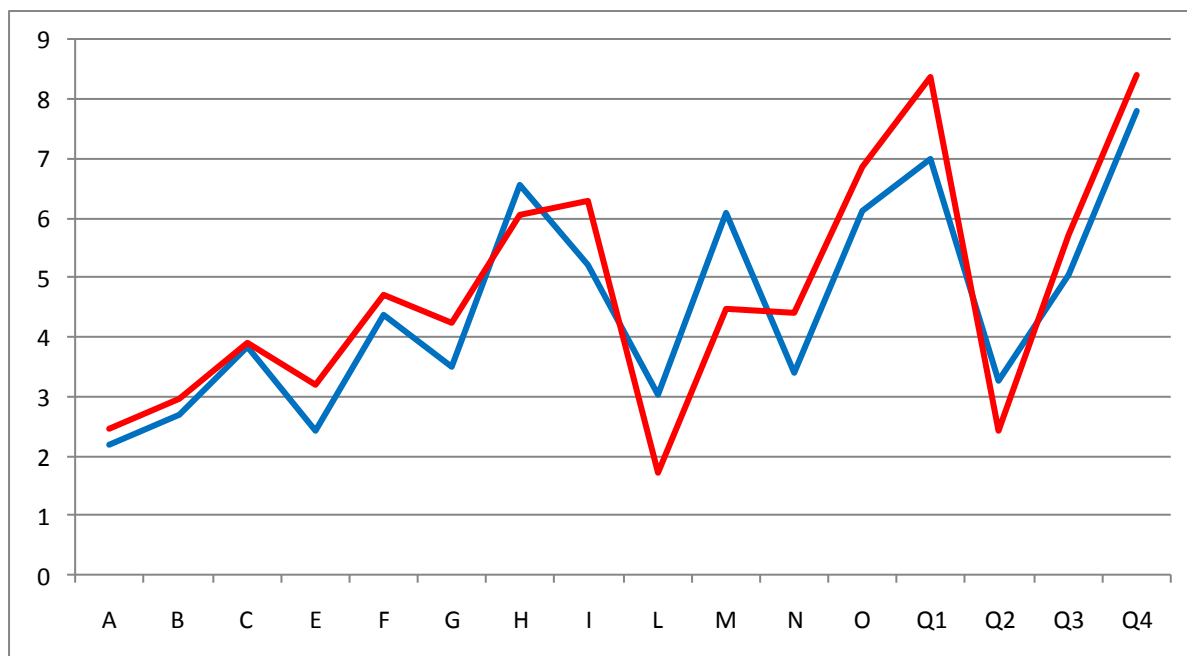
Данные об отношении к преступлению и преступникам получались посредством предъявления респонденту описания следующего криминального события: «В городе Н-ске группа лиц по предварительному сговору в целях оказания воздействия на принятие решения органами власти в одном из людных мест совершила подрыв самодельного взрывного устройства, повлекший за собой жертвы среди населения города».

В анкете испытуемым предлагается выбрать один из вариантов ответов («отрицательно», «нейтрально», «положительно»), фиксирующих их отношение к сформулированному криминальному событию. Дополнительно в данном блоке анкеты предусмотрена возможность объяснить свою точку зрения.

Далее в анкете выясняются аттитюды испытуемых касательно вариантов реализации своего права на содействие (либо отсутствия такого желания). Выбор вариантов ответов осуществляется в контексте приведенной в анкете криминальной ситуации.

Респонденту предлагается выбрать один из четырех вариантов: «предоставить правоохранительным органам самостоятельно решать эту проблему без вашего участия»; «открыто участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления (например, в форме официального заявителя или свидетеля)»; «анонимно участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления (анонимные сообщения)»; «участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления на продолжительной и конфиденциальной основе (оказание помощи на доверительной основе с сохранением этого в тайне)». Варианты ответов отобраны и сформулированы на основе анализа литературы по оперативно-розыскной деятельности и интервьюирования практиков.

Для выявления перцептивного аттитюда по отношению к лицам, причастным к терроризму, в анкету включен блок шкал, в основе которых лежит 16-ФЛО Р. Кеттелла [1, с. 229–234]. В результате мы получили перцептивный образ респондента, который он приписывает лицу, причастному к терроризму. В исследовании выяснялся опыт непосредственного восприятия реального лица, причастного к терроризму, и продолжительность этого опыта. В нашем случае участники выборки такого опыта не имели. Полученные результаты представлены на рис.

... Рис. Сравнение средних показателей по перцептивным установкам респондентов (образ террориста):

■ – психологи; ■ – юристы

В результате исследования отношения к норме закона (ст. 17 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») мнения студентов-психологов разделились поровну: 50 % респондентов считают эту норму полезной, позволяющей гражданскому обществу

эффективно противодействовать противоправным явлениям; другие 50 % респондентов видят в этой норме инструмент противодействия противоправным явлениям, но отмечают при этом сомнительную морально-этическую основу.

Мнения студентов-юристов распределились следующим образом: 40 % респондентов считают эту норму полезной, позволяющей эффективно противодействовать противоправным явлениям; сомнительную морально-этическую основу в указанной норме закона отметили 50 %, и 10 % респондентов выразили к этой норме отрицательное отношение.

В целом, полученные результаты свидетельствуют о положительном отношении к данной норме Федерального закона. Вместе с этим, значительная часть опрошенных студентов видят в этой норме сомнительную морально-этическую основу. Представляется, что причины такого отношения к норме закона кроются в историческом опыте нашего государства.

Исследование отношения к криминальной ситуации показало, что 100 % опрошенных продемонстрировали отрицательное отношение к террористическому акту. Однако результаты, полученные при исследовании поведенческого аттитюда в юридически значимой ситуации, не так однозначны.

Студенты-психологи отдают предпочтение первому варианту (табл.). Это говорит о выраженной пассивной поведенческой установке, в то время как студенты-юристы предпочитают различные формы активной гражданской позиции.

Таблица

Отношение респондентов к проявлению активной гражданской позиции

Варианты ответов	Студенты-психологи	Студенты-юристы
Предоставить правоохранительным органам самим решать эту проблему	50 %	10 %
Открыто участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления	0 %	30 %
Анонимно участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления	40 %	30 %
Участвовать в раскрытии противоправного явления на продолжительной и конфиденциальной основе	10 %	30 %

Представляется, что полученный результат обусловлен спецификой подготовки будущих специалистов, студенты-юристы в процессе обучения получают более глубокие знания о правоохранительной системе. Однако это не является объяснением пассивной гражданской позиции студентов-психологов, половина из которых выбрала фактически самоустранение от проблем государства. Следует отметить, что студенты-психологи к самому криминальному событию выразили отрицательное отношение, а отношение к норме закона, которая предусматривает содействие граждан субъектам оперативно-розыскной деятельности, – положительное. Представляется, что причины выявленной особенности могут заключаться в следующем: во-первых, студенты-психологи не обладают достаточной информацией по этому вопросу; во-вторых, среди психологов распространена и доминирует позиция, согласно которой вопросами противодействия терроризму должны заниматься профессионалы из соответствующих структур; в-третьих, у студентов-юристов в процессе обучения в вузе целенаправленно формируется правосознание [12].

Проведенное исследование следует рассматривать лишь как подготовительное к более основательной и глубокой работе, которая позволит изучить психологические механизмы и закономерности формирования индивидуального правосознания гражданина.

Результаты исследования свидетельствуют о перспективности дальнейшей работы, в том числе по созданию психодиагностического инструментария, необходимого для обеспечения реализации государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденной 28 апреля 2011 года Президентом Российской Федерации.

Литература

1. *Барабанщиков В.А.* Восприятие выражений лица. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009. 448 с.
2. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов: 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. 608 с.
3. *Грачев Г.В.* Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. Волгоград: Издатель, 2004. 336 с.
4. *Гулевич О.А.* Структура правосознания и поведение в правовой сфере [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 5 (7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.11.2013).
5. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. М.: Изд-во Альта-Принт, 2006. 447 с.
6. *Калягин Ю.С.* Вопросы правосознания в психологии содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68337.shtml> (дата обращения: 10.05.2014).
7. *Калягин Ю.С.* Некоторые вопросы социальной перцепции оперативного работника // Юридическая психология. 2010. № 1. С. 14–19.
8. *Калягин Ю.С., Тверитинова Е.Н., Есипов А.Г.* Правосознание в контексте психологии содействия граждан субъектам оперативно-розыскной деятельности // Юридическая психология. 2014. № 1. С. 36–40.
9. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. Век 21-й. М.: Алгоритм, 2013. 432 с.
10. *Коноплева И.Н., Калягин Ю.С.* Личностные проявления профессиональной деформации субъектов оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU. ru. 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2058.phtml> (дата обращения: 09.04.2014).
11. *Коноплева И.Н., Калягин Ю.С.* Саморегуляция психических состояний как элемент психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49298.shtml> (дата обращения: 09.04.2014).
12. *Коноплева И.Н., Калягин Ю.С.* Формирование правосознания и личности юриста в вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3(42). С. 25–28.
13. *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2003. 541 с.
14. Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. М.: Юнити-Дана, 2001. 638 с.
15. *Пронина Е.Е.* Медиапсихологический подход к анализу угрозы терроризма // Журналистика и СМИ против террора / Под ред. Е.Л. Вартановой. М.: МедиаМир, 2009. С. 168–192.
16. *Рашкофф Д.* Медиавирус. М.: Ультракультура 2.0, 2011. 394 с.
17. *Рыбалко О.М.* Психологическая защита индивида от информационного травмирования посредством масс-медиа в чрезвычайных ситуациях // Материалы IV Всероссийского съезда РПО. 18-21 сентября 2007 года: В 3 т. Т. III. М; Ростов-н/Д: Кредо. С. 120–121.

18. *Середнев В.А.* Тактика приобретения агентурного аппарата субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность//Научный аспект. 2013. № 1. С. 28–34.

19. *Смирнов В.Н.* Юридическая психология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 319 с.

20. *Смирнов М.П.* Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран. М.: Экзамен, 2003. 544 с.

21. *Стровский Д.Л.* Отечественная журналистика новейшего периода. М.: Юнити-Дана, 2014. 359 с.

22. *Юцкова Е.М.* Средства массовой информации в России глазами криминолога. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2000. 48 с.

Role of Informational and Psychological Space in Shaping Attitudes toward Legal Institution of Promoting Citizens to Law Enforcement Authorities

Kalyagin Yu.S.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, uskalyagin@mail.ru

An attempt was made to consider the attitudes of society to the institution of citizens' facilitating to law enforcement agencies and the role of informational and psychological space in the process. We disclosed the legal content and legal basis for the promotion of citizens to entities of operative-search activity. We considered an individual sense of justice from the perspective of legal psychology. We proposed and justified the direction of overcoming the imbalance between the need to counter the criminal phenomena in society and in the presence of a modern information-psychological space factors, neutralizing said reaction. We demonstrate the influence of informational and psychological space to legal attitudes. We presented the results of an empirical study of some elements of justice in students studying psychology and law. The learning process in various specialties is considered as one of the most important elements of informational and psychological space, which has a significant impact on the behavioral attitudes of students in the context of this legal institution.

Keywords: informational and psychological space, informational trauma, sense of justice, the promotion of citizens to entities of operative-search activity, operative-search activity, methods for diagnosing the level of justice.

References

1. Barabanshikov V.A. Vospriyatie virajeniy lica. [Perception of facial expressions]. Moscow: Institut psikhologii RAN [Institute of Psychology RAS], 2009. 448 p.
2. Vasil'ev V.L. Yuridicheskaya psihologiya: uchebnik dlya vuzov, [Legal psychology: a textbook for high schools], 6-e izd. Saint-Petersburg: Piter, 2009. 608 p.
3. Grachev G.V. Lichnost' i obshchestvo: informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' i psihologicheskaya zashhita, [The individual and society: information-psychological safety and psychological defense]. Volgograd: Izdatel', 2004. 336 p.
4. Gulevich O.A. Struktura pravosoznaniia i povedenie v pravovoi sfere, [The structure and behavior of justice in the legal field]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological

- research*]: elektron. nauch. zhurn. [electronic scientific journal], 2009, no. 5(7). Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed: 17.11.2013).
5. I'in I.A. Put' dukhovnogo obnovleniya, [The way of spiritual renewal]. Moscow: Publ. Al'ta-Print, 2006. 447 p.
 6. Kaliagin Iu.S. Voprosi pravosoznaniya v psikhologii sodeistviia grazhdan organam operativno-rozysknoi deiatel'nosti [Questions of justice in psychology of citizen assisting to the operatively-search activity]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2014, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68337.shtml> (Accessed: 10.05.2014).
 7. Kaliagin Iu.S. Nekotorye voprosy sotsial'noi pertseptsii operativnogo rabotnika [Questions of social perception of operative worker]. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal Psychology], no. 1, 2010. pp. 14-19.
 8. Kaliagin Iu.S., Tveritinova E.N., Esipov A.G. Pravosoznanie v kontekste psikhologii sodeistviia grazhdan sub"ektam operativno-rozysknoi deiatel'nosti, [Sense of justice in the context of psychology assist citizens bodies exercising operative investigation], *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal Psychology], 2014, no. 1, pp. 36-40.
 9. Kara-Murza S.G. Manipuliatsiia soznaniem. Vek 21-I. [Manipulation of consciousness. 21 century]. Moscow.: Algoritm, 2013. 432 p.
 10. Konopleva I.N. Kaliagin Iu.S. Lichnostnye proiavleniia professional'noi deformatsii sub"ektov operativno-rozysknoi deiatel'nosti [Elektronnyi resurs] [Personality of the professional deformation of operatively-search activity subjects]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU. ru* [Psychological science and education PSYEDU.ru], 2011, no. 1. Available at <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2058.phtml> (Accessed: 09.04.2014)
 11. Konopleva I.N., Kaliagin Iu.S. Samoreguljatsiia psikhicheskikh sostoianii kak element psikhologicheskoi gotovnosti k deiatel'nosti v ekstremal'nykh usloviiah [Elektronnyi resurs] [Self-regulation of mental states as an element of psychological readiness to work in extreme conditions]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law]. 2011, no. 4. URL:<http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49298.shtml> (Accessed: 09.04.2014)
 12. Konopleva I.N., Kaliagin Iu.S. Formirovanie pravosoznaniya I lichnosti yurista v vuze, [Formation of justice and personality of a lawyer in the high school]. *Psikhopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement]. Omsk.: Omskaya academia MVD RF, 2010, no. 3(42), pp. 25–28.
 13. Manoilo A.V., Petrenko A.I., Frolov D.B. Gosudarstvennaia informatsionnaia politika v usloviiah informatsionno-psikhologicheskoi voyny, [State information policy in terms of information-psychological war]. Moscow.: Goriachaia liniia - Telekom, 2003. 541 p.
 14. Stoliarenko A.M. (ed.) Prikladnaya iuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]. Moscow.: Iuniti-Dana, 2001. 638 p.
 15. Pronina E.E. Mediapsikhologicheskii podkhod k analizu ugrozy terrorizma, [Media psychological approach to the analysis of the terrorist threat]. In Vartanova E.L. (ed.) *Zhurnalistika i SMI* [Journalism and the Media against terror]. Moscow.: MediaMir, 2009, pp. 168–192.
 16. Rashkoff D. Mediavirus. Moscow: Ul'trakul'tura 2.0, 2011. 394 p.
 17. Rybalko O.M. Psikhologicheskaya zashchita individa ot informatsionnogo travmirovaniya posredstvom mass-media v chrezvychainykh situatsiiakh [Psychological protection of the individual from information injury through the media in emergencies]. *Materialy 4 Vserossiiskogo s"ezda RPO* (Rostov-na-Donu ,18-21 sentiabrya, 2007 g.) [Proceedings of the Forth All-Russian Congress of RPO]. Moscow - Rostov-na-Donu: Kredo, 2007. T. III, pp. 120–121.
 18. Serednev V.A. Taktika priobretenii agenturnogo apparata sub"ektami, osushchestvliaiushchimi operativno-rozysknuuiu deiatel'nost' [Tactics of entities

- acquisition agent apparatus engaged in the operational-search activity]. *Nauchnyi aspekt [Scientific aspect]*, 2013, no. 1, pp. 28-34.
19. Smirnov V.N. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal Psychology]. Moscow: IuNITI-DANA, 2010. 319 p.
 20. Smirnov M.P. Kommentarii operativno-rozysknogo zakonodatel'stva RF i zarubezhnykh stran [Comments of the operational-search government of RF and foreign countries]. Moscow: Ekzamen, 2003. 544 p.
 21. Strovskii D.L. Otechestvennaia zhurnalistika noveishego perioda [National journalism of the modern period]. Moscow.: Iuniti-Dana, 2014. 359 p.
 22. Iutskova E.M. Sredstva massovoi informatsii v Rossii glazami kriminologa [Russian media in the eyes of criminologist]. Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya [Russian Criminological Association]. Moscow, 2000. 48 p.

Социальная адаптация детей, воспитывающихся в условиях детского дома

Ларин А.Н.,

*аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия
aaalll999@rambler.ru*

Коноплева И.Н.,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия
konopleva.i.n@gmail.com*

Рассматривается влияние социальной адаптации на успешность жизнедеятельности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при вступлении в самостоятельную жизнь. Дается определение социальной адаптации с точки зрения психологии и права. Приводятся свежие данные исследований российских ученых, касающиеся социальной адаптации детей, а также данные о жизненной устроенности выпускников детских домов. Подчеркивается, что начало самостоятельной жизни обусловлено сильнейшим стрессом, что дети часто не могут найти свое место в жизни, выработать те механизмы поведения, которые способствуют успешному включению в общественные отношения, получению качественного образования и формированию семейных ценностей. Таким образом, важнейшим условием успешного вступления ребенка в самостоятельную жизнь является его социальная адаптация в обществе, усвоение правил и норм поведения социума, мотивация на продуктивную деятельность, получение образования и создание крепкой семьи и воспитание детей. Приводятся результаты исследования, направленного на выявление копинг-стратегий поведения в стрессовых ситуациях, особенностей адаптации, а также уровня тревожности у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: социальная адаптация, воспитанник, детский дом, выпускник, самостоятельная жизнь.

Для цитаты:

Ларин А.Н., Коноплева И.Н. Социальная адаптация детей, воспитывающихся в условиях детского дома [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Larin_Konopleva.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

*Larin A.N., Konopleva I.N. Social Adaptation of Children Brought up in Orphanage [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Larin_Konopleva.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)*

Проблема социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является одной из основных при их подготовке к самостоятельной жизни вне стен детского дома. Данная проблема имеет первостепенное значение в исследованиях ученых в области психологии и педагогики. Между тем практика показывает, что способы ее решения, особенно в отношении жизненного самоопределения и готовности

к самостоятельной жизни детей, воспитывающихся в условиях детского дома, все еще далеки от совершенства.

Самостоятельная жизнь – это не только обеспеченность жильем и социальная устроенность. Самое важное условие полной интеграции в общество – внутреннее осознание жизненных целей и задач, способствующих выработке механизмов взаимодействия с окружающим миром, включающих способность дать адекватную оценку возникающим проблемам, а также поиск правильных решений для их устранения.

Социальная адаптация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является одной из важнейших составляющих процесса формирования личностных качеств выпускника детского дома, обеспечивающих адекватную расстановку жизненных приоритетов и способствующих его становлению полноправным членом общества.

Существует множество вариантов определения социальной адаптации. Например, В.Н. Дружинин определяет социальную адаптацию как процесс эффективного взаимодействия с социальной средой [7, с. 122].

В Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ социальная адаптация ребенка определяется как процесс активного приспособления ребенка, находящегося в трудной жизненной ситуации, к принятым в обществе правилам и нормам поведения, а также процесс преодоления последствий психологической или моральной травмы [9].

Под социальной адаптацией детей-сирот в контексте организованной образовательной деятельности понимаются меры, позволяющие ребенку приобрести компетенции, необходимые для успешной социализации после выхода из детского дома [1].

Психологически социальная адаптация выступает как единство аккомодации (усвоение правил среды, «уподобление ей») и ассимиляции (уподобление себе, преобразование среды). Среда воздействует на личность, которая избирательно воспринимает, перерабатывает и реагирует на эти воздействия в соответствии со своей внутренней природой, а личность, в свою очередь, активно воздействует на среду. Такой механизм адаптации, складываясь в процессе социализации личности, становится основой ее поведения и деятельности [5, с.108].

Практика показывает, что, выйдя из детских домов, дети-сироты попадают в новые, незнакомые, зачастую пугающие условия самостоятельного существования и испытывают трудности во взаимоотношениях с окружающими людьми. У них довольно низкий уровень социального интеллекта, и это мешает им понимать общественные нормы, правила, необходимость соответствовать им. Для таких подростков характерны низкая социальная активность, несформированность жизненных планов и ценностей, слабо развитое чувство ответственности за свои поступки, потребительская психология по отношению к близким, обществу, государству, что в результате может привести к тяжелым последствиям: нежеланию учиться и работать, бродяжничеству, злоупотреблению алкоголем и наркотиками, попаданию в криминогенные структуры. Из-за отсутствия социально-педагогической помощи, патронажа эти дети совершают около 10–12 % всех правонарушений и преступлений в стране [4].

По данным Министерства образования и науки за 2012 г., в Российской Федерации насчитывается свыше 126 000 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [6]. Около 15 000 детей каждый год вступают в самостоятельную жизнь [8, с. 36]. И.Ф. Дементьева отмечает, что 30 % выпускников состоят на учете в правоохранительных органах из-за своего асоциального поведения, 8 % этих детей совершают уголовно наказуемые преступления, 32 % выпускников детских домов участвовали в уличных драках, а треть выпускников возвращается в социальной среде повышенного риска [2, с. 68].

Очень часто выпускники детских домов оказываются втянутыми в различные криминальные группировки, такие дети чаще подвержены негативному влиянию извне, более склонны к вредным привычкам и зависимостям (алкогольной, наркотической, игровой и т. д.), нередко сталкиваются с мошенниками, которые пытаются обманными способами заполучить их жилье (по данным статистики – 30 % выпускников детских домов теряют свое жилье).

Многие дети, вышедшие из детского дома и вступившие во взрослую жизнь, просто не готовы к самостоятельности и самостоятельному решению возникающих проблем. Они более наивны, обилие свободы воспринимается ими как вседозволенность («Я уже взрослый, теперь я могу делать все, что захочу, и воспитатели теперь мне не указ»), а отсюда могут исходить различные проблемы, в том числе и крайне неблагоприятные для них самих. В силу низкой социализации дети, оставшиеся без попечения родителей, просто не умеют правильно распоряжаться своей свободой.

Гармоничное развитие личности выпускника зависит от следующих факторов:

- получение образования;
- ориентированность на создание семьи и воспитание детей;
- трудоустройство;
- исключение направленности на противоправные действия;
- постановка жизненных целей и задач;
- постоянное личностное самосовершенствование;
- умение обустроить свой быт и сохранить его;
- следование общепринятым нормам поведения в обществе.

У данной категории детей существует проблема получения образования, поскольку они предпочитают сразу приступить к трудовой деятельности, тем самым пополняя ряды неквалифицированной, низкооплачиваемой рабочей силы. Причем заработную плату им желательно получать сразу, сдельно. Они берутся за выполнение даже самой грязной работы. Дети не приспособлены к построению жизненных целей и задач в долгосрочной перспективе.

Также при выпуске из детского дома у детей существует проблема разрыва привычных для них социальных связей – как с другими детьми, так и с воспитателями – с людьми, которые многие годы жили с ними бок о бок, помогали, обучали и воспитывали их. Такие дети привыкли жить в тесном коллективе, и выход из него в самостоятельную жизнь в обществе может спровоцировать различные психологические расстройства. Как следствие низкой социальной адаптации у воспитанников детских домов могут возникнуть трудности в создании семьи и воспитании своих детей.

Например, И.Ф. Дементьева считает, что одним из главных элементов социальной адаптации подростков является их подготовленность к созданию семьи, к объективным трудностям супружества, а возрастание значимости семьи как ценности наблюдается у 35 % сирот, готовящихся к выпуску из детского дома, у 60 % бывших воспитанников детских домов и у 77% подростков-старшеклассников общеобразовательных школ. Эти цифры говорят о низкой подготовленности к семейной жизни воспитанников детских домов. Повышение значимости семьи, отмечаемой у выпускников, свидетельствует о приобретении ими социального опыта и переоценке жизненных целей. Однако даже через три года после выхода из сиротского учреждения эти подростки не достигли понимания жизненных ценностей на уровне школьников, имеющих родителей. По мнению исследователя, издержки детдомовского воспитания во многом сказываются на

психологическом самочувствии подростка, культивируя в нем комплекс неполноценности [3, с. 68].

Нами было проведено исследование уровня адаптации воспитанников детских домов. Целью исследования стало изучение уровня адаптированности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в условиях детского дома, и его связь с уровнем тревожности и копинг-стратегиями поведения.

Мы выдвинули следующую гипотезу: уровень адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в условиях детского дома, следует принимать как комплексную характеристику, включающую в себя уровень тревожности, а также копинг-стратегии поведения.

Экспериментальной базой исследования стали ГКОУ ВО «Покровский детский дом» и ГСКОУ «Лухтоновская специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья».

Для исследования использовались следующие методики:

- методика диагностики социально-психологической адаптации (СПА) Роджерса-Даймонд;
- методика оценки тревожности Спилбергера-Ханина;
- методика «Индикатор копинг-стратегий»;
- методика психологической диагностики копинг-механизмов Э. Хейма.

В ходе эксперимента были протестированы 24 человека: 11 мальчиков и 13 девочек в возрасте от 12 до 17 лет.

Результаты, полученные по методике оценки тревожности Спилбергера-Ханина, представлены в табл.1.

Таблица 1

Результаты диагностики уровня тревожности детей, воспитывающихся в детских домах (%)

Низкая тревожность		Умеренная тревожность		Высокая тревожность	
ситуативная	личностная	ситуативная	личностная	ситуативная	личностная
4,2	4,2	62,5	41,7	33,3	54,1

Данные табл. 1 показывают, что у этой категории детей преобладают умеренная и высокая тревожность. Стоит отметить, что у 54,1 % испытуемых имеется личностная тревожность, это свидетельствует об устойчивой склонности воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие.

В методике «Индикатор копинг-стратегий» (табл.2) стратегии разрешения проблем представлены преимущественно на среднем (54,1 %), а также на низком уровнях развития (37,5 %), в стратегии поиска социальной поддержки выявлен средний уровень развития (83,3 %), а в стратегии избегания проблем – низкий уровень (79,7 %).

Таблица 2

Результаты методики «Индикатор копинг-стратегий» (%)

Уровень разрешения проблем				Уровень поиска социальной поддержки				Уровень избегания проблем			
очень низкий	низкий	средний	высокий	очень низкий	низкий	средний	высокий	очень низкий	низкий	средний	высокий
8,3	37,5	54,1	0	4,2	8,3	83,3	4,2	4,2	79,7	12,5	4,2

Как показали результаты методики психологической диагностики копинг-механизмов Э. Хейма (табл. 3), у 50 % испытуемых детей в когнитивных копинг-стратегиях присутствуют относительно адаптивные варианты копинг-поведения (данные варианты копинг-поведения могут помочь в определенных ситуациях или при небольшом стрессе), у 29,2 % выявлены неадаптивные варианты (они не устраняют стрессовое состояние, а, напротив, способствуют его усилению), у 20,8 % имеют место адаптивные варианты копинг-поведения (они помогают быстро и успешно преодолеть стрессовую ситуацию). Среди эмоциональных копинг-стратегий 66,7 % испытуемых отдают предпочтение адаптивным вариантам копинг-поведения, 20,8 % – относительно адаптивным, а 12,5 % – неадаптивным вариантам. В поведенческих копинг-стратегиях 54,2 % детей выбрали адаптивные варианты копинг-поведения, 29,2 % – относительно адаптивные варианты, а 16,7 % детей выбрали неадаптивные варианты.

Таблица 3

Результаты методики психологической диагностики копинг-механизмов Э. Хейма (%)

Когнитивные копинг-стратегии			Эмоциональные копинг-стратегии			Поведенческие копинг-стратегии		
1	2	3	1	2	3	1	2	3
20,8	29,2	50	66,7	12,5	20,8	54,2	16,7	29,2

Примечания: 1 - Адаптивные варианты копинг-поведения; 2 - Неадаптивные варианты копинг-поведения; 3 - Относительно адаптивные варианты копинг-поведения

Среди когнитивных копинг-стратегий (рис. 1) из адаптивных вариантов копинг-поведения выбраны: установка собственной ценности (12,5 %) и сохранение самообладания (8,3 %), из неадаптивных – диссимуляция (4,2 %), игнорирование (12,5 %) и смирение (12,5 %). Наибольшее число испытуемых отдало предпочтение относительно адаптивным вариантам копинг-поведения, таким как религиозность (25 %), относительность (8,3 %), задача смысла (12,5 %).

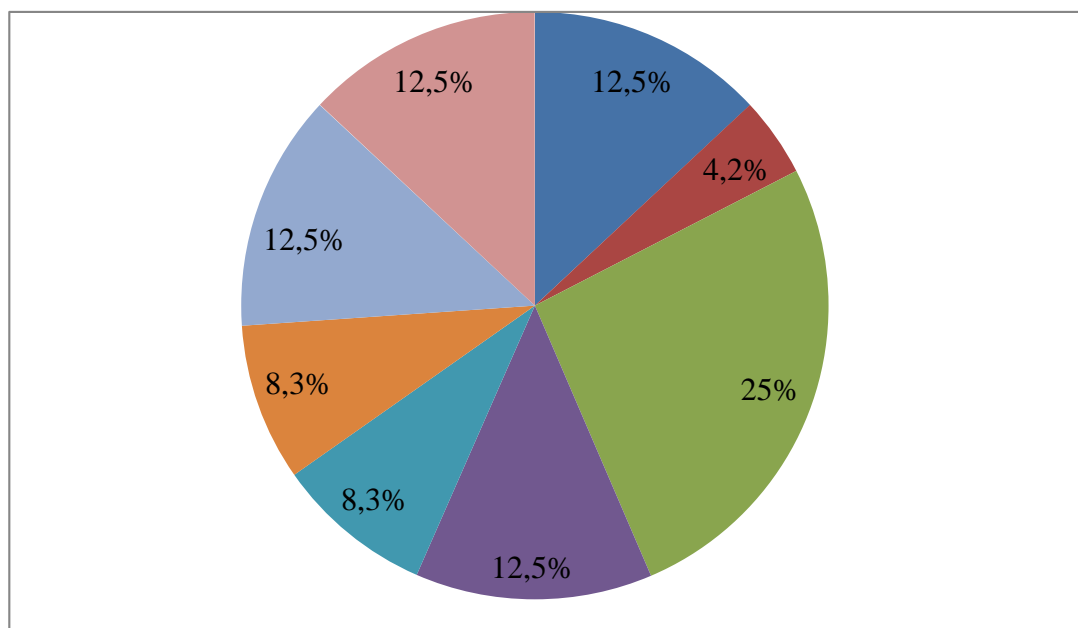
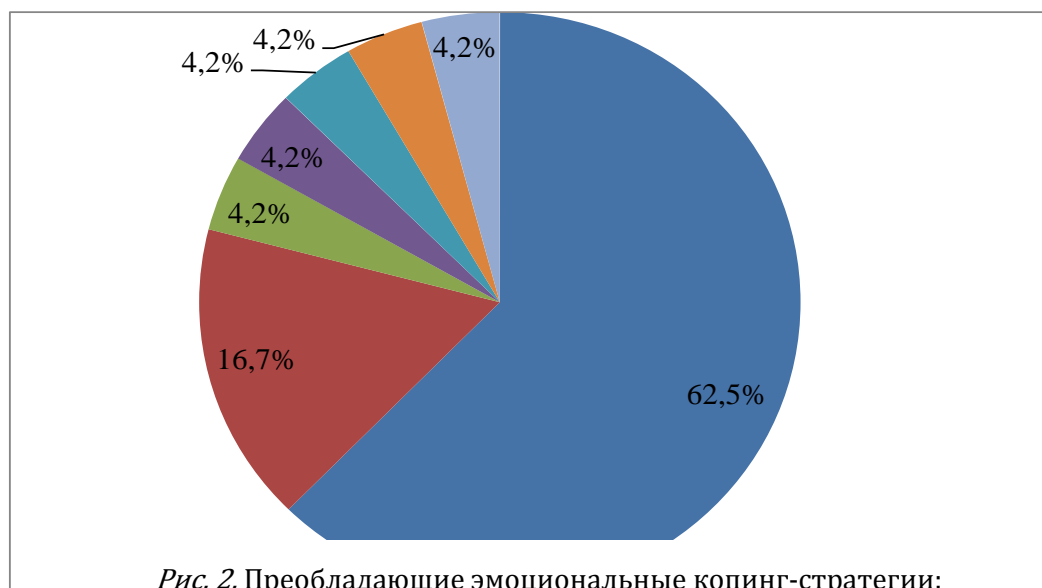

Рис.1. Преобладающие когнитивные копинг-стратегии:

- – придача смысла; ■ – диссимуляция; ■ – религиозность;
- – установка собственной ценности; ■ – относительность; ■ – сохранение самообладания; ■ – игнорирование; ■ – смирение

При исследовании эмоциональных копинг-стратегий (рис. 2) получились следующие результаты: адаптивные варианты копинг-поведения – оптимизм (62,5 %), протест (4,2 %); неадаптивные варианты копинг-поведения – самообвинение (4,2 %), подавление эмоций (4,2 %), агрессивность (4,2 %); относительно адаптивные варианты копинг-поведения – пассивная кооперация (16,7 %), эмоциональная разрядка (4,2 %).

■ - оптимизм; ■ - пассивная кооперация; ■ - самообвинение;

■ - подавление эмоций; ■ - агрессивность; ■ - протест; ■ - эмоциональная разрядка

В поведенческих копинг-стратегиях (рис.3) из адаптивных вариантов копинг-поведения следует отметить: обращение (20,8 %), альтруизм (16,7 %) и сотрудничество (16,7 %); из неадаптивных вариантов копинг-поведения – активное избегание (12,5 %), отступление (4,2 %); из относительно адаптивных вариантов копинг-поведения – отвлечение (25 %), конструктивную активность (4,2 %).

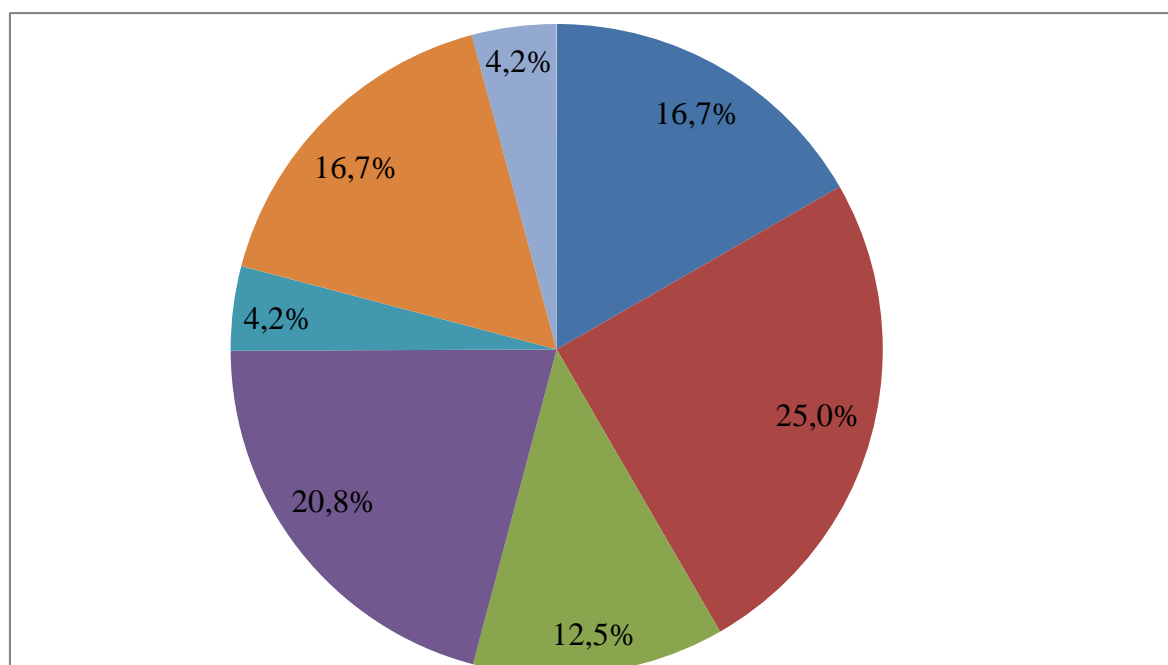

Рис. 3. Преобладающие поведенческие копинг-стратегии:

■ - сотрудничество; ■ - отвлечение; ■ - активное избегание;

■ - обращение; ■ - конструктивная активность; ■ - альтруизм; ■ - отступление

Результаты методики диагностики социально-психологической адаптации (СПА) Роджерса–Даймонд обусловлены преобладанием следующих показателей (в пределах нормы): адаптивность (средний показатель – 122,4), внутренний контроль (средний показатель – 48,4), ведомость (средний показатель – 17,9).

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, обладают хорошим уровнем адаптированности. Это может свидетельствовать о хорошей приспособляемости к тяжелым условиям существования. Например, жизнь в условиях детского дома можно отнести к сильнейшей стрессовой ситуации. Стоит отметить также преобладание интернального локуса контроля. Это говорит о том, что дети принимают на себя ответственность за происходящие с ними события. При крайних формах это может привести к неблагоприятным последствиям, например к суицидальным действиям.

Возможно, в самостоятельной жизни одной из причин неудач, возникающих у детей, воспитывающихся в детских домах, является преобладание ведомости над стремлением к доминированию. Дети после выпуска из детского дома могут оказаться в любой группе – как с положительной, так и с отрицательной направленностью. Дети из детских домов в большинстве случаев стараются не уходить от возникающих проблем, а решать их, хотя зачастую и при помощи социально значимого окружения. Поэтому очень важно, чтобы рядом был человек, способный подсказать и направить.

У более половины испытуемых отмечается высокая личностная тревожность, которая дает основание полагать, что дети, воспитывающиеся в детских домах, склонны видеть в окружающем мире угрозу. Это может негативно сказываться на результатах деятельности, учебной успеваемости, а в дальнейшем и на профессиональной деятельности и общественных взаимоотношениях.

Таким образом, при выявлении степени адаптации и социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, следует учитывать весь комплекс показателей (уровень адаптированности, тревожность и копинг-стратегии поведения), позволяющих более точно определить состояние ребенка, для своевременной коррекции адаптационных механизмов и развития эффективного адаптационного потенциала личности.

Литература

1. *Газарян А.* Социальная адаптация детей-сирот: краткий обзор вопроса. 2013. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.detdom.info/news/socialnaya-adaptaciya-detey-sirot-kratkiy-obzor-voprosa> (дата обращения: 29.04.2014).
2. *Дементьева И.Ф.* Социальная адаптация детей-сирот: проблемы и перспективы в условиях рынка // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 62–70.
3. *Дементьева И.Ф.* Социальная адаптация детей-сирот // Социальная педагогика в России. 2003. № 2. С. 64–71.
4. *Могутова Е.В.* Адаптация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. 2012. [Электронный ресурс] // URL: <http://nsportal.ru/detskii-sad/raznoe/adaptaciya-detey-sirot-i-detey-ostavshih-sya-bez-porecheniya-roditeley> (дата обращения: 01.05.2014).
5. *Мороженко Е.В.* Социально-психологическая адаптация и дезадаптация в процессе социализации личности // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2009. № 8. С. 108–111.
6. Председатель Правительства Д.А. Медведев провел заседание Правительства России по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей. 2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/2576> (дата обращения: 30.04.2014).

7. Психология: Учебник для гуманитарных вузов: 2-е изд. / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2009. 656 с.

8. *Селенина Е.В.* Модели постинтернатного сопровождения выпускников // Детский дом. 2008. № 28. С. 36–44.

9. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 02.12. 2013 г. № 328-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.08.1998 г. № 31. Ст. 3802.

Social Adaptation of Children Brought up in Orphanage

Larin A.N.,

PhD Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, aaalll999@rambler.ru

Konopleva I.N.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, konopleva.in@gmail.com

We discuss the influence of social adaptation on life success in orphans and children left without parental care when entering into an independent life. We provide the definition of the social adaptation in terms of psychology and law, review recent research findings of Russian scientists on social adaptation of children, as well as data on vital dispensation of graduates of orphanages. It is emphasized that the beginning of an independent life causes high stress, that children often cannot find their place in life and develop the mechanisms of behavior that contribute to the successful inclusion in public relations, quality education and the formation of family values. Thus, the most important condition for the successful entry of the child into an independent life is social integration into society, learning the rules and norms of behavior of society, the motivation for productive activities, education and the creation of a strong family and parenting. We provide the results of a study aimed at identifying coping strategies of behavior in stressful situations, adaptation features, as well as the level of anxiety in children-orphans and children left without parental care.

Keywords: social adaptation, pupils, orphanage, graduate, independent life.

References

1. Gazaryan A. Social'naya adaptaciya detei-sirot: kratkii obzor voprosa. [Social adaptation of orphans: a short review of the issue], 2013. Available at: <http://www.detdom.info/news/socialnaya-adaptaciya-detey-sirot-kratkii-obzor-voprosa> (Accessed 29.04.2014).
2. Dement'eva I.F. Social'naya adaptaciya detei-sirot: problemy i perspektivy v usloviyakh rynka [Social adaptation of orphans: problems and prospects in the market]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 1992, no. 10, pp.62–70.
3. Dement'eva I.F. Social'naya adaptaciya detei-sirot [Social adaptation of orphans]. *Social'naya pedagogika v Rossii* [Social pedagogics in Russia]. 2003, no. 2, pp.64–71.
4. Mogutova E.V. Adaptaciya detei-sirot i detei, ostavshihsia bez popecheniya roditelei. [Adaptation of orphans and children left without parental care], 2012. Available at: <http://nsportal.ru/detskii-sad/raznoe/adaptaciya-detey-sirot-i-detey-ostavshihsia-bez-popecheniya-roditeley> (Accessed 01.05.2014).
5. Morodenko E.V. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya i dezadaptaciya v processe socializacii lichnosti [Socio-psychological adaptation and maladjustment in the process of socialization]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Messenger of Tomsk State pedagogical university], 2009, no. 8, pp.108–111.
6. Predsedatel' Pravitel'stva D.A. Medvedev proviol zasedanie Pravitel'stva Rossii po realizacii Nacional'noi strategii deistvii v interesah detei. [Prime D.A. Medvedev chaired a meeting of the

Russian Government on the implementation of the National Strategy for Action for Children], 2012. Available at: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/2576> (Accessed 30.04.2014).

7. Druzhinin V.N. (ed.) Psihologiya: uchebnik dlia gumanitarnykh vuzov [Psychology]. St-petersburg: Piter, 2009, 656 p.

8. Selenina E.V. Modeli postinternatnogo soprovozhdeniya vypusnikov [Models postinternat support graduates]. Zhurnal " *Detskii dom* " [Magazine " *Detsky Dom* "], 2008, no. 28, pp. 36–44.

9. Federal'nyi zakon ot 24 iyulia 1998, no. 124-FZ "Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiiskoi Federacii " [Federal Law of 24 July 1998 no. 124-FZ " On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation "] (s izm. i dop. ot 02.12 2013. no. 328-FZ). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federacii [Russian Federation Code] ot 03.08.1998., no. 31, st. 3802.

Оценка риска агрессивного поведения у психически больных женщин с криминальным анамнезом

Макурина А.П.,

младший научный сотрудник, ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздрава РФ, Москва, Россия, anya-plyakina@yandex.ru

Кузнецов Д.А.,

кандидат медицинских наук, психиатр ГКУ здравоохранения г. Москвы, «Психиатрическая больница № 5 Департамента здравоохранения Москвы», Москва, Россия, reflexion_light@mail.ru

Изложены результаты изучения предикторов противоправных действий у лиц с психическими расстройствами. Обсуждены специфические особенности женской преступности. На выборке из 69 пациенток с диагнозами «органическое психическое расстройство» и «шизофрения», имеющих криминальный анамнез, был применен клинико-психологический герменевтический анализ, использованы методики определения субъективных оценок больных, диагностики самоконтроля, стилевых особенностей саморегуляции, диагностики агрессии и враждебности, копинг-стратегий, деструктивных установок в межличностных отношениях. Это позволило выделить клинико-социальные и патопсихологические факторы агрессивного поведения судебно-психиатрических пациенток. Выделенные индивидуально-психологические особенности психически больных женщин позволят улучшить прогноз их агрессивного поведения, осуществлять дифференцированные превентивные мероприятия в стационаре и создавать соответствующие коррекционные программы.

Ключевые слова: психически больные женщины, предикторы противоправных действий, внутрибольничная агрессия, саморегуляция, самоконтроль, социальное функционирование.

Для цитаты:

Макурина А.П., Кузнецов Д.А. Оценка риска агрессивного поведения у психически больных женщин с криминальным анамнезом [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Makurina_Kuznetsova.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Makurina A.P., Kuznetsov D.A. Assessment of risk of violent behavior in female psychiatric patients with a criminal history [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Makurina_Kuznetsova.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Практика осуществления судебно-психиатрической профилактики свидетельствует о том, что агрессивное поведение больных обусловлено не только недочетами диагностического и терапевтического плана, но и отсутствием надлежащего надзора и недооценкой мер безопасности во время пребывания больного на лечении.

Частота физической агрессии пациентов, с которой сталкиваются медицинские работники психиатрического стационара, составляет 45,1 %, частота нападений на персонал

– от 5 до 61 случаев в год; из них без телесных повреждений – в среднем 71 % инцидентов [8]. По данным зарубежной литературы, частота инцидентов насилия за 100 дней госпитализации с проявлением физической агрессии составляет 0,6 % и 1,83 % для других проявлений агрессивного поведения, включая вербальную агрессию. Причем 38 % инцидентов происходят в первые семь дней госпитализации [12].

Вместе с тем имеются указания на то, что лишь малая часть агрессивного поведения непосредственно связана с психопатологическими симптомами. Большую часть совершаемых лицами с психическими расстройствами агрессивных поступков можно объяснить психологическими мотивами, когда психические нарушения оказывают лишь неспецифический растормаживающий эффект. Кроме того, влияние психопатологической симптоматики и психосоциальных факторов риска на агрессивное поведение у мужчин и женщин различно. Это обусловлено гендерной нагрузкой, биологическими и психологическими особенностями лиц женского пола. Практика и исследования последних лет продемонстрировали, что инциденты или нарушения режимных требований во время принудительного лечения (ПЛ) не могут быть спрогнозированы на основании тех же самых критериев, которые используются для прогноза повторных случаев антисоциального поведения уже после прекращения ПЛ [4; 6; 16; 17; 37].

Постановка проблемы

Изучение предикторов противоправных действий у психически больных занимает особое место в психолого-психиатрических исследованиях [2; 9; 13; 20; 26; 29; 31; 41]. Были выделены клиничко-психопатологические и социально-психологические факторы риска общественной опасности лиц с психическими расстройствами [16].

Среди клинических переменных – психопатоподобный синдром с повышенной поведенческой активностью и патологией влечений, бредовые идеи определенного содержания, периодические и пароксизмальные психотические состояния, сопровождающиеся агрессивностью и имеющие тенденцию к частому возникновению и др. Среди социально-психологических факторов – проявления социальной дезадаптации, склонность к систематическому употреблению ПАВ, антисоциальный преморбид, повторность совершения общественно опасных деяний (как до, так и после начала психического расстройства), нарушения больничного режима при прежних госпитализациях в психиатрические стационары. Следует добавить, что психопатологическая симптоматика и психосоциальные факторы риска по-разному влияют на агрессивное поведение у мужчин и женщин [9; 24; 35].

Преступность женщин отличается от преступности мужчин количеством, характером преступлений и их последствиями, способами совершения противоправных действий, ролью женщин в социуме, категорией потерпевших (из круга лиц ближайшего окружения), влиянием на правонарушения семейно-бытовых обстоятельств. Указанные закономерности обусловлены гендерной нагрузкой, биологическими и психологическими особенностями лиц женского пола [9; 10; 24; 25; 28; 34].

Также было установлено, что женская преступность характеризуется определенной спецификой. Это позволяет рассматривать ее как самостоятельную категорию преступлений [9; 10; 25; 39]. Для лиц женского пола, совершивших агрессивные действия, характерен более высокий уровень психических расстройств. Во многих странах значительно большее число обвиняемых женщин, чем мужчин, являются объектом судебно-психиатрического освидетельствования. При этом если для мужчин, направляемых на экспертизу, более характерен криминальный анамнез, то для женщин наиболее вероятен психиатрический [9; 24; 40].

В связи с этим большинство авторов указывают на необходимость учета гендерной специфики в исследовании криминального поведения [1; 7; 9; 19; 23; 27; 29; 31; 33; 34; 36; 39].

Между тем, количество работ, посвященных сравнительному анализу предикторов совершения общественно опасных деяний (ООД) психически больными в зависимости от половой принадлежности, немногочисленны. Чаще всего научные исследования выполнялись на выборках, состоявших только из мужчин или только из женщин. Лица противоположного пола изучались либо в качестве дополнения к основной группе, либо в неизмеримо меньшем процентном соотношении, не позволяющем получить статистически достоверные данные. А изучение проблемы внутрибольничной агрессии психически больных проводилось отечественными авторами либо в стационарах общего типа [2], либо во время проведения СПЭК [19].

Однако повышение прогностической ценности оценок риска внутрибольничной агрессии возможно за счет не только профилизации применяемых методов, но и большей дифференциации тех факторов, которые принимаются во внимание.

Целью проведенного нами исследования было выделение клинко-социальных и патопсихологических факторов агрессивного поведения психически больных женщин, включая внутрибольничную агрессию, для совершенствования оценки их общественной опасности.

Мы обследовали 69 женщин с психическим расстройством, находящихся на принудительном лечении специализированного типа в МПБ № 5: 73,9 % женщин страдали шизофренией, 26,1 % – органическим психическим расстройством (ОПР).

Данные собирались с помощью батареи методик, которые впоследствии обрабатывались различными статистическими методами. Основным методом исследования эмпирического материала стал клинко-психологический герменевтический анализ [10; 21] – изучение объективизированных источников информации: материалов уголовного дела, медицинской документации, результатов клинко-психологического обследования (беседа, наблюдение, данные патопсихологических методик, опросников, проективных методов и пр.), заключений экспертных комиссий. Для сбора объективных сведений о пациенте использовалась формализованная карта обследования, включающая в себя социально-демографические, криминологические, клинические, психологические переменные. Помимо стандартного патопсихологического обследования познавательных процессов [10; 18] и психологического анализа материалов уголовного дела применялись специфические методики: методика «Проверочный лист отношения к лечению и пребыванию в стационаре» [5], предназначенная для определения субъективных оценок больных, находящихся на ПЛ, и их установок в отношении лечения; самоотчет «Самооценка имеющихся проблем» для оценки риска, который представляет правонарушитель, и идентификации факторов, которые влияют на совершение ООД (методика разработана совместно Тюремной Службой и Службой Пробации США); «Методика самоконтроля»; «Восприятие социальной поддержки»; «Методика саморегуляции поведения» [15]; Опросник копинг-стратегий «COPE» [30]; «Методика диагностики агрессии и враждебности»; «Методика определения деструктивных установок в межличностных отношениях» [3].

Статистическая обработка результатов включила в себя следующие методы исследования: 1) описательные статистики и частотный анализ для выделения социально-демографических и клинко-психологических характеристик изучаемых групп; 2) однофакторный дисперсионный анализ; 3) непараметрический метод сравнения групп U Манна–Уитни; 4) кластерный анализ по методу К-средних; 5) корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) для выявления взаимосвязей между субъективными

оценками, патопсихологическими, криминологическими и клинико-социальными переменными. Анализ производился с помощью статистического пакета SPSS 21.0.

Анализ результатов исследования

Изучение полученных данных мы начали с анализа *клинико-психопатологических и социально-психологических* характеристик женщин, находящихся на принудительном лечении. Женщины, страдающие шизофренией, составили большую часть выборки – 57,1 %, число пациенток с диагнозом органического психического расстройства составило 28,6 %, 14,3 % женщин имели диагноз «расстройства личности». Экзогенные вредности в анамнезе полностью отсутствовали у 42,9 % пациенток. В таком же проценте случаев отмечалось злоупотребление алкоголем, в 14,3 % случаев – черепно-мозговые травмы. Около 16 % больных ранее совершали неоднократные суицидальные попытки.

Среди особенностей социальных отношений в детстве выявлено, что 71,4% обследованных были не общительны, 14,3 % – конфликтовали со сверстниками. В 57,1 % случаев женщины не работали. По причине психического заболевания не работали 14,3 % женщин; 28,6 % пациенток были заняты на низко квалифицированных работах. Среди преморбидных индивидуально-психологических особенностей в 57,1 % случаев была отмечена возбудимость, тревожность, мнительность и истероидность были представлены в равной степени наблюдений и составили 14,3 %.

Однократно к уголовной ответственности были привлечены 42,9 % женщин, три и более раз привлекались 14,3 % пациенток. Направленность агрессии на родственников была отмечена у 71,4 %, на знакомых – у 28,6 % пациенток.

Преступление было совершено в состоянии трезвости в 71,4 % случаев, в 28,6 % – в состоянии алкогольного опьянения. В 85,7 % случаев преступление было совершено в одиночку, 14,3 % женщин являлись инициаторами в группе.

В 57,1 % случаев пациентки госпитализировались в психиатрический стационар пять и более раз. Чаще причиной госпитализации служило неадекватное поведение с гетероагрессией.

В условиях нового режима 71 % больных проявляли вербальную агрессию. 28,6 % пациенток нарушали режимные требования в первые шесть месяцев, 14,3 % продолжали нарушать режимные требования весь срок пребывания в стационаре.

Результаты патопсихологического исследования выявили, что у 71 % женщин снижен объем непосредственного и опосредованного запоминания, отмечены колебания внимания и замедленный темп работоспособности. В ассоциативной сфере у 57,1 % пациенток отмечена неадекватность, в 28,6 % – конкретность, а у 14,3 % – субъективность. Операциональный аспект мышления характеризовался снижением уровня обобщения в 85,7 % наблюдений. У 28,6 % больных отмечалась оценочность суждений, у 14,3 % – явления соскальзывания. Нарушение критичности к болезни было выявлено у 42,9 % пациенток, у 57,1 % – нарушение критичности к ситуации и к своему правонарушению.

При изучении *оценки риска и потребностей правонарушителей* женщины отметили ряд проблемных аспектов их функционирования. Более чем в трети наблюдений это – контакты с представителями властей, неспособность понимать чувства других людей и следовать своим планам, повторение тех же самых ошибок, совершение поступков под влиянием момента. Среди переменных социального функционирования в качестве проблем больными были отмечены: устройство на работу и ее сохранение, получение квалификации. О таких проблемах в семейной сфере, как неспособность иметь стабильные отношения с интимным партнером, заботиться о своих детях, заявила четверть опрошенных. Обращает на себя внимание тот факт, что около 20 % женщин указали на высокую вероятность совершения ими повторных правонарушений в будущем.

Значимый вклад в отнесение больных к группе с диагнозом ОПР сделали следующие переменные: выраженность гнева в структуре агрессии, недостаточная дифференцированность восприятия своего заболевания, субъективная оценка в качестве проблем скуки, одиночества, трудностей контроля над собой, посещение мест, где могут возникнуть проблемы, проявление агрессии при раздражении, чувство депрессии. В группе больных с диагнозом «шизофрения» вышеуказанные переменные имели минимальную выраженность.

Результаты *корреляционного анализа по всей выборке* выявили, что общий низкий уровень саморегуляции значимо связан с враждебностью, гневом, проблемой потери контроля над собой, проявлением агрессии при раздражении, а также с использованием стратегии избегания в стрессогенных ситуациях, неспособностью планировать, моделировать, программировать, оценивать результаты своей деятельности в сочетании с завуалированной жестокостью по отношению к людям, с обоснованным негативизмом в суждениях о людях.

При исследовании *профилей саморегуляции* всех обследованных с помощью процедуры К-минз кластеризации были выявлены две гомогенные группы.

Женщины первого кластера на фоне высоких показателей гибкости не способны к перспективному целеполаганию, не замечают изменений в ситуации, что часто приводит к неудачам, склонны к фантазированию, редко достигают поставленных целей, предпочитают действовать импульсивно, не способны самостоятельно сформировать программу действий, более зависимы от ситуации и мнения окружающих людей (рис. 1). Анализ таблиц сопряженности выявил, что для этой группы характерны негативные коммуникативные установки в виде завуалированной жестокости по отношению к людям, негативизма в суждениях о людях.

Женщины, вошедшие во второй кластер, также не способны к планированию и выстраиванию программы действий, адекватных текущей ситуации, склонны действовать импульсивно, субъективные критерии успешности деятельности у них неустойчивы, что приводит к ухудшению качества результатов при увеличении объема работы. Однако в этом кластере выше показатели планирования и самостоятельности, последний показатель отражает несвязанность между собой этапов осознанной регуляции. Гибкость, как и у женщин, вошедших в первый кластер, развита лучше остальных показателей.

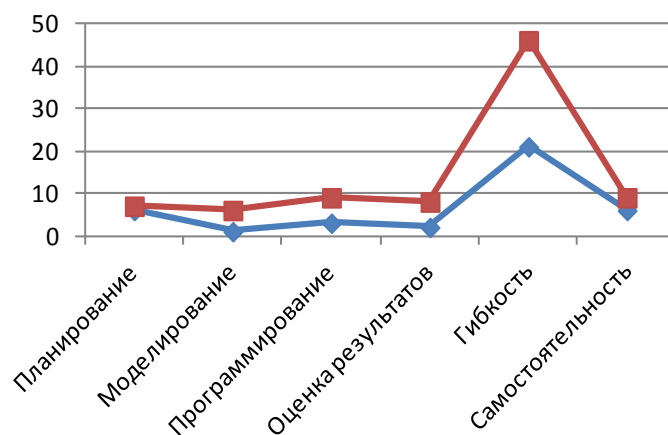

Рис. 1. Графики средних значений по методике «Стиль саморегуляции поведения» по кластерам: ▲ – 1-й кластер; ■ – 2-й кластер

Анализ таблиц сопряженности выявил, что для второй группы характерны низкий уровень познавательной сферы, низкая способность ориентироваться в практических и житейских ситуациях, низкая обучаемость. Испытуемых, вошедших в данный кластер, отличает высокий уровень гнева, не критичность, они не довольны своим лечением, потому что считают себя психически здоровыми. В большинстве случаев агрессия появляется, когда у них плохое самочувствие, и выражается в провокативном поведении. В данной группе женщины считают для себя проблемой потерю контроля над собой.

При проведении процедуры К-минз по всей выборке по переменным *профиля самоконтроля* были выделены две гомогенные группы (рис. 2).

Первый кластер по общему профилю характеризуется значительно более низкими показателями по всем шкалам самоконтроля по сравнению со вторым кластером. Тенденция к предпочтению простых задач выражена максимально, а склонность к импульсивным поступкам – минимально.

Анализ таблиц сопряженности выявил, что для испытуемых, вошедших в первый кластер, отличительными являются артикулирование одиночества в качестве проблемы, низкий уровень воспринимаемой социальной поддержки, но при этом высоко развитый уровень самостоятельности при саморегуляции поведения. Для женщин этой группы характерно возникновение агрессии при плохом самочувствии. Причины конфликтов с медицинским персоналом эти больные объясняют волнением перед комиссией, а с соседями по палате – «трудным характером». Испытуемых из данного кластера отличал высокий индекс внутрибольничной агрессии.

Общий профиль самоконтроля у лиц из второго кластера характеризуется значительно более высокими показателями по всем шкалам по сравнению с первым кластером. Внутри группы предпочтение простых задач имеет максимальное значение, эгоцентризма и импульсивности – минимальное.

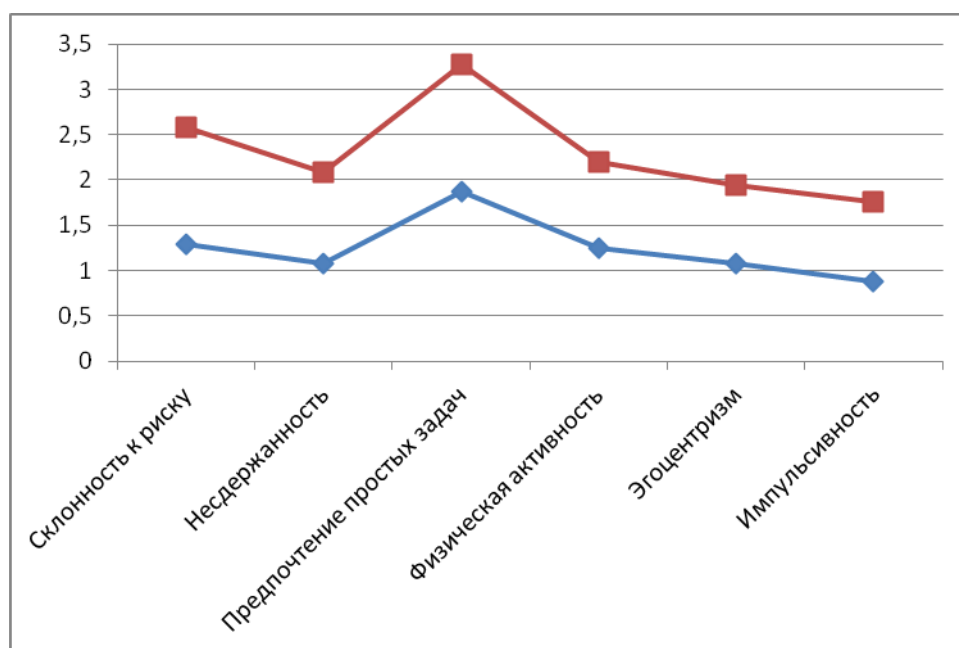

Рис. 2. Графики средних значений по методике «Самоконтроль по кластерам»: ▲ – 1-й кластер; ■ – 2-й кластер

Анализ таблиц сопряженности выявил, что для второй группы характерен низкий уровень общего профиля саморегуляции поведения, отсутствует связанность отдельных ее этапов. У женщин данной группы выявлен высокий уровень общего профиля воспринимаемой социальной поддержки, в анамнезе их отличало гармоничное воспитание в семье, они не заявляли в качестве проблемы одиночество, а также считали трудный характер причиной плохих отношений с соседями по палате. Данный кластер отличают низкие показатели внутрибольничной агрессии, причины конфликтов с соседями по палате пациентки связывают с особенностями своего характера.

Заключение

Анализ результатов показал, что женщины, находящиеся на принудительном лечении, отмечают для себя проблемы в общественной и семейной сфере, в принятии решений, употреблении наркотиков и алкоголя, их отличает боязнь повторения ошибок.

Для больных *органическим психическим расстройством*, которые нарушают режим отделения, характерно наличие неоднократных правонарушений в анамнезе. Им свойственны проявления гнева и враждебности, потеря контроля над собой, наличие проблем с принятием конструктивных решений, употребление психоактивных веществ. Дефектным звеном саморегуляции является планирование. Больные склонны действовать импульсивно, оценочные функции у них развиты недостаточно.

Высокие показатели гибкости специфичны для обобщенной выборки обеих нозологических групп.

Анализ профилей нарушений саморегуляции в общей выборке выявил два варианта ее нарушений. В первом варианте отмечался низкий уровень развития всех регуляторных функций. При относительно развитой способности изменять свое поведение в соответствии с динамикой внешних условий ситуации отмечались неспособность к планированию, импульсивность, неспособность составлять программы действий по достижению целей, не критичность к своим действиям и допускаяемым ошибкам, зависимость от ситуационных факторов и мнения окружающих людей. Среди лиц, отнесенных к данному профилю

саморегуляции, доля больных, совершивших повторные ООД, составила 30 %. Во втором варианте нарушения процесса саморегуляции, характеризующемся несколько большей развитостью всех этапов осознанной регуляции поведения, больные в два раза меньше имели в анамнезе повторные ООД, и в таком же соотношении меньше нарушали режимные требования в отделении. Максимальные в обследованной выборке показатели гибкости отражают скорее не развитость коррекционных функций, а полезависимость поведения.

Кластеризация обследованных по профилю самоконтроля выявила максимально различающиеся по данной predisпозиции группы больных. Первый кластер по общему профилю характеризуется значительно более низкими показателями по всем шкалам самоконтроля по сравнению со вторым кластером. Тенденция к предпочтению простых задач выражена максимально, а склонность к импульсивным поступкам – минимально.

Неожиданными оказались выявленные закономерности. Несмотря на большую способность к самоконтролю испытуемых из данного кластера отличал высокий индекс внутрибольничной агрессии и низкий уровень воспринимаемой социальной поддержки, несвязанность этапов саморегуляции. Больных с более выраженными трудностями самоконтроля отличают низкие показатели внутрибольничной агрессии. Однако их характеризовал высокий уровень общего профиля воспринимаемой социальной поддержки, в анамнезе – гармоничное воспитание в семье.

Выявленные индивидуальные и индивидуально-психологические особенности психически больных женщин с криминальным анамнезом расширяют возможности улучшения прогноза их агрессивного поведения в стационаре и за его пределами, а также могут позволить дифференцированно выстраивать систему профилактики в отношении исследованных категорий пациенток.

Литература

1. *Березанцев А.Ю., Митрофанова О.И.* Гендер, комплаенс и качество жизни больных шизофренией: Аналитический обзор // Российский психиатрический журнал. 2009. № 1. С. 24–33.
2. *Берсенева Ю.А.* Внутрибольничное агрессивное поведение психически больных и пути его профилактики: Автореф. дис. ...канд. мед. наук. М., 2013. 46 с.
3. *Бойко В.В.* Методика диагностики уровня эмоционального выгорания // Практическая психодиагностика / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2001. С. 298–311.
4. *Булыгина В.Г.* Измерение рисков насилия в судебной психиатрии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39935.shtml (дата обращения: 01.07.2014).
5. *Булыгина В.Г., Кабанова Т.Н.* Роль субъективных оценок психически больных в формировании приверженности лечению и профилактике повторных ООД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50332.shtml> (дата обращения: 09.09.2014).
6. *Булыгина В.Г.* Оценка риска агрессии психически больных в стационарах, осуществляющих принудительное лечение: Методические рекомендации. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010. 26 с.
7. *Булыгина В.Г., Кузнецов Д.А.* Учет гендерной специфики криминального поведения в судебно-психиатрической профилактике [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: <http://www.psyedu.ru/journal/2012/2/2901.phtml> (дата обращения: 01.07.2014).
8. *Голенков А.В.* Агрессивные действия психически больных в стационаре: диагностика, стандарты ухода и наблюдения // Медицинская сестра. 2012. № 6. С. 23–25.

9. *Дмитриева Т.Б., Иммерман К.Л., Качаева М.А.* Криминальная агрессия женщин с психическими расстройствами: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 2003. 248 с.
10. *Зейгарник Б.В., Братусь Б.С.* Очерки по психологии аномального развития личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 127 – 130.
11. *Качаева М.А., Русина В.В.* Гендерные аспекты особенностей агрессивных преступлений, совершенных женщинами // Российский психиатрический журнал. 2010. № 6. С. 4–10.
12. *Киприн П.В.* Агрессивные действия психически больных внутри психического стационара // Российский психиатрический журнал. 2001. № 6. С. 28–32.
13. *Кондратьев Ф.В.* Профилактика повторных общественно опасных действий психически больных: Методические рекомендации. М.: МЗ СССР, 1986. 51 с.
14. *Мальцева М.М., Котов В.П.* Опасные действия психически больных. М.: Медицина, 1995. 256 с.
15. *Моросанова В.И., Соколова Л.А.* Опросный метод для диагностики осознанного уровня саморегулирования деятельности. Сообщение 1. О связи осознанного уровня саморегулирования с успешностью деятельности // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1989. № 2. С. 14–18.
16. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре: Руководство для врачей / Под ред. В.П. Котова. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2010. 345 с.
17. Руководство по судебной психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. М.: Медицина, 2004. 592 с.
18. *Рубинштейн С. Я.* Экспериментальные методики патопсихологии. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 448 с.
19. *Русина В.В.* Клинико-социальные характеристики женщин, совершивших агрессивные действия против личности (клинический и судебно-психиатрический аспекты): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2009. 18 с.
20. *Сафуанов Ф.С.* Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
21. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Гардарики, Смысл, 1998. 192 с.
22. Клинико-социальные предикторы и профилактика агрессивного поведения больных шизофренией в условиях экспертного психиатрического стационара: Методические рекомендации / Фастовцов Г.А., Осколкова С.Н., Клембовская Е.В., Печенкина О.И., Попов Д.М. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2012. 22 с.
23. *Хамитов Р.Р.* Личностные функции психически больных, находящихся на принудительном лечении // Казанский медицинский журнал. 2003. № 3. С. 193–195.
24. *Харитонов Н.К., Васянина В.И.* Криминальная агрессия и личностная патология у женщин // Российский психиатрический журнал. 2004. № 1. С. 22–25.
25. *Цанева А.Н.* Негативные тенденции, наметившиеся в женской преступности за последнее десятилетие в России // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 197–199.
26. *Шостакович Б.В.* Основы судебной психиатрии: Учебное пособие для юристов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 224 с.
27. *Archer D.* Violence and gender: Differences and similarities across societies// Ruback R.B., Weiner N.A. (Eds.). Interpersonal Violent Behaviors: Social and Cultural Aspects. N. Y, US: Springer Publishing Co, 1995. P. 63–87.
28. *Banks S., Robbins P.C., Silver E. et al.* A Multiple-models approach to violence risk Assessment among people with mental disorder // Criminal Justice and Behaviour. 2004. Vol. 31. P. 83–100.
29. *Carcach J., James M.* Homicide between Intimate Partners in Australia. Canberra: Australian Institute of Criminology, 1998. P. 167–176.
30. *Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K.* Assessing coping strategies: A theoretically based approach // J. Pers. and Soc. Psychol. 1989. Vol. 56. P. 267–283.

31. *Fox J.A., Zawitz M.W.* Homicide Trends in the United States. US Department of Justice. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics, 1999. 137 p.

32. *Greenfield L.A., Snell T.L.* Women Offenders. Bureau of Justice Statistics Special Report NCJ175688. Washington, DC: US Department of Justice, 1999. 14 p.

33. *Krakowski M., Czobor P.* Gender differences in violent behaviors: Relationship to clinical symptoms and psychosocial factors// American Journal of Psychiatry. 2004. Vol. 161. P. 459–465.

34. *Laishes J.* The Mental Health Strategy for Women Offenders. Ottawa: Correctional Service of Canada, 2002. P. 20–33.

35. *Moffitt T.E., Caspi A.* Childhood predictors differentiate life-course-persistent and adolescence-limited antisocial pathways among males and females// Development and Psychopathology. 2001. Vol. 13. P. 355–375.

36. *Nedopil N.* Prognosen in der forensischen Psychiatrie - ein Handbuch für die Praxis. Pabst Science Publisher, Lengerich [u. a.], 2005. 276 p.

37. *Odgers C., Moretti M.* Aggressive and antisocial girls: Research update and future research challenges // Forensic Mental Health. 2002. Vol. 2. P. 17–33.

38. *Steadman H., Robbins P.C.* Revalidating the brief jail mental health screento increase accuracy for women // Psychiatr. Serv. 2007. Vol. 58. P. 1598–1601.

39. *Teplin L.A.* Psychiatric substance abuse disorders among male urban jail detainees// American Journal of Public Health. 1994. Vol. 84. № 2. P. 290–293.

40. *Vries R.M. de, Vogel V.* Protective factors for violence risk in forensic psychiatric patients. A retrospective validation study of the SAPROF// International Journal of Forensic Mental Health. 2011. Vol. 10 № 3. P. 178–186.

41. *Webster C., Douglas K.S., Eaves D. at al.* Assessing Risk for Violence. Simon Fraser University, 1997. P. 251–277.

Assessment of Risk of Violent Behavior in Female Psychiatric Patients with a Criminal History

Makurina A.P.,

Junior Research Associate, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Moscow, Russia, anya-plyakina@yandex.ru

Kuznetsov D.A.,

PhD in Medicine, Psychiatrist, State Public Institution of Moscow Public Health, "Mental Hospital № 5 of the Department of Public Health in Moscow", Moscow, Russia, reflexion_light@mail.ru

We present the results of study of illegal actions predictors in individuals with mental disorders and discuss the specific features of female criminality. On a sample of 69 patients with a diagnosis of organic mental disorder and schizophrenia, with criminal histories, we applied clinical and psychological hermeneutic analysis, used questionnaires to determine the self-assessments of patients, self-control diagnosis, self-regulation style features, diagnosis of aggression and hostility, coping strategies, destructive attitudes in interpersonal relationships. It made possible to identify clinical, social and pathopsychological factors of aggressive behavior in forensic patients. These individual psychological characteristics of mentally ill women will improve the prognosis of their aggressive behavior, implement differentiated preventive measures in the hospital and to establish appropriate intervention programs.

Keywords: mentally ill women, predictors of illegal acts, hospital aggression, self-control, social functioning.

References

1. Berezantsev A.Yu., Mitrofanova O.I. Gender, kompliens i kachestvo zhizni bol'nykh shizofreniei: Analiticheskii obzor [Gender, compliance and quality of life of patients with schizophrenia: Analytical Review]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2009, no 1, pp. 24-33
2. Berseneva Yu.A. Vnutribol'nichnoe agressivnoe povedenie psikhicheski bol'nykh i puti ego profilaktik. Ph. D. (Medical) Thesis [Nosocomial aggressive behavior of the mentally ill and ways to prevent it. Ph. D. (Medical) Thesis]. Moscow, 2013. 46 p.
3. Boiko V.V. Metodika diagnostiki urovnya emotsional'nogo vygoraniya [The methods of diagnosis of the level of emotional burnout]. In Raigorodskii D.Ya. (ed.) *Prakticheskaya psikhodiagnostika [Practical psychodiagnosstiks]*. Samara: Bakhrakh-M, 2001, pp. 298-311.
4. Bulygina V.G. Izmerenie riskov nasiliya v sudebnoi psikhiiatrii [Elektronnyi resurs] [Measuring risks of violence in forensic psychiatry]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2011, no 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39935.shtml (Accessed: 01.07.2014). (In Russ. Abstr. in Eng.).
5. Bulygina V.G., Kabanova T.N. Rol' sub"ektivnykh otsenok psikhicheski bol'nykh v formirovanii priverzhennosti lecheniyu i profilaktike povtornykh OOD [Elektronnyi resurs] [The role of subjective evaluations of the mentally ill in the formation of adherence to treatment and prevention of re especially dangerous actions]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2012, no.

1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50332.shtml> (Accessed: 09.09.2014). (In Russ. Abstr. in Eng.).

6. Bulygina V.G. Otsenka riska agressii psikhicheski bol'nykh v statsionarakh, osushchestvlyayushchikh prinuditel'noe lechenie. Metodicheskie rekomendatsii [Risk assessment of aggression of the mentally ill in hospitals, offering compulsory treatment]. Moscow: FGU "NTs SSP Roszdrava", 2010. 26 p.

7. Bulygina V.G., Kuznetsov D.A. Uchet gendernoi spetsifiki kriminal'nogo povedeniya v sudebno-psikhiatricheskoi profilaktike [Elektronnyi resurs] [Gender-specific criminal behavior in forensic psychiatric prevention]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2012, no 2. URL:<http://www.psyedu.ru/journal/2012/2/2901.phtml> (Accessed: 01.07.2014). (In Russ. Abstr. in Eng.).

8. Golenkov A.V. Agressivnye deistviya psikhicheski bol'nykh v statsionare: diagnostika, standarty ukhoda i nablyudeniya [Aggressive actions of the mentally ill in the hospital: diagnosis, care standards and monitoring]. *Meditinskaya sestra* [Nurse], 2012, no 6, pp. 23–25.

9. Dmitrieva T.B., Immerman K.L., Kachaeva M.A. Kriminal'naya agressiya zhenshchin s psikhicheskimi rasstroistvami [Criminal aggression women with mental disorders]: 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Meditsina 2003. 248 p.

10. Zeigarnik B.V., Bratus' B.S. Ocherki po psikhologii anomal'nogo razvitiya lichnosti [Essays on the psychology of abnormal personality development]. Moscow: MGU. 1980, pp. 127–130.

11. Kachaeva M.A., Rusina V.V. Gendernye aspekty osobennosti agresivnykh prestuplenii, sovershennykh zhenshchinami [Gender aspects are particularly aggressive crimes committed by women]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian Journal of Psychiatry], 2010, no 6, pp. 4–10.

12. Kiprin P.V. Agressivnye deistviya psikhicheski bol'nykh vnutri psikhicheskogo statsionara [Aggressive actions of the mentally ill in mental hospital]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian Journal of Psychiatry], 2001, no 6, pp. 28–32.

13. Kondrat'ev F.V. Profilaktika povtornykh obshchestvenno opasnykh deistvii psikhicheski bol'nykh: Metodicheskie rekomendatsii [Prevention repeated socially dangerous actions of the mentally ill]. Moscow: MZ SSSR, 1986. 51 p.

14. Mal'tseva M.M., Kotov V.P. Opasnye deistviya psikhicheski bol'nykh [Dangerous actions of the mentally ill]. Moscow: Meditsina, 1995. 256 p.

15. Morosanova V.I., Sokolova L.A. Oprosniy metod dlya diagnostiki osoznannogo urovnya samoregulirovaniya deyatel'nosti. Soobshchenie 1. O svyazi osoznannogo urovnya samoregulirovaniya s uspehnost'yu deyatel'nosti [The polling method for diagnosing a conscious level of self-regulation activities. Message 1. About the connection of the conscious level of self-regulation with the success of]. *Novye issledovaniya v psikhologii i vozrastnoi fiziologii* [New research in psychology and developmental physiology]. 1989, no 2, pp. 14–18.

16. Prinuditel'noe lechenie v psikhiatricheskom statsionare: Rukovodstvo dlya vrachei [Compulsory treatment in a psychiatric hospital: a guide for physicians]. In Kotova V.P. (ed.) *Prinuditel'noe lechenie v psikhiatricheskom statsionare: Rukovodstvo dlya vrachei* [Compulsory treatment in a psychiatric hospital]. Moscow: GNTs SSP im. V.P. Serbskogo, 2010. 345 p.

17. Dmitrieva T.B. (ads.) Rukovodstvo po sudebnoi psikhiatrii [Guidelines for Forensic Psychiatry]. Moscow: Medicina, 2004. 592 p.

18. Rubinshtein S. Ya. Eksperimental'nye metodiki patopsikhologii [Experimental methods pathopsychology.]. Moscow: ZAO EKSMO-Press. 1999. 448 p.

19. Rusina V.V. Kliniko-sotsial'nye kharakteristiki zhenshchin, sovershivshikh agressivnye deistviya protiv lichnosti (klinicheskii i sudebno-psikhiatricheskii aspekty). Ph. D. (Psychology) Thesis. [Clinico-social characteristics of women who have committed aggressive acts against the person (clinical and forensic psychiatric aspects). Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2009. 18 p.

20. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii [Psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.

21. Safuanov F. S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugovnom protsesse: Nauchno-prakticheskoe posobie [Forensic psychological expertise in criminal proceedings: Scientific-practical guide]. Moscow: Gardarika, Smysl, 1998. 192 p.

22. Fastovtsov G.A. (eds.) Kliniko-sotsial'nye prediktory i profilaktika agressivnogo povedeniya bol'nykh shizofreniei v usloviyakh ekspertnogo psikhiatricheskogo stacionara: Metodicheskie rekomendatsii [Clinical and social predictors and prevention of aggressive behavior in patients with schizophrenia under the expert psychiatric hospital]. Moscow: FGU "GNTs SSP Roszdruva", 2012. 22 p.

23. Khamitov R.R. Lichnostnye funktsii psikhicheski bol'nykh, nakhodyashchikhsya na prinuditel'nom lechenii [Personal function mentally ill, undergoing compulsory treatment]. *Kazanskii meditsinskii zhurnal [Kazan medical journal]*, 2003, no 3, pp. 193–195.

24. Kharitonova N.K., Vasyanina V.I. Kriminal'naya agressiya i lichnostnaya patologiya u zhenshin [Criminal aggression and personality pathology in women]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2004, no 1, pp. 22–25.

25. Tsaneva A.N. Negativnye tendentsii, nametivshiesya v zhenskoj pre-stupnosti za poslednee desyatiletie v Rossii [Negative trends emerging in female crime in the last decade in Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2011, no. 1, pp. 197–199.

26. Shostakovich B.V. Osnovy sudebnoi psikhii. Uchebnoe posobie dlya yuristov [Fundamentals of Forensic Psychiatry. Study Guide for Lawyers]. Moscow: Izdatel'skii dom GU VShE, 2005. 224 p.

27. Archer D. Violence and gender: Differences and similarities across societies. In R. B. Ruback N. A. Weiner (eds.) *Interpersonal violent behaviors: Social and cultural aspects*. P. McDaniel. N. Y., US: Springer Publishing Co, 1995, pp. 63–87.

28. Banks S., Robbins P.C., Silver E., Vesselinov R., Steadman H.J., Monahan J., Mulvey E.P., Appelbaum P.S., Grisso L.H. A Multiple-models Approach to Violence Risk Assessment among People with Mental Disorder., Roth. *Criminal Justice and Behaviour*, 2004. Vol. 31, pp. 83–100.

29. Carcach J, James M. Homicide between intimate partners in Australia. Canberra. Australian Institute of Criminology, 1998, pp. 167-176.

30. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing Coping Strategies: A theoretically based approach. *J. Pers. and Soc. Psychol*, 1989. Vol. 56, pp. 267–283.

31. Fox J.A., Zawitz M.W. Homicide trends in the United States. US Department of Justice. Washington, DC, Bureau of Justice Statistics, 1999. p. 137.

32. Greenfield LA, Snell T.L. Women Offenders. Bureau of Justice Statistics Special Report NCJ175688. Washington, DC: US Department of Justice, 1999. p. 14.

33. Krakowski M., Czobor P. Gender differences in violent behaviors: Relationship to clinical symptoms and psychosocial factors. *American Journal of Psychiatry*, 2004. Vol. 161, pp. 459–465.

34. Laishes J. The Mental Health Strategy for Women Offenders. Ottawa: Correctional Service of Canada, 2002, pp. 20–33.

35. Moffitt T. E., Caspi A. Childhood predictors differentiate life-course-persistent and adolescence-limited antisocial pathways among males and females. *Development and Psychopathology*, 2001. Vol. 13, pp. 355–375.

36. Nedopil N. Prognosen in der forensischen Psychiatrie - ein Handbuch für die Praxis. Pabst Science Publisher, Lengerich [u. a.], 2005. 276 p.

37. Odgers C, Moretti M. Aggressive and antisocial girls: Research update and future research challenges. *Int J Forensic Mental Health*, 2002. Vol. 2, pp. 17–33.

38. Steadman H., Robbins P.C. Revalidating the Brief Jail Mental Health Screen to Increase Accuracy for Women. *Psychiatr. Serv*, 2007. Vol. 58, pp. 1598–1601.

39. Teplin L. A. Psychiatric substance abuse disorders among male urban jail detainees. *American Journal of Public Health*, 1994. Vol. 84, no 2, pp. 290–293.

40. Vries R., M. de, Vogel, V. Protective factors for violence risk in forensic psychiatric patients. A retrospective validation study of the SAPROF. *International Journal of Forensic Mental Health*, 2011. Vol. 10, no 3, pp. 178–186.

41. Webster C., Douglas K.S., Eaves D., Hart S. Assessing Risk for Violence. Simon Fraser University, 1997, pp. 251–277.

Эмоциональный интеллект и особенности социально-психологической адаптации у подростков с девиантным поведением

Дегтярев А.В.,

младший научный сотрудник лаборатории ювенальных технологий, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, DegtyarevAV@mgppu.ru

Проблема социально-психологической адаптации подростков, отличающихся девиантным поведением, в настоящее время приобретает особую актуальность в связи с процессом реорганизации образовательных учреждений – слиянием общеобразовательных и специализированных школ для подростков с девиантным поведением в единые образовательные комплексы. В данных условиях необходимо найти эффективный инструмент, который одновременно ускорит процесс адаптации и окажет положительное профилактическое воздействие. Автор статьи показывает, что таким инструментом может стать эмоциональный интеллект – конструкт, включающий в себя различные способности эмоциональной сферы. Основная гипотеза проведенного им исследования состояла в том, что социально-психологическая адаптация у подростков с девиантным поведением обладает своими особенностями, отличными от группы нормы, и взаимосвязана с компонентами эмоционального интеллекта. Исследование проводилось на базе ГБОУ СОШ № 2077, образованной путем слияния пяти образовательных учреждений: бывших школ № 738, № 703, № 702, № 7 и № 77. В исследовании приняли участие 222 подростка в возрасте от 14 до 16 лет (111 девочек и 111 мальчиков).

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, профилактика, отклоняющееся поведение, подростковый возраст, социально-психологическая адаптация.

Для цитаты:

Дегтярев А.Д. Эмоциональный интеллект и особенности социально-психологической адаптации у подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Degtyarev.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Degtyarev A.V. Emotional intelligence and features of social and psychological adaptation in adolescents with deviant behavior [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Degtyarev.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Значение эмоционального интеллекта в подростковом возрасте для процесса социально-психологической адаптации на данный момент остается до конца не проясненным. Во-первых, на сегодняшний день не существует эффективных отечественных методик, способных проанализировать особенности эмоционального интеллекта в подростковом возрасте [5]. Во-вторых, не ясно, действительно ли, например, способность точно определять эмоцию по выражению лица на картинке позволяет более эффективно выстраивать социальные взаимодействия? Существующие исследования пока не позволяют дать однозначные ответы на подобные вопросы.

В западной психологии одним из активно изучаемых аспектов социально-психологической адаптации в зрелом возрасте является совладание. Р. Бар-Он [2] связывает высокий эмоциональный интеллект со стратегиями совладания, которые направлены на конкретную проблему, считая их наиболее адаптивными, а низкий эмоциональный интеллект – со стратегиями совладания, которые направлены на эмоции или на избегание проблем. На основании этого люди с высоким эмоциональным интеллектом должны избегать совладания, направленного на эмоции.

На самом деле относительная эффективность разных стратегий совладания находится под вопросом. Стратегии, сосредоточенные на проблеме, нередко оказываются более эффективными, чем стратегии, сосредоточенные на эмоциях. Однако есть много исключений из этого правила, так как одна и та же стратегия может успешно работать в одном контексте и оказываться малоэффективной в другом. К тому же зачастую невозможно четко определить степень эффективности той или иной стратегии, а потому приходится оставаться на уровне приблизительного качественного описания. Несмотря на это основатели и главные авторы концепции эмоционального интеллекта Дж. Мэйер, П. Сэловей, Д. Карузо, определяющие этот конструкт как *способность идентифицировать собственные эмоции и эмоции окружающих и использовать эту информацию для принятия решений* [1], уверены, что компоненты эмоционального интеллекта тесно связаны со многими конструктами, обуславливающими как социальную успешность индивида, так и различные отклонения в адаптации [7; 8].

В психологической литературе существует особый взгляд на причины подростковой дезадаптации или девиации (данные термины можно считать близкими по смыслу, поскольку дезадаптированный подросток сразу приобретает статус «девиантный», и, наоборот, если подросток считается девиантным, то предполагается, что у него имеются проблемы с адаптированностью). В целом их можно разделить на причины объективного и субъективного характера. Объективные причины вытекают из среды обитания и жизнедеятельности каждого подростка. Субъективные причины кроются в развитии и социальном становлении личности подростка.

Данная классификация дает возможность оказывать помощь в социально-психологической адаптации подростков в двух направлениях [4]:

- воздействовать на социальную среду. В этом случае выявляются причины, которые вызывают риск и появление разных видов девиаций, и осуществляется их нейтрализация;
- работать с конкретным подростком. В этом случае, применяя различные виды психологической работы, необходимо помогать развитию способностей и различных ресурсов личности, благодаря которым произойдет коррекция дезадаптивных паттернов поведения.

В данной статье *социально-психологическую адаптацию* мы будем понимать как *способность подростка приспосабливаться к условиям той социальной ситуации, в которой он находится*. В частности, социально-психологическая адаптация в подростковом возрасте может состоять в освоении психологических особенностей групп и индивидов, находящихся в образовательном учреждении, во вхождении в сложившуюся систему отношений, во взаимодействии с педагогами, ровесниками, родителями и т. п. [6]

Целью нашей работы было изучение взаимосвязей между компонентами эмоционального интеллекта и социально-психологической адаптации. Исследование проводилось на базе ГБОУ СОШ № 2077, образованной путем слияния пяти образовательных учреждений: бывших школ № 738, № 703, № 702, № 7 и № 77. В исследовании приняли участие 222 подростка в возрасте от 14 до 16 лет (111 девочек и 111 мальчиков).

Основными методиками для диагностической деятельности стали:

- методика «Склонности к отклоняющемуся поведению» (СОП) А.Н. Орла;
- тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0);
- опросник приспособленности Х.М. Белла;
- методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс и Р. Даймонд);
- методика Self Report Emotional Intelligence Test (SREIT), сконструированная Н. Шутте с коллегами на базе ранней модели Дж. Мэйера и П. Сэловея (Schutte et al., 1998; Садокова, 2001).

Исследование проводилось в несколько этапов.

Целью первого этапа было выявление у респондентов склонностей к отклоняющемуся поведению с помощью методики СОП. В результате проведенной психодиагностики было выделено три группы.

Первая группа состояла из 31 подростка (16 девочек и 15 мальчиков), обучавшихся в специализированной школе для девиантных подростков. По результатам методики СОП ее представители получили высокие баллы по всем шкалам методики, а именно: «Склонность к преодолению норм и правил», «Склонность к аддиктивному поведению», «Склонность к аутоагрессии», «Склонность к агрессии и насилию», «Волевой контроль эмоциональных реакций» (обратная шкала), «Склонность к делинквентному поведению».

Вторая группа состояла из 91 респондента (48 девочек и 43 мальчика), выделенных по итогам диагностики из группы «Норма», т. е. из учащихся обычных общеобразовательных школ, исходя из того, что они также имели высокие показатели по перечисленным шкалам.

Стоит отметить, что на основании Т-критерия для независимых выборок по шкалам «Склонность к преодолению норм и правил» (t -знач. = 0,4252 при $p = 0,671460$), «Склонность к агрессии и насилию» (t -знач. = -1,6067 при $p = 0,110750$) и «Волевой контроль эмоциональных реакций» (t -знач. = -1,3089 при $p = 0,193059$) между первой и второй группами не было выявлено значимых различий.

Третью группу составили 100 подростков (47 девочек и 53 мальчика), у которых показатели по методике СОП были в пределах нормы и при этом по всем шкалам методики имелись значимые различия с первой и второй группами.

Вторым этапом исследования стало проведение всех описанных выше методик. Стоит отметить, что на всех этапах психодиагностическое исследование проводилось в поточном ключе, т. е. не индивидуально, поскольку все описанные методики не требуют индивидуальной работы с испытуемым. При этом число респондентов, одновременно проходивших исследование, не превышало 10 человек, а число наблюдателей было не менее 4 человек. Таким образом, были созданы эффективные условия для проведения психологической диагностики, поскольку осуществлялся хороший контроль за выполнением заданий и каждый респондент мог во время получить разъяснения по непонятным для него вопросам.

Заключительный этап исследования представлял собой анализ и интерпретацию полученных данных.

На рис. 1 и рис. 2 отражены данные, полученные по методикам SREIT и MSCEIT соответственно. На их основе можно сделать предположение, что у подростков, отличающихся высокими результатами по методике СОП, показатели эмоционального интеллекта намного ниже, чем у сверстников. Это предположение подкрепляется проведенным статистическим анализом при помощи Т-критерия для независимых выборок, по результатам которого стало достоверно видно, что первая группа подростков (названная

«Девианты по статусу») по всем шкалам методики SREIT значимо отличается от остальных групп сверстников и что имеются значимые различия по всем шкалам методики MSCEIT в сравнении с третьей группой (названной «Норма»).

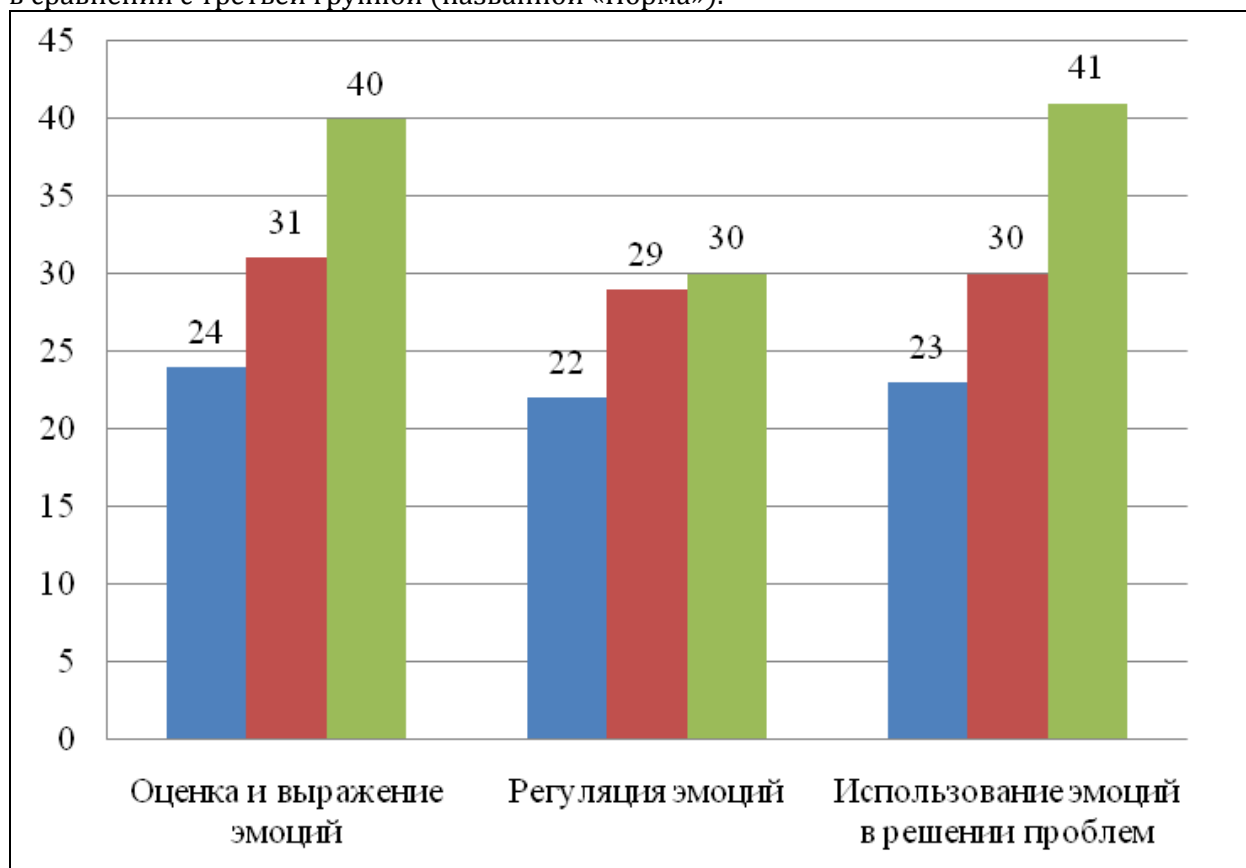

Рис. 1. Средние значения по данным методики SREIT: ■ – группа «Девианты по статусу»; ■ – группа «Девианты норма»; ■ – группа «Норма»

Во второй группе подростков (названной «Девианты норма», поскольку дети были выделены по высоким показателям некоторых шкал методики СОП, но при этом обучаются в общеобразовательной школе) по данным методики SREIT имеются значимые различия в сравнении с группой «Норма» по всем шкалам, кроме показателя «Регуляция эмоций»; по данным методики MSCEIT по всем пяти шкалам имеются значимые различия при сравнении с группой «Норма». Отсутствие значимых различий по шкале «Регуляция эмоций» методики SREIT можно объяснить следующим образом: поскольку данная методика представляет собой опросник, предназначенный только для самоотчета, то, возможно, он менее чувствителен в диагностическом плане по сравнению с тестом MSCEIT, который включает в себя проективные блоки, кейсовые задания и опросниковую часть.

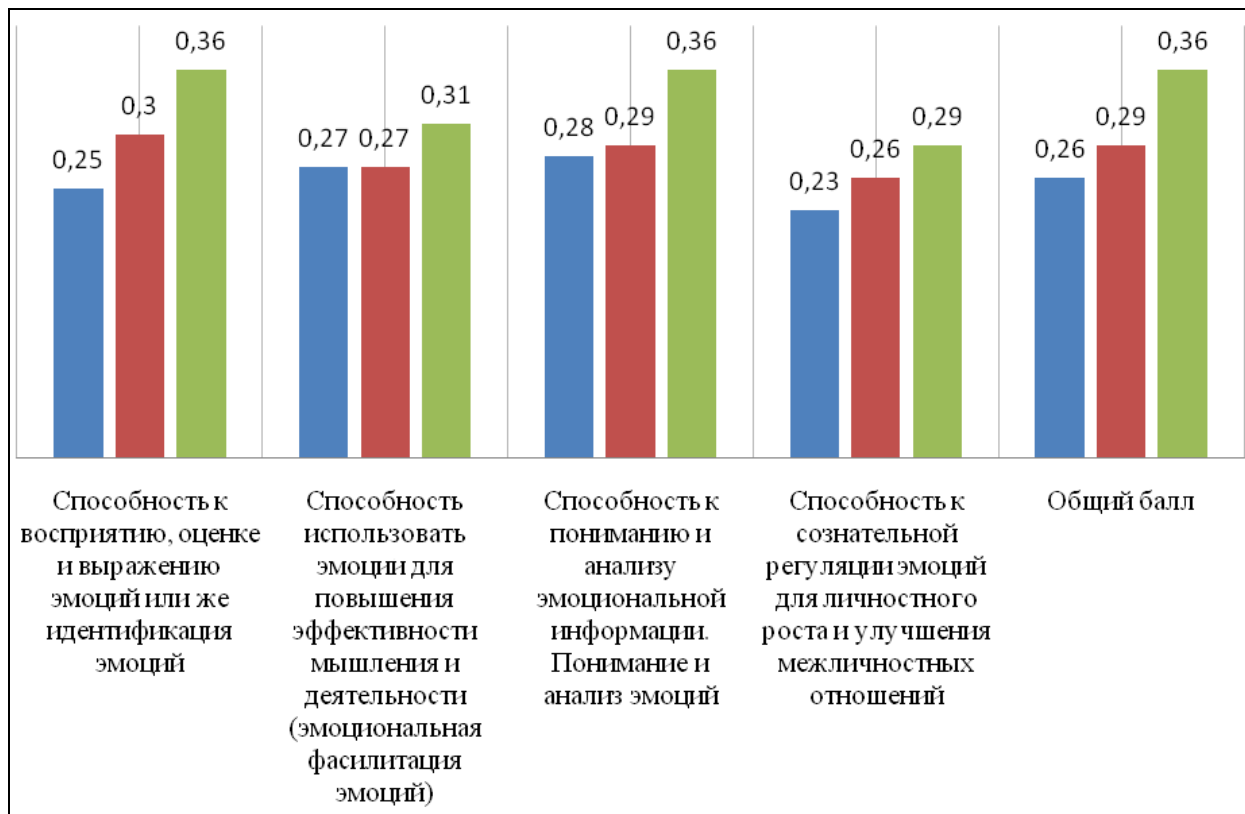

Рис. 2. Средние значения по данным методики MSCEIT: ■ – группа «Девианты по статусу»; ■ – группа «Девианты норма»; ■ – группа «Норма»

Таким образом, видно, что подростки, обладающие высокой склонностью к девиантному поведению, отличаются низкими показателями эмоционального интеллекта по сравнению со своими сверстниками.

На рис. 3 и рис. 4 представлены результаты проведения методик Х.М. Белла и К. Роджерса – Р. Даймонда, оценивающих социально-психологическую адаптированность подростков.

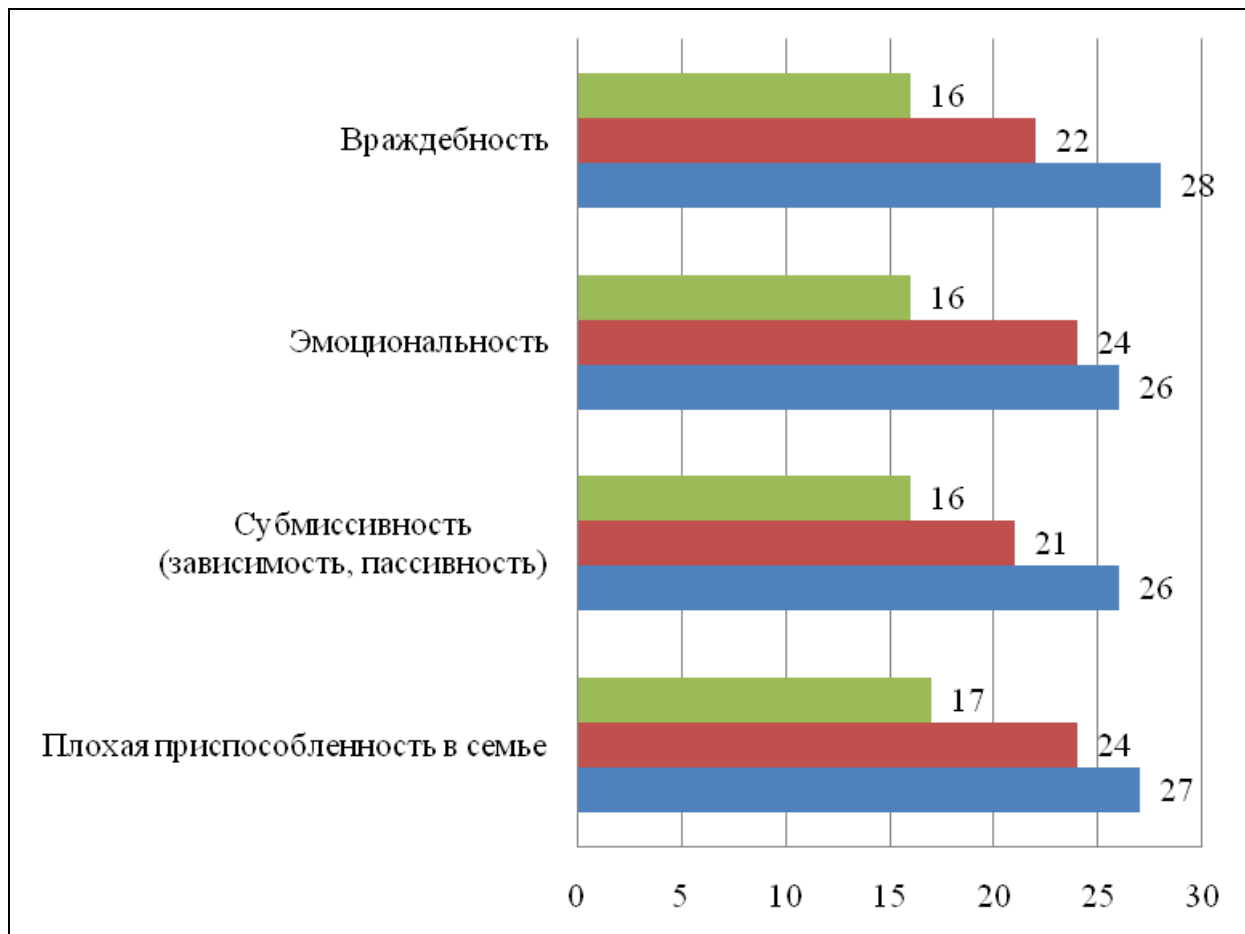

Рис. 3. Средние значения по данным опросника приспособленности Х.М. Белла:

■ – группа «Девианты по статусу»; ■ – группа «Девианты норма»; ■ – группа «Норма»

В целом можно говорить о том, что у подростков, демонстрирующих склонности к отклоняющемуся, и в частности к девиантному, поведению, наблюдается более низкий уровень социально-психологической адаптации, чем у сверстников. По результатам статистического анализа данных Т-критерием для независимых выборок можно сделать вывод о том, что (по данным методики Х.М. Белла) между всеми тремя группами подростков существуют значимые различия по всем шкалам, но при этом показатели первой группы («Девианты по статусу») и второй группы («Девианты норма») превышают или находятся ниже нормальных показателей.

Статистический анализ Т-критерием для независимых выборок по методике К. Рождерса и Р. Даймонда подтверждает предыдущие выводы о более низком уровне социально-психологической адаптированности у подростков со склонностями к отклоняющему поведению. Данные подростков первой группы («Девианты по статусу») и второй группы («Девианты норма») по показателям шкалы «Дезадаптированность», во-первых, превышают нормальные значения, а во-вторых, не выявляют значимых различий (t -знач. = 1,066 при $p = 0,288379$). По шкале «Адаптированность» у этих групп показатели низкие и так же значимо не отличаются друг от друга (t -знач. = -0,738 при $p = 0,462079$).

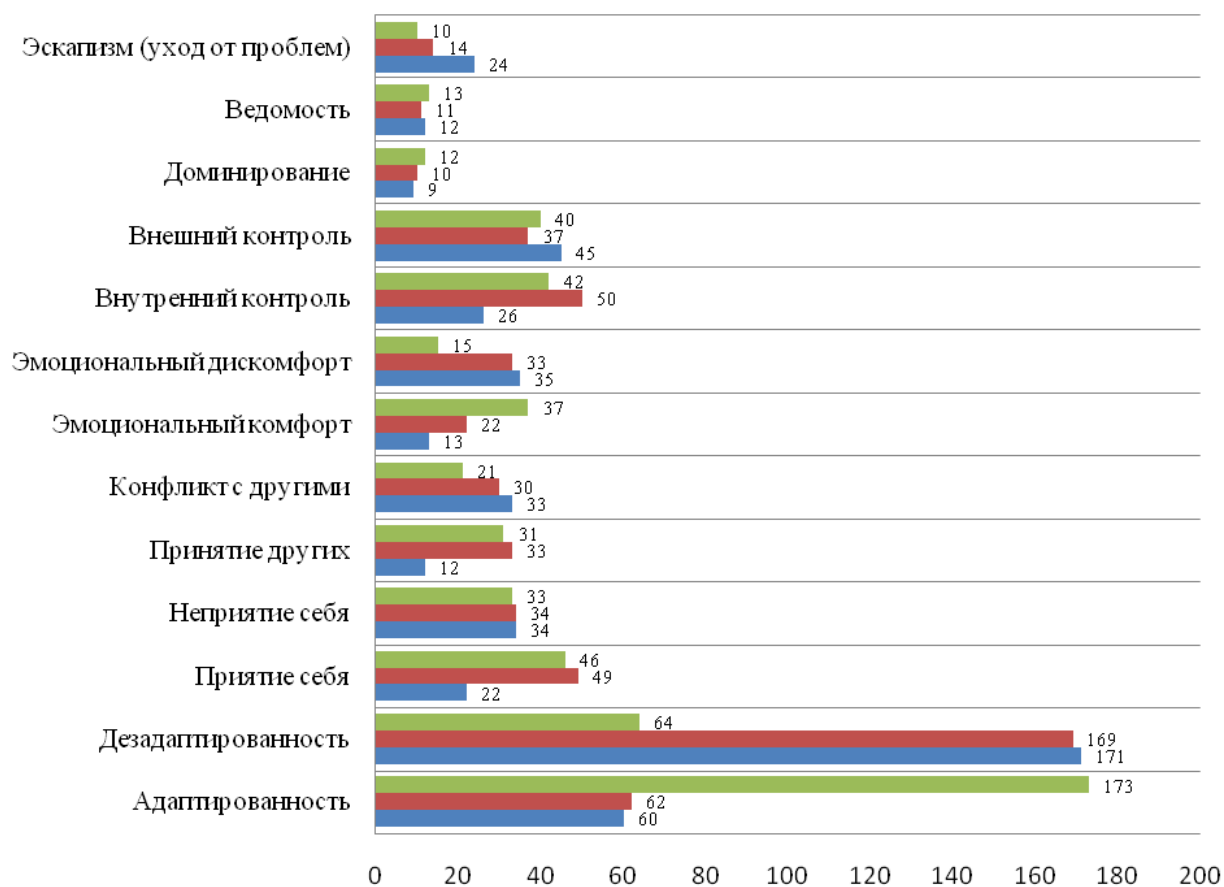

Рис. 4. Средние значения по данным методики диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс и Р. Даймонд): ■ – группа «Девiantы по статусу»;

■ – группа «Девiantы норма»; ■ – группа «Норма»

Интересно, что по данным шкалы «Неприятие себя» подростки всех групп имеют высокие баллы и значимо не отличаются. Данный феномен можно объяснить специфическими особенностями подросткового возраста – низкой самооценкой и недостаточной сформированностью Я-образа. При этом показатель «Принятие себя» у групп «Норма» и «Девiantы норма» показывает обратные данные, что еще раз может говорить о неустоявшемся представлении о себе. Однако важно отметить, что данные по последней шкале значимо различаются у этих групп, т. е. у подростков, склонных к отклоняющему поведению, может быть более неустойчивый и противоречивый образ себя.

Далее, рассматривая шкалы «Конфликт с другими» и «Принятие других», можно сделать вывод, что подростки, обучающиеся в специализированном учреждении, обладают высокими и низкими показателями по этим шкалам соответственно. При этом выявлены значимые различия между данными по этой группе и группой «Девiantы норма». Можно предположить, что условия обучения в общеобразовательной школе положительно влияют на данные показатели. Это предположение может также быть ответом на разницу в показателях по шкалам «Эмоциональный комфорт» и «Эмоциональный дискомфорт». Очевидно, что подростки группы «Норма» комфортно себя чувствуют в тех условиях, в которых обучаются, что в целом можно сказать и о группе «Девiantы норма», даже несмотря на то, что выявлены значимые различия между показателями этих групп.

Показатели же подростков специальной школы свидетельствуют о возможном эмоциональном напряжении.

Анализ шкал внутреннего и внешнего контроля показывает, что подростки в данном возрасте в целом предпочитают полагаться на воздействие извне. Однако в группе «Деванты по статусу» – значимо отличающийся от остальных групп низкий показатель внутреннего контроля. Эти особенности могут быть продиктованы опять же средой, в которой пребывают дети. Вполне очевидно, что если подросток находится в ситуации жесткого контроля со стороны взрослых, то данная ситуация может отложить отпечаток на его поведение. По данным шкалам у всех трех групп выявлены значимые различия между собой.

Показатели по шкалам «Ведомость» и «Доминирование» у всех трех групп находятся приблизительно на одинаковом уровне. Интересно, что показатели в группе «Норма» значимо выше по обеим шкалам. Так же в процессе статистического анализа данных не было выявлено значимых различий по шкале «Ведомость» между группами «Деванты по статусу» и «Деванты норма» (t -знач. = -1,118 при $p = 0,0265598$).

Показатели по шкале «Эскапизм», или уход от проблем, демонстрируют значимую разницу по всем группам. Предположим, что данная шкала может быть тесно связана с аддиктивным поведением, которое так часто демонстрируют подростки, в особенности подростки с отклоняющимся поведением.

Таким образом, не трудно заметить, что социально-психологическая адаптация подростков с отклоняющимся (девиантным) поведением имеет свою специфику, в частности, связанную с теми условиями, в которых подросток пребывает.

Следовательно, для более детального изучения социально-психологической адаптации в подростковом возрасте необходимо исследовать не только психологические особенности личности, но и среду, в которой находится ребенок, а именно семейную и образовательную системы, а также, безусловно, ближайший круг сверстников. Только после этого можно различными психолого-медико-социальными средствами пробовать корректировать ситуацию, в которой находится подросток.

Для анализа взаимосвязей компонентов социально-психологической адаптации и эмоционального интеллекта был применен корреляционный анализ с помощью коэффициента корреляции Спирмена r . Предварительно все шкалы методик были проверены на нормальность распределения критериями согласия Колмогорова–Смирнова с поправкой Лиллиефорса, и Шапиро-Уилка W .

Приведем некоторые результаты корреляционного анализа по группам.

В группе подростков, обучающихся в специализированной школе для девиантных подростков, были выявлены следующие связи:

- шкала «Способность использовать эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Враждебность» ($r = -0,42$ при $p < 0,05$);

- шкала «Внутренний контроль» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность использовать эмоции для повышения эффективности мышления и деятельности» ($r = 0,36$ при $p < 0,05$);

- шкала «Внешний контроль» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Способность к восприятию, оценке и выражению эмоций или же идентификация эмоций» ($r = -0,52$ при $p < 0,05$);

- шкала «Внешний контроль» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Способность к восприятию, оценке и выражению эмоций или же идентификация эмоций» ($r = -0,52$ при $p < 0,05$);

- шкала «Внутренний контроль» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность использовать эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности» ($r = 0,36$ при $p < 0,05$);

- шкала «Эмоциональный комфорт» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность к восприятию, оценке и выражению эмоций или же идентификация эмоций» ($r = 0,39$ при $p < 0,05$);

- шкала «Приятие себя» имеет положительную корреляцию со шкалой «Общий балл эмоционального интеллекта» ($r = 0,21$ при $p < 0,05$);

- шкала «Конфликт с другими» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность к восприятию, оценке и выражению эмоций или же идентификация эмоций» ($r = 0,46$ при $p < 0,05$);

- шкала «Доминирование» имеет положительную корреляцию со шкалой «Общий балл эмоционального интеллекта» ($r = 0,24$ при $p < 0,05$);

- шкала «Внешний контроль» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Общий балл эмоционального интеллекта» ($r = -0,33$ при $p < 0,05$);

- шкала «Внешний контроль» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Способность к пониманию и анализу эмоциональной информации. Понимание и анализ эмоций» ($r = -0,21$ при $p < 0,05$);

- шкала «Внутренний контроль» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность к пониманию и анализу эмоциональной информации. Понимание и анализ эмоций» ($r = 0,28$ при $p < 0,05$).

В группе подростков, обучающихся в общеобразовательных учреждениях и набравших высокие баллы по шкалам методики СОП, были выявлены следующие связи:

- шкала «Способность к восприятию, оценке и выражению эмоций или же идентификация эмоций» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Эмоциональность» ($r = -0,27$ при $p < 0,05$);

- шкала «Способность к сознательной регуляции эмоций для личностного роста и улучшения межличностных отношений» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Эмоциональность» ($r = -0,23$ при $p < 0,05$);

- шкала «Приятие себя» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность к пониманию и анализу эмоциональной информации. Понимание и анализ эмоций» ($r = 0,21$ при $p < 0,05$);

- шкала «Приятие себя» имеет положительную корреляцию со шкалой «Общий балл эмоционального интеллекта» ($r = -0,21$ при $p < 0,05$);

- шкала «Конфликт с другими» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность к пониманию и анализу эмоциональной информации. Понимание и анализ эмоций» ($r = 0,33$ при $p < 0,05$);

- шкала «Конфликт с другими» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность к сознательной регуляции эмоций для личностного роста и улучшения межличностных отношений» ($r = 0,24$ при $p < 0,05$);

В группе подростков, включенных в группу «Норма», были выявлены следующие связи:

- шкала «Общий балл эмоционального интеллекта» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Субмиссивность» ($r = -0,19$ при $p < 0,05$);

- шкала «Общий балл эмоционального интеллекта» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Враждебность» ($r = -0,20$ при $p < 0,05$);

• шкала «Приятие себя» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность к восприятию, оценке и выражению эмоций или же идентификация эмоций» ($r = 0,23$ при $p < 0,05$);

• шкала «Принятие других» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность использовать эмоции для повышения эффективности мышления и деятельности» ($r = 0,20$ при $p < 0,05$);

• шкала «Принятие других» имеет положительную корреляцию со шкалой «Способность к пониманию и анализу эмоциональной информации. Понимание и анализ эмоций» ($r = 0,30$ при $p < 0,05$);

• шкала «Эскапизм (уход от проблем)» имеет отрицательную корреляцию со шкалой «Способность к пониманию и анализу эмоциональной информации. Понимание и анализ эмоций» ($r = -0,32$ при $p < 0,05$).

Таким образом, не ставя себе целью интерпретировать все полученные корреляционные связи, можно сделать общий вывод о том, что компоненты эмоционального интеллекта тесно связаны с социально-психологической адаптацией в подростковом возрасте и тем или иным образом влияют на нее. Безусловно, одного исследования не может быть достаточно для того, чтобы раскрыть все особенности и эмоционального интеллекта, и социально-психологической адаптации. На современном этапе исследования данной проблемы для начала необходимо создать новые, более чувствительные методы и методики для диагностики эмоционального интеллекта и социально-психологической адаптации подростков.

Литература

1. Вайсбах Х., Дакс У. Эмоциональный интеллект. М.: Лик Пресс, 1998. 247 с.
2. Гарднер Г. Структура Разума: Теория множественного интеллекта. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. 512с.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2009. 478 с.
4. Дегтярев А.В. «Эмоциональный интеллект»: становление понятия в психологии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53525.shtml (дата обращения: 13.05.2014).
5. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 228с.
6. Психология эмоций: Тексты/ Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 248–250.
7. Mayer J.D., Salovey P. Emotional Intelligence. N.Y.: Basic, 2005. P. 159–176.
8. Mayer J.D., Panter A.T., Salovey P. et al. A Discrepancy in analyses of the MSCEIT: Resolving the mystery and understanding its implications. N.Y.: Emotion. 2005. Vol. 5. P. 236–237.

Emotional intelligence and features of social and psychological adaptation in adolescents with deviant behavior

Degtyarev A.V.,

Junior Research Associate, Laboratory of Juvenile Technologies, Senior Lecturer, Chair of Juridical and Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow State University of Psychology & Education), Moscow, Russia, DegtyarevAV@mgppu.ru

The problem of social-psychological adaptation of adolescents with deviant behavioral today is of particular relevance in relation to the current process of restructuring of educational institutions - the merging of general and specialized schools for adolescents with behavioral problems in a unified educational complexes. In these circumstances it is necessary to find an efficient tool that will simultaneously accelerate the process of adaptation and have a positive preventive effect. In this article, the author shows that such a tool can become the emotional intelligence as a construct that includes various abilities of the emotional sphere. The main hypothesis of the study was that the socio-psychological adaptation of adolescents with deviant behavior has its own characteristics, different from the norm group, and is interconnected with the components of emotional intelligence. The study was conducted on the basis of general education school № 2077 formed by the merger of five educational institutions: the former school № 738, № 703, № 702, № 7 and № 77. The study involved 222 teenagers from 14 to 16 years (111 girls and 111 boys).

Keywords: emotional intelligence, prevention, deviant behavior, adolescence, social and psychological adaptation.

References

1. Vaisbakh Kh., Daks U. Emotsional'nyi intellekt [Emotional Intelligence]. Moscow: Lik Press, 1998. 247 p.
2. Gardner G. Struktura Razuma: Teoriya mnozhestvennogo intellekta. [Structure of Mind: The Theory of Multiple Intelligences]. Moscow: OOO "I.D. Vil'yame", 2007. 512 p.
3. Goulman D. Jemotsional'nyi intellekt [Emotional Intelligence]. Moscow: AST, 2009. 478 p.
4. Degtyarev A.V. "Emotsional'nyi intellekt": stanovlenie ponyatiya v psikhologii ["Emotional Intelligence": the emergence of concepts in psychology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru*. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru] 2012, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53525.shtml (data obrashcheniya: 13.05.2014).
5. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya): Ucheb. posobie dlya studentov vuzov. [Deviantology (Psychology deviant behavior)]. Moscow: Izdat. tsentr «Akademiya», 2004. 228 p.
6. Vilyunas V.K. (eds.) Psikhologiya emotsii: Teksty [Psychology of emotions]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1993. pp. 248–250.
7. Mayer J.D., Salovey P. Emotional Intelligence. N.Y.: Basic, 2005. pp. 159–176.
8. Mayer J.D., Panter A.T., Salovey P. et al. A Discrepancy in analyses of the MSCEIT: Resolving the mystery and understanding its implications. N.Y. *Emotion*, 2005. Vol. 5, pp. 236–237.

Транс-идентичность: стандарты диагностики и лечения

Гессманн Х.-В.,

доктор психологических наук, профессор, Психотерапевтический институт Бергерхаузен, Дуйсбург, Германия, info@pib-zentrum.de

Перевод на русский язык – Шеронов Е.А.

Немецкое общество сексуальных исследований, Академия сексуальной медицины и Общество сексологии сформулировали стандарты оценки и лечения транссексуалов. В создании этих стандартов участвовали Софинетте Беккер, Хармут Босински, Ульрих Клемент, Вольф Айхер, Томас Гёрлих, Уви Хартманн, Гётц Коккотт, Дитер Лангер, Уильям Приусс, Гюнтер Шмидт, Альфред Спрингер, Райнхард Уайл. С 1980 г. в Федеративной республике Германии действует закон о транссексуальности, который регулирует право изменения пола человека. Тем не менее, до сих пор не существует конкретно определенных норм оценки и лечения транссексуалов. Впервые в 1979 г. Гарри Бенжамин предложил Международной медицинской ассоциации Германии пересмотреть стандарты медицинской помощи при гендерной дисфории. Следующие стандарты оценки и лечения транссексуалов были разработаны на конференции, созванной Немецким обществом исследовательского экспертного комитета под руководством Софинетте Беккер. Рассмотрению действующих в настоящее время стандартов оценки и лечения транссексуалов посвящена данная статья.

Ключевые слова: транссексуализм, транс-идентичность, гендер, гормональная терапия, дифференциальная диагностика, интерсексуальный синдром, соматическое лечение, психотерапевтическое сопровождение, экспертная оценка, закон об изменении пола.

Для цитаты:

Гессманн Х.-В. Транс-идентичность – стандарты диагностики и лечения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Gessmann.phtm> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Gessmann H.-V. Trans-identity - the standards of diagnostics and treatment [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Gessmann.phtm> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Транссексуализм характеризуется постоянной уверенностью личности во внутренней принадлежности к противоположному полу. Под этим подразумевается отказ от физических характеристик врожденного пола, от связанных с этим гендерных ожиданий и желание прибегнуть к хирургическому вмешательству и гормональному воздействию. В связи с этим транссексуал желает добиться физиологической идентичности с противоположным полом и получить социально-правовое признание [1]. В соответствии с действующей диагностической классификацией транссексуализм рассматривается как особая форма расстройства гендерной идентичности. Причины нарушения гендерной идентичности по-прежнему в значительной степени неизвестны и остаются предметом исследования различных теоретических подходов. Постоянное желание транссексуала является результатом последовательного, проявляющегося на разных стадиях психосексуального развития кумулятивного эффекта. Соответственно, желания транссексуала могут привести к разным последствиям. По причине далеко идущих и необратимых последствий гормональных и/или хирургических мер возникает необходимость в тщательной дифференциальной диагностике. Наличие только сознательного желания человека сменить пол не может рассматриваться в качестве надежного индикатора наличия транссексуальности [9].

Надежная оценка возможна только в рамках долгосрочного диагностического и терапевтического процесса. Важной частью этого процесса является так называемый жизненный тест, в котором пациент живет во всех социальных ситуациях в желаемом ему поле с целью накопления необходимого опыта. Концепция лечения состоит в индивидуальном развитии потребностей каждого пациента, где кажущиеся альтернативные «физиологические меры лечения» должны быть преодолены в пользу «психологического лечения» и комплексного подхода. При этом пациента информируют о возможных издержках (психотерапия, медицинское лечение органов, консультации) [12].

Стандарты лечения и оценки транссексуалов включают в себя определенные требования. Отклонения от этих стандартов должны быть обоснованы в письменной форме и сохранены в истории болезни пациента.

При рассмотрении заявления пациента следует отметить, что стремление к «смене пола» может быть шаблоном решения различных личностных проблем и/или проблемы гендерной идентичности. Если в результате диагностики нельзя поставить диагноз «транссексуализм», то и «стандарты лечения и оценки транссексуалов» не применимы.

Стандарты диагностики

Для диагностики транссексуализма пациент должен отвечать следующим критериям:

- глубокая и прочная идентификация себя с противоположным полом;
- продолжительное беспокойство относительно своего биологического пола или чувство неадекватности в соответствующей гендерной роли;
- клинически значимые трудности и/или нарушения в социальной, профессиональной или других важных сферах жизни [6].

Этими критериями следует руководствоваться в значительной степени тем, кто в своей практике использует международные системы классификации болезней (DSM-IV, МКБ-10).

Однако в отличие от этих систем классификации интерсексуальный синдром не может обязательно рассматриваться в качестве критерия расстройства. Тем не менее в таких случаях следует определить, возможно ли применение § 47 гражданского акта («Ошибочное определение пола в момент рождения») вместо «Закона о транссексуалах» [7].

Для диагностики следует предпринять следующие меры:

- составление биографической истории с акцентом на развитие гендерной идентичности и психосексуальное развитие (в том числе на сексуальную ориентацию);
- медицинский осмотр со сбором гинекологических, андрологических/урологических и эндокринологических данных;
- клиничко-психиатрическая/психологическая диагностика (многие пациенты с расстройствами половой идентичности имеют значительные психопатологические отклонения, которые могут предшествовать расстройству гендерной идентичности).

Клиничко-психиатрическая/психологическая оценка должна охватывать широкий спектр критериев:

- дефицит структурного уровня личности;
- психосоциальный уровень функционирования;
- невротические диспозиции, конфликты;
- привычки / пристрастия;
- суицидальные наклонности;
- парафилия / извращения;
- психотические расстройства;
- органические заболевания мозга;
- динамика творческих способностей.

Стандарты дифференциальной диагностики

В области исследования расстройств гендерной идентичности идеальной отправной точкой является разнообразие типов диагностики личностных структур, связанных психосоциальных характеристик и сексуальных предпочтений партнеров. Эта информация требуется для постановки точного диагноза [11].

При дифференциальной диагностике следует учитывать:

- дискомфорт, трудности или несоответствие обычным ролевым ожиданиям, что не обязательно приводит к нарушению гендерной идентичности;

- частичные или временные расстройства гендерной идентичности, такие как, например, подростковый кризис;
- трансвестизм и фетишистский трансвестизм, который может привести к запросу по смене пола;
- трудности с гендерной идентичностью в результате отказа от гомосексуальной ориентации;
- ошибочная оценка гендерной идентичности;
- тяжелые расстройства личности, отразившиеся на гендерной идентичности [10].

Стандарты психотерапии/психотерапевтического сопровождения

Психотерапевтическая поддержка имеет решающее значение при лечении пациентов-транссексуалов и должна осуществляться в сочетании с моделированием ситуаций в реальной жизни в каждом конкретном случае до применения соматических мер терапии.

Психотерапия нейтральна по отношению к желаниям транссексуалов. Она не имеет цели удовлетворить потребность (даже если это может привести к отказу от желания). Кроме того, желания пациента будут служить для подтверждения диагноза транссексуализма. Используя метод моделирования социальных ситуаций, психотерапевт может помочь пациенту разобраться со своей идентичностью.

Необходимо помочь пациенту проанализировать свои психологические проблемы. Что касается желаний транссексуалов, то до начала медицинского вмешательства должны быть определены следующие вопросы:

- внутренняя целостность (соотношение идентичности пола и индивидуального строения тела);
- возможность социальной адаптации в желаемой гендерной роли;
- реалистичная оценка возможностей и ограничений соматического лечения [16].

Терапевт должен иметь знания в психодиагностике, психопатологии, иметь психотерапевтические навыки и быть знакомым с современными проблемами транссексуализма.

Частота и продолжительность психотерапии определяется вместе с пациентом. Терапевт должен дать понять пациенту, что в процессе психотерапии ему нужно оценить наличие трех критериев, упомянутых выше.

Пока психотерапия не будет завершена, пациент не может получить показание к операции по смене пола. Однако после операции пациент также нуждается в психотерапевтической помощи.

Психотерапия и индикация / экспертная оценка

Психотерапевт должен сделать заключение о показании или не показании к гормональной терапии и хирургической операции с целью трансформации тела. Данная цель определяется в начале психотерапии. В случае, когда психотерапевт не может взять на себя ответственность такого заключения, он должен перенаправить пациента к другому психотерапевту или врачу, который сделает это в соответствии со всеми стандартами [15].

Показания к гормональной терапии

Для показания к гормональному лечению должны быть выполнены следующие требования:

- терапевт знает пациента не менее одного года;
- терапевт соблюдал все диагностические критерии;
- терапевт пришел к клинически обоснованному решению о том, что пациент соответствует всем необходимым психотерапевтическим критериям (внутренняя согласованность и постоянство личности, принятие желаемой структуры тела, адаптивность желаемой гендерной роли и реальная оценка возможностей и ограничений соматического лечения);
- пациент пережил смоделированные социальные ситуации и ситуации в реальной жизни в желаемой ему гендерной роли («жизненный тест»).

Если все условия будут выполнены, то показание принимает форму письменного заявления [2].

Показания к операции трансформации тела

Согласно пункту 3 Стандартов психотерапии и психотерапевтического сопровождения перед показанием к операции по смене пола должны быть выполнены следующие требования:

- терапевт знает пациента не менее полутора лет;
- на протяжении полутора лет пациент уже несколько раз проходил так называемый «жизненный тест», при котором он находится в желаемой гендерной роли;
- пациент проходит курс гормональной терапии не менее полугода.

В случаях, когда показание к операции пишется не психотерапевтом, а врачом, пациент все равно должен пройти курс психотерапии у психотерапевта. Показание к операции по смене пола

должно быть оформлено в форме экспертного заключения и производиться квалифицированным терапевтом.

Заключение должно включать в себя следующие пункты:

- терапевт должен быть уверен, что диагноз «транссексуализм» был подтвержден в ходе психотерапии, и, значит, пациент имеет стабильное чувство идентичности с противоположным биологическим полом;
- пациент должен быть охарактеризован на поведенческом, личностном и опытным уровне;
- биографическая история пациента должна быть представлена с акцентом на индивидуальный ход развития и факторы, влияющие на его ключевые аспекты (включая анамнестические сведения);
- должна быть представлена история терапии (с указанием продолжительности лечения и частоты). Особое внимание следует уделить результатам первичной диагностики, диагностики после «жизненного теста» и тому, какие изменения произошли в течение терапии: душевное равновесие, чувство безопасности в новой гендерной роли, сексуальное поведение, отношения с сексуальными партнерами, семьей и друзьями, трудоспособность и принятие на рабочем месте;
- должны быть отражены физические условия жизни в другой гендерной роли. Также должно быть указано, каким образом гормональное лечение отразится на физическом и психологическом состоянии пациента, описаны возможные побочные эффекты;
- следует описать, насколько пациент осознает возможные трудности и негативные последствия смены пола, каковы его ожидания от гормонального курса и хирургического вмешательства (например, внешний вид, бытовая сторона жизни, сексуальное поведение) и есть ли стремление к последующему хирургическому вмешательству;
- следует пояснить, почему пациент будет испытывать страдания в долгосрочной перспективе без хирургического вмешательства;
- следует сделать прогноз о том, как операция по смене пола отразится на социальной интеграции, повлияет на отношения с другими людьми, на работоспособность и занятость пациента [8].

Стандарты соматического лечения

Гормональная терапия и операция по трансформации тела в возрасте до 18 лет могут осуществляться только в исключительных случаях и требуют специального обоснования.

Стандарты гормональной терапии:

- индикаторы гормонального лечения, как описано в параграфе 4.1 («Показания к гормональной терапии»), являются необходимым условием. Последствия этого лечения частично необратимы (например, изменение голоса, структуры волос, атрофия яичек). Гормональное лечение, начавшееся слишком рано, может усложнить диагностику и вызвать неблагоприятные преждевременные эффекты;
- инициирование гормонального лечения и определение частоты проверок должно быть осуществлено опытным врачом-эндокринологом. В начале терапии производится обследование, выводы которого документируются (в частности, осуществляется контроль терапевтического эффекта). Для оценки текущего риска возникновения тромбоза операции терапевт должен изучить историю болезни пациента и его родителей. Также оценивается состояние печени пациента;
- должна быть проверена психологическая и физиологическая совместимость гормонального лечения пациента. Пациент должен быть проинформирован о последствиях гормонального курса. Он также должен быть проинформирован о том, что гормональное лечение должно проводиться всю жизнь, иначе из-за дефицита гормонов могут возникнуть нарушения функционирования измененного хирургическим путем тела;
- рекомендуется получение письменного согласия о достаточной информированности [5].

Стандарты хирургической операции трансформации тела

Условия проведения операции:

- пациент должен убедиться, что эксперт действует в соответствии с принятыми стандартами (см. Показания к операции трансформации тела);
- хирург должен произвести физиологическое обследование, чтобы определить техническую осуществимость процедуры в конкретном случае. Генитальные пороки не являются критерием

для исключения возможности операции. Возможность оперирования определяется в соответствии с общими медицинскими критериями;

- перед операцией с пациентом заключается письменное соглашение, где подробно описываются ход предстоящего лечения и все возможные ограничения и последствия, которые являются разными для мужчин и для женщин. Необходимо также устное объяснение необратимости результатов операции, эффекта кастрации и необходимости долгосрочного курса гормональной терапии.

Рекомендации для операции трансформации женского тела в мужское

Цели операции для женщин и мужчин-транссексуалов различны.

- Пластика груди: если грудь небольшая, то молочные железы просто удаляются из-под кожи; если грудь большая, то, кроме удаления молочных желез, удаляются также лишние покровы кожи и уменьшается сосок.
- Удаление матки с экстирпацией придатков, которые могут быть удалены вместе с вагинальной оболочкой.
- Не существует однозначного взгляда на операцию наружных половых органов. Методы создания пениса и имплантации суррогатных яичек все еще находятся на стадии юридического определения. Таким образом, здесь применяются индивидуальные решения.

Рекомендации для операции трансформации мужского тела в женское

Цель хирургической операции трансформации мужского тела в женское заключается в ампутации полового члена и яичек и образовании вульвы, клитора и влагалища. В отличие от операции трансформации в женское тело операция трансформации в мужское тело определена конкретными стандартами:

- формирование влагалища осуществляется имплантацией перевернутой кожи полового члена. При этом важно добиться достаточной глубины влагалища. Даже при успешном исходе хирургической операции пациентам рекомендуется особый уход за влагалищем для его безболезненного функционирования;
- для формирования внутренних стенок влагалища возможно использование только определенной кожи во избежание появления волосяного покрова;
- при недостатке необходимого эпидермиса для создания влагалища достаточной глубины прибегают к использованию тканей кишечной оболочки;
- если гормональная терапия не приводит к увеличению груди, то прибегают к пластической хирургии с использованием искусственных имплантатов;
- изменение распределения фолликул возможно только путем удаления корней волос (эпиляции). Этот способ применяется довольно часто; эпиляция может осуществляться уже в течение гормонального лечения. Другие хирургические процедуры (например, ринопластика, подтяжка лица, изменение голосовых связок) также применяются, но не в качестве стандарта.

Стандарты экспертной оценки согласно «Закону об изменении пола»

Заявление об изменении имени и пола должно быть подготовлено в соответствии с положениями действующего законодательства (TSG). Эксперт должен знать, что экспертиза запроса об изменении имени (§ 1) должна быть сопряжена с экспертизой запроса об изменении пола (§ 8).

Целью экспертизы является исследование истории гендерной идентичности и ее нарушения (в том числе визуализации характеристик мужчины в женщине или женщины в мужчине) в психосоциальной среде на разных этапах жизни пациента. В случае необходимости эксперт должен запросить дополнительную информацию о пациенте, необходимую для заключения объективных медико-психологических выводов. Экспертное мнение должно основываться на стандартах диагностики и дифференциальной диагностики. Эксперт должен подробно изучить результаты диагностики пациента и хорошо в них ориентироваться. Оценка должна быть научно обоснована и включать в себя критический анализ полученной от пациента информации. Субъективная самоинтерпретация пациента не должна оказывать влияния на мнение эксперта. При этом, однако, важно то, как сам пациент оценивает свое поведение и свои желания. Все сомнения относительно предпосылок для изменения имени и пола должны быть исчерпаны.

Условия, указанные в TSG, интерпретируются следующим образом:

- «Импринтинг» транссексуала понимается как прогрессивный и многофакторный процесс развития транссексуализма, который должен быть проанализирован [4].
- «Необходимость» изменения пола и имени возникает в случае, когда биологический пол не принимается пациентом с самого рождения, а сам пациент внутренне уверен в своей принадлежности к противоположному полу.
- «Высокий» уровень необходимости изменения пола и имени обуславливается постоянностью и неизменностью чувства принадлежности к противоположному биологическому полу [3].

Если экспертиза приводит к выводу о том, что условия не выполняются, то они должны быть названы, и, при необходимости, должна быть предложена дополнительная терапия. Рекомендация эксперта утвердить заявку на изменение имени в соответствии с § 1 TSG не является показанием для соматического лечения. В экспертном заключении это должно быть четко обозначено. Тем не менее § 4 TSG дает возможность эксперту рекомендовать показание или противопоказание к соматическому лечению [14].

При оценке изменения гражданского статуса в соответствии с § 8 TSG необходимо учитывать соответствие критериям § 1. Выполнение условий зависит от полноты медицинских знаний о пациенте и регулируется нормами права [13].

Литература

1. *Becker S., Bosinski H.A.G., Clement U. et al.* Standards der Behandlung und Begutachtung von Transsexuellen der Deutschen Gesellschaft für Sexualforschung der Akademie für Sexualmedizin und der Gesellschaft für Sexualwissenschaft // *Sexualforsch.* 1997. Vol. 10. P. 147–156.
2. *Becker S.* Es gibt kein richtiges Leben im Falschen. Antwort auf die Kritik an den «Standards der Behandlung und Begutachtung von Transsexuellen» // *Sexualforsch.* 1998. Vol. 11. P. 155–162.
3. *Bosinski H.A.G.* Geschlechtsidentitätsstörungen im Kindesalter // G.W. Lauth, U. Brack, F. Linderkamp (Hrsg.). *Praxishandbuch: Verhaltenstherapie bei Kindern und Jugendlichen.* Weinheim: Beltz-PVU, 2001. P. 265–274.
4. *Bosinski H.A.G.* Frau-zu-Mann-Transsexualismus: Ein biopsychosozialer Erklärungsansatz // *Humanontogenetik.* 2000. Vol. 2. P. 69–86.
5. *Bosinski H.A.G.* Diagnostische und arztrechtliche Probleme bei transsexuellen Geschlechtsidentitätsstörungen // *Urologie.* 2003. Vol. 42. P. 709–721.
6. *Bosinski H.A.G.* Determinanten der Geschlechtsidentität – Neue Befunde zu einem alten Streit // *Sexuologie.* 2000. Vol. 7. P. 96–140.
7. *Bosinski H.A.G.* Transsexuelle Geschlechtsidentitätsstörungen // *Psychotherapie.* 2000. Vol. 5. P. 270–276.
8. *Clement U.* Sexuelle Skripte // *Familiendynamik.* 1994. Vol. 19. P. 252–265.
9. *Eicher W.* *Transsexualismus. Möglichkeiten und Grenzen der Geschlechtsumwandlung.* Frankfurt: Fischer Verlag, 1992. 195 p.
10. *Hartmann U.* (Hrsg.) *Sexuelle Störungen. Stand der Diagnostik und Therapie.* Melsungen: Notame, 1991. 63 p.
11. *Hartmann U., Becker H.* *Störungen der Geschlechtsidentität. Ursachen, Verlauf, Therapie.* Wien: Springer, 2002. 280 p.
12. *Kockott G.* *Die Sexualität des Menschen.* München: C.H. Beck, 1995. 123 p.
13. *Pfäfflin F.* *Begutachtung der Transsexualität* // K. Foerster (Hrsg.). *Psychiatrische Begutachtung.* München: Elsevier, 2004. P. 525–538.
14. *Sieß G.* *Die Änderung der Geschlechtszugehörigkeit. Das Transsexuellengesetz und seine praktische Anwendung in der Freiwilligen Gerichtsbarkeit.* Konstanz: Hartung-Gorre, 2014. 316 p.
15. *Wille R.* *Betreuungsinstitutionen für psychisch Kranke und psychosozial Gestörte im Lande Schleswig-Holstein (mit Ulrich Boeters, Friedrich Eckmann).* Köln: Deutscher Ärzte-Verlag, 1976. 230 p.
16. *Wille R.* *Zur Therapie von sexuell Devianten.* Berlin: Diesbach, 1990. 112 p.

Trans-identity - the Standards of Diagnostics and Treatment

Gessmann H.-V.

Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychotherapy Bergerhausen, Duisburg, Germany, info@pib-zentrum.de

German Society for Sexual Research, Academy of Sexual Medicine and Society of Sexology formulated standards for evaluation and treatment of transsexuals. The creation of the standards involved Sophinette Becker, Hartmut A. G. Bosinski, Ulrich Clement, Wolf Eicher, Thomas M. Goerlich, Uwe Hartmann, Götz Kockott, Dieter Langer, Wilhelm E. Preuss, Gunter Schmidt, Alfred Springer, Reinhard Wille. Since 1980, the Federal Republic of Germany has a law on transsexualism, which regulates the right of the individual to change the sex. However, until now there were no specifically defined standards of assessment and treatment of transsexuals. For the first time, in 1979 Harry Benjamin invited the International Medical Association of Germany to revise the standards of medical care for gender dysphoria. The following standards of assessment and treatment of transsexuals have been developed at a conference convened by the German Society for Research Expert Committee under the leadership of Sophinette Becker. The review of currently valid standards for evaluation and treatment of transgender is the subject of this article.

Keywords: transsexualism, trans-identity, gender, hormonal therapy, differential diagnosis, intersexual syndrome, somatic treatment, psychotherapeutic support, expert evaluation, the law on gender change.

References

1. Becker S., Bosinski H.A.G., Clement U. et al. Standards der Behandlung und Begutachtung von Transsexuellen der Deutschen Gesellschaft für Sexualforschung der Akademie für Sexualmedizin und der Gesellschaft für Sexualwissenschaft. *Sexualforsch*, 1997. Vol. 10, pp. 147–156.
2. Becker S. Es gibt kein richtiges Leben im Falschen. Antwort auf die Kritik an den „Standards der Behandlung und Begutachtung von Transsexuellen“. *Sexualforsch*, 1998. Vol. 11, pp.155–162.
3. Bosinski H.A.G. Geschlechtsidentitätsstörungen im Kindesalter. Lauth G. W., Brack U., Linderkamp F. (Hrsg.): *Praxishandbuch: Verhaltenstherapie bei Kindern und Jugendlichen*. Weinheim: Beltz-PVU. 2001, pp. 265–274.
4. Bosinski H.A.G. Frau-zu-Mann-Transsexualismus: Ein biopsychosozialer Erklärungsansatz. *Humanontogenetik*, 2000. Vol. 2, pp. 69–86.
5. Bosinski H.A.G. Diagnostische und arztrechtliche Probleme bei transsexuellen Geschlechtsidentitätsstörungen. *Urologie*, 2003. Vol. 42, pp. 709–721.
6. Bosinski H.A.G. Determinanten der Geschlechtsidentität – Neue Befunde zu einem alten Streit. *Sexuologie*, 2000. Vol.7, pp. 96–140.
7. Bosinski H.A.G. Transsexuelle Geschlechtsidentitätsstörungen. *Psychotherapie*, 2000. Vol. 5, pp. 270–276.
8. Clement U. Sexuelle Skripte. *Familiendynamik*, 1994. Vol.19, pp. 252–265.
9. Eicher W. Transsexualismus. Möglichkeiten und Grenzen der Geschlechtsumwandlung. Frankfurt: Fischer Verlag. 1992. 195 p.
10. Hartmann U. (Hrsg.) Sexuelle Störungen. Stand der Diagnostik und Therapie. Melsungen: notame. 1991. 63 p.
11. Hartmann U., Becker H. Störungen der Geschlechtsidentität. Ursachen, Verlauf, Therapie. Wien: Springer. 2002. 280 p.
12. Kockott G. Die Sexualität des Menschen. München: C.H. Beck,1995. 123 p.
13. Pfäfflin F. Begutachtung der Transsexualität. Foerster K. (Hrsg.): *Psychiatrische Begutachtung*. München: Elsevier, 2004, pp. 525–538.
14. Sieß G. Die Änderung der Geschlechtszugehörigkeit. Das Transsexuellengesetz und seine praktische Anwendung in der Freiwilligen Gerichtsbarkeit. Konstanz: Hartung-Gorre. 316 p.

15. Wille R. Betreuungsinstitutionen für psychisch Kranke und psychosozial Gestörte im Lande Schleswig-Holstein (mit Ulrich Boeters, Friedrich Eckmann). Köln: Deutscher Ärzte-Verlag. 1976. 230 p.
16. Wille R. Zur Therapie von sexuell Devianten. Berlin: Diesbach, 1990. 112 p.

Особенности правовой и социальной политики Германии в отношении «молодых взрослых» с миграционными корнями

Аруин С.Е.,

руководитель Союза «Принятие–Доверие–Перспектива» («Der Verein Akzeptanz Vertrauen Perspektive e.V.» – Дюссельдорф, Германия), научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, aruin@integrationavp.de

Чиркина Р.В.,

кандидат психологических наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией ювенальных технологий, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, rimmach@bk.ru

Пютц Э.,

судья суда первой инстанции, руководитель арестного учреждения для молодежи г. Дюссельдорфа, Дюссельдорф, Германия, Edwin.Puetz@jaa-duesseldorf.nrw.de

В статье раскрывается понятие «молодые взрослые» с точки зрения правоприменительных и социальных практик Германии, направленных на помощь и сопровождение данной категории населения в юридически значимых ситуациях, таких как уголовное судопроизводство, профилактика противоправного поведения и криминального вовлечения, проблемы социальной интеграции. Дается характеристика социальных и психологических особенностей этой группы молодежи, позволяющих включить их в систему правосудия по делам несовершеннолетних. Приводятся данные о характере преступности молодых взрослых, в том числе – с миграционными корнями, и о видах социального контроля и правовых санкций по отношению к ним. Представлены модели и конкретный опыт работы государственных, муниципальных и общественных организаций с молодыми взрослыми, нуждающимися в ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество. Сравнительный аспект данной проблемы рассматривается с позиций российской правовой и социальной политики в отношении молодых взрослых, находящихся в конфликте с законом.

Ключевые слова: молодые взрослые («Heranwachsende»), молодежь, находящаяся в конфликте с законом, правосудие по делам несовершеннолетних, социальная работа, социальные практики, стритворк (streetwork), профилактика противоправного поведения, социальная интеграция мигрантов.

Для цитаты:

Аруин С.Е., Чиркина Р.В., Пютц Э. Особенности правовой и социальной политики германии в отношении "молодых взрослых" с миграционными корнями [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Aruin_et_al.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

*Aruin S.E., Chirkina R.V., Puetz E. Features of legal and social policy of Germany regarding "Young grown-ups" with migrational background [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Aruin_et_al.phtm (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)*

«Зверские нападения», «жестокие столкновения» и «преступное поведение» – вот лишь некоторые выражения, которыми описывалось в 2005–2006 гг. поведение русскоговорящей молодежи и подростков в г. Меербуш (округ Нойс), находящемся в административном подчинении г. Дюссельдорф. Местное население обвиняло власти в бездействии и попустительстве и требовало незамедлительно решить этот вопрос, поскольку с подобным положением дел мириться было невозможно. По информации полиции г. Меербуш, только в течение зимы 2005–2006 гг. в одном городском округе было зафиксировано более 40 происшествий с русскоговорящей молодежью: воровство, нарушения закона о наркотических веществах, нарушения общественного порядка, нанесение тяжких телесных повреждений. Из всех зафиксированных преступлений 80 % преступлений были связаны с наркотиками. Полиция отмечала также возросшую жестокость нападений.

В городском округе в эти годы возникли неформальные места встреч, где регулярно собиралась русскоговорящая молодежь. Эти встречи, как правило, сопровождались распитием спиртных напитков, агрессивными выходками против местных сверстников, драками, шумными разборками, актами вандализма. Полиция, проводя ряд ограничительных мер, добилась того, что дислокация молодежных групп неоднократно изменялась, к ним присоединялись русскоговорящие сверстники из других районов города и даже из прилегающих городов. В целом на тот период сложилась довольно многочисленная закрытая группировка русскоязычной молодежи в возрасте от 14 до 22 лет с преобладанием молодых людей (и нескольких девушек) в возрасте от 18 лет до 21 года. Неконтролируемое потребление алкоголя, нелегальных наркотиков и экспрессивное поведение были составной частью повседневной жизни этой молодежи. Большое количество молодых людей из данной группировки на тот момент уже находились в поле зрения полиции ¹.

Приведем один из фрагментов большой системной проблемы под названием «молодежь из числа мигрантов»: официальная статистика Берлинского сената, представленная земельным министром юстиции Берлина Гизелой фон дер Ауэ в 2010 г., свидетельствует, что у 79 % интенсивных преступников в молодежной когорте имеются миграционные корни. Справедливости ради стоит заметить, что 47 % из них относятся к турецкой диаспоре, тогда как на русскоязычных в этой статистике приходится менее 4 % [13]. Но поскольку в земле Северный Рейн-Вестфалия проживает самая многочисленная русскоязычная диаспора, то, соответственно, процент этот почти вдвое выше. Повторные преступления совершают почти 60 % молодых правонарушителей.

Антисоциальное и противоправное поведение подрастающих мигрантов во многих странах является очень болезненной темой. Подростки и молодежь как самая подвижная, чувствительная и уязвимая часть сообщества демонстрируют наибольшую степень дезадаптации и десоциализации, чаще вступают в конфликт с законом, чем представители более взрослой популяции. Причем это характерно не только для тех, кто в процессе миграции оказался в новой социально-культурной и языковой среде и переживает двойной кризис идентичности в чужеродном для них обществе [10]. Это характерно вообще для возрастной динамики социального поведения, в которой формальный паспортный возраст 18 лет еще не означает, что несовершеннолетний (т. е. не до конца зрелый человек) становится во всех смыслах совершеннолетним, т. е. в одночасье превращается в субъект гражданского и уголовного права с соответствующими обязанностями. И эта черта – граница совершеннолетия – становится формальным рубиконом, делящим жизнь человека на два неравнозначных (а значит и неравно включенных в структуру институтов социального контроля и социальных сервисов) периода.

В контексте этой проблематики представляется весьма актуальным выделение такой категории проблемной молодежи, как «молодые взрослые».

¹Здесь и далее материалы немецкоязычных источников даны в переводе А. Ерастовой.

В Германии термином «Heranwachsende» (буквально – *подростающий, подросток*) называется молодой человек или молодая девушка в возрасте от 18 до 21 года. Это понятие относится ко всем молодым людям, совершившим правонарушение в возрасте от 18 до 20 лет, на которых распространяется действие правосудия по делам несовершеннолетних, об особенностях которого мы подробнее расскажем ниже. Поскольку в российском словаре термином «подросток» называют несовершеннолетних до 18 лет, мы считаем более правильным перевести термин «Heranwachsende» как «молодые взрослые».

Уголовный кодекс России относит к несовершеннолетним лиц, которым ко времени совершения преступления исполнилось **14 лет**, но не исполнилось 18 лет (ч. 1 ст. 87). Согласно ст. 20 УК РФ возраст, с которого наступает уголовная ответственность, – **16 лет**. Однако по ряду преступлений уголовная ответственность наступает с 14 лет. К несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание (ч. 2 ст. 87 УК РФ). Наказание может быть либо связано, либо не связано с лишением свободы (так называемая условная мера), но и в том, и в другом случае подросток получает клеймо судимости и дальнейшую стигматизацию в обществе [11].

Освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия осуществляется на основании ст. 90-91 УК (427, 431 УПК РФ). Эти меры предусмотрены для подростков, совершивших преступления *небольшой и средней тяжести* и назначаются по усмотрению суда, если судом установлено, что несовершеннолетний, совершивший преступление, может исправиться без применения уголовного наказания. В качестве воспитательной меры может быть применено помещение несовершеннолетнего правонарушителя *в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа* (по решению суда). Эти учреждения находятся в ведомстве Министерства образования. Наказание в виде *лишения свободы* несовершеннолетние отбывают отдельно от взрослых в воспитательных колониях (ВК). Эти учреждения принадлежат тюремному ведомству – Федеральной службе исполнения наказаний. Исполнение наказания регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом РФ, где есть глава 17 «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях». Никаких специфических целей пребывания детей в местах лишения свободы в Кодексе не указано [11].

Несовершеннолетних, отбывших наказание или отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы (условная мера), кроме уголовно-исполнительных инспекций курируют и сопровождают КДНиЗП (межведомственные Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав), руководствующиеся Законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Но их полномочия заканчиваются, как только их подопечным исполняется 18 лет. И дальше нет уже таких государственных институтов, которые бы несли ответственность и имели обязательства перед формально взрослыми людьми. Что, разумеется, провоцирует дальнейшую криминализацию и десоциализацию этой категории молодежи [2].

В России порог совершеннолетия преодолевается лишь в некоторых случаях. В воспитательных колониях можно оставаться до 19 лет (раньше – до 21 года), а потом следует перевод во взрослую колонию. До 23 лет государство опекает сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, если они являются учащимися образовательных учреждений.

В процессе разработки «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761, нам удалось включить в раздел VI («Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия») следующую формулировку: «Распространение на лиц, осужденных к лишению свободы в несовершеннолетнем возрасте и освободившихся в возрасте от 18 до 23 лет, права на получение социальной поддержки, сопровождение

и постпенитенциарную реабилитацию со стороны служб, осуществляющих эту работу в отношении несовершеннолетних» [5]. Но пока это положение «Национальной стратегии ...» не нашло своей реализации на государственном уровне, а имеет эпизодическое воплощение в проектах отдельных региональных общественных организаций, для работы которых порог совершеннолетия не имеет значения.

В Германии – иная система реагирования на общественно опасное поведение подростков и молодежи. Закон об уголовной ответственности несовершеннолетних (Jugendgerichtsgesetz) распространяется на лиц от 14 лет до 21 года. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет считаются детьми, а от 18 до 21 года – подростками. При этом к подросткам может применяться уголовное наказание на основании как уголовного права несовершеннолетних (Jugendstrafrecht), так и уголовного права взрослых (StGB) [6].

Правонарушениями несовершеннолетних и подрастающих занимаются, в основном, прокуроры по делам несовершеннолетних, и, если идет речь о предъявлении обвинения, эти правонарушения разбираются в суде по делам несовершеннолетних. Правовой статус «молодых взрослых» в производстве по делу соответствует статусу несовершеннолетних. Но при этом у них, как у любого обвиняемого, есть все возможности, касающиеся защиты и обжалований. Их позиция – не лучше и не хуже. Она отличается только тем, что процесс против молодого человека является общественным (открытым), в то время как процесс против несовершеннолетнего с целью его защиты проходит при исключении общественности.

Суд по делам несовершеннолетних, руководствуясь § 105 Закона о суде по делам несовершеннолетних, обязан установить при судебном разбирательстве, соответствует ли взросление (созревание) молодого человека его возрасту, или из-за замедления развития в духовном или моральном плане его еще можно причислить к несовершеннолетним. Если суд придет к заключению, что задержка в развитии имеет место, то суд автоматически применяет ювенальное право в обязательном порядке. Если же суд установит, что нет никаких задержек в развитии и обвиняемый молодой человек нормально развит, суд применяет взрослое уголовное право.

Применение ювенального права рассматривается и тогда, когда речь идет о так называемом типичном юношеском административном правонарушении, т. е. о таком, которое характерно обычно для несовершеннолетних.

Если принято решение о применении к молодым взрослым ювенального права, тогда в отношении них можно использовать все воспитательные возможности закона о суде по делам несовершеннолетних. Ювенальные судьи исходят из того, что в случаях задержки развития или правонарушений, типичных для подростков, даже к этим молодым правонарушителям все еще можно успешно применять педагогические меры закона о суде над несовершеннолетними.[8]

В случае сомнений, существует ли задержка в развитии, практически всегда применяется ювенальное право, так как оно предлагает больше возможностей по формированию личности и оказывает большее профилактическое влияние. На практике свыше 90 % молодых взрослых проходит по ювенальному праву, так как опыт показывает, что большинство молодых правонарушителей обнаруживают замедление развития.

Определить, имел ли молодой человек необходимую сознательность и ответственность, т. е. соответствовал ли подросток ко времени совершения преступления духовному и моральному развитию в достаточной степени, чтобы понимать несправедливость преступления и поступать, зная об этой несправедливости, суд поручает службе помощи несовершеннолетним в уголовном судопроизводстве. Специалисты службы до судебного разбирательства проводят диагностику состояния правонарушителя и сообщают результаты суду. Если суд не уверен в ответе на вопрос об ответственности или замедлении зрелости или если речь идет о серьезном преступлении, то суд назначает экспертизу по вопросу степени

ответственности или наличия задержек в развитии. Это профессиональное заключение используется судом для вынесения решения, причем, обычно суд прислушивается к результатам экспертного заключения.

Виды наказания, согласно ювенальному праву, начинаются с мер воспитательного воздействия. Затем, если подростки и молодые люди продолжают противоправные действия, им назначаются дисциплинарные воздействия и, в особо трудных случаях, – заключение под стражу. Используется и такая мера, как арест на срок от одной до четырех недель, эквивалентов чему в российской правовой системе нет [7].

Таким образом, если в центре внимания уголовного права для взрослых (Strafrecht) оказывается совершенное преступление, а наказание имеет целью искупить вину преступника, то уголовное право по делам несовершеннолетних (Jugendstrafrecht, а также общий уголовный процесс и его исполнение) во главу угла ставит особенности личности и социальное развитие преступника и преследует цели воспитательного характера. Наказание в целом основывается на понимании мотивов преступления с учетом развития личности несовершеннолетнего на момент совершения преступления. Решения ювенального суда не влекут за собой стигмы судимости и не доводятся до сведения школы или других учебных заведений, работодателей и тем более широкой общественности.

Контроль и помощь в исполнении обязательств, возложенных на подростка, ложатся на специалистов соответствующего отдела службы по делам молодежи.

Решения суда осуществляются также с участием общественных организаций, муниципальных органов власти, специальных служб (психологических, медиации, педагогических, социальных). Такой же комплексный подход позволяет максимально эффективно решать и профилактические задачи.

Существующую в Германии **систему профилактики** можно представить в виде трехуровневой системы [12]: первичная профилактика, вторичная профилактика, третичная профилактика.

Первичная профилактика. Под первичным предотвращением криминального поведения понимается выявление и борьба с общими причинами возникновения преступности среди подростков. Это, в первую очередь, социальная интеграция с целью улучшения условий жизни маргинальных слоев и ликвидация дискриминации по отношению к ним. Лишь при условии предоставления государством обширных услуг в области досуга, образования, профессионального совершенствования и укрепления социальных навыков молодежи может возникнуть свободный от преступности и благоприятный для развития детей и подростков климат. Особую роль здесь играют полиция, правовые органы и социальные службы, которые должны проводить различные профилактические мероприятия с целью развития правовой грамотности среди молодежи. Возможным критическим пунктом данного подхода является то, что дети и подростки могут подвергнуться стигматизации в качестве потенциальных преступников в ходе профилактических бесед и мероприятий, что может негативно повлиять на их развитие и становление.

Вторичная профилактика. Цель вторичной профилактики заключается в «запугивании» потенциальных преступников. К данной группе относятся проблемные дети и подростки с трудной социальной, экономической, семейной обстановкой и с проблемами в школе или другом месте учебы. В отличие от первичной профилактики здесь должна быть точно определена целевая группа и установлены четкие методы и стратегии. В Германии, например, систему вторичной профилактики осуществляют полиция и социальные детские службы. Часто целевой группой являются дети и подростки из среды мигрантов. Для решения проблем в этой наиболее потенциально криминогенной категории несовершеннолетних разработаны специальные социально-ориентированные проекты, которые учитывают особенности данной целевой группы.

Особенностями данного подхода являются:

- знание педагогами культурных традиций детей и подростков-мигрантов;
- предложения по улучшению языковых навыков мигрантов;
- оценивание знания других языков как дополнительную компетентность. Недопущение обесценивания родного языка;
- использование преимуществ важности роли семьи и семейных отношений среди мигрантов для усиления их социальных навыков. Привлечение родителей для работы с детьми и подростками;
- разработка концепций урегулирования конфликтов, которые адаптированы к культурным особенностям и жизненным ценностям разных национальностей и народностей.

В России к мерам вторичной профилактики можно отнести работу ПМСС-Центров, социально-психологических служб образовательных учреждений, центров психологической помощи в структуре соцзащиты, до недавнего времени – школ для девиантных детей, коррекционных учреждений, общественных организаций.

Третичная профилактика. Третичная профилактика направлена на работу с уже санкционированными правонарушителями, чтобы предотвратить рецидивы и содействовать реинтеграции правонарушителей. В дополнение к судебной власти в этих случаях – в Германии всегда, а в России при наличии инфраструктурных ресурсов – привлекаются социальные службы по работе с детьми и молодежью. Большая часть проектов и мероприятий в этой области носит амбулаторный характер. Это социальные тренинги, антиагрессивные тренинги, социальная работа, посещение психологов и т. д. Большое внимание уделяется спорту и физическим нагрузкам. В немецкой системе реагирования при отказе от участия в подобных мероприятиях юным правонарушителям угрожает арест. В России для условно осужденных и стоящих на учете в КДН нет ни обязанности исполнения данных предписаний, ни санкций за их неисполнение [2; 7; 11].

Предупреждение отклоняющегося поведения у детей и подростков группы риска играет очень большую роль, в первую очередь – для повышения шансов на успешную социальную и профессиональную жизнь и интеграцию в общество.

Вернемся к ситуации в г. Меербуш, с которой мы начали эту статью.

Полиция и администрация города совместно с широкой сетью общественных организаций предложили найти выход из затруднительного положения, используя долгосрочные проекты в интеграции². С начала 2006 г. социальный комитет и комитет помощи молодежи провели серию мероприятий, призванных разобраться с вышеуказанной проблемой. Комиссия, в которую входили представители городского управления, учреждений по организации свободного времени молодежи, полиции и партий, в итоге предложила русскоязычной общественной организации – Союзу «Признание–Доверие–Перспектива» (Akzeptanz Vertrauen Perspektive e. V. – AVP) – разработать подходящую концепцию решения проблемы и реализовать ее. Сроки реализации проекта в г. Меербуш охватывали два года (с 2006г. по 2008 г.). Таким образом, восемь лет назад Союз AVP взял на себя дополнительную социальную работу с русскоговорящими молодыми людьми и молодыми взрослыми с миграционной историей в г. Меербуш. И эта работа, перейдя из проектного режима в статус институциональной практики, теперь ведется организацией на постоянной основе и финансируется на муниципальном уровне, как и другие проекты Союза AVP, адресованные дезадаптированной русскоязычной молодежи.

²Rathausnachrichten der Stadt Meerbusch, Artikel vom: 01.06.2006.

Союз AVP является некоммерческой организацией признанных представителей помощи молодежи согласно параграфу 75 KJHG (Kinder- und Jugendhilfegesetz – Закон об оказании помощи детям и молодежи). Союз AVP уже больше десяти лет успешно реализует проекты в сфере интеграции русскоязычной молодежи в г. Дюссельдорф, столице Земли Северный Рейн-Вестфалия, и в прилегающих городах. Союз AVP тесно сотрудничает с муниципальными властями, городскими учреждениями и инициативами по работе с молодежью [1].

Свою работу в г. Меербуш Союз AVP начал с детального **анализа социального пространства**, с этой целью была создана рабочая группа, состоящая из квалифицированных специалистов. Рабочая группа Союза AVP постоянно посещала районы Бюдерих и Истерат для структурного обследования этих частей города с тем, чтобы выявить места наибольшей концентрации проблемной молодежи. Соответствующую информацию, кроме того, предоставляла полиция Меербуша. Результаты обследования дифференцировались по районам.

Помимо структурного обследования частей города применялись следующие методики анализа социального пространства:

- портрет тусовки (Cliquenporträt);
- метод иголки (Nadelmethode);
- опрос учреждений (Institutionsbefragungen).

Как правило, объектом социального анализа становятся группы молодых мигрантов, имеющих бросающиеся в глаза признаки дезинтеграции: отсутствие перспектив, сильный алкоголизм, замкнутость внутри своей группы, отсутствие привязки к учреждениям по организации свободного времени, спортивным секциям.

Результаты обследования в различных районах города методом иголки тесно завязаны на картографии. При применении метода иголки группа соцработников начинает с поддержки молодых людей, с которыми она устанавливает контакт. Молодые люди должны с помощью цветных стрелок обозначить знакомые им места, где они регулярно встречаются, и места, которые ими еще не обследованы. Такие места обозначаются молодыми людьми как «углы страха».

Для **анализа ресурсов** проводятся опросы сотрудников учреждений по организации свободного времени молодежи, обзор местной прессы.

На основании анализа полученной в Меербуше информации, рабочая группа Союза AVP подготовила предложение по свободному времени. В сотрудничестве с клубом «Атриум» Союз AVP предпринял попытку основать постоянный пункт встречи для русскоговорящих молодых людей в учреждении и забрать их с улиц. Руководство Атриума предложило Союзу AVP помещение, в котором можно проводить вечером клубные встречи для русскоговорящих молодых людей. Молодежный клуб до сих пор принимает ребят по пятницам с 18.00 до 22.00. Позитивное восприятие молодыми людьми этой перестройки интересов было построено на доверии и шло через предложения по организации свободного времени.

Сначала наряду с общей организацией свободного времени были сформированы креативные предложения, связанные с музыкой, театром и изобразительным искусством (граффити). Когда в молодежном клубе сформировалось сильное ядро, добавились путешествия в свободное время. И как только возникло достаточное доверие между группой социальных работников и молодежью, стало возможным выйти с новыми предложениями – помощи по конкретным и актуальным жизненным вопросам. При этом речь идет уже об индивидуальной помощи в изучении языка, о содействии в трудоустройстве, а также о консультировании по семейным проблемам.

Итак, проект в г. Меербуш – это один из многих примеров того, как социально значимая проблема молодежи с миграционными корнями решается с помощью технологий уличной социальной работы. И в частности, с помощью *технологии Streetwork*, которая используется в качестве метода деятельности в сфере профилактики отклоняющегося поведения и в настоящее время применяется к довольно широкому кругу клиентов (бездомным, наркозависимым, фанатам, агрессивно настроенным и пр.). Целью уличной социальной работы является восстановление утраченного социального статуса подростка в обществе, что становится возможным через последовательное решение задач, связанных с мониторингом территории района, установлением контакта и налаживанием нормального общения с подростком или группой подростков, выполнением роли проводника между клиентами и социальными службами города, а также с разработкой и реализацией адресных реабилитационных программ [4].

Для каждой проблемной ситуации разрабатывается специфическая соответствующая месту **концепция проекта**.

Этому предшествует потребительский и социальный анализ.

Потребительский анализ, который предшествует этапу разработки предложений и проведению уличной социальной работы, состоит из двух шагов.

Шаг 1. Экспресс-диагностика состояния инфраструктуры. Выясняется, что имеется в наличии у учреждений и лиц, работающих с молодежью. И кто несет ответственность за организацию такой работы.

Шаг 2. Экспресс-диагностика или более глубокое исследование с целью установления истинного состояния целевой группы. Она отвечает на вопросы:

- как построена групповая структура;
- существует ли иерархическая структура;
- какие проблемы существуют в группе;
- имеются ли признаки криминального поведения?

По результатам потребительского анализа формулируются идеи, подходящие для данных ситуаций и проблем, и разрабатывается трехступенчатая модель социально-педагогической работы.

Для получения более обширных знаний в области местных и человеческих ресурсов может проводиться *социальный анализ*.

Он предоставляет сведения о структурных условиях жизни наших клиентов:

- регионе и отношениях к целевой группе;
- повседневном мире русскоязычных молодых людей;
- жизненной ситуации отдельных участников.

Социальный анализ как правило проводится специалистами Союза AVP в течение полугода на начальном этапе проекта и осуществляется в сотрудничестве с факультетом социальных и культурных наук специального высшего учебного заведения г. Дюссельдорф (Fachhochschule).

В проекте Меербуш была реализована **трехступенчатая модель социально-педагогической работы**: установление контакта – укрепление доверия – открытие.

Контактная работа – первый шаг в процессе формирования доверия – решает все. Очень многое зависит от тактичного обращения с молодыми людьми. Даже если большинство молодых людей располагают знаниями в области немецкого языка, общение на родном языке

играет важную роль для доверительного общения. Сначала русскоязычные социальные работники, такие же молодые люди, становятся «своими людьми», контактируют с соотечественниками в их собственной среде и «разбираются» на месте. Только через укрепление доверия можно познакомиться с потребностями и проблемами заинтересованных лиц, чтобы в дальнейшем разработать соответствующую индивидуальную или ориентированную на определенную группу помощь и консультационные предложения.

Укрепление доверия – второй шаг – происходит в процессе регулярных встреч русскоязычными молодыми мигрантами, которые организуются в специально предназначенных помещениях 2–3 раза в неделю.

Эти встречи служат основой для социально-педагогической работы. В процессе организации предложений по проведению свободного времени в группах учитываются общие и индивидуальные проблемы, потребности и желания. При этом задача социальной работы в группах – через размышления о моральных ценностях и правилах поведения мотивировать участников к обучению и усвоению социальных норм.

Важно также строить отношения с отдельными молодыми людьми, которые не приняты группой. При этом требуется установить контакты с родителями, преподавателями или другими людьми из их окружения.

Педагогическая составляющая работы направлена на организацию интересных и богатых опытом событий, благодаря которым молодые люди раскрывают в себе таланты в разных областях. Это может быть фотография, освоение профессий, искусство, средства массовой информации, музыка, спорт, театр и многое другое.

Третий шаг – **открытие**. На этом этапе происходит открытие групповых структур вовне: помимо встреч в молодежных клубах русскоязычные молодые люди реализуют свое стремление принимать участие в общих мероприятиях организации, расширять круг интересов и устанавливать контакты с другими молодыми людьми.

Мы видим, что концепция, предложенная общественной организацией Союз AVP для решения проблем русскоязычной молодежи в г. Меербуш, построена на включении представителей целевой группы в творческую, социально ориентированную, общественно-полезную деятельность, обеспеченную поддержкой местного сообщества – как финансовой, так и организационно-содержательной. Таким образом, это направление в полной мере реализует Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, регламентирующие управленческие механизмы организации профилактических мер, а также ключевую идею процесса подготовки молодежи к жизни в обществе, которая гласит: «Следует уделять особое внимание политике предупреждения, способствующей успешной подготовке к жизни в обществе и интеграции всех детей и молодых людей, особенно через семью, общину, лиц аналогичной возрастной группы, школу, профессионально-техническую подготовку, трудовую деятельность, а также через добровольные организации. Должное внимание следует уделять развитию личности детей и молодых людей; при этом к ним следует относиться как к равноправным партнерам в процессах подготовки к жизни в обществе и интеграции» [9].

В результате в том же Меербуше уже к окончанию проектного периода (2008 г.) проблем с русскоязычной молодежью стало значительно меньше. Многие молодые взрослые из числа подопечных Союза AVP за прошедшие годы смогли улучшить свои языковые навыки, найти работу, получить образование, уйти от криминального окружения. Несколько человек стали постоянными волонтерами, а затем и сотрудниками организации. Теперь Союз AVP работает как научно-практический центр подготовки социальных работников при Дюссельдорфском университете им. Генриха Гейне.

В целом, социальная работа в Германии является наиболее финансируемой отраслью, что позволяет задействовать максимальные ресурсы для решения широчайшего спектра социальных проблем всех групп населения [3]. Благодаря этому немецкому обществу удается эффективно организовать превентивную работу с наиболее проблемными категориями взрослеющих людей. Так, выделение «молодых взрослых» в отдельную правовую категорию, подпадающую под юрисдикцию ювенального права, когда для них оказывается доступной вся палитра реабилитационных, воспитательных и прочих превентивных мер и вся полнота социальных сервисов, адресованных несовершеннолетним, позволяет им пережить и перерасти трудности взросления без стигматизирующих и десоциализирующих влияний уголовного мира. А включение в спектр этих сервисов общественных институтов и инициатив делает такую работу адресной и точной, учитывающей все особенности ситуации, что особенно важно для молодежи с миграционной историей.

К сожалению, в России пока нет основ для поддержки формально совершеннолетних молодых людей, преступивших закон в период несовершеннолетия. 18-летие становится фатальным рубежом, за которым заканчивается забота и ответственность государства о дальнейшей судьбе десоциализированной молодежи. Условная мера наказания и постпенитенциарный период не подкреплены социальной инфраструктурой, позволяющей решать конкретные проблемы даже несовершеннолетних правонарушителей. Структуры, которые могли бы заниматься столь актуальной уличной работой, не только не развиваются, но и упраздняются (например, сеть центров «Дети улиц» в Москве).

На этом фоне включение российских «молодых взрослых» в сферу социальной и правовой поддержки несовершеннолетних представляется тем более важным условием создания целостной системы профилактики правонарушающего и преступного поведения в молодежной среде. Здесь очень полезными будут не только обращение к успешному опыту Германии, но и реализация уже имеющихся и апробированных в России моделей: принятие закона о пробации, осуществление положений «Национальной стратегии ...», развитие системы комплексных межведомственных механизмов профилактики с участием общественных инициатив и специализированных организаций.

Литература

1. Аруин С.Е. Взаимодействие общественных организаций Германии с муниципальными, земельными и федеральными институтами власти и бизнес-структурами в интеграции молодежи из числа иммигрантов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46554.shtml> (дата обращения: 10.08.2014).
2. Иванова А.В. Подходы государства и общества к реагированию на правонарушения несовершеннолетних и их влияние на формирование и развитие ценностей и смыслов, определяющих поведение личности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56610.shtml> (дата обращения: 02.08.2014).
3. Лукачек П. Система работы социальных служб Германии на примере Общей социальной службы (ОСС) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46565.shtml> (дата обращения: 02.08.2014).
4. Намсинк Е.В. Современные интернациональные технологии профилактики отклонений в поведении детей и подростков // Теория и практика образования в современном мире: материалы III Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, май 2013 г.). СПб.: Реноме, 2013. С. 173–175.
5. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761). Раздел VI. Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 02.08.2014).

6. *Нодь А.* Ответственность несовершеннолетних за совершение уголовного преступления в Германии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruspravo.de/jugendstrafrecht.html> (дата обращения 11.17.2014).

7. *Подушкина Т.Г., Милованова Е.А.* Анализ принципиальных отличий системы помощи несовершеннолетним в Германии и России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56614.shtml> (дата обращения: 02.08.2014).

8. *Пютц Э.* Краткое введение в практику немецкого уголовного права по делам несовершеннолетних и применения ареста в земле Северный Рейн-Вестфалия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56615.shtml> (дата обращения: 02.08.2014).

9. Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних [Эр-Риядские принципы]. Резолюция 45/112 Генеральной Ассамблеи от 1 декабря 1990 года, п.п. 5-е, 9, 10 [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml# (дата обращения 22.07.2014).

10. *Чиркина Р.В., Аруин С.Е.* Ресурсы социализации детей и подростков из семей русскоязычных мигрантов в Германии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2013. № 3. С. 138–148. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/3/3414.phtml> (дата обращения 22.07.2014).

11. *Karnozova L.* Reaction to the Juvenile Offences in the Russian Federation // 3rd International Crime and Punishment Film Festival. Juvenal Justice. 13–19 September 2013/ Ed. dy A. Sözüer. Istanbul: Academic Papers, 2013. P. 403–428.

12. *Kasper Th.* Migration und Delinquenz. Einführung in das Thema – Diplomarbeit der Fachhochschule Neubrandenburg, Studiengang Soziale Arbeit im WS 2011/2012 [Электронный ресурс] // URN: urn:nbn:de:gbv:519-thesis 2011-0399-0, URL: http://digibib.hs-nb.de/file/dbhsnb_derivate_0000001092/Diplomarbeit-Kasper-2011.pdf. Перевод: Аруин С.Е.

13. *Keilani F.* Junge Intensivtäter bleiben auch als Erwachsenekriminell. Der Tagesspiegel, Berlin, 04.03.2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/kriminalitaet-junge-intensivtaeter-bleiben-auch-als-erwachsene-kriminell/1712318.html#> (дата обращения 22.07.2014).

Features of Legal and Social Policy of Germany Regarding "Young Grown-ups" with Migrational Background

Aruin S.E.,

Head of the Union «Der Verein Akzeptanz Vertrauen Perspektive eV»

(Dusseldorf, Germany), Research Associate, Research Laboratory of Juvenile Technologies, Moscow State University of Psychology & Education, aruin@integrationavp.de

Chirkina R.V.

Ph.D. (Psychology), Head of the Research Laboratory of Juvenile Technologies, Assistant

Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Department of Law Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, rimmach@bk.ru

Puetz E.,

Trial Judge, Head of the Detention Facility for Youth of Dusseldorf, Dusseldorf, Germany,

Edwin.Puetz@jaa-duesseldorf.nrw.de

The article explains the concept of "young adults" from the point of view of law enforcement and social practices in Germany, designed to help and support this population in legally relevant situations, such as criminal justice, prevention of illegal behavior and criminal involvement, problems of social integration. We provide a characteristic of the social and psychological characteristics of this group of young people, allowing to include them in the system of juvenile justice. We present the data on the nature of the crime of young adults, including those with a migration background, and on the kinds of social control and legal sanctions against them. We present models and the specific experience of working in state, municipal and non-governmental organizations with young adults in need of re-socialization and further integration into society. The comparative aspect of this problem is considered from the standpoint of the Russian legal and social policy for young adults in conflict with the law.

Keywords: young adults («Heranwachsende»), youth in conflict with the law, juvenile justice, social work, social practices, streetwork, prevention of illegal behavior, social integration of migrants.

References

1. Aruin S. E. Vzaimodeistvie obshchestvennykh organizatsii Germanii s munitsipal'nymi, zemel'nymi i federal'nymi institutami vlasti i biznes-strukturami v integratsii molodezhi iz chisla immigrantov [Interaction of public organizations of Germany with municipal, land and federal institutes of the power and business structures in youth integration from among immigrants] [Elektronnyiresurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and right]*, 2011, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46554.shtml> (Accessed 10.08.2014)
2. Ivanova A.V. Podkhody gosudarstvai obshchestva k reagirovaniyu napravonarusheniyan esovershennoletnikhi khvliyanienaformirovanie irazvitietsennosti i smyslov, opredelyayushchikh povedenieli chnosti* [Elektronnyiresurs] [Approaches of the state and society to response to offenses of minors and their influence to formation and development of values and the meanings defining behavior of the personality]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and right]*,

2012, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56610.shtml> (Accessed 02.08.2014).

3. Lukachek P. Sistema raboty cotsial'nykh sluzhbb Germanii na primere Obshechi sotsial'noi sluzhby (OSS) [Elektronnyi resurs] [System of work of social services of Germany on the example of the General Social Service (GSS)]. *Psikhologiya I pravo* [Psychology and right], 2011, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46565.shtml> (Accessed 02.08.2014)

4. Namsink E. V. Sovremennye internatsional'nye tekhnologii profilaktiki otklonenii v povedenii detei I podrostkov [Modern international technologies of prevention of deviations in behavior of children and teenagers]. *Teoriya I praktika obrazovaniya v sovremennom mire: materialy III mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, mai 2013 g.)* [The theory and practice of education in the modern world: proceedings of the Third international scientific conference. Sankt-Peterburg, may 2013)]. Sankt-Peterburg: Publ. Renome, 2013, pp. 173–175.

5. Natsional'naya strategiya deistvii v interesakh detei na 2012–2017 g. (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. N 761). Razdel VI. Sozdanie sistemy zashchity I obespecheniya prav i interesov detei I druzhestvennogo k rebenku pravosudiya. [National strategy of actions in interests of children for 2012-2017. Section VI. Creation of system of protection and ensuring the rights and interests of children and friendly justice to the child]. URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (Accessed: 02.08.2014).

6. Nod' A. Otvetstvennost' nesovershennoletnikh za sovershenie ugolovnoogo prestupleniya v Germanii [Responsibility of minors for commission of a criminal offense in Germany]. URL: <http://www.ruspravo.de/jugendstrafrecht.html> (Accessed 11.17.2014)

7. Podushkina T.G., Milovanova E.A. Analiz printsipial'nykh otlichii sistemy pomoshchi nesovershennoletnim v Germanii I Rossii [Elektronnyi resurs]. [The analysis of fundamental differences of system of the help to the minors in Germany and Russia]. *Psikhologiya I pravo* [Psychology and right], 2012, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56614.shtml> (Accessed 02.08.2014).

8. Pyutts E. Kratkoe vvedenie v praktiku nemetskogo ugolovnoogo prava po delam nesovershennoletnikh i primeneniya aresta v zemle Severnyi Rein-Vestfaliya [Elektronnyi resurs]. [Short introduction in practice of the German criminal law for minors and arrest application in the earth Northern Rhine-Westphalia]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and right], 2012, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56615.shtml> (Accessed 02.08.2014)

9. Rukovodyashchie printsipy OON dlya preduprezhdeniya prestupnosti sredi nesovershennoletnikh [The leading principles of the UN for the crime prevention among minors] [Er-Riyadskie printsipy]. Rezolyutsiya 45/112 General'noi Assambleiot 1 dekabrya 1990 g., pp. 5, 9, 10. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml# (Accessed 22.07.2014).

10. Chirkina R.V., Aruin S.E. Resursy sotsializatsii detei i podrostkov iz semei russkoyazychnykh migrantov v Germanii. [Resources of socialization of children and teenagers from families of Russian-speaking migrants in Germany]. [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka I obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2013, no. 3, pp. 138-148. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2013/3/3414.phtml> (Accessed 22.07.2014).

11. Karnozova L. Reaction to the Juvenile Offences in the Russian Federation. / 3rd International Crime and Punishment Film Festival (Istambul, 13-19 September 2013). In Adem Sözüer (ed.) Juvenal Justice. Academic Papers. Istambul, 2013, pp. 403–428.

12. Kasper Thomas. Migration und Delinquenz- Einführung in das Thema – Diplomarbeit der Fachhochschule Neubrandenburg, Studiengang Soziale Arbeitim WS 2011/2012, URN: urn:nbn:de:gbv:519-thesis 2011-0399-0, URL: http://digibib.hs-nb.de/file/dbhsnb_derivate_0000001092/Diplomarbeit-Kasper-2011.pdf. (Accessed 22.07.2014).

13. Keilani F. Junge Intensivtäter bleiben auch als Erwachsenekriminell. Der Tagesspiegel, Berlin, 04.03.2010. URL: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/kriminalitaet-junge-intensivtaeter-bleiben-auch-als-erwachsene-kriminell/1712318.html#> (Accessed 22.07.2014).

Взаимоотношения спортсмена и тренера как фактор успешности спортивной деятельности

Светлова А.А.,

аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, a.svetlova@yandex.ru

Излагаются результаты теоретического анализа психологических оснований успешности спортсменов. Приводится обзор исследований, посвященных определению факторов, оказывающих влияние на успешность деятельности в спорте. Спортивная деятельность рассматривается как совместная деятельность спортсмена и тренера, на успешность которой влияют личностные качества и особенности взаимоотношений ее участников. Обобщаются основные подходы к изучению личностных и социально-психологических аспектов успешности спортсменов и тренеров. В качестве основных факторов успешности спортивной деятельности рассматриваются индивидуально-психологические характеристики спортсменов (мотивы, установки, способы поведения и реагирования) и социально-психологические особенности взаимодействия тренера и спортсмена (стиль руководства, характер межличностных отношений и ролевых ожиданий). Подчеркивается значимость взаимных ролевых ожиданий спортсмена и тренера для достижения высоких результатов спортивной деятельности.

Ключевые слова: спорт, успешность, спортивная деятельность, взаимодействие, межличностные отношения, субъект-субъектные отношения, спортсмен, тренер.

Для цитаты:

Светлова А.А. Взаимоотношения спортсмена и тренера как фактор успешности спортивной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Svetlova.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Svetlova A.A. Athlete and coach relationship as a factor of the success in sports activities [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Svetlova.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

На современном этапе развития спортивной психологии одной из актуальных проблем является изучение факторов, обеспечивающих успешность спортивной деятельности.

Успешность в различных видах деятельности рассматривалась в работах Ю.М. Орлова, С.В. Ковалева, А.Г. Харчева, С.И. Голода, В.Д. Шадрикова, Х. Хекхаузена (Heckhausen) и других исследователей. Как правило, феномен успешности изучается в контексте адаптации личности в процессе индивидуальной и совместной деятельности. В характеристике успешности деятельности понятия «успех» и «успешность» различаются. «Успех» рассматривается как лично значимое достижение и характеризуется наличием эффективных способов деятельности в процессе достижения цели. «Успешность» определяется как социально оцениваемое достижение [9].

Чаще всего исследователи сосредотачивают внимание на индивидуально-психологических факторах успешности в спортивной деятельности. Так, В.Д. Шадриков выделяет личностную значимость деятельности и отношение к ней со стороны спортсмена, а также успешность, определяющуюся качеством этой деятельности (результатом, который спортсмен показывает на соревнованиях) [19].

В исследованиях В.А. Бодрова, Е.П. Ильина, Т.В. Корниловой и других авторов установлено, что субъект деятельности можно описать совокупностью таких личностных характеристик, как мотивы, установки, способы поведения и реагирования, характерологические особенности, определяющие своеобразие индивидуально-психологических проявлений в деятельности.

А.В. Родионов [14] выделил восемь основных критериев успешности личности:

- эффективность в принятии решений;
- полная отдача собственных сил для реализации целей;
- собственная личностная позиция;
- ответственность за свои поступки;
- умение публично высказывать отличное от большинства мнение;
- честность перед собой;
- наличие глубоких эмоциональных переживаний;
- построение и поддержание длительных контактов с другими людьми.

Спортивная деятельность отличается ориентацией на предельный уровень достижений и высокими эмоциональными нагрузками, связанными с субъективной значимостью результатов деятельности, остротой соперничества и публичностью выступлений во время соревнований. Поэтому объектом ряда исследований успешности в области спорта стали следующие аспекты психической регуляции деятельности спортсменов:

целеполагание [16]; его возможные варианты анализируются по параметрам силы стимулирующего влияния и уровня деятельности, связанной с характером целей эмоциональной напряженности и направленной на их достижение;

анализ значимых условий деятельности [15], изучение субъективной картины спортивной деятельности, складывающейся у спортсменов и тренеров [13];

контроль и оценка результатов деятельности [16].

При анализе внутреннего плана действий спортсмена как блока психической регуляции деятельности рассматриваются следующие его особенности: степень детализированности, степень согласованности текущих и этапных целей, способность последовательно реализовывать план, полнота учета условий реализации плана, гибкость планирования, способность своевременно учитывать изменения ситуации деятельности [12]. Развитая способность к планированию, наряду с другими блоками психической регуляции деятельности, как показывают исследования высококвалифицированных спортсменов, обеспечивает достижение ими больших спортивных результатов [16]. К числу наиболее исследованных особенностей планирования спортсменом своей деятельности следует отнести ее контрольно-оценочный компонент. Выделяют два направления его изучения: 1) исследование самоконтроля двигательных действий, соотнесения их с внутренним планом действий, факторов надежности самоконтроля в экстремальных условиях путей его развития; 2) изучение каузальной атрибуции результатов деятельности [8].

Если первое направление обусловлено высокими требованиями к техническому мастерству спортсменов, то второе отражает значимость для них реалистичного и конструктивного отношения к успехам и неудачам.

С одной стороны, существует взаимосвязь успешности деятельности с личностными особенностями субъекта деятельности. С другой стороны, эффективность любого вида деятельности характеризуется реализацией целей субъектов деятельности и имеет

социально значимый аспект [19]. Как показывают результаты анализа научной литературы, успешность спортивной деятельности не только зависит от индивидуально-психологических особенностей ее участников, но и в значительной мере определяется характером взаимоотношений спортсмена и тренера, а также их социально-психологическими личностными характеристиками.

Спортивная деятельность является совместной деятельностью тренера и спортсмена. В рамках теоретического подхода к анализу совместной деятельности, представленного в работах Г.М. Андреевой, кооперация является одновременно решающим условием осуществления совместной деятельности и ее главной отличительной чертой. При этом сама кооперация понимается как своего рода слияние индивидуальных деятельностей в общественную, и поэтому в качестве важнейших ее признаков выделяются предметность и совместность [2].

В работах, определяющих структуру совместной деятельности и формы взаимодействия ее участников, акцентируется внимание на качестве взаимодействия в процессе совместного решения задач, определяются такие особенности, как выраженность взаимодействия и его содержательность, характер «вербального взаимодействия» [3]. В ряде исследований отмечается, что на эффективность совместной деятельности и на особенности «коммуникативного взаимодействия» оказывают влияние условия протекания и характеристики взаимодействия, четкость и гибкость распределения ролей [3; 11; 18 и др.].

В ряде исследований (Е.Р. Биспен, Л.П. Матвеев, А.В. Родионов, Ю.Л. Ханин и др.) делается акцент на том, что на успешность и результат деятельности спортсмена непосредственное влияние оказывают его взаимоотношения с тренером [4].

Анализ литературных источников (Л.П. Матвеев, А.В. Родионов, Ю.Л. Ханин, Дж. Кретти (Kretti), Е.П. Ильин и др.) позволяет выделить критерии взаимодействия спортсмена с тренером, влияющие на успешность их совместной деятельности [10; 17]:

- характер взаимодействия;
- стиль руководства тренера;
- эмоциональный фон взаимоотношений.

Отношение спортсменов к тренеру играет роль в росте спортивных результатов, так как влияет на отношение спортсменов к тренировочному процессу.

В исследовании Ю.А. Коломейцева зафиксирована положительная связь между отношением к тренеру и такими качествами, как дисциплинированность, настойчивость, старательность, исполнительность [6]. Отмечено, что спортсмены-разрядники считают наиболее значимыми коммуникативные качества тренера, в которых выражается отношение тренера к спортсмену (доброта, отзывчивость, справедливость, тактичность, общительность). Однако участники сборных команд страны в своей оценке тренера ориентируются, в первую очередь, на его профессионально-деловую подготовку (высокий уровень компетентности в вопросах методики тренировки и тактической подготовки, творческое отношение к работе, умение настроить спортсмена на борьбу и поддерживать дисциплину на сборах, требовательность).

Стиль руководства во многом определяет стремление спортсмена к общению с тренером. Если тренер служит для спортсмена примером, является для него авторитетом, привлекает своими человеческими качествами, то спортсмен в большей степени будет стремиться к всестороннему общению с ним, что является показателем благоприятных взаимоотношений между тренером и спортсменом. Немаловажным является и отношение тренера к спортсмену. Установлено, что в том случае, когда тренер видит негативное отношение к себе, низкую оценку своих профессиональных и личностных качеств со

стороны спортсменов, он, как правило, негативно и излишне строго относится к своим ученикам [5].

По-видимому, спортсмены тогда высоко оценивают профессиональные и личностные качества тренера, когда тренер создает благоприятные условия для удовлетворения ими своих соревновательных амбиций. Тренер, способствующий удовлетворению потребностей спортсменов, начинает пользоваться у своих учеников авторитетом и особым расположением.

Исследователи подчеркивают, что для достижения высокого уровня взаимодействия между тренером и спортсменом необходима реализация субъект-субъектных отношений. В работах В.И. Андреева и Е.А. Глуховской были определены условия реализации таких отношений [1]:

- обеспечение права каждого участника деятельности на собственное решение;
- создание и сохранение атмосферы творчества участниками взаимодействия;
- стимулирование индивидуального стиля творческой деятельности и самовыражения каждого из субъектов взаимодействия;
- постоянное развитие творческих возможностей педагога и его педагогического мастерства.

Установлено, что в том случае, когда спортсмен занимает субъектную позицию в ходе совместной учебно-тренировочной деятельности, у него развивается способность использовать освоенные способы действий в изменяющихся условиях, самостоятельно оценивать результат деятельности, ставить цели в ходе подготовки. При этом формируются такие личностные качества, как самостоятельность, ответственность, организованность, инициатива [1].

Анализ спортивной деятельности как системы нормативно одобренных поведенческих актов и поступков позволяет, на наш взгляд, проникнуть в генезис роли спортсмена и рассматривать ее в качестве функции ожиданий со стороны тренера и группы. Принятие ролей – сложный психологический процесс, которым можно управлять при условии знания его закономерностей. Личность, действующая в специфических условиях деятельности, обладает индивидуальными способностями и анализируется как совокупность социальных ролей, исполняемых ею [7]. Согласованность представлений спортсмена и тренера об их отношении друг к другу, разделение и согласованность функций и ролей в процессе осуществления совместной деятельности являются условиями повышения качества тренировочной деятельности.

Так, в процессе изучения ролевых позиций в совместной деятельности установлено следующее:

- четкая дифференциация ролей способствует повышению эффективности при совместном решении задач;
- формы организации совместной деятельности связаны с конкретными способами распределения ролей и обязанностей;
- эффективность ролевой дифференциации в совместной деятельности связана с согласованностью в ее выделении и гибкостью перестройки в процессе достижения цели [6].

Таким образом, спортивная деятельность включает в себя широкий спектр человеческих отношений и опосредуется ими. Характер взаимоотношений «тренер – спортсмен» оказывает влияние на успешность спортсмена. Критериальным содержанием спортивной деятельности является личностная значимость деятельности и отношение

к ней со стороны спортсмена, а также успешность, определяющаяся качеством этой деятельности, которая может сравниваться с продуктивностью [19].

Проведенный теоретический анализ существующих подходов к повышению успешности деятельности в спорте позволяет выделить основные социально-психологические факторы, влияющие на успешность спортивной деятельности: стиль руководства тренера, характер межличностных отношений и ролевых ожиданий в системе «спортсмен – тренер».

Ролевые ожидания спортсменов в индивидуальных и групповых видах спортивной деятельности характеризуют состояние их готовности к действию. Согласованность представлений о ролевых взаимосвязях в процессе взаимодействия тренера и спортсмена является фактором, отражающим уровень их взаимопонимания в ходе совместной деятельности. Для наиболее эффективного профессионального взаимодействия со спортсменами тренеру необходимо выбирать оптимальные формы руководства в зависимости от ролевых ожиданий спортсменов, и согласовывать их со своими ожиданиями.

Литература

1. *Андреев В.И.* Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития: 2-е изд. Казань: Центр инновационных технологий, 2000. 124 с.
2. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 2000. 288с.
3. *Беляева А.В., Короткое В.Л., Тарабрина Н.В.* Личностный аспект вербального взаимодействия в диаде // Психологические исследования общения / Под ред. Б.Ф. Ломова. М.: Наука, 1985. С. 192–206.
4. *Биспен Е.Р.* Воспитание смелости и решительности в процессе спортивной тренировки футболистов 13–15 лет: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1991. 23 с.
5. *Ильин Е.П.* Психология спорта. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
6. *Коломейцев Ю.А.* Исследование влияния межличностных отношений на эффективность спортивной деятельности: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Тарту, 1974. 45 с.
7. *Кон И.С.* Социология личности. М.: Изд-во политической литературы, 1967. 383 с.
8. *Кретти Дж.* Психология в современном спорте. М.: Физкультура и спорт, 1978. 222 с.
9. *Мартенс Р.* Социальная психология и спорт. М.: Физкультура и спорт, 1997. 176 с.
10. *Матвеев Л.П.* Основы общей теории спорта и системы подготовки спортсменов. Киев: Олимпийская литература, 1999. 320 с.
11. *Полуэктова Н.М., Тихонов Б.Л.* Влияние характера взаимодействия на эффективность совместной групповой мыслительной деятельности // Психологические исследования общения / Под ред. Б.Ф. Ломова. М., 1985. С. 273–285.
12. Психология спорта высших достижений: Учеб. пособие. М.: Физкультура и спорт, 1979. 144 с.
13. *Рогалева Л.Н.* Влияние спорта и установок тренера на личность юного спортсмена: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 1999. 20 с.
14. *Родионов А.В.* Влияние психологических факторов на спортивный результат. М.: Физкультура и спорт, 1987. 112 с.
15. Спортивная психология в трудах отечественных специалистов/ Сост. И.П. Волкова. СПб.: Питер, 2002. 384 с.
16. *Стамбулова М.Б.* Психология спортивной карьеры. СПб.: Центр карьеры, 1999. 367 с.
17. *Ханин Ю.Л.* Психология общения в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1980. 208 с.
18. *Шаболтас А.В.* Мотивы занятия спортом высших достижений в юношеском возрасте: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. СПб., 1998. 21 с.

19. Шадриков В.Д. Психологический анализ деятельности как системы // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 3. С. 33–46.

Athlete and Coach Relationship as a Factor of the Success in Sports Activities

Svetlova A.A.,

Postgraduate Student, Chair of the Theoretical Foundations of the Social Psychology, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, a.svetlova@yml.com

We present the results of a theoretical analysis of the psychological bases of success of athletes. We provide an overview of studies of the factors influencing the success of the activities in the sport. Sports activities are considered as a joint activity of athlete and coach, the success of which is affected by the personal qualities and characteristics of the relationship of its members. We summarize the main approaches to the study of personality and social psychological aspects of successful athletes and coaches. As the main factors in the success of sports activities, we considered individual psychological characteristics of athletes (motives, attitudes, modes of behavior and response), and socio-psychological characteristics of the interaction of coach and athlete (leadership style, the nature of interpersonal relationships and role expectations). We emphasize the importance of mutual role expectations of athlete and coach to achieve high results of sports activity.

Keywords: sport, success, sports activities, interaction, interpersonal relationships, subject-subject relations, athlete, coach.

References

1. Andreev V.I. Pedagogika: uchebnyi kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya [Pedagogy: a training course for creative self-development]. 2-e izd. Kazan': Publ. Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2000. 124 p.
2. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. Ucheb.posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. Moscow: Publ. Aspekt Press, 2000. 288 p.
3. Belyaeva A.V., Korotkoe V.L., Tarabrina N.V. Lichnostnyi aspekt verbal'nogo vzaimodeistviya v diade [The personal aspect of verbal interaction in the dyad]. In Lomov B.F. (ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya obshcheniya* [Psychological studies of communication]. Moscow: Publ. Nauka, 1985, pp. 192–206.
4. Bispin E.R. Vospitanie smelosti i reshitel'nosti v protsesse sportivnoi trenirovki futbolistov 13-15 let: Diss. kand. psihol. Nauk [Education of courage and determination in the process of sports training players 13-15 years . Ph. D. (Psychology) diss.]. St. Petersburg, 1991. 23 p.
5. Il'in E.P. Psikhologiya sporta [Sports Psychology]. St. Petersburg: Publ. Piter, 2008. 352 p.
6. Kolomeitsev Yu.A. Issledovanie vliyaniya mezhlichnostnykh otnoshenii na effektivnost' sportivnoi deyatel'nosti: avtoref. dis. kand. nauk [Investigation of the influence of interpersonal relationships on the effectiveness of sports activities. Abstract Ph. D. (Psychology) diss.]. Tartu, 1974. 45 p.
7. Kon I.S. Sotsiologiya lichnosti. [Social identity]. Moscow: Publ. Politicheskoi literatury, 1967. 383 p.

8. Kretti Dzh. Psikhologiya v sovremennom sporte [Psychology in contemporary sport]. Moscow: Publ. Fizkul'tura i sport, 1978. 222 p.
9. Martens R. Sotsial'naya psikhologiya i sport. [Social psychology and sport]. Moscow: Publ. Fizkul'tura i sport, 1997. 176 p.
10. Matveev L.P. Osnovy obshchei teorii sporta i sistemy podgotovki sportsmenov [The general theory of sports and athletes training system]. Kiev: Publ. Olimpiiskaya literatura, 1999. 320 p.
11. Poluektova N.M., Tikhonov B.L. Vliyanie kharaktera vzaimodeistviya na effektivnost' sovmestnoi gruppovoi myslitel'noi deyatel'nosti [The influence of the nature of interaction on the efficiency of the joint group of mental activity]. In Lomov B.F. (ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya obshcheniya*. Moscow, 1985, pp. 273 – 285.
12. Psikhologiya sporta vysshikh dostizhenii [Psychology of high performance sport]. Uchebnoe posobie. Moscow: Publ. Fizkul'tura i sport, 1979. 144 p.
13. Rogaleva L.N. Vliyanie sporta i ustanovok trenera na lichnost' yunogo sportsmena: avtoref. dis. kand. nauk [Influence of sports facilities and a coach on the personality of the young athlete. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1999. 20 p.
14. Rodionov A.V. Vliyanie psikhologicheskikh faktorov na sportivnyi rezul'tat [The influence of psychological factors on athletic performance]. Moscow: Publ. Fizkul'tura i sport, 1987. 112 p.
15. Volkova I.P. (ed.) Sportivnaya psikhologiya v trudakh otechestvennykh spetsialistov [Sport psychology in the works of Russian specialists]. St. Petersburg: Publ. Piter, 2002. 384 p.
16. Stambulova M.B. Psikhologiya sportivnoi kar'ery [Psychology sports career]. St. Petersburg: Publ. Tsentr kar'ery, 1999. 367 p.
17. Khanin Yu.L. Psikhologiya obshcheniya v sporte [Communication psychology in sport]. Moscow: Publ. Fizkul'tura i sport, 1980. 208 p.
18. Shaboltas A.V. Motivy zanyatiya sportom vysshikh dostizhenii v yunosheskom vozraste. avtoref. dis. kand. nauk [Motives for engaging in high performance sport in adolescence. Ph. D. (Psychology) Thesis]. St. Petersburg, 1998. 21 p.
19. Shadrikov V.D. Psikhologicheskii analiz deyatel'nosti kak sistemy [Psychological analysis of activity how the system]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 1980. Vol.1, no. 3, pp. 33–46.

Оценка когнитивных искажений в сфере сексуальности у лиц, совершивших половые преступления против несовершеннолетних

Серов А.Д.,

аспирант кафедры юридической психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, serov-up@narod.ru

Дается определение понятию «когнитивные искажения в сфере сексуальности», раскрывается актуальность изучения этих искажений в контексте половых преступлений против несовершеннолетних. Приводится краткий литературный обзор исследований по данной тематике. Описывается эмпирическое исследование, целью которого было изучение группы лиц, совершивших сексуальные преступления против несовершеннолетних: насколько однородной является выборка с точки зрения выраженности искажений. Группа была разделена на две подгруппы: лица, которым была диагностирована педофилия, и лица без педофилии. В группу нормы также вошли лица, никогда не привлекавшиеся к уголовной ответственности. Для оценки когнитивных искажений в сфере сексуальности была использована методика SONAR (The Sex Offender Need Assessment Rating – шкала оценки потребностей сексуальных правонарушителей). Полученные результаты подтверждают значимость фактора когнитивных искажений в сфере сексуальности при оценке рисков совершения сексуальных преступлений, а также при дифференциальной диагностике педофилии.

Ключевые слова: когнитивные искажения, личность сексуального правонарушителя, педофилия, сексуальные девиации, сексуальные преступления.

Для цитаты:

Серов А.Д. Оценка когнитивных искажений в сфере сексуальности у лиц, совершивших половые преступления против несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Serov.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Serov A.D. Evaluation of cognitive sexual distortions in persons who have committed sex crimes against minors [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Serov.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Фактор когнитивных искажений в восприятии образа жертвы рядом авторов определяется как один из важнейших в формировании делинквентного сексуального поведения [6; 7; 10; 12; 14].

В широком смысле под когнитивными искажениями обычно понимаются систематические ошибки в мышлении, возникающие на основе дисфункциональных убеждений, внедренных в когнитивные схемы. Искажения не позволяют объективно оценивать условия окружающей реальности, так как на первый план выходит «субъективная социальная реальность» [1]. В контексте криминальной сексологии эта субъективная социальная реальность не трансформируется, а наполняется смыслами, непосредственно связанными с мотивацией преступников и особенностями совершаемых действий.

Существует несколько подходов к классификации когнитивных искажений у сексуальных преступников. Так, W.D. Murphy выделяет следующие искажения, определяющие делинквентное поведение растлителей несовершеннолетних: отрицание, минимизация, оправдание и рационализация своего поведения [17].

Схожую по своей сути классификацию предлагают К.А. Lonsway и L.F. Fitzgerald, описывая искажения, свойственные насильникам. В данной типологии ошибки мышления разделены на три основные категории: 1) оправдание предосудительного поведения (моральное и психологическое); 2) неадекватная оценка последствий своих действий (минимизация, игнорирование и фактическое непонимание последствий); 3) приписывание вины жертве и обезличивание жертвы [16].

Когнитивные искажения проявляются через ряд установок, на которые преступники опираются, принимая решения о совершении противоправных действий, а также оправдывая свое поведение в дальнейшем. Данные установки снимают с них ответственность за совершенное деяние, частично или полностью перекалдывая ее на жертву, нередко также приписывая ей инициативу вступления в сексуальный контакт [12].

Среди когнитивных искажений встречаются также искажения, оправдывающие сексуальные действия как полезные для ребенка, например, в образовательных целях, чтобы обучить его сексуальным практикам («это будет полезно для ребенка в дальнейшем»). В некоторых случаях предполагается также, что через сексуальный контакт растлитель может продемонстрировать ребенку свою любовь и привязанность.

Другого рода когнитивные искажения связаны с неадекватной оценкой собственных сексуальных прав. По мнению преступника, возникающие у него сексуальные потребности по определению должны быть удовлетворены, так как ему значительно труднее и болезненнее самому сдерживать свои сексуальные желания, нежели женщине или ребенку удовлетворить их [13].

Перечисленные выше когнитивные искажения в той или иной степени используются на каждом этапе «пути», который проходит преступник, реализуя сексуальные действия с несовершеннолетними. D. Finklehor (1984) в рамках модели четырех предпосылок описал следующие предварительные условия, необходимые для осуществления сексуального преступления против детей.

1. *Мотивация.* Преступник должен обладать некоторой мотивацией к совершению противоправных действий, включающей в себя три компонента: 1) эмоциональная идентификация с ребенком; 2) сексуальное возбуждение по отношению к детям; 3) отсутствие возможности реализовать сексуальную потребность с взрослым человеком.

2. *Преодоление внутренних барьеров.* По мнению D. Finklehor, практически у всех взрослых людей имеются табу на сексуальные действия с детьми. Даже если имеется мотивация к совершению преступных действий, внутренние запреты не позволяют совершить их. Преодолевая табу, преступник как бы открывает засовы, сдерживающие мотивационные потребности из первого пункта.

Если первые две предпосылки можно отнести к исключительно внутренним явлениям, то предпосылки 3 и 4 рассматривают также среду вокруг преступника и ребенка.

3. *Преодоление внешних барьеров.* На этом этапе преступник преодолевает внешние препятствия и запреты. Среди них можно выделить общественную оценку противоправных действий (со стороны семьи, соседей, коллег) и юридические санкции, а также степень надзора, получаемого ребенком. Внешние барьеры легко преодолеваются в том случае, если потенциальный преступник остается один на один с ребенком.

4. *Преодоление сопротивления жертвы.* Последним этапом является преодоление сопротивления сексуальному насилию со стороны ребенка, где под сопротивлением не обязательно понимаются непосредственно активные действия ребенка. Часто преступники

инстинктивно выбирают себе в жертвы тех детей, которые даже не осознают, что над ними совершается сексуальное насилие. В других случаях жертвами становятся дети, которых можно запугать, заставив тем самым сохранить произошедшее в тайне [13].

Существует несколько подходов, объясняющих генез когнитивных искажений в сексуальной сфере. Ряд авторов сходятся во мнении, что формирование ошибок мышления часто происходит в детском возрасте, являясь результатом психологической травмы, связанной с сексуальным насилием. Причем формированию искажений может способствовать не только получение травматического опыта жертвы, но и участие в совершении насильственных действий сексуального характера над другими людьми, а также наблюдение за насилием [12].

В некоторых случаях когнитивные искажения могут быть связаны с расстройствами интеллекта, однако в последнее время все чаще внимание обращается на социокультурную природу их возникновения [10], которая включает в себя деструктивные мифы и стереотипы, преобладающие в обществе, а также общий уровень сексуальной культуры. По мнению J.M. Hockett, индивидуальные негативные установки, в том числе сексуальные, всегда являются частным случаем существующей в обществе системы социальной иерархии, где одни люди доминируют над другими [15], а M. Amir предположил, что девиантное сексуальное поведение напрямую отражает культурные нормы и социальные стереотипы не столько общества в целом, сколько субгруппы, к которой принадлежит индивид [8].

В контексте социокультурного подхода, помимо классификации когнитивных искажений по смыслу, необходимо эти искажения разделить на две группы по типу жертвы: направленные против женщин и направленные против несовершеннолетних.

Когда речь идет об установках по отношению к женщинам, важно понимать, что мужские и женские сексуальные сценарии зачастую отличаются друг от друга. Мужская сексуальность всегда ассоциировалась с экспансивным, захватническим, иногда даже агрессивным поведением [9]. На протяжении истории отношение к гендерным ролям видоизменялось, и с конца XIX в. преобладает тенденция к сглаживанию резких различий в поведении мужчин и женщин [11], однако и на сегодняшний день стереотипы, фиксирующие за мужчиной образ «завоевателя», имеют широкое распространение, особенно в странах, где популярны консервативно-патриархальные взгляды [5]. В подобных культурах, где женщине во многом отказано в собственной сексуальности, не предусмотрено инструментов, позволяющих мужчине отличить игровое сопротивление от реального нежелания женщины вступить в сексуальную связь. Невозможность выделить критерии, исходя из которых сопротивление женщины может быть понято как истинное или игровое, часто приводит к порицанию жертвы сексуального насилия со стороны общества и оправданию действий насильника. Через подобные стереотипы общество навязывает женщине роль жертвы, а из мужчины формирует потенциального насильника. Культ агрессивного, доминантного, подавляющего мужчины, опирающегося при решении проблем в первую очередь на силу, – платформа для формирования любого, в том числе сексуального, насилия [3; 5].

Принципиально другое отношение сформировалось в современной культуре, вне зависимости от доминирующих в ней идеологических взглядов, к установкам, снимающим ответственность с правонарушителя за сексуальные действия с детьми: оценка действий растлителей несовершеннолетних значительно более строгая и непримиримая [9].

Существует ряд ошибочных представлений о сексуальном насилии в отношении детей, но эти представления не оправдывают поведение преступника, а мифологизируют процесс соблазнения. Среди подобных мифов – представление о том, что большинство преступлений совершают посторонние, не знакомые жертве люди [4], что сексуальные покушения на детей совершаются преимущественно в бедной и необразованной среде, что все совершившие преступления мужчины – педофилы и т. д. [5]

Мифы сложились и вокруг образа самого сексуального преступника: мужчины, вступающие в сексуальные отношения с детьми, представляются педофилами, психически больными людьми, социально неустроенными, не имеющими собственной семьи, т. е. происходит маргинализация образа растлителя. Однако нередко бывает ровно наоборот. К. Swann описывает наиболее типичного растлителя следующим образом: «женатый, с детьми, и за рулем дорогого автомобиля» [12, с. 229].

Результаты исследований, оценивающих наличие когнитивных искажений у различных групп сексуальных преступников (насильников и растлителей), свидетельствует о том, что не существует принципиальных различий в отношении к установкам, перекладывающим ответственность за совершенное насилие на женщину. Однако подобные установки, касающиеся детей, были обнаружены только в группе растлителей [7; 18].

Среди задач, которые мы поставили перед собой в проведенном нами исследовании, была задача оценить, насколько группа растлителей несовершеннолетних однородна юридически, клинически и социально с точки зрения отношения к когнитивным искажениям в сфере сексуальности.

Одним из инструментов, позволяющих оценить степень выраженности когнитивных искажений в сфере сексуальности, является методика SONAR (The Sex Offender Need Assessment Rating – шкала оценки потребностей сексуальных правонарушителей) [14]. Нами был использован блок данной шкалы, оценивающий искажения, связанные с интерпретацией поведения потенциальных жертв сексуального насилия: женщин и детей. Испытуемому предлагается оценить степень собственного согласия с высказываниями: в первой части – приписывающими женщинам желание быть изнасилованными, во второй – приписывающими детям желание вступать в сексуальный контакт с взрослыми. При этом в высказываниях обеих частей ответственность за совершенное действие перекладывается с мужчины на жертву. По результатам методики определяется уровень включенности в когнитивную сферу данных установок: высокий, средний или низкий.

В исследовании мы использовали также блок «Сексуальная саморегуляция», состоящий из двух частей. Первая из них содержит ряд высказываний, позволяющих определить, насколько адекватно испытуемый оценивает сексуальные права мужчины: как общие, так и непосредственно его личные. Также оценивается степень контроля над сексуальными желаниями.

Вторая часть блока оценивает степень вовлеченности испытуемого в сексуальные переживания, в том числе ненормативные.

Методика SONAR была проведена на 90 испытуемых. В экспериментальную группу вошли 70 мужчин, совершивших сексуальные преступления против несовершеннолетних. Все они были направлены на комплексную судебную сексолого-психиатрическую экспертизу в Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Группа была разделена на две подгруппы: лица, которым была диагностирована педофилия ($n = 44$), и лица, признанные сексологами здоровыми ($n = 26$). Контрольная группа состояла из 20 человек, никогда не привлекавшихся к уголовной ответственности. Экспериментальная группа также разделялась на подгруппы по образовательному признаку, по наличию или отсутствию постоянного сексуального партнера, по количеству жертв и их полу, а также по уголовной статье, вменяемой преступнику.

Таблица

**Когнитивные искажения у лиц, совершивших сексуальные преступления против
несовершеннолетних. Критерий Манна-Уитни**

Когнитивные искажения в сфере сексуальности	Лица, совершившие сексуальные преступления против несовершеннолетних. Диагностирована педофилия. N = 44	Лица, совершившие сексуальные преступления против несовершеннолетних. Педофилия не диагностирована. N = 26	Лица, не совершавшие преступлений (группа нормы). N = 20
По отношению к женщинам	4,92	4,33	4,95
По отношению к несовершеннолетним	3,63 a, b	2 a	1,9 b
Преувеличение сексуальных прав	3,7	2,83	3,55
Вовлеченность в сексуальные переживания	5,48 a	2,45 a, c	5,5 c

Примечание. N – число испытуемых в группе; a – различия между группами растлителей с диагностированной педофилией и без педофилии; b – различия между группой нормы и преступниками с педофилией; c – различия между группой нормы и преступниками без педофилии. Статистические различия – на уровне значимости $p < 0,01$.

Как видно из представленных в таблице данных, различия в выраженности когнитивных искажений в сфере сексуальности в первую очередь проявляются в блоке высказываний, касающихся приписывания детям инициативы вступления в сексуальный контакт со взрослым, а также минимизации ответственности растлителя за совершенные действия. Наиболее высокая степень согласия с подобными высказываниями была обнаружена в группе преступников с диагностированной педофилией. Достоверные статистические различия были получены при сравнении группы педофилов как с группой растлителей без педофилии ($p < 0,01$), так и с группой нормы ($p < 0,01$).

Полученные результаты позволяют нам рассматривать выраженность когнитивных искажений, приписывающих детям желание вступить в половой контакт со взрослым, как фактор риска, включенный в общий комплекс факторов, способствующих совершению сексуальных действий с несовершеннолетними, а методику SONAR использовать как один из инструментов в дифференциальной диагностике педофилии.

Достоверные различия в выраженности подобных когнитивных искажений также были обнаружены при разделении группы преступников на подгруппы по количеству жертв ($p < 0,05$). Данные результаты могут быть объяснены тем, что единожды совершенное растлителем преступление закрепляет уже имеющиеся ошибки мышления и побуждает его нарушить общественное табу еще раз.

Различий в выраженности когнитивных искажений, связанных с приписыванием женщине желания быть изнасилованной и минимизацией ответственности, напротив, не обнаруживается. Испытуемые всех групп демонстрируют уровень согласия с высказываниями выше среднего, что подтверждает проводимые ранее исследования [7]. Статистические различия не были выявлены при разделении группы преступников, исходя

из вменяемой им уголовной статьи, а также при сопоставлении обобщенной группы преступников и группы нормы. Не оказывает влияния на выраженность подобных искажений и образовательный уровень испытуемых. Небольшая разница по некоторым высказываниям, но не по общим показателям, обнаруживается, если растлителей разделить на группы по признаку проживания с постоянным сексуальным партнером, супругом ($p < 0,05$). Лицам, проживающим с постоянным партнером, в меньшей степени свойственно интерпретировать отказ женщины вступать в сексуальную связь как игровой, что, вероятно, объясняется наличием опыта неформальной, эмоционально насыщенной коммуникации с лицами женского пола (в выборке не были представлены лица, проживающие с партнером своего пола).

Различий между группами не выявлено также при сопоставлении показателей блока «Сексуальная саморегуляция» в той его части, где речь идет об оценке сексуальных прав мужчин и степени сексуального контроля над сексуальными желаниями.

Описанные выше результаты подтверждают распространенность стереотипов, приписывающих женщине желание быть изнасилованной и снижающих степень ответственности за насилие мужчины. Следствием подобных стереотипов становятся установки, закрепляющие за мужчиной право доминировать в сексуальной сфере и даже быть агрессором, а мужское влечение понимается как требующее удовлетворения в первую очередь. По мнению ряда авторов, в плане долгосрочной профилактики одним из способов снижения гендерной агрессии в обществе могли бы стать просветительские программы по данной проблематике, интегрируемые в структуру образования, а также распространяемые через СМИ [2; 5].

Показатели вовлеченности в сексуальные переживания в трех группах свидетельствуют, что растлители без педофилии в чуть меньшей степени склонны приписывать мужчине доминантную роль. Эта тенденция соотносится с результатами, полученными при интерпретации данных второй части блока «Сексуальная саморегуляция», где были обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,01$) между растлителями без сексологического диагноза и группами педофилов и нормы. В частности, растлители без диагностированной педофилии реже, чем представители двух других групп, обсуждают с окружающими темы, связанные с сексом ($p < 0,01$), реже посещают стриптиз-клубы ($p < 0,05$), реже, чем представители группы нормы, просматривают порнографические материалы ($p < 0,01$). Вероятно, подобные результаты можно объяснить внутренними конфликтами в восприятии темы сексуальности. В отличие от педофилов, чье влечение к детям является постоянным и во многом исключает нормативное влечение к взрослому объекту, представители данной группы совершили сексуальное преступление против ребенка, несмотря на то, что не испытывают постоянного влечения к детям. Влечение к ребенку, вероятно, было ситуативным и определялось большей доступностью сексуального объекта. Конфликтность восприятия сексуальной сферы, а также особенности восприятия судебно-следственной ситуации и желание выглядеть более социально положительным, вероятно, заставляет преступников без педофилии показывать низкий уровень вовлеченности в сексуальные переживания.

Полученные результаты подтверждают значимость фактора когнитивных искажений в сфере сексуальности при оценке рисков совершения сексуальных преступлений. Клинический аспект исследования позволяет в дальнейшем использовать методику SONAR как дополнительный инструмент в дифференциальной диагностике педофилии. Результаты также свидетельствуют о широкой распространенности в обществе стереотипов, связанных с минимизацией ответственности мужчины за совершенное сексуальное насилие по отношению к женщине. Статья открывает дискуссию о возможностях профилактики мужского агрессивного сексуального поведения через просветительскую деятельность в вопросах гендера и сексуальности.

Литература

1. Александров А.А. Интегративная психотерапия. СПб.: Питер, 2009. 352 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 318 с.
3. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гутник А.Д. и др. Особенности социальных представлений о сексуальном насилии: «Маньяк» и «Жертва» глазами молодых мужчин и женщин [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2046.phtml> (дата обращения: 03.04.2014).
4. Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций. Современное состояние проблемы [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2891.phtml> (дата обращения: 03.04.2014).
5. Кон И.С. Сексология. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 384 с.
6. Серов А.Д., Сыроквашина К.В. Когнитивные искажения как фактор, используемый при оценке риска противоправного сексуального поведения по отношению к несовершеннолетним [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2057.phtml> (дата обращения: 26.03.2014).
7. Серов А.Д., Сыроквашина К.В., Басинская И.А. Установки по отношению к жертве у сексуальных правонарушителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40911.shtml> (дата обращения: 26.03.2014).
8. Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. М.: Триада- X, 1999. 460 с.
9. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. 560 с.
10. Auburn T. Cognitive distortions as social practices: an examination of cognitive distortions in sex offender treatment from a discursive psychology perspective // Psychology, Crime, Law. 2010. Vol. 16. P. 459–466.
11. Bem S. Sex role adaptability: one consequence of psychological androgyny // Journal of Pers. and Soc. Psychology. 1975. Vol. 31. P. 634–643.
12. Burn M.F., Brown S. A review of the cognitive distortions in child sex offenders: An examination of the motivations and mechanisms that underlie the justification for abuse // Aggression and Violent Behavior. 2006. № 11. P. 225–236.
13. Graig L.A., Brown K.D., Beech A.R. Assessing Risk in Sex Offenders: A Practitioner's Guide. Birmingham: John Wiley and Sons, 2008. 270 p.
14. Hanson K., Harris A. The Sex Offender Need Assessment Rating (SONAR): A Method for Measuring Change in Risk Levels, Correction Research. 2000 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/sx-ffndr-nd/sx-ffndr-nd-eng.pdf> (accessed 26.03.2014).
15. Hocket J.M. An Umbrella of Dominance? An Examination of Oppressive Beliefs in the Context of Rape. Kansas State University. 2009 [Электронный ресурс] // URL: <https://krex.k-state.edu/dspace/handle/2097/1644> (accessed 26.03.2014).
16. Lonsway K.A., Fitzgerald L.F. Rape myths // Psychology of Women Quarterly. 1994. № 18. P. 133–164.
17. Murphy W.D. Assessment and Modification of Cognitive Distortions in Sex Offenders // Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender. N.Y.: Plenum Press, 1990. 405 p.
18. Pervan S., Hunter M. Cognitive distortions and social self-esteem in sexual offenders // Applied Psychology in Criminal Justice. 2007. № 3. P. 75–91.

Evaluation of Cognitive Sexual Distortions in Persons Who have Committed Sex Crimes Against Minors

Serov A.D.,

Postgraduate Student, Chair of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, serov-up@narod.ru

We provide a definition of the concept of "cognitive distortions in the sexual sphere," reveal the relevance of the study of these distortions in the context of sexual offenses against minors. We briefly review the literature of research on the subject. We describe a research, the aim of which was to study a group of individuals who have committed sexual crimes against minors: how homogeneous is the sample in terms of the severity of the distortion. The group was divided into two subgroups: those who have been diagnosed with pedophilia, and those without pedophilia. The norm group also included persons who has never been prosecuted. To assess cognitive distortions in the sexual sphere we used SONAR method (The Sex Offender Need Assessment Rating). The obtained results confirm the importance of the factor of cognitive biases in the field of sexuality in the assessment of sexual crimes risk, as well as in the differential diagnosis of pedophilia.

Keywords: cognitive distortions, personality of the sexual offender, pedophilia, sexual deviation, sexual offenses.

References

1. Aleksandrov A.A. Integrativnaya psikhoterapiya [Integrative Psychotherapy]. St. Petersburg: Piter, 2009. 352 p.
2. Bern Sh. Gendernaya psikhologiya [Gender Psychology]. Moscow: OLMA-PRESS, 2002. 318 p.
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gutnik A.D., Rikel' A.M. Osobennosti sotsial'nykh predstavlenii o seksual'nom nasilii: "Man'yak" i "Zhertva" glazami molodykh muzhchin i zhenshchin [Elektronnyi resurs] [Social Representations of Sexual Abuse: Maniac and Victim through the Eyes of Young Men and Women]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2011, no. 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2046.phtml> (Accessed 03.04.2014).
4. Enikolopov S.N., Khvostova E.S. Vzgl'yady na intsest v kontekste raznykh kul'tur i traditsii. Sovremennoe sostoyanie problemy [Elektronnyi resurs] [Perceptions of incest in the context of different cultures and traditions. Modern state of the problem]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2012, no. 2. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2891.phtml> (Accessed 03.04.2014).
5. Kon I.S. Seksologiya [Sexology]. Moscow: Akademiia, 2004. 384 p.
6. Serov A.D., Syrokvashina K.V. Kognitivnye iskazheniya kak faktor, ispol'zuemyi pri otsenke riska protivopravnogo seksual'nogo povedeniya po otnosheniyu k nesovershennoletnim [Cognitive Distortions as a Factor Used in Assessing the Risk of Unlawful Sexual Conduct towards Minors]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2011, no. 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2057.phtml> (Accessed 26.03.2014).
7. Serov A.D., Syrokvashina K.V., Basinskaya I.A. Ustanovki po otnosheniyu k zhertve u seksual'nykh pravonarushitelei [Elektronnyi resurs] [Sexual Offenders' Settings Towards a Victim]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2011, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40911.shtml> (Accessed 26.03.2014).
8. Tkachenko A.A. Seksual'nye izvrashcheniya – parafilii [Sexual perversions - paraphilias]. Moscow: Triada- Kh, 1999. 460 p.

9. Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V. *Sudebnaya seksologiya* [Forensic sexology]. Moscow: Meditsina, 2001. 560 p.

10. Auburn T. Cognitive Distortions as Social Practices: an Examination of Cognitive Distortions in Sex Offender Treatment from a Discursive Psychology Perspective. *Psychology, Crime & Law*, 2010. Vol. 16, pp. 459–466.

11. Bem S. Sex role adaptability: one consequence of psychological androgyny. *Journal of Pers. and Soc. Psychology*, 1975. Vol. 31, pp. 634–643.

12. Burn May F., Brown S. A review of the cognitive distortions in child sex offenders: An examination of the motivations and mechanisms that underlie the justification for abuse. *Aggression and Violent Behavior*, 2006, no. 11, pp. 225–236.

13. Graig Leam A., Brown Kevin D., Beech Anthony R. *Assessing Risk in Sex Offenders: A Practitioner's Guide*. Birmingham: John Wiley & Sons. 2008. 270 p.

14. Hanson K., Harris A. The Sex Offender Need Assessment Rating (SONAR): A Method for Measuring Change in Risk Levels, correction research, 2000. Available at: <http://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/sx-ffndr-nd/sx-ffndr-nd-eng.pdf> (Accessed 26.03.2014).

15. Hocket Jericho M. *An Umbrella of Dominance? An Examination of Oppressive Beliefs in the Context of Rape*. Kansas State University, 2009. Available at: <https://krex.k-state.edu/dspace/handle/2097/1644> (Accessed 26.03.2014).

16. Lonsway K.A., Fitzgerald L.F. Rape myths. *Psychology of Women Quarterly*, 1994, no. 18, pp. 133–164.

17. Murphy W.D. Assessment and Modification of Cognitive Distortions in Sex Offenders. *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender*. N.Y.: Plenum Press. 1990. 405 p.

18. Pervan S., Hunter M. Cognitive distortions and social self-esteem in sexual offenders. *Applied Psychology in Criminal Justice*, 2007, no. 3, pp. 75–91.

Методика оценки психического состояния другого по выражению глаз у подростков в норме и при шизофрении

Румянцева Е.Е.,

младший научный сотрудник отдела медицинской психологии, ФГБУ Научный центр психического здоровья РАМН, Москва, Россия, rumyantsewa@gmail.com

Самарина Т.Н.,

Секретарь ООО «ВИРЕЙ-КАПИТАЛЬНЫЙ», Москва, Россия, tatyana_nikolaevna.s@mail.ru

Описывается исследование с участием 72 психически здоровых подростков (13–17 лет), 24 юношей (15±1,4 лет), 48 девушек (15±1,4 лет), и 8 подростков (13–18 лет), 6 юношей (15±1,9 лет) и 2 девушек (16±2,1 лет), перенесших ранее приступ шизофрении (F 20, МКБ-10) и находившихся на момент обследования в состоянии ремиссии. Проверялась гипотеза о различии уровня развития модели психического в разных группах подростков. Исследование проводилось с помощью теста «Чтение психического состояния другого по взгляду» и «Теста социального интеллекта Гилфорда–Салливена». Выяснилось, что психически здоровые подростки лучше выстраивают модель психического другого человека, чем подростки, больные шизофренией ($U=102$, $p\leq 0,05$). В группе психически здоровых девушек обнаружена статистически достоверная взаимосвязь между пониманием модели психического по взгляду и социальным интеллектом ($r=0,6$; $p=0,01$). Использованный тест оказался репрезентативным инструментом для исследования модели психического в разных группах подростков.

Ключевые слова: модель психического, тест «Чтение психического состояния другого по взгляду», подростковый возраст, шизофрения, социальный интеллект.

Для цитаты:

Румянцева Е.Е., Самарина Т.Н. Методика оценки психического состояния другого по выражению глаз у подростков в норме и при шизофрении [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Rumyantseva_Samarina.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Rumyantseva E.E., Samarina T.N. Methods of assessing the mental state of the others by the expression of the eyes of adolescents in health and schizophrenia [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Rumyantseva_Samarina.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Современных исследователей привлекает проблема становления и развития модели психического (theory of mind). Обладающий моделью психического субъект имеет представление о своем ментальном мире и ментальном мире других. Он способен воспринимать как свои собственные переживания, чувства, намерения, знания, так и переживания других людей. Процесс формирования модели психического начинается в раннем возрасте и продолжается всю жизнь [3; 15]. Высокий уровень организации модели психического предполагает способности к наиболее адекватному пониманию

и прогнозированию поведения окружающих с учетом контекста ситуации и представлений об их индивидуально-личностных особенностях [3; 7]. Основные аспекты модели психического формируются к трем-пяти годам [15]. По мере приобретения человеком большего психологического опыта в течение жизни формируется и усложняется его модель психического, человек становится более компетентным в понимании другого [3].

Рассматривая понятие «модель психического», необходимо также описать понятие «социальный интеллект». Структура социального интеллекта состоит из социальной сензитивности, социальной перцепции, социальной памяти и социального мышления. Формирование социального интеллекта стимулируется началом школьного обучения. В этот период увеличивается круг общения ребенка, развиваются его сензитивность, социально-перцептивные способности [12].

При ряде психических заболеваний отмечается снижение способности выстраивать модель психического, это устойчиво регистрируется у детей с заболеваниями аутистического спектра [15; 20; 21]. Последствиями нарушений данной способности часто являются сниженная социальная адаптация, низкие способности адекватного взаимодействия с окружающими. Для больных шизофренией характерно снижение социального интеллекта и социальной адаптации [10; 14], данному заболеванию свойственны психический дизонтогенез [4], нарушения общения [8], снижение способности к построению модели психического [1; 19]. Предполагается, что эти нарушения – характерный для шизофрении эндофенотип [1; 21]. Нарушения общения – важная составляющая патопсихологического синдрома шизофренического дефекта [8]. Отечественные исследователи полагают, что психологическая основа аутизма при шизофрении – нарушение потребности в общении, снижение социальной направленности, следствием этого оказывается снижение социальной перцепции [8]. Изучалась проблема влияния понимания ментального мира другого человека на социальный интеллект и социальное функционирование при шизофрении, обнаружена недостаточная способность к пониманию намерений и позиции другого человека [14].

В подростковом возрасте ведущей деятельностью является общение со сверстниками [18], в связи с этим исследование развития модели психического у подростков является актуальной проблемой. В проведенном нами исследовании была предпринята попытка изучить модель психического у подростков в норме и при шизофрении. Основной диагностической методикой стал тест «Понимание психического состояния другого по взгляду» (оригинальное название методики «Reading the Mind in the Eyes», сокращенные варианты написания названия методики «Eyes test») [13], использовался также «Тест социального интеллекта Гилфорда–Салливена» [11].

Нами были сформулированы следующие гипотезы исследования:

- 1) тест «Понимание психического состояния другого по взгляду» является репрезентативным инструментом для измерения модели психического у подростков – как психически здоровых, так и перенесших приступ шизофрении;
- 2) в развитии модели психического имеется возрастная динамика, и в подростковом возрасте происходит ее качественное развитие.

Программа исследования

Мы обследовали 72 подростка в возрасте от 13 до 17 лет, обучающиеся в ГБОУ СОШ № 1222 – 24 юноши ($15 \pm 1,4$ лет) и 48 девушек ($15 \pm 1,4$ лет) (сплошное обследование всех учащихся подростков с VII по XI классы); 8 подростков в возрасте от 13 до 18 лет, перенесших ранее приступ шизофрении (F 20, МКБ-10) и находившихся на момент обследования в состоянии ремиссии, которые обучаются в ГБОУ СОШ открытого типа для девиантных подростков № 2 – 6 юношей ($15 \pm 1,9$ лет) и 2 девушек ($16 \pm 2,1$ лет) (сплошное

обследование всех учащихся подростков с VII по XI классы, перенесших приступ шизофрении).

Для выявления особенностей модели психического использовался тест «Чтение психического состояния другого по взгляду», направленный на диагностику понимания ментального состояния человека по его взгляду. Всего методика включает в себя 36 карточек для тестирования и 1 карточку для объяснения задания. На карточках представлена область вокруг глаз разных актеров (мужчины и женщины представлены в равном количестве), испытывающих разные эмоции и чувства. К каждой карточке предлагается четыре слова, описывающих различные психические состояния человека, и только одно слово является правильным ответом, остальные три – фоновые. Нормативные результаты по этому тесту: 22–30 баллов. Больше 30 баллов – очень хорошее понимание модели психического, ниже 22 баллов – снижение способности к пониманию модели психического [20; 21]. На русском языке апробация данной методики началась в 2010 г., данные сравнимы с данными авторов оригинальной методики, типичные ответы 22–30 баллов (средний балл у мужчин – $27,6 \pm 2,2$; у женщин – $27,3 \pm 3$) [13].

В исследовании методика «Чтение психического состояния другого по взгляду» применялась в двух вариантах.

Первый вариант – модифицированный – предъявлялся без выбора ответа, испытуемые должны были сами определить эмоциональное состояние человека. Взрослые, больные шизофренией, испытывают более сильные затруднения при выполнении заданий открытого типа [9]. Данная модификация методики позволяла проверить, наблюдаются ли подобные тенденции у подростков. Ответы анализировались в соответствии с классификацией эмоций, составленной экспертной группой на основе базовых эмоций [4; 17].

После интерференции (предъявление других методик) проводился второй вариант предъявления, который подразумевал выбор испытуемыми из четырех вариантов ответа верного определения состояния человека, изображенного на карточке.

Для определения состояния социального интеллекта использовался «Тест социального интеллекта Гилфорда–Салливена», который включал в себя четыре субтеста. Субтест «Истории с завершением» измерял способность предвидеть последствия поведения в определенной ситуации, предсказать то, что произойдет в дальнейшем. Субтест «Группы экспрессии» измерял способность к логическому обобщению, выделению общих существенных признаков в различных невербальных реакциях человека. Субтест «Вербальная экспрессия» измерял способность понимать изменение значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации. Субтест «Истории с дополнением» измерял способность понимать логику развития ситуаций взаимодействия и значение поведения людей в этих ситуациях. Выполнение теста оценивается в баллах, которые переводились в стандартные значения. Результаты подсчитывались по каждому субтесту в отдельности и по всему тесту в целом (композитная оценка) [12].

Статистический анализ проводился с помощью программы STATISTICA 8, производилось межгрупповое сравнение с применением метода Манна–Уитни, расчета коэффициентов корреляции Пирсона. Также производился качественный анализ ответов испытуемых.

Результаты и их интерпретация

После проведения подсчетов были получены следующие результаты.

По сравнению с остальными испытуемыми контрольной группы юноши в возрасте 13–14 лет дают наименьшее количество правильных определений эмоционального состояния человека в первом предъявлении методики «Чтение психического состояния другого по

взгляду». Девушки из контрольной группы в возрасте 15–17 лет дают наибольшее количество верных ответов по сравнению с другими группами. Результаты контрольной группы представлены в табл. 1.

Таблица 1

Средние баллы правильных ответов (%) по методике «Eyes test» в первом варианте предъявления. Контрольная группа

Параметр	Характеристика группы			
	Девушки	Девушки	Юноши	Юноши
Пол	Девушки	Девушки	Юноши	Юноши
Возраст (лет)	13–14	15–17	13–14	15–17
Количество испытуемых (чел.)	23	26	13	10
Процент правильных ответов	16	22	10	16

Средний балл выполнения методики у испытуемых, больных шизофренией, попадает в зону сниженных способностей к пониманию модели психического. Данный вариант предъявления методики «Чтение психического состояния другого по взгляду» вызывает трудности при выполнении у подростков с шизофренией в любом возрасте. Результаты подростков, перенесших приступ шизофрении, приведены в табл. 2.

Таблица 2

Средние баллы правильных ответов (%) по методике «Eyes test» в первом варианте предъявления. Группа подростков, больных шизофренией

Параметр	Характеристика группы		
	13–18	13–15	16–18
Возраст (лет)	13–18	13–15	16–18
Количество испытуемых (чел.)	8	5	3
Средний балл	5	6	5
Минимальный балл	3	3	4
Максимальный балл	11	11	6
Процент правильных ответов	15	16	13

В контрольной группе самые низкие результаты по методике «Чтение психического состояния другого по взгляду» во втором варианте предъявления были обнаружены в группе младших юношей (табл. 3).

Таблица 3

Средние оценки правильных ответов (%) по методике «Eyes test» во втором варианте предъявления. Контрольная группа

Параметр	Характеристика группы			
	Девушки	Девушки	Юноши	Юноши
Пол	Девушки	Девушки	Юноши	Юноши
Возраст (лет)	15–17	13–14	15–17	13–14
Количество	25	23	10	13

(чел.)								
Вариант методики	1-й	2-й	1-й	2-й	1-й	2-й	1-й	2-й
Процент правильных ответов	22	71	16	70	16	69	10	58

При делении контрольной группы по полу оказалось, что наиболее низкий балл за выполнение методики «Чтение психического состояния другого по взгляду» во втором варианте предъявления получили младшие юноши (13–14 лет). Самый высокий уровень выполнения показали старшие девушки (15–17 лет). Результаты подростков, перенесших приступ шизофрении, приведены в табл. 4.

Таблица 4

Таблица баллов по выполнению методики «Eyes test» с предложением четырех вариантов ответа. Группа подростков, больных шизофренией

Параметр	Характеристика группы			
	Девушки	Девушки	Юноши	Юноши
Пол				
Возраст (лет)	13–14	15–17	13–14	15–17
Количество (чел.)	23	25	13	11
Баллы	25±4	26±3	21±3	25±4

Средний балл выполнения методики «Чтение психического состояния другого по взгляду» во втором варианте предъявления у здоровых испытуемых попадает в зону типичных значений [13] понимания лицевой экспрессии в области вокруг глаз. У подростков, перенесших приступ шизофрении, были получены данные, схожие с нормой по влиянию возрастной динамики на результаты: более старшие подростки справляются с методикой «Чтение психического состояния другого по взгляду» во втором варианте предъявления лучше, чем младшие. Данные приведены в табл. 5.

Таблица 5

Сравнение средних баллов по выполнению методики «Eyes test») между группами здоровых подростков и подростков с шизофренией

Параметр	Подростки, перенесшие приступ шизофрении	Психически здоровые подростки
Средний балл	20±4,1	24,5±3,9
Минимальный балл	12	15
Максимальный балл	24	32

В возрасте 13–15 лет подростки, перенесшие приступ шизофрении, справляются с методикой хуже, чем в возрасте 16–18 лет. Результаты приведены в табл. 6.

Таблица 6

**Средние оценки по выполнению методики «Eyes test» с предложенными вариантами ответов
в зависимости от возраста**

Параметр	Характеристика группы		
	Пол	Девушки	Юноши
Возраст (лет)	13–18	13–15	16–18
Средний балл	20	18,8	21,2
Минимальный балл	12	12	17
Максимальный балл	24	24	24

Рассматривать половые различия в данной работе не вполне корректно ввиду малого количества девушек, но мы заметили, что среди больных шизофренией подростков девушки справляются с методикой лучше юношей. Средний балл девушек – 22,5 (минимальный 21, максимальный 24), средний балл юношей – 19,2 (минимальный 12, максимальный 24).

Обнаружены статистически достоверные различия в понимании модели психического при выполнении теста «Чтение психического состояния другого по взгляду» с вариантами ответов между выборками здоровых и больных шизофренией испытуемых с помощью критерия Манна–Уитни ($U=102$; $p \leq 0,05$).

В обеих группах испытуемые лучше справляются с методикой «Чтение психического состояния другого по взгляду» во втором варианте предъявления (с выбором ответа), а первый вариант предъявления (со свободными ответами) вызывает много трудностей, особенно в группе подростков, перенесших приступ шизофрении. Они дают однообразные и примитивные ответы.

Мы провели сравнение ответов испытуемых по «Тесту социального интеллекта». Результаты представлены в табл. 7.

Таблица 7

Ответы испытуемых на «Тест социального интеллекта»

Группа испытуемых	Сырые баллы				
	Г-С к.о.	Г-С 1	Г-С 2	Г-С 3	Г-С 4
Норма	28±5,7	9±2,6	7±2,1	8±3,2	5±1,7
Больные подростки	21±5,3	7±2,4	5±1,9	5±1,8	4±1,8
Группа испытуемых	Стандартные баллы				
	Г-С к.о.	Г-С 1	Г-С 2	Г-С 3	Г-С 4
Норма	3±0,6	3±0,6	3±0,6	3±1,0	3±0,6
Больные подростки	1±0,6	2±0,6	2±0,7	2±0,5	2±0,6

Найдена статически достоверная корреляция результатов методики «Чтение психического состояния другого по взгляду» с композитной оценкой «Теста социального интеллекта Гилфорда–Салливена» в группе психически здоровых девушек ($r=0,6$; $p=0,01$), результаты представлены на рис.

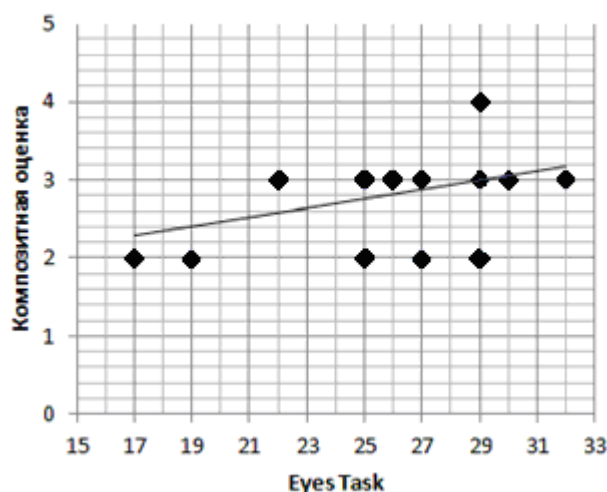

Рис. Положительная корреляция композитной оценки теста социального интеллекта с баллами по методике Eyes test среди девушек 15–17 лет

Таким образом, с первым вариантом предъявления методики «Чтение психического состояния другого по взгляду» (без предложенных вариантов ответа) все группы испытуемых справляются хуже, чем со вторым (четыре предложенных варианта ответа). Однако вариант предъявления почти не оказывает влияния на групповые тенденции выполнения методики «Чтение психического состояния другого по взгляду», в обоих вариантах предъявления лучше справляются психически здоровые девушки в возрасте 15–17 лет. Средние значения баллов по выполнению методики «Чтение психического состояния другого по взгляду» (с вариантами ответов) у здоровых подростков выше, чем у подростков, больных шизофренией (табл. 5).

Согласно полученным данным, в период от 13 до 17 лет у подростков развивается модель психического. У девушек она к 13 годам лучше сформирована, чем у юношей в возрасте 13 лет. Подростки по мере взросления лучше справляются с методикой; подобные тенденции были обнаружены и другими исследователями [3]. Это связано с тем, что у подростков накапливается больше знаний об отношениях между людьми, они научаются лучше понимать различные аспекты и нюансы социальных взаимоотношений. В выборке девушек в возрасте 15–17 лет обнаружена связь модели психического с социальным интеллектом. По некоторым данным, «женщины более склонны к эмпатии, чем мужчины» [6, с. 68]. Но существуют исследования, не обнаружившие устойчивой разницы между полами в понимании эмоциональной экспрессии в верхней части лица [20], влияние пола на оценку «глубинных» индивидуально-психологических особенностей личности также не обнаруживается [2].

В данных группах испытуемых выявлены разные уровни развития модели психического: уровень развития модели психического у здоровых подростков выше, чем у подростков с шизофренией.

Выводы

1. Тест «Чтение психического состояния другого по взгляду» является репрезентативным инструментом для оценки развития модели психического у подростков в норме и у подростков, перенесших приступ шизофрении.
2. Обнаружена вариативность выполнения методики испытуемыми
3. в зависимости от сложности задания, более сложный вариант методики вызывает больше затруднений.
4. В обеих группах испытуемых существует взаимосвязь между возрастом испытуемых и результатами выполнения методики. Подростки более старшего возраста успешней справляются с пониманием психического состояния другого человека.
5. Больные шизофренией подростки имеют сниженные способности к пониманию модели психического на основании лицевой экспрессии в области вокруг глаз.

Авторы выражают благодарность ведущему научному сотруднику лаборатории медицинской психологии ФГБУ НЦПЗ РАМН, профессору ГБОУ ВПО МГППУ Н.В. Зверевой, сотрудникам ГБОУ СОШ № 1222, ГБОУ СОШ открытого типа для девиантных подростков № 2 за возможность проведения исследования.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №14-36-01309 «Культурная специфичность и универсальность нормативных оценок слов и изображений»).

Литература

1. *Алфимова М.В.* Наследственные факторы в нарушениях познавательных процессов при шизофрении: Автореферат дис. ... д-ра психол. наук. М., 2006. 46 с.
2. *Барабанщиков В.А., Майнина И.Н.* Оценка «глубинных» индивидуально-психологических особенностей человека по фотоизображению его лица // Экспериментальная психология. 2010. № 4. С. 50–71.
3. *Гуськова А.В.* Роль «модели психического» при решении мыслительных задач // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 26–35.
4. *Зверева Н.В., Рощина И.Ф.* Проблемы дизонтогенеза в клинической психологии // Культурно-историческая психология. 2008. № 3. С. 39–42.
5. *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 460 с.
6. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002. 544 с.
7. *Колесникова Н.И.* Развитие модели психического в период юности и зрелости: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 29 с.
8. *Критская В.П., Мелешко Т.К.* Патопсихологический синдром шизофренического дефекта // Психиатрия. 2009. № 2. С. 7–15.
9. *Курек Н.С.* Психологическое исследование когнитивного аспекта эмоциональных процессов у больных шизофренией // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1988. № 7. С. 109–113.
10. *Левикова Е.В.* Социальная компетентность подростков, больных шизофренией: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 32 с.
11. *Михайлова (Алешина) Е.С.* Методика исследования социального интеллекта. Руководство по использованию. СПб.: Иматон, 1996. 56 с.
12. *Михайлова Е.С.* Коммуникативный и рефлексивный компоненты и их соотношение в структуре педагогических способностей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1991. 18 с.

13. *Румянцева Е.Е.* Особенности применения теста «Чтение психического состояния по взгляду» («Reading the mind in the eyes») // Научные материалы V съезда Российского психологического общества (Москва, 14–18 февраля 2012 года). Под чей ред ? В скольких томах? Год издания? Место издания? Издательство? Этих сведений у данного сборника конференции нет Т. III. С. 222.

14. *Рычкова О.В., Сильчук Е.П.* Нарушение социального интеллекта у больных шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. № 2. С. 5–15.

15. *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенез человека. М.: ИП РАН, 2009. 415 с.

16. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. 174 с.

17. *Экман П.* Психология эмоций: я знаю что ты чувствуешь: 2-е изд. М.: Питер, 2010. 333 с.

18. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1989. 554 с.

19. *Anselmetti S., Bechi M., Bosia M., Quarticelli C., Ermoli E., Smeraldi E., Cavallaro R.* «Theory» of mind impairment in patients affected by schizophrenia and in their parents // Schizophrenia Research. 2009. Vol. 115. P. 278–85. doi: 10.1016/j.schres.2009.09.018

20. Baron-Cohen S. The essential difference Male and Female brains and the truth about autism. New York: Basic Books, 2004. 272 p.

21. *Baron-Cohen S., Wheelwright S., Hill J. et al.* The «Reading the Mind in the Eyes» Test Revised Version: A study with normal adults, and adults with asperger syndrome or high-functioning autism // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2001. Vol. 42. P. 241–251.

Methods of Assessing the Mental State of the Others by the Expression of the Eyes of Adolescents in Health and Schizophrenia

Rumyantseva E.E.,

Junior Research Associate, Department of Medical Psychology, Federal State Budget Institution "Research Center for Mental Health" of the Russian Academy of Medical Sciences, Moscow, Russia, rumyantsewa@gmail.com

Samarina T.N.,

Psychologist, Moscow, Russia, tatyana_nikolaevna.s@mail.ru

We describe a study involving 72 mentally healthy adolescents (13-17 years), 24 young men ($15 \pm 1,4$ years), 48 women ($15 \pm 1,4$ years) and 8 children (13-18 years), 6 boys ($15 \pm 1,9$ years) and 2 women ($16 \pm 2,1$ years) who had undergone previous episode of schizophrenia (F 20, ICD-10) and at the time of the survey being in remission. We tested the hypotheses about differences in the development of the theory of mind in different groups of adolescents. The study was conducted using test of "Reading the mental state of the other by his gaze" and a test of social intelligence by Gilford and Sullivan. It was found that the healthy adolescents build better mental models of the other person than adolescents with schizophrenia ($U = 102, p \leq 0,05$). In the group of mentally healthy women, we found a statistically significant relationship between the understanding of mind by the gaze and social intelligence ($r = 0,6; p = 0.01$). The used test proved to be a representative tool for the study of mind in different groups of adolescents.

Keywords: theory of mind, test "Reading the mental state of the other by his gaze", adolescence, schizophrenia, social intelligence.

The authors thank N.V. Zvereva (Senior Research Associate, Laboratory of Medical Psychology, Federal State Budget Institution "Research Center for Mental Health" of the Russian Academy of Medical Sciences, Professor, Moscow State University of Psychology & Education), employees of the Secondary General School № 1222 and Open-Type Secondary General School for deviant adolescents №2 for the opportunity to conduct the study.

The study was supported by the Russian Foundation for Humanities (project №14-36-01309 "Cultural specificity and universality of normative ratings for words and pictures").

References

1. Alfimova M.V. Nasledstvennye faktory v narusheniakh poznavatel'nykh protsessov pri shizofrenii. Avtoref. diss. dokt. psikh. nauk. [Hereditary factors in human cognitive processes in schizophrenia. Dr. sci. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 2006. 46 p.
2. Barabanshchikov V.A., Mainina I. N. Otsenka «glubinykh» individual'no-psikhologicheskikh osobennostei cheloveka po fotoizobrazheniiu ego litsa [Evaluation of «depth» individual psychological characteristics from facial photographs]. *Ekspierimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2010, no. 4, pp. 50–71. (In Russ. abst. in Eng.).

3. Gus'kova A.V. Rol' "modeli psikhicheskogo" pri reshenii myslitel'nykh zadach [The role of "theory of mind" in solving of thoughtful problems]. *Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]*, 2008, no. 1, pp. 26–35.
4. Zvereva N.V., Roshchina I.F. Problemy dizontogeneza v klinicheskoi psikhologii [Dysontogenesis problems in clinical psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2008, no. 3, pp. 39–42. (In Russ. abst. in Eng.).
5. Izard K.E. *Psikhologiya emotsii [Psychology of emotions]*. Saint-Petersburg: Piter, 1999. 460 p.
6. Il'in E.P. *Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny [Differential psychophysiology of men and women]*. Saint Petersburg: Piter, 2002. 544 p.
7. Kolesnikova N.I. *Razvitie modeli psikhicheskogo v period iunosti i zrelosti. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [The development of "theory of mind" in the period of youth and maturity. Ph. D. (Psychology) Thesis]*. Moscow, 2012. 29 p.
8. Kritskaia V.P., Meleshko T.K. *Patopsikhologicheskii sindrom shizofrenicheskogo defekta [The patopsychological syndrome of the schizophrenic defect]*. *Psikhiatriia [Psychiatry]*, 2009, no. 2, pp. 7–15.
9. Kurek, N.S. *Psihologicheskoe issledovanie kognitivnogo aspekta jemotsional'nykh processov u bol'nykh shizofreniej [Psychological study of the cognitive aspect of emotional processes in patients with schizophrenia]*. *Zhurnal nevropatologii i psikhiatrii imeni S.S. Korsakova [Journal of Neuropathology and Psychiatry named S.S. Korsakoff's]*, 1988, no. 7, pp. 109–113.
10. Levikova E.V. *Sotsial'naia kompetentnost' podrostkov, bol'nykh shizofreniei. Avtoref. diss. kand. psiol. nauk. [Social competence in adolescents with schizophrenia. Ph. D. (Psychology) Thesis]*. Moscow, 2011. 32 p.
11. Mikhailova (Aleshina) E.S. *Metodika issledovaniia sotsial'nogo intellekta. Rukovodstvo po ispol'zovaniiu [Methodology study of social intelligence]*. Saint Petersburg: Imaton, 1996. 56 p.
12. Mikhailova E.S. *Kommunikativnyi i refleksivnyi komponenty i ikh sootnoshenie v strukture pedagogicheskikh sposobnostei. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Communicative and reflective components and their relation to the structure of pedagogical abilities. Ph. D. (Psychology) Thesis]*. Leningrad, 1991. 18 p.
13. Rummyantseva E.E. *Osobennosti primeneniia testa "Chtenie psikhicheskogo sostoianiia po vzgliadu" ("Reading the mind in the eyes") [Peculiarities in administering of the test "Reading the mind in the eyes"]*. *Nauchnye materialy 5 s"ezda Rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva (Moskva, 14–18 fevralia 2012 g.) [Proceedings of the Fifth Congress of the Russian Psychological Society]*. Moscow, 2012. Vol. III, pp. 222.
14. Rychkova O.V., Sil'chuk E.P. *Narushenie sotsial'nogo intellekta u bol'nykh shizofreniei [Violation of social intelligence in patients with schizophrenia]*. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya [Social and Clinical Psychiatry]*, 2010, no. 2, pp. 5–15.
15. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. *Model' psikhicheskogo v ontogenez cheloveka [Theory of mind in the human ontogenesis]*. Moscow: IP RAN, 2009. 415 p.
16. Lyusin D.V. (eds.) *Sotsial'nyi intellekt: Teoriia, izmerenie, issledovaniia [Social intelligence: Theory, Measurements, studies]*. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2004. 174 p.
17. Ekman P. *Psikhologiya emotsii: ia znaiu chto ty chuvstvuesh' [Psychology of emotions: I know what you feel]*. 2-e izd. Moscow: Piter, 2010. 333 p.
18. El'konin D.B. *Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]*. Davydov V.V. (ed.). Moscow: Pedagogika, 1989. 554 p.
19. Anselmetti S., Bechi M., Bosia M., Quarticelli C., Ermoli E., Smeraldi E., Cavallaro R. "Theory" of mind impairment in patients affected by schizophrenia and in their parents. *Schizophrenia Research*, 2009. Vol. 115, pp. 278–85. doi: 10.1016/j.schres.2009.09.018
20. Baron-Cohen S. *The essential difference Male and Female brains and the truth about autism*. New York: Basic Books, 2004, 272 p.
21. Baron-Cohen S., Wheelwright S., Hil, J., Raste Y., Plumb I. The "Reading the Mind in the Eyes" Test Revised Version: A Study with Normal Adults, and Adults with Asperger Syndrome or High-functioning Autism. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2001. Vol. 42, pp. 241–251.

Изучение отношения к собственной инвалидности слепых и слабовидящих молодых людей с помощью методики «Синквейн»

Щербакова А.М.,

кандидат педагогических наук, профессор факультета клинической и специальной психологии, руководитель НПЦ «Ресурсный центр психологической реабилитации лиц с ОВЗ», ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, scherbakovaam@mgppu.ru

Баскакова Ю.В.,

аспирант факультета клинической и специальной психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, jvbaskakova@gmail.com

В статье обсуждаются вопросы отношения людей с нарушениями зрения к ограниченным возможностям своего здоровья. Обосновывается необходимость поиска нового диагностического инструментария для выявления субъективного восприятия молодыми инвалидами по зрению своего ограничения, связанного с болезнью. Описываются методика «Синквейн» и ее использование в качестве психодиагностического инструментария. Приводятся результаты проведенного авторами исследования, в котором приняли участие 122 инвалида по зрению в возрасте от 18 до 40 лет (по два представителя из 63 регионов Российской Федерации); средний возраст испытуемых составил 28,2 года (29,3 года – для мужчин и 27,2 года – для женщин). На основе полученных результатов делается вывод о том, что «Синквейн» может быть использован в качестве проективной психодиагностической методики при работе с людьми, имеющими проблемы со зрением. Подчеркивается, что эта методика помогает выявить основные психологические проблемы, связанные с восприятием собственной инвалидности. Информация, содержащаяся в статье, будет полезна руководителям и специалистам организаций и учреждений, занимающихся реабилитацией инвалидов по зрению, а также всем тем, кто интересуется актуальными проблемами психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: инвалидность, качество жизни, связанное со здоровьем, нарушения зрения, ограниченные возможности здоровья, психологическая реабилитация, синквейн, слепота.

Для цитаты:

Щербакова А.М., Баскакова Ю.В. Изучение отношения к собственной инвалидности слепых и слабовидящих молодых людей с помощью методики «Синквейн» [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Scherbakova_Baskakova.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Shcherbakova A.M., Baskakova Yu.V. Studying attitude to own disability in blind and visually impaired young people using the technique "Cinquain" [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Scherbakova_Baskakova.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Проблема переживания ситуации болезни

Концепция качества жизни требует учета того, как человек с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) воспринимает свою жизненную ситуацию: имеет ли он возможность удовлетворить актуальные для него потребности, насколько полноценно его социальное функционирование. Такой подход привлекает внимание, прежде всего, к личностному плану переживания ситуации болезни человеком с ОВЗ [1].

Уровень качества жизни лиц с ОВЗ в значительной мере определяется их отношением к своей болезни. Оно проявляется либо в отрицании болезни, либо в рациональном отношении к заболеванию, либо в «уходе в болезнь». Последний вариант выражается в отгороженности, подавленности, в постоянном самоанализе, в уходе от реальных событий и интересов.

Рассматривая ситуацию инвалидности как стрессовую, необходимо в то же время учитывать, что любая стрессовая ситуация способна пробуждать личностные ресурсы и таким образом способствовать формированию продуктивных механизмов совладания с жизненными трудностями.

О сформированности таких механизмов свидетельствуют активная позиция в решении социально-личностных проблем, реализуемая готовность к социальным действиям, направленность на саморазвитие и самореализацию, способность к самоопределению и расширению границ жизнедеятельности.

Для разработки адресной программы психологической реабилитации психологу необходимо выявить характер отношения клиента к ограничениям своих возможностей, связанных с состоянием здоровья [4].

Часто молодые люди с ОВЗ, в том числе с нарушениями зрения, не могут донести свои ощущения и переживания до окружающих людей – близких, друзей, специалистов. Многие юноши и девушки стесняются говорить о своих страхах, напрямую связанных с инвалидностью. Проективные методы диагностики и коррекции способствуют выявлению подобных страхов и их устранению. Однако большая часть проективных методик не может полноценно применяться в работе с инвалидами по зрению, в первую очередь, из-за того, что их выполнение связано с применением видов деятельности, недоступных слепым и слабовидящим. Слепой от рождения человек не может самостоятельно изобразить на листе бумаги даже самые простые вещи, такие как дом, дерево и др. Проведение подобных методик при помощи зрячего ассистента резко снижает качество полученного материала, поскольку ассистент, как и любой человек, может привнести в рисунок что-то свое, более подробно обозначить ту деталь рисунка, которая кажется ему существенной. Именно поэтому актуальной проблемой сегодня является поиск и внедрение проективной методики, позволяющей человеку с ограничениями зрения самостоятельно выполнить задание и дающей возможность оценивать такие особенности слепых и слабовидящих, как внутренняя позиция личности и отношение к собственной инвалидности.

Диагностический инструмент

Целью нашего исследования стало изучение внутренней позиции и отношения молодых инвалидов по зрению в возрасте 18–40 лет к собственным ограничениям с помощью методики «Синквейн». Синквейн (С.) представляет собой пятистрочную стихотворную форму, возникшую в начале XX в. в США под влиянием японской поэзии. Позднее С. использовался как действенный способ развития образной речи, позволяющий быстро получить результат. По мнению ряда методистов, С. может использоваться в качестве инструмента для извлечения сложной информации [2]. Написание С. – это форма свободного творчества.

Впервые использование С. в качестве инструмента психологической диагностики и способ его интерпретации с обращением к лексико-семантическому анализу были предложены А.М. Щербаковой [3]. Мы исходили из того, что в одно и то же понятие разные люди вкладывают различный смысл. Следовательно, выполняя С., человек выражает свое индивидуальное, личное отношение к предложенной теме.

Тематическое единство С. основывается на содержательной и синтаксической связи слов каждой строки.

Первая строка – тема С. – ключевое слово (обычно существительное или местоимение), которое обозначает объект или явление, о котором пойдет речь.

Вторая строка – два-три слова (чаще всего прилагательные или причастия), которые дают описание признаков и свойств выбранного в С. объекта или явления.

Третья строка образована двумя-тремя глаголами или деепричастиями, описывающими характерные действия раскрываемого понятия.

Четвертая строка – фраза из четырех-пяти слов, выражающая личное отношение автора С. к ключевому слову (разрешалось по желанию испытуемого писать и более длинные фразы).

Пятая строка – одно слово-резюме, характеризующее суть рассматриваемого объекта или явления. Через него автор выражает свои чувства или ассоциации с определяемым понятием.

Мы ожидали, что интерпретация результатов, основанная как на содержательном анализе целого С., так и на лексическом анализе последней строки (слова-резюме), позволит выявить отношение человека с ограниченными возможностями здоровья к собственной болезни (инвалидности).

В 2011–2013 гг. в научном исследовании, проведенном под руководством А.М. Щербаковой на базе Негосударственного учреждения «Культурно-спортивный реабилитационный комплекс Всероссийского общества слепых», «Синквейн» как проективный психодиагностический метод был апробирован в работе с молодыми инвалидами по зрению.

Характеристика выборки

В нашем исследовании приняли участие 122 инвалида по зрению в возрасте от 18 до 40 лет (по два представителя из 63 регионов Российской Федерации). Средний возраст испытуемых составил 28,2 года (29,3 года – для мужчин и 27,2 года – для женщин).

По возрастному составу всех участников исследования условно можно разделить на три группы:

- 1) инвалиды по зрению в возрасте 18–25 лет – выпускники школ, студенты средних специальных и высших учебных учреждений, аспиранты;
- 2) инвалиды по зрению в возрасте 26–34 года – молодые специалисты;
- 3) инвалиды по зрению в возрасте 35–40 лет – работающие (как в системе ВОС, так и вне этой системы).

В таблице представлены статистические данные по участникам исследования.

Таблица

Участники исследования

Параметр	Количество человек	Процент от общего числа участников
Женщины	62	51
Мужчины	60	49
С I группой инвалидности	47	39
Со II группой инвалидности	59	48
С III группой инвалидности	16	13
Имеющие ученую степень	2	2
Имеющие высшее образование	48	39
Имеющие неполное высшее образование	16	13
Имеющие среднее специальное образование	40	33
Имеющие среднее полное общее образование	16	13
Работающие в системе ВОС	49	40
Работающие в специализированных библиотеках для слепых и слабовидящих	3	2,5

Большая часть участников исследования (как мужчин, так и женщин) входят в возрастную группу 25–34 года: 41 участница (примерно 66 % от всех женщин) и 31 участник (примерно 52 % от всех мужчин). Вторую по численности группу составляют участники в возрасте от 18 до 24 лет: 17 участниц и 17 участников (примерно 28 % и 29 % всей выборки). Группа участников в возрасте 35–40 лет представлена минимально: 4 участницы (7 % от всех женщин) и 12 участников (примерно 3 % от всех мужчин).

Большая часть участников исследования (как мужчин, так и женщин) имеет инвалидность II группы. Таким образом, в исследовании принимало участие 14 участниц и 16 участников с I группой инвалидности без остаточного зрения, 7 участниц и 10 участников с I группой инвалидности с остаточным зрением, 32 участницы и 27 участников со II группой инвалидности и 9 участниц и 7 участников с III группой инвалидности.

Ход исследования

Апробация методики «Синквейн» в качестве инструмента диагностики проходила в два этапа.

На первом этапе испытуемым предлагалось составить С., первым (основным) словом которого является слово «инвалидность». К концу первого этапа исследования нам удалось выделить и описать основные требования к использованию С. как психодиагностической методики.

На втором этапе мы выделили и описали основные принципы использования С. в качестве психодиагностической методики.

В ходе первого этапа удалось получить 113 С. Из всех испытуемых 7 человек сообщили о том, что задание было им непонятно, 2 человека отказались от выполнения задания, мотивируя свой отказ нежеланием писать что-либо по поводу феномена инвалидности в целом и собственной инвалидности в частности.

Одной из проблем, с которой мы столкнулись в процессе использования С. как психодиагностической методики, оказалась постановка задачи, инструкция.

Первоначально испытуемым давалась стандартная инструкция без каких-либо пояснений: «Вам необходимо составить синквейн на заданную тему. Синквейн представляет собой стихотворение из пяти строк, составленное по определенным правилам. Первая строка – это существительное, предмет, о котором пойдет речь. В нашем случае – это слово «инвалидность». Вторая строка – это два слова (прилагательные), определяющие признак выбранного предмета. Третья строка – это три глагола или деепричастия, описывающие действие предмета. Четвертая строка – это предложение из трех-пяти слов, описывающее предмет (ваше мнение о предмете). Пятая строка – это короткое резюме (одно слово), подводящее итог вашего стихотворения».

После обработки результатов стало понятно, что многие из испытуемых не понимают подобную инструкцию. Так, например, испытуемый М., 23 года, заявил о том, что «лучше приводить несколько примеров, как именно надо делать, чем просто произносить команды, записанные в руководстве». Испытуемая Я., 30 лет, предложила «внести в текст инструкции пояснение хотя бы к некоторым строкам, например, к предпоследней и последней».

К моменту второй пробы инструкции была скорректирована. В нее были включены не только конкретные пояснения к каждой из строк С., но и три примера. Число примеров было выбрано не случайно. Дело в том, что примерно треть испытуемых понимала смысл задания только после того, как было приведено хотя бы два примера С. на разные темы. Испытуемая М., 36 лет, предложила «добавить в инструкцию примеры синквейнов, отличных друг от друга, например, когда вместо прилагательных во второй строке – причастия, а вместо глаголов – деепричастия».

Ниже приведен текст инструкции после ее доработки с учетом анализа полученных данных и мнений участников исследования.

«Вам необходимо написать синквейн на заданную тему. Синквейн представляет собой стихотворение из пяти строк, написанное по определенным правилам. Первую строку синквейна образует одно существительное или местоимение, которое и является темой синквейна, т. е. тем предметом, о котором пойдет речь.

Например, выберем первой строкой синквейна слово «Весна». Предмет синквейна должен отвечать на вопрос: «Что?» или «Кто?». В нашем случае, *что?* – весна. Вторую строку синквейна составляют два определения (прилагательных или причастия), которые характеризуют признак выбранного предмета. Прилагательные или причастия отвечают на вопрос: «Какой?». В нашем примере: «Весна» – *какая?* – ранняя, нежная. Третья строка представлена тремя глаголами или деепричастиями, обозначающими действие предмета, т. е. отвечающими на вопрос «Что делает?», «Что сделает?». В нашем примере: «Весна» – *что делает?* – согревает, пробуждает, растапливает. Четвертая строка синквейна – это предложение из трех или пяти слов, в котором автор высказывает свое отношение к понятию и отражающее основную суть предмета. Например, «Весна – самое красивое время года». Пятая, последняя строка синквейна, представляет собой одно слово, обычно существительное, через которое человек выражает свои чувства, ассоциации, связанные с данным понятием. В нашем примере – это слово «любовь». Таким образом, мы получаем синквейн на тему «Весна»:

Весна.
Ранняя, нежная.
Согревает, пробуждает, растапливает.
Это самое красивое время года.
Любовь.

Рассмотрим еще несколько примеров синквейнов на различные темы:

1. Любовь.
Сказочная, фантастическая.
Приходит, окрыляет, убегает.
Удержать ее умеют единицы.
Мечта.
2. Жизнь.
Активная, бурная.
Воспитывает, развивает, учит.
Дает возможность реализовать себя.
Искусство».

В ходе обработки полученных С. мы придерживались двух основных направлений: первое – анализ целого С., второе – лексический анализ последней строки С.

Целые С. по содержанию были разделены нами на шесть основных групп:

принимаящий С. – минимум три строки С. носят позитивный характер;

негативный С. – минимум три строки С. носят негативный характер;

нейтральный С. – минимум три строки С. носят нейтральный характер;

скорее принимающий С. – максимум две строки С. носят нейтральный характер, а остальные – позитивный;

скорее негативный С. – максимум две строки С. носят нейтральный характер, а остальные – негативный;

внутренний конфликт – две строки С. носят принимающий характер, а две другие – негативный характер.

Ниже приведены примеры каждого из выделенных нами видов С.

Принимающий С.:

Инвалидность.

Сложная, целеустремляющая.

Заставляет бороться, искать, находить.

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Борьба.

Негативный С.:

Инвалидность.

Нелегкая, нежелательная.

Ограничивает, меняет, отталкивает.

Что-то дает, что-то меняет.

Огорчение.

Нейтральный С.:

Инвалидность.

Ищущая, приходящая.

Заставляет чувствовать, понимать, находить.

Учит принимать окружающую действительность.

Понимание.

Скорее принимающий С.:

Инвалидность.

Безысходная, требующая.

Заставляет стремиться, бороться, добиваться.

Несмотря на недуг нельзя опускать руки.

Помощь.

Скорее негативный С.:

Инвалид.

Осторожный, неуверенный.

Предусматривает, добивается, совершенствуется.

Недоступность того, что хочется.

Осложненность.

Внутренний конфликт:

Инвалидность.

Неизбежная, ограничивающая.

Мешает, сплачивает, организует.

Я отношусь к этому спокойно.

Большое ограничение.

Описание результатов и их обсуждение

Первый этап исследования. Большее число С. (35 % у женщин и 37,7 % у мужчин) являются принимающими. Второе место по выраженности у мужчин занимают скорее принимающие С. (18 %), а у женщин – С., указывающие на внутренний конфликт (18 %). На третьем месте у мужчин находятся нейтральные С. (10 %), у женщин – негативные С. (13,1 %) По 8,2 % от всего числа С. приходятся у мужчин на негативные С., а у женщин – на

нейтральные С. По 3,4 % приходится на С., показывающие внутренний конфликт, у мужчин и на скорее негативные С. у женщин. Не поняло смысл задания при его выполнении больше мужчин, чем женщин.

Таким образом, более половины мужчин демонстрируют принимающее и скорее принимающее отношение к инвалидности (55,7 %), а негативное и характеризующееся внутренним конфликтом отношение проявляют чуть больше десятой части испытуемых (11,6 %). Доля женщин с принимающей оценкой своей инвалидности существенно меньше, в то время как негативное, скорее негативное и проявляющее внутренний конфликт отношение можно констатировать у трети женщин, участвовавших в исследовании (34,5 %).

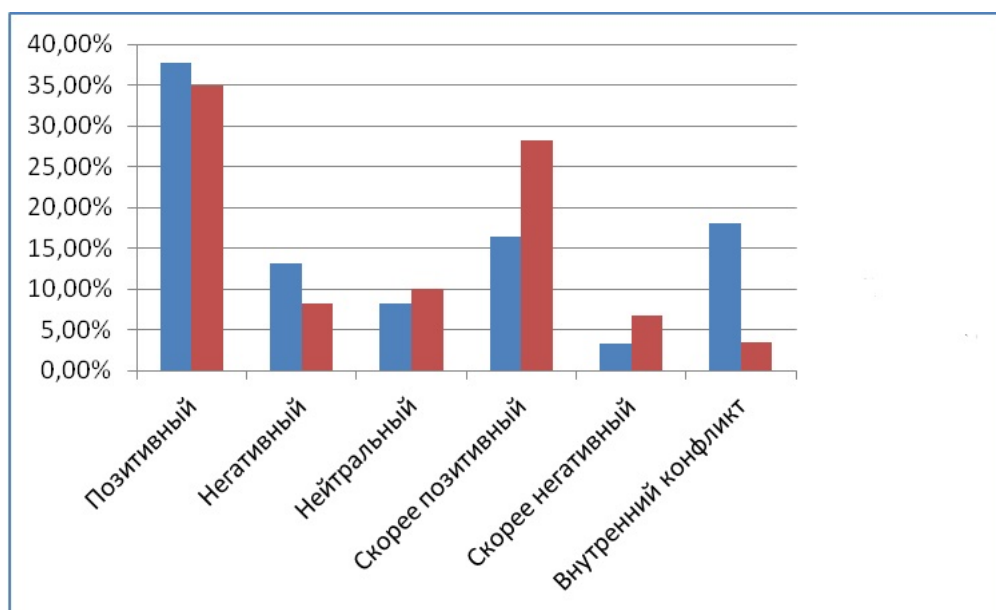

Рис.1. Процентное соотношение групп синквейнов у женщин и мужчин:

■ — мужчины; ■ — женщины

Для того чтобы лучше разобраться в отношении молодых инвалидов по зрению к собственной инвалидности мы провели сравнительный анализ целых С. у мужчин и женщин в выделенных ранее возрастных группах: 18–25 лет, 26–34 года и 35–40 лет.

Возрастная группа 18–25 лет

В первой возрастной группе у женщин большее число от всех составленных С. (30 %) составляют принимающие С. Второе место по выраженности (26,1 %) занимают негативные С. На третьем месте (21,7 %) находятся нейтральные С. Также почти 13,1 % составляют скорее принимающие С., а 8,7 % приходится на С., указывающие на внутренний конфликт. У мужчин наиболее выражены принимающие (19 %) и нейтральные (19 %) С. Второе место занимают негативные (13 %) и скорее принимающие (13 %) С. 9,5 % от всех С. приходится на скорее негативные, а С., указывающих на внутренний конфликт, – нет (рис. 2).

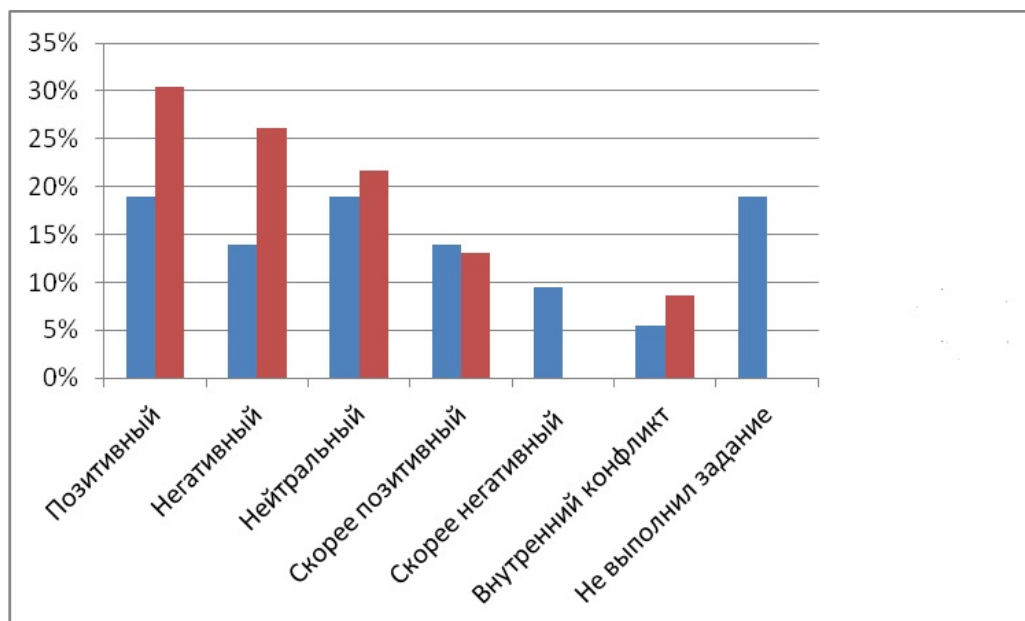

Рис. 2. Процентное распределение синквейнов у мужчин и женщин в возрасте 18–25 лет: ■ – мужчины; ■ – женщины

Такое распределение С. связано, в первую очередь, с тем, что возраст 18–25 лет является переломным возрастом для большей части инвалидов по зрению. По данным медицинских учреждений и органов медико-социальной экспертизы, проблемы со зрением (его частичная или полная потеря) приходятся именно на возраст 18–25 лет, так как в этом возрасте появляются значительные нагрузки на зрительный анализатор. Эти нагрузки объясняются поступлением молодых людей в высшие и средние специальные учебные заведения.

Кроме того, данный возрастной период является критическим и с точки зрения формирования правильного (принимающего) отношения инвалидов в целом (инвалидов по зрению в частности) к собственной инвалидности. Это связано со сменой социального статуса молодого инвалида. Смена статуса заставляет молодого человека с ограниченными возможностями переживать по поводу того, как его примут коллеги по работе или учебе, получится ли у него создать семью, найти достойную работу и др. Собственное отношение молодого инвалида к себе не совпадает с социальным к нему отношением. Все это приводит к переосмыслению инвалидом феномена собственной инвалидности и формирует его внутреннее к ней отношение. В дальнейшем (от 26 до 40 лет) данное сформированное отношение закрепляется, оно может быть скорректировано (изменено) или оставаться неизменным.

Возрастная группа 26–34 года

Большее число С. как у мужчин (40,8 %), так и у женщин (46,7 %) носят принимающий характер. Вторыми по выраженности (40,8 % у мужчин и 23,3 % у женщин) занимают скорее принимающие С. С., указывающие на внутренний конфликт, присутствуют только у женщин и составляют 13,3 %. Подобные результаты свидетельствуют о том, что примерно у половины молодых инвалидов по зрению (мужчин и женщин) в возрасте 26–34 года, принявших участие в исследовании, сформировано нормальное (принимающее) отношение к собственной инвалидности. У другой части испытуемых формирование отношения

к собственной инвалидности не завершено, но видно, что оно имеет тенденцию к нормальному (принимающему) отношению (рис. 3).

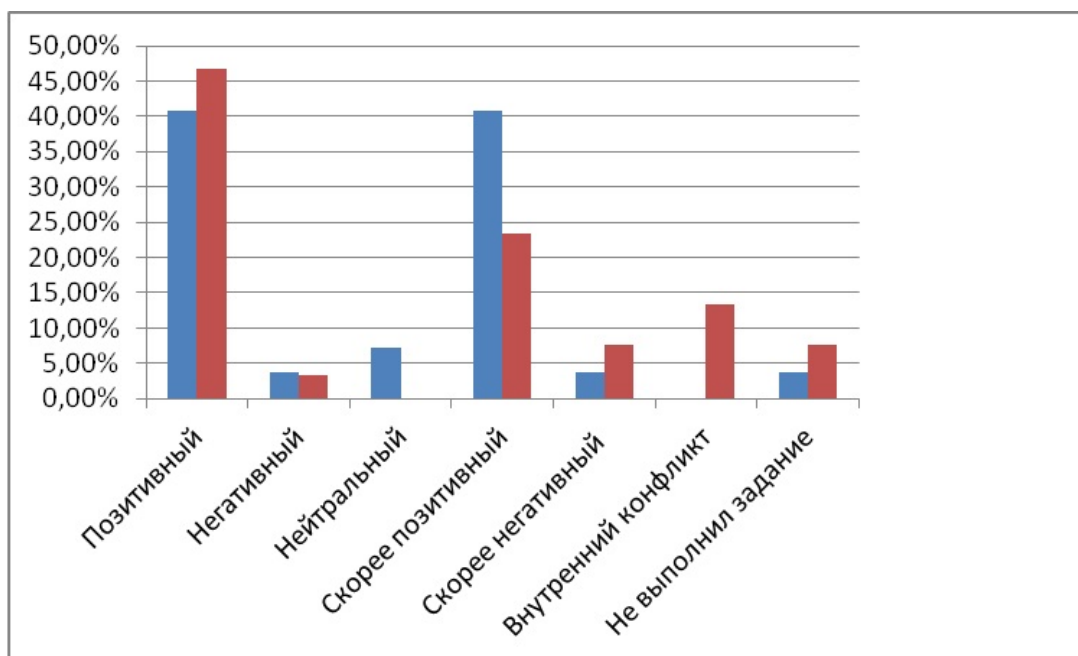

Рис. 3. Процентное распределение синквейнов у мужчин и женщин в возрасте 26–34 года: ■ – мужчины; ■ – женщины

Мы предполагаем, что внутренний конфликт по отношению к собственной инвалидности у женщин данной возрастной группы обусловлен тем, что им в силу каких-либо причин не удалось создать семью (выйти замуж). Инвалидность начинает восприниматься как наиболее значимая причина, мешающая достижению поставленной цели.

Возрастная группа 35–40 лет

У большей части молодых инвалидов по зрению в возрасте 35–40 лет (50 % – у мужчин, 25 % – у женщин) – принимающие С. Негативные С. – у 12,3 % С. женщин и у 8,3 % С. мужчин. Скорее принимающие С. присутствуют только у мужчин (25 % от всего числа С.), а С., указывающие на внутренний конфликт, имеют место как у мужчин (8,3 %), так и у женщин (62,5 %; рис. 4).

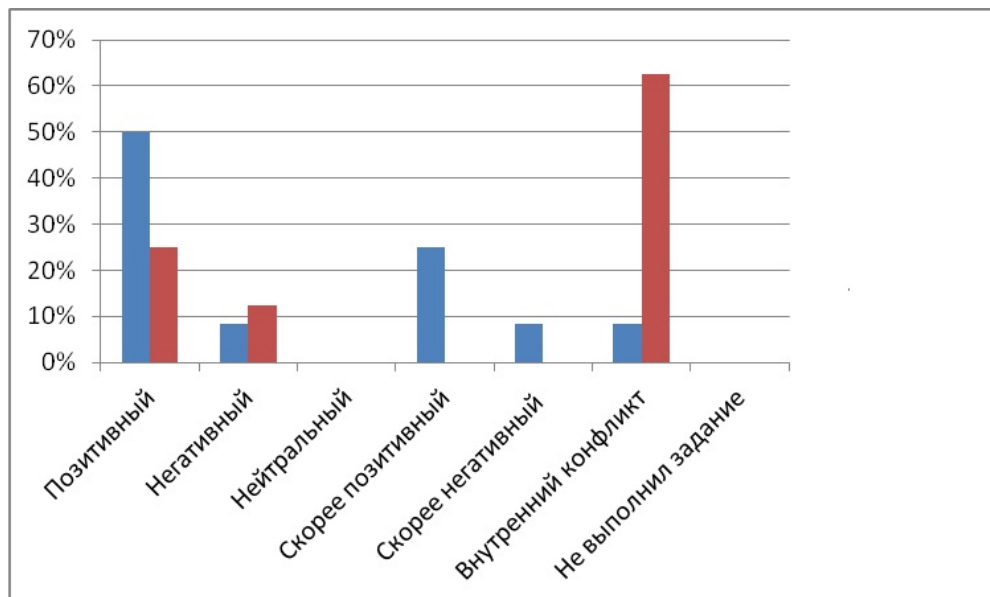

Рис. 4. Процентное распределение синквейнов у мужчин и женщин в возрасте 35–40 лет: ■ – мужчины; ■ – женщины

Подобное распределение С. связано с тем, что возраст 35–40 лет является вторым пиковым возрастом, когда люди с проблемами зрения частично или полностью его теряют. Именно в этом возрасте прогрессирует большинство генетических глазных заболеваний. В социальном плане данный возрастной период характеризуется анализом первых жизненных успехов и неудач и перестройкой личностных ценностей. У женщин в этом возрасте обостряется желание создать семью и родить детей. Это приводит к переосмыслению отношения к собственной инвалидности. Часто подобное переосмысление приводит к внутреннему конфликту по отношению к феномену инвалидности вообще и к собственной инвалидности в частности.

Лексический анализ слова-резюме

Напомним, пятая строка С. – одно слово, через которое испытуемые выражали свои чувства, ассоциации, связанные с понятием инвалидности.

Приведем примеры:

принимаящие слова (несут положительное значение) – «победа», «преодоление», «счастье», «стимул»;

негативные слова (несут отрицательное значение) – «ограничение», «горе», «наказание»;

нейтральные слова (не несут ни однозначно положительного, ни однозначно отрицательного значения, т. е. являются нейтральными по значению) – «жизнь», «особенность», «равноправие».

Наиболее часто и у мужчин (38 %), и у женщин (70 %) встречаются нейтральные слова-резюме. Второе и третье место у мужчин занимают принимающие (24 %) и негативные (8 %) слова-резюме соответственно. У женщин же принимающие и негативные слова-резюме имеют одинаковую частоту и составляют по 15 % от всех

результатов. Таким образом, можно отметить, что мужчины в качестве слов-резюме С. на тему «инвалидность» выбирали слова нейтрального или принимающего значения, а женщины – слова нейтрального значения. Это может свидетельствовать о том, что мужчины легче смиряются с фактом собственной инвалидности и нередко начинают относиться к ней даже с юмором. Женщины же сложнее принимают собственную инвалидность, так как зачастую инвалидность, а особенно инвалидность по зрению, ассоциируется у них с чем-то, что портит их внешность. Испытуемая М., 38 лет, призналась: «Из-за того, что я ношу толстые очки, на меня не обращают внимания мужчины, и я не могу выйти замуж». Испытуемая А., 25 лет, боится того, что «в свадебном платье с белой тростью невозможно выглядеть сексуально».

Слово-резюме. Возрастная группа 18–25 лет

Первое место по выраженности как у мужчин (46 %), так и у женщин (53 %) в возрасте от 18 до 25 лет с проблемами зрения занимают С., слово-резюме которых имеет нейтральное значение. Наиболее часто в качестве слова-резюме к понятию «инвалидность» использовались слова: *жизнь, вера, ответственность и толерантность*.

Второе место по выраженности у женщин (30 %) занимают синквейны, слово-резюме которых имеет отрицательное, негативное значение. Наиболее часто женщины сравнивают инвалидность с ограничением, уродством, наказанием и горем.

На третьем месте по выраженности у женщин с инвалидностью по зрению данной возрастной группы (17 %) находятся С., слово-резюме которых носят принимающий характер. Наиболее популярными словами-резюме в таких С. стали слова: *преодоление, улыбнись, изменения*.

У мужчин принимающие и негативные по значению слова-резюме выражены одинаково. Они составляют по 27 % от общего числа всех С. Часто употребляемыми словами-резюме среди негативных являются: *ограниченность, неприятность и должны мне*, а среди позитивных – *преодоление, победить, стремление*.

Слово-резюме. Возрастная группа 26–34 года

У мужчин (63 %) и женщин (86 %) в возрасте 26–34 года наибольшую выраженность имеют С., слова-резюме которых носят нейтральный характер. Наиболее часто и мужчины, и женщины данной возрастной группы употребляют такие нейтральные по значению слова-резюме, как *время, вместе, как знать, жизнь*.

Второе место по выраженности у женщин (14 %) занимают С. с принимающими словами-резюме (*преодоление, победа, счастье*). Негативные по значению слова-резюме у женщин данной возрастной группы не встречаются. У мужчин на втором месте по выраженности (33 %) находятся синквейны, слова-резюме которых носят принимающий характер (*надежда, упорство, движение*). Негативные по значению слова-резюме у мужчин данной возрастной категории встречаются редко (4 %) Это такие слова, как *препятствие и ограничение* (рис. 5).

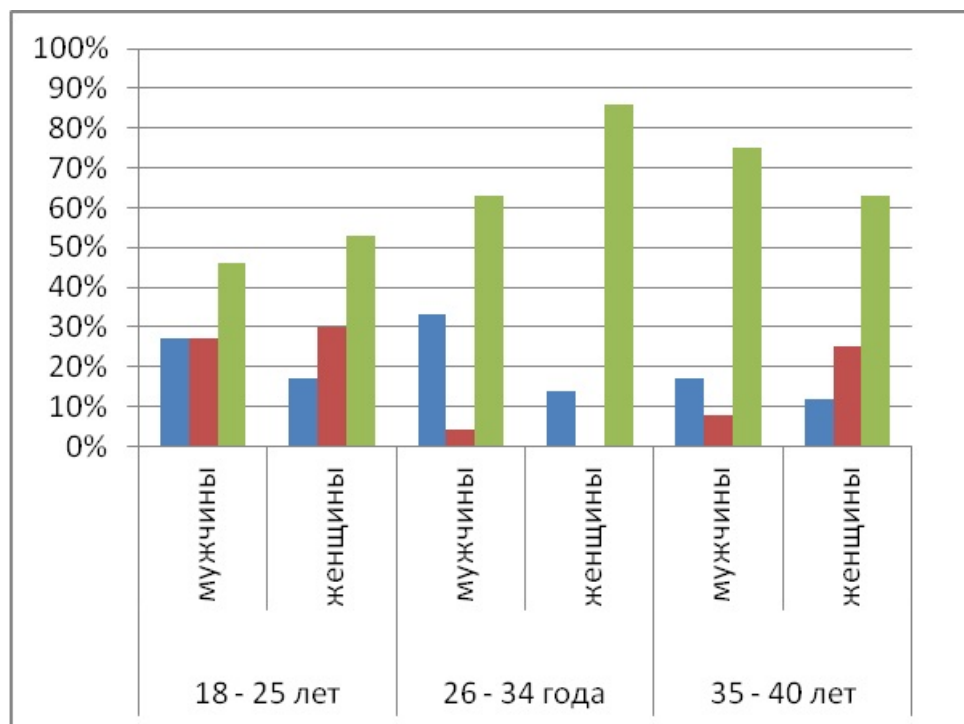

Рис.5. Процентное распределение синквейнов по значению слов-резюме у слепых и слабовидящих мужчин и женщин в возрасте 18–40 лет:

■ – позитивные синквейны; ■ – негативные синквейны; ■ – нейтральные синквейны

Слово-резюме. Возрастная группа 35–40 лет

Среди слепых и слабовидящих в возрасте 35–40 лет первое место по выраженности у мужчин (75 %) и у женщин (63 %) занимают С., слова-резюме которых носят нейтральный характер. Самыми популярными словами-резюме у данной группы испытуемых являются слова *вера* и *жизнь*. Второе место по выраженности у мужчин (17 %) занимают принимающие слова-резюме, в то время как у женщин слова этой группы на третьем месте (12 %). В качестве позитивных слов-резюме используются такие слова, как *стимул*, *победа*, *переживем*. Негативные слова-резюме встречаются у 8 % мужчин (третье место) и у 25 % женщин (второе место). В качестве негативных слов-резюме испытуемые выбирают слова: *должны мне*, *жить сложно*, *плохо*.

Таким образом, мы можем говорить о том, что для большей части молодых инвалидов по зрению в возрасте 18–40 лет (как для мужчин, так и для женщин) понятие «инвалидность» раскрывается с помощью нейтральных по значению слов. По лексическому значению слов-резюме можно сделать вывод о том, что примерно две третьих испытуемых привыкли относиться к своей инвалидности как к чему-то обыденному, повседневному.

Второй этап исследования. Как было показано выше, слово «инвалидность» не вызывает у большинства молодых мужчин и женщин с проблемами зрения особенных эмоций и переживаний. Именно поэтому мы решили для более продуктивного использования С. в качестве психодиагностической методики предоставить испытуемым возможность самим выбирать ключевое слово, что, на наш взгляд, должно затрагивать эмоциональную сферу каждого конкретного испытуемого.

Ниже представлены результаты анализа С., составленных испытуемыми, на ключевое слово, выбранное ими самими.

При анализе результатов мы использовали введенные ранее градации (принимающее отношение, нейтральное, негативное).

В качестве примера возьмем С. с ключевым словом «сложность», выбранным самим испытуемым.

Сложность.
Терпимая, ненужная.
Заставляет, толкает, способствует.
Сложность нужно преодолевать самому.
Переживем!

Выбор в качестве ключевого слова понятия «сложность» говорит о том, что молодой человек с ограниченными возможностями зрения воспринимает свое состояние как некоторую сложность, проблему, вызывающую у него некоторый дискомфорт, что подтверждается анализом второй строки.

В третьей строке записаны слова «заставляет», «толкает», «способствует». Все три слова выражают позитивно направленное действие, значит, третью строку С. можно считать принимающей. Четвертая строка С. представлена предложением «сложность нужно преодолевать самому». Словосочетание «нужно преодолевать самому» свидетельствует о позитивной направленности всей строки в целом. Пятая строка С. представляет собой слово-резюме, определяющее ключевое слово С. В нашем случае – это слово «переживем!». Опираясь на анализ предыдущей строки С., мы можем сделать вывод о том, что слово-резюме также носит позитивный характер. Таким образом, получаем, что три из пяти строк С. являются позитивными, следовательно, весь С. можно считать принимающим.

Сопоставив ключевое слово со словом-резюме, мы получаем следующую лексическую конструкцию: *Сложность – переживем!*

Получается, что нейтральное значение слова «сложность» компенсируется позитивным значением слова «переживем!». Таким образом, можно говорить о том, что по лексическому значению слова-резюме данный С. также может считаться принимающим.

Таким образом, дополнительным приемом при использовании С. в качестве диагностического инструментария для выявления отношения человека с проблемами здоровья к собственной инвалидности является сопоставление лексических значений ключевого слова, выбранного самим испытуемым, и слова-резюме.

Исходя из заявленных критериев оценки большее число С. (30 % у женщин и 26 % у мужчин) являются нейтральными. Второе место по выраженности у мужчин занимают С., описывающие внутренний конфликт (25 %), а у женщин – негативные (28 %). На третьем месте у мужчин находятся принимающие С. (20 %), у женщин – скорее негативные (26 %). 16 % от всего числа С. приходятся у мужчин на скорее принимающие С., а 11% у женщин – на принимающие С. И 5 % приходится на скорее негативные С. у мужчин и 6 % – на С., указывающие на внутренний конфликт, у женщин.

Таким образом, более половины мужчин демонстрируют нейтральное или характеризующееся внутренним конфликтом отношение к собственной инвалидности, а принимающее или скорее принимающее отношение свойственно примерно трети испытуемых мужского пола. Также примерно 20% мужчин имеют негативное или скорее негативное отношение к собственной инвалидности. Доля женщин с принимающей оценкой своей инвалидности существенно меньше, в то время как негативное, скорее негативное и проявляющее внутренний конфликт отношение можно констатировать у женщин, участвовавших в исследовании (60 %).

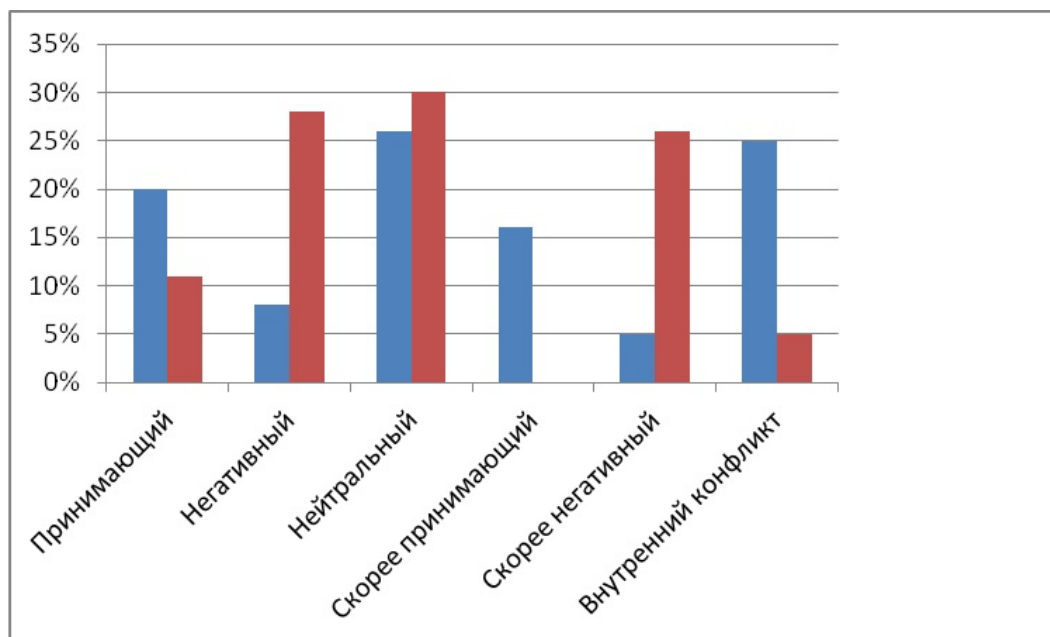

Рис. 6. Процентное соотношение групп синквейнов у женщин и у мужчин:

■ — мужчины; ■ — женщины

Как и на первом этапе исследования, мы провели сравнительный анализ целых С. у мужчин и женщин в выделенных ранее возрастных группах: 18–25 лет, 26–34 года и 35–40 лет.

Возрастная группа 18–25 лет

В первой возрастной группе у женщин большее число от всех составленных С. (42 %) составляют негативные. Второе место по выраженности (38 %) занимают нейтральные С. На третьем месте (16 %) находятся С., указывающие на внутренний конфликт. Также почти 4 % составляют принимающие С., а скорее принимающих и скорее негативных С. у женщин нет. У мужчин же наиболее выражены принимающие (29 %) и нейтральные (29 %) С. Второе место занимают С., указывающие на внутренний конфликт (14 %), и скорее принимающие (14 %) С. От всех С. 10 % приходится на негативные, а 4 % составляют скорее негативные С.

Сравнив результаты первого и второго этапов исследования, можно увидеть, что процентное соотношение С. у мужчин по итогам первой и второй пробы примерно одинаково. Это говорит о том, что для мужчин слово «инвалидность», предложенное нами в качестве основного слова для составления С., эмоционально близко к тем основным словам С., которые на втором этапе испытуемые выбирали самостоятельно.

У женщин же процентное распределение С. оказалось принципиально иным. Если на первом этапе исследования большая часть С., составленных женщинами, с предложенным нами основным словом носила скорее принимающий или нейтральный характер, то на втором этапе – большее число С. составляют негативные и скорее негативные С. и С., указывающие на внутренний конфликт. Это говорит, в первую очередь, о том, что женщины испытывают негативные эмоции по отношению к конкретному предмету или явлению, а не к абстрактному для них термину «инвалидность». Следовательно, возраст 18–25 лет

является критическим в развитии женщин, имеющих проблемы со зрением. Именно поэтому необходимо четко выделять из широкого спектра социальных, физиологических и психологических явлений те, которые непосредственно вызывают у женщин негативное отношение к собственной инвалидности, и корректировать именно это конкретное отношение.

Возрастная группа 26–34 года

Большое число С. как у мужчин (30 %), так и у женщин (33 %) носят нейтральный характер. Вторыми по выраженности у мужчин (по 26 %) являются скорее принимающие С. и С., указывающие на внутренний конфликт. У женщин же на втором месте (23 %) находятся принимающие С. Третье место у мужчин занимают принимающие (7%) и скорее негативные (7 %) С., а у женщин – негативные С. У мужчин 4 % С. носят негативный характер, у женщин 12,5 % С. приходятся на скорее принимающие, 8,5 % – на С., указывающие на внутренний конфликт, и 4 % – на негативные С.

Таким образом, мы можем видеть, что больше половины инвалидов по зрению в возрасте 26–34 года имеют нейтральное отношение к собственной инвалидности и, можно сказать, отстраняются от нее. Это может быть связано с тем, что подобная позиция способствует более успешной адаптации людей с проблемами зрения в современном обществе. Инвалидность начинает рассматриваться большей частью людей с нарушениями зрения не как медицинская, а как социальная проблема.

Возрастная группа 35–40 лет

Большая часть мужчин данной возрастной категории (30 %) создают нейтральные С. У женщин же на первом месте стоят скорее негативные С. и С., указывающие на внутренний конфликт (по 37,5 %). На втором месте по выраженности у мужчин находятся скорее принимающие С. и С., указывающие на внутренний конфликт (по 26 %), а у женщин – негативные и нейтральные (по 12,5 %). Третье место занимают принимающие (7 %) и скорее негативные (7 %), а также негативные (4 %) С. Отметим, что принимающих и скорее принимающих С. у женщин данной возрастной группы нет. Это может свидетельствовать о том, что данная возрастная группа является «группой риска» для женщин, имеющих нарушения зрения. На этом этапе возникают новые или обостряются старые страхи, связанные с отношением к человеку с ограниченными возможностями зрения со стороны общества.

Мы провели также *лексический анализ слов-резюме* по возрастным группам и получили следующие результаты.

Слово-резюме. Возрастная группа 18–25 лет

Первое место по выраженности как у мужчин (47 %), так и у женщин (63 %) в возрасте от 18 до 25 лет с проблемами зрения занимают С., слово-резюме которых несет нейтральное значение. Наиболее часто словами-резюме являются слова: *жизнь, вера, ответственность и толерантность*. Второе место по выраженности как у женщин (21 %), так и у мужчин (43 %) занимают С., слово-резюме которых имеет позитивное, принимающее значение. Причем, в качестве слов-резюме у женщин выступают такие слова, как *переживем, получится, уверенность*, а мужчины выбирали такие слова, как *равное отношение*. На третьем месте по

выраженности у женщин (17 %) и мужчин (10 %) с инвалидностью по зрению данной возрастной группы находятся С., слова-резюме которых носят негативный характер. Наиболее часто повторяющимися словами-резюме как у мужчин, так и у женщин являются слова: *горе, не честно, не могу*.

Слово-резюме. Возрастная группа 26–34 года

У мужчин (59 %) и женщин (53 %) с проблемами зрения в возрасте 26–34 года наибольшую выраженность имеют С., слова-резюме которых носят принимающий характер. Наиболее часто и мужчины, и женщины данной возрастной группы употребляют такие слова-резюме, как *я постарюсь, я сам, я смогу*. Второе место по выраженности у женщин (34 %) занимают С. с нейтральными словами-резюме (понимание, толерантность, отношение). Негативные по значению слова-резюме у женщин данной возрастной группы составляют 14 %. К негативным словам-резюме можно отнести такие слова, как *мне должны, виноваты, обделили*. У мужчин же на втором месте по выраженности (47 %) находятся С., слова-резюме которых носят нейтральный характер (*вера, мир, терпение*). Негативного по значению слова-резюме у мужчин данной возрастной категории нет.

Слово-резюме. Возрастная группа 35–40 лет

Среди слепых и слабовидящих в возрасте 35–40 лет первое место по выраженности у мужчин (43 %) и у женщин (50 %) занимают С., слова-резюме которых носят принимающий характер. Самыми популярными словами-резюме у данной группы испытуемых являются: *понимание, надежда, все получится*. Второе место по выраженности у мужчин (41 %) и у женщин (37,5 %) занимают нейтральные слова-резюме. В качестве позитивных слов-резюме используются слова: *вера, время, борьба*. Негативные слова-резюме встречаются у 14 % мужчин и у 12,5 % женщин. В качестве негативных слов-резюме испытуемые выбирают слова: *жить сложно, все плохо, мне должны*.

Проанализировав полученные результаты, мы пришли к выводу, что наиболее полные по смыслу и значению интерпретации С. можно получить только в том случае, когда основное слово С. является эмоционально значимым для испытуемого. Особенно полно раскрывают отношение человека с нарушениями зрения к собственной инвалидности те С., основное слово для которых выбирает сам испытуемый.

Выводы

В проведенном с помощью методики «Синквейн» исследовании удалось выявить половозрастные особенности отношения молодых инвалидов по зрению к своей инвалидности.

Исходя из результатов проведенного исследования, мы сделали вывод, что методику «Синквейн» можно использовать в качестве проективной психодиагностической методики в работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья. Данная методика позволяет выявить переживания, которые испытывает человек в связи с имеющимся у него нарушением.

Психологическая диагностика с помощью методики «Синквейн», в первую очередь, основывается на содержательной и синтаксической значимости каждой строки.

При выборе ключевого слова С. необходимо помнить, что оно должно затрагивать эмоциональную сферу испытуемого. Лучше, если испытуемый сам выберет себе ключевое слово С. в рамках какого-либо конкретно заданного контекста.

Литература

1. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А. Дискуссионные вопросы концептуализации и методологии исследования качества жизни в медицине // Сибирский психологический журнал. 2007. Т. 26. С. 112–119.
2. Щербакова А.М. Психологические аспекты инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2013. № 2. С. 67–74.
3. Щербакова А.М., Гудилина О.Н. Сравнительная характеристика отношения к ограниченным возможностям своего здоровья лиц с врожденными и приобретенными нарушениями статодинамической функции // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 77–86.

Studying Attitude to own Disability in Blind and Visually Impaired Young People Using the Technique "Cinquain"

Shcherbakova A.M.,

Ph.D. (Pedagogy), Professor, Department of Clinical and special psychology, head of "Resource Centre for Psychosocial Rehabilitation of the HIA", Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia scherbakovaam@mgppu.ru

Baskakova Yu.V.,

Postgraduate student, Department of Clinical and special Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia jvbaskakova@gmail.com

The article discusses the attitude of people with visual impairments to the limited capabilities of their health. We prove the necessity of search of new diagnostic tools for the detection of subjective perception of limitations associated with the disease in young visually impaired people. We describe the "Cinquain" technique and its use as a psycho-diagnostic tools. We provide the results of the study on the basis of which it is concluded that "Cinquain" may be used as a projective psychodiagnostic method to work with people who have vision problems. This technique is appropriate to be used to identify major psychological problems associated with the perception of own disability. This article will be useful for managers and specialists of organizations and agencies involved in the rehabilitation of the visually impaired, as well as all those who are interested in current problems and psychological rehabilitation of persons with disabilities.

Keywords: disability; health-related quality of life; visual impairment; disabilities; psychological rehabilitation; cinquain; blindness.

References

1. Vasserman L.I., Trifonova E.A. Diskussionnye voprosy kontseptualizatsii i metodologii issledovaniia kachestva zhizni v meditsine [Debating points of conceptualization and methodology of research of quality of life in medicine]. Sibirskii psikhologicheskii zhurnal [Siberian psychological journal], 2007, vol. 26, pp.112-119.

2. Moi vybor. Uchebno-metodicheskoe izdanie dlia uchitelei srednei shkoly [My choice: The educational and methodical edition for teachers of high school]. 3-e izd. Moscow: "Uchitel'skaya gazeta" [Teacher`s newspaper], 2001.

3. Shcherbakova A.M. Psikhologicheskie aspekty inkluzii detei s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia [Psychological aspects of inclusion of disabled children]. Voprosy psikhicheskogo zdorov'ia detei i podrostkov [Questions of mental health of children and adolescents], 2013 (13), no. 2, pp. 67-74.

4. Shcherbakova A.M., Gudilina O.N. Sravnitel'naia kharakteristika otnosheniia k ogranichennym vozmozhnostiam svoego zdorov'ia lits s vrozhdennymi i priobretnennymi narusheniami statodinamicheskoi funktsii [The comparative characteristic of the perceptions the limited capabilities of the health of persons with the congenital and acquired dysregulation of statnamic function]. Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 2010, no.5, pp.77-86. (In Russ., abstr. in Engl.).

Отношение к смерти у студентов медицинских, гуманитарных и технических специальностей: вопрос суицидального риска

Чистопольская К.А.,

младший научный сотрудник отдела суицидологии, ФГБУ «Московский научно-исследовательский институт психиатрии» МЗ РФ, Москва, Россия, ktchist@gmail.com

Ениколопов С.Н.,

кандидат психологических наук, профессор, руководитель отдела клинической психологии, ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН, Москва, Россия, enikolopov@mail.ru

Николаев Е.Л.,

доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», Чебоксары, Россия, pzdorovie@bk.ru

Семикин Г.И.,

доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой валеологии, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия, semikin@bmstu.ru

Храмелашвили В.В.,

кандидат медицинских наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией психофизиологических исследований и профессиональной ориентации Учебно-методического центра «Здоровьесберегающие технологии и профилактика наркомании в молодежной среде», Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана, Москва, Россия, vikh@mail.ru

Казанцева В.Н.,

психолог Одесского дошкольного учебного заведения «Ясли-сад» № 306, Одесса, Украина, Cherry-blossom88@yandex.ru

Для цитаты:

Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Храмелашвили В.В., Казанцева В.Н. Отношение к смерти у студентов медицинских, гуманитарных и технических специальностей: вопрос суицидального риска [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Enikolopov_et_al.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Chistopolskaya K.A., Yenikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Hramelashvili V.V., Kazantseva V.N. Attitude to the death in students of medical, humanitarian and technical specialties: the issue of suicide risk [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Enikolopov_et_al.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Рассматривается проблема вариабельности защит от страхов смерти, их зависимость от получаемой профессии. Описывается исследование, выборка которого составила 757 человек в возрасте 18–25 лет (398 юношей, 359 девушек) из Москвы (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана – инженеры, n=283), Чебоксар (Чувашский государственный университет – медики, психологи; Чебоксарский филиал РГСУ – юристы, менеджеры, n=323) и Одессы (Одесский национальный экономический университет – экономисты, n=151). В ходе исследования испытуемые

заполняли бумажные опросники о временной перспективе личности, стиле привязанности, а также об отношении к смерти, страхах смерти и опыте смерти. Исследование подтвердило предположение о том, что студенты-медики в отношении к проблеме смерти значительно отличаются от студентов немедицинских профессий, обладают иным паттерном защит. В статье представлена развернутая картина каждой из профессий, которой овладевают участвовавшие в исследовании студенты, рассмотрен вопрос о группах суицидального риска. Результаты проведенного исследования могут использоваться для формирования образовательных курсов, учитывающих специфику будущей работы студентов по выбранной ими специальности.

Ключевые слова: психологическое благополучие, временная перспектива личности, жизнестойкость, привязанность, отношение к смерти, страхи смерти, суицидальный риск.

Интерес к теме смерти в США возник в середине XX в. В 1969 г. Герман Фейфель писал о вытеснении на социальном уровне мыслей о смерти: «Наш социально-репрессивный взгляд на смерть порождает невротическую тревожность, связанную с этим явлением. Воспитание и культура должны быть пронизаны более близким знакомством с нею» [10, с. 292]. Он показал, что страх смерти имеет несколько измерений и не только отличается у разных людей, но и сам человек на разных уровнях формирует разное к ней отношение. Он назвал этот феномен амбивалентным избеганием-принятием смерти [11].

Начиная с 1986 г. авторы теории управления страхом смерти доказывали в многочисленных социально-психологических исследованиях, что напоминание о смерти нарушает душевное равновесие человека и меняет его социальное поведение порой в лучшую, а порой и в худшую сторону [15]. В теории выделили несколько защит: во-первых, это самооценка, или, точнее, чувство собственной ценности, которое определяется картиной мира (уровнем образования, профессией, политическими и прочими предпочтениями) [18], во-вторых, это стиль привязанности и ностальгия [16; 17]. Авторы назвали эти защиты *культурным буфером тревожности*.

Отношение к смерти – важный элемент картины мира. Для того чтобы человек мог действовать свободно и успешно, страх смерти должен быть безопасно вписан в повседневную деятельность. У каждого из нас – своя повседневность, своя рутина, а значит, мы различаемся по характеру защит.

Мы поставили перед собой задачу выяснить, каких напоминаний о смерти боятся студенты разных специальностей, отличаются ли они качеством защит, и если да, то как именно. Мы предположили, что образ мира у студентов медицинских и околomedicalных специальностей (психологи, клинические психологи, социальные работники) в большей степени основывается на отношении к смерти, нежели у тех студентов, у которых нет необходимости ежедневно решать вопросы жизни и смерти (физической или психологической).

Всего в проведенном нами исследовании приняли участие 757 добровольцев в возрасте 18–25 лет: из Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (врачи, психологи, юристы), Чебоксарского филиала Российского государственного социального университета (менеджеры), из Одесского национального академического университета (экономисты) и Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (инженеры). Студенты МГТУ им. Н.Э. Баумана (n=283: 280 юношей, 3 девушки) проходили батарею тестов в рамках профотбора на факультет военного обучения, у остальных опрашиваемых условия были обычные. Чувашская выборка (n=323: 89 юношей, 234 девушек) была представлена несколькими профессиями. В нее вошли студенты, обучающиеся лечебному делу и педиатрии (n=74), и студенты, готовящиеся стать стоматологами (n=38), клиническими психологами (n=37), психологами (n=32), юристами (72) и менеджерами (n=56). Кроме того участвовали студенты, изучающие социальную работу (n=14); мы использовали их данные лишь в комплексном анализе. Всего

в чувашской выборке студентов-медиков было 195 человек, а не-медиков – 128. Одесская выборка состояла из студентов ОНЭУ (n=151: 29 юношей, 122 девушки).

В исследовании мы использовали адаптированные нами методики «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» и разработанную нами анкету «Опыт смерти» [6; 13; 20]. В качестве методик, измеряющих психологическое благополучие, выступили методика Ф. Зимбардо по временной перспективе [5; 21], методика «Опыт близких отношений – переработанный опросник», адаптированная нами [14], и тест жизнестойкости [3]. Методики на благополучие предъявлялись первыми: так мы избегали защитной реакции на напоминание о смерти.

Результаты и обсуждение

Медики, психологи, юристы, менеджеры (г. Чебоксары). Сначала рассмотрим отношение к смерти студентов медицинских и околomedicalных профессий (табл. 1, табл. 2).

Таблица 1

Корреляция методик «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости: лечебное дело и педиатрия (n=74)

	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее	Тревожный стиль привязанности	Избегающий стиль привязанности	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость
Избегание темы смерти	0,35**	-	-0,29*	-	0,35**	-	-	-
Страх смерти	-	-	-	-	-	-0,37**	-0,27*	-0,29*
Принятие смерти как бегства	-	-	0,28*	0,41***	-0,38**	-0,33**	-0,33**	-0,39**
Страх последствий для личности	-	-	-	-	-	-0,25*	-	-
Страх последствий для тела	-	0,36**	0,28*	-	-	-0,34**	-	-
Страх последствий	-	-	-	-	-	-0,28**	-	-

й для личных стремлений								
Страх трансценде нтных последстви й	-	0,33**	0,29*	-	-	-0,36**	-	-0,26*
Страх забвения	-	-	0,4**	-	-0,33**	-0,41***	-	-0,34**

Примечание. Уровень значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Таблица 2

Корреляция методик «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости: стоматологи (n=38)

	Позитивное прошлое	Тревожный стиль привязанности	Избегающий стиль привязанности	Контроль
Принятие- приближение смерти	0,4*	-	-	-
Избегание темы смерти	-	-	-	-0,38*
Страх смерти	-0,42*	-	-	-0,41*
Принятие смерти как бегства	0,45*	-	-	-
Страх последствий для личных стремлений	-	-	-0,4*	-
Страх трансцендентных последствий	-	0,4*	-	-
Страх последствий для близких	0,44*	-	-	-
Страх забвения	-	0,64***	-	-

Примечание. Уровень значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Уже при сравнении паттерна корреляций заметно, что студенты, изучающие *лечебное дело и педиатрию*, весьма отличаются от студентов-*стоматологов*. У первых можно выделить две оси, на которые нанизываются отношения к смерти. Благодаря им проявляется жизненная позиция: это шкала «Контроль» из опросника жизнестойкости (ответственность подавляет неприятные мысли о смерти, выводит их из фокуса внимания) и шкала «Принятие смерти как бегства» из методики «Отношение к смерти» – эта шкала, так же как и шкала «Страх смерти», «подавляется» «Жизнестойкостью». Не очень благоприятна шкала «Тревожный стиль привязанности» из опросника «Опыт близких отношений – переработанный опросник». Студенты, набравшие больше баллов по данной шкале, принимали смерть как бегство, больше боялись последствий смерти для своего тела, неизвестности после смерти (трансценденции) и забвения.

У *стоматологов* связи между шкалами беднее, но они все равно ярки. У них выделилась ось «Позитивного прошлого», причем удивителен знак связи между «Позитивным прошлым» и «Страхом смерти». Обычно связь между этими переменными прямая – ностальгия сопутствует страху смерти, делая его переносимым, помогая обходить угрозы в настоящем. Возможно, причина кроется в том, что стоматологи вынуждены постоянно умирять чужие страхи, и делают они это, опираясь на свой опыт. «Позитивное прошлое» также положительно связано с верой в жизнь после смерти («Принятие-приближение смерти»), со шкалами «Принятие смерти как бегства» и «Страх последствий для близких», т. е. оно все же выполняет свою привычную функцию. Еще любопытный момент – шкала «Тревожный стиль привязанности» у стоматологов связана со «Страхом трансцендентных последствий» и «Страхом забвения». Это подтверждает результат других медиков: стиль привязанности влияет и на функционирование человека в профессии.

Из данных анкеты «Опыт смерти» мы знаем, что опыт суицидальных попыток наблюдался преимущественно у психологов (n=4) и клинических психологов (n=3). Кроме них покончить с собой пытались два студента-медика, один стоматолог и один менеджер. Учитывая, что выборки психологов в два раза меньше других выборок, этот факт особенно настораживает.

Соответственно, у *психологов* (табл. 3, табл. 4) шкала «Принятие смерти как бегства» положительно коррелировала с «Негативным прошлым» и «Фаталистическим настоящим» и отрицательно – с показателями жизнестойкости, а «Избегание темы смерти» и «Страх смерти» – с «Позитивным прошлым». Со шкалами «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее» также были положительно связаны шкалы «Страх последствий для тела» и «Страх забвения», они же отрицательно коррелировали с «Жизнестойкостью». По данным нашего исследования пациентов в остром постсуициде [7], эти страхи особенно сильны у людей с историей суицидальных попыток и острым психологическим неблагополучием. Шкала «Избегающий стиль привязанности» у психологов была отрицательно связана со шкалой «Страх последствий для близких», что также не является благополучной комбинацией (если человек избегает своих близких, то он не боится, что они будут считать его уход трагедией).

Таблица 3

Корреляция методики «Отношение к смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости: психологи (n=32)

	Принятие-приближение смерти	Избегание темы смерти	Страх смерти	Принятие смерти как бегства
Негативное прошлое	–	–	–	0,54**
Позитивное прошлое	–	0,56**	0,52**	–

Фаталистическое настоящее	0,52**	-	-	0,6**
Тревожный стиль привязанности	-	-	-	0,39*
Избегающий стиль привязанности	-	-0,5**	-	-
Контроль	-	-	-0,49**	-0,39*
Принятие риска	-	-	-	-0,47*
Жизнестойкость	-	-	-	-0,45*

Примечание. Уровень значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Таблица 4

Корреляция методики «Страх личной смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости: психологи (n=32)

	Страх последствий для личности	Страх последствий для тела	Страх последствий для личных стремлений	Страх трансцендентных последствий	Страх последствий для близких	Страх забвения
Негативное прошлое	-	0,41*	-	-	0,41*	0,5**
Гедонистическое настоящее	-	-	0,45*	-	-	-
Позитивное прошлое	-	-	0,5**	-	-	-
Фаталистическое настоящее	-	0,42*	-	0,42*	-	0,61**
Избегающий стиль привязанности	-	-	-	-	-0,52**	-
Вовлеченность	-	-0,37*	-	-	-	-
Контроль	-	-0,45*	-	-0,46*	-	-0,47*
Принятие риска	-	-0,56**	-	-	-	-0,52**
Жизнестойкость	-	-0,51**	-	-	-	-0,5**

Примечание. Уровень значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Любопытно, что критерий Манна–Уитни не выявил значимых различий между психологами, врачами и стоматологами. Это доказывает, что важен не только и не столько балл по шкале, сколько взаимодействие шкал. Можно двояко интерпретировать данные результаты: либо в психологию люди стремятся, «чтобы лучше понять себя», разобраться со своими проблемами, либо они во время учебы чрезмерно соперничают с чужими трудностями.

Для *клинических психологов* (табл. 5), помимо шкал «Принятие-приближение смерти», «Страх смерти» и «Принятие смерти как бегства», оказалось значимым «Нейтральное принятие смерти». Авторы методики считают его наиболее благополучным отношением к смерти. У клинических психологов оно было отрицательно связано со шкалой «Избегающий стиль привязанности» и положительно – с «Жизнестойкостью». Этот факт вызывает оптимизм, так как свидетельствует о том, что клинические психологи способны отстраняться и смотреть в глаза своим страхам.

Таблица 5

Корреляция методик «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости:

клинические психологи (n=37)

	Будущее	Тревожный стиль привязанности	Избегающий стиль привязанности	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость
Принятие-приближение смерти	-	0,38*	-	-0,33*	-0,44**	-0,38*
Страх смерти	-	0,42*	-	-	-0,34*	-0,4*
Принятие смерти как бегства	-	0,33*	-	-0,47**	-	-0,41*
Нейтральное принятие смерти	-	-0,41*	-0,56***	-	0,34*	0,34*
Страх последствий для тела	-	-	0,42*	-	-	-
Страх последствий для личных стремлений	0,37*	-	-	-	-	-
Страх трансцендентных последствий	0,34*	-	-	-	-0,42*	-

Примечание. Уровень значимости: * – p<0,05; ** – p<0,01; *** – p<0,001.

Юристы (табл. 6) оказались в наибольшей степени ведомы страхом смерти: эта шкала была связана с «Негативным прошлым», «Тревожным» и «Избегающим стилями привязанности» и подавлялась «Жизнестойкостью». «Негативное прошлое» также сопровождалось «Страхом последствий для тела» и «Страхом забвения», в то время как шкала «Страх последствий для личности» проявляла себя не стрессогенным, а защитным фактором, и коррелировала со шкалой «Будущее».

Таблица 6

Корреляция методик «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости: юристы (n=72)

	Принятие-приближение смерти	Страх смерти	Страх последствий для личности	Страх последствий для тела	Страх забвения
Негативное прошлое	–	0,29*	–	0,25*	0,27*
Будущее	–	–	0,31*	–	–
Фаталистическое настоящее	0,28*	–	–	–	–
Тревожный стиль привязанности	–	0,43**	–	0,27*	–
Избегающий стиль привязанности	–	0,24*	–	0,3*	–
Вовлеченность	–	-0,35*	–	–	–
Жизнестойкость	–	-0,28*	–	–	–

Примечание. Уровень значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,001$.

Для *менеджеров* (табл. 7) наиболее важными переменными оказались шкалы «Гедонистическое настоящее» методики исследования временной перспективы и «Принятие риска» методики «Жизнестойкость», причем гедонизм был положительно связан с различными страхами, а риск – отрицательно. Получается, что для того чтобы держать страх в узде, менеджерам нужно принимать вызовы, которые бросает им жизнь, и не увлекаться непосредственной выгодой, а планировать будущее.

Таблица 7

Корреляция методик «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости: менеджеры (n=56)

	Страх смерти	Страх последствий для личности	Страх последствий для тела	Страх последствий для личных стремлений	Страх трансцендентных последствий	Страх последствий для близких	Страх забвения
Негативное прошлое	-	0,32*	-	-	-	-	-
Гедонистическое настоящее	0,35**	0,37**	-	0,45**	-	0,32*	-
Будущее	-	-	-	-	0,29*	-	-
Тревожный стиль привязанности	-	-	-	-	0,31*	-	-
Вовлеченность	-0,3*	-	-	-	-	-	-
Контроль	-	-	-	-0,27*	-	-	-
Принятие риска	-0,35**	-0,3*	-0,39**	-0,32*	-0,38**	-	-0,28*
Жизнестойкость	-0,31*	-	-0,28*	-0,29*	-	-	-

Примечание. Уровень значимости: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$.

По критерию Манна-Уитни студенты медицинских (врачи, стоматологи, психологи и клинические психологи) и немедицинских (юристы и менеджеры) специальностей значительно различались: показатели по шкалам «Негативное прошлое» ($p < 0,001$) и «Гедонистическое настоящее» ($p < 0,001$) – выше у медиков; ориентация на будущее ($p = 0,047$) и вовлеченность ($p = 0,041$) – выше у менеджеров и юристов; показатели «Принятия-приближения смерти» ($p = 0,012$), «Нейтрального принятия смерти» ($p = 0,032$), «Страха последствий для тела» ($p = 0,053$), «Страха трансцендентных последствий» ($p = 0,048$), «Страха за близких» ($p = 0,023$) и «Страха забвения» ($p = 0,003$) – выше у медиков. То есть медики оказались менее благополучными по уровню страха, чем не-медики.

Однако этому есть и позитивное объяснение. По результатам исследования И. Фергюсона и коллег [12], врачам необходим некоторый уровень тревожности, чтобы действовать успешно в своей профессии. Важно лишь, чтобы существовал баланс тревоги и старательного следования инструкциям.

Студенты-экономисты (г. Одесса). В случае со студентами-экономистами мы видим, что страхи смерти тесно вплетены в их повседневную деятельность и, возможно, даже являются катализаторами активности (табл. 8, табл. 9). Для экономистов особенно важными

оказались шкалы «Страх смерти» и «Принятие смерти как бегства». Из специфических страхов выделены шкалы «Страх последствий для тела», «Страх трансцендентных последствий» и «Страх забвения». Они «подавляются» «Жизнестойкостью» и «Принятием риска».

Таблица 8

Корреляция методики «Отношение к смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости: экономисты (n=151)

	Избегание темы смерти	Страх смерти	Принятие смерти как бегства	Нейтральное принятие смерти
Негативное прошлое	–	0,26**	0,32***	–
Позитивное прошлое	0,33***	0,27**	-0,27**	–
Фаталистическое настоящее	–	0,26**	0,21*	-0,28***
Тревожный стиль привязанности	–	0,31***	–	–
Вовлеченность	–	-0,24**	-0,29***	–
Контроль	–	-0,20*	-0,28**	–
Принятие риска	–	-0,25**	-0,35***	–
Жизнестойкость	–	-0,26**	-0,34***	–

Примечание. Уровень значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Таблица 9

Корреляция методики «Страх личной смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости: экономисты (n=151)

	Страх последствий для личности	Страх последствий для тела	Страх последствий для личных стремлений	Страх трансцендентных последствий	Страх последствий для близких	Страх забвения
Негативное прошлое	0,16*	0,22**	–	0,25**	0,19*	0,37***
Будущее	–	–	–	–	–	-0,16*
Позитивное	–	–	0,18*	–	–	–

прошлое						
Фаталистическое настоящее	-	0,35***	-	0,24**	-	0,44***
Тревожный стиль привязанности	0,19*	0,19*	-	0,24**	-	0,41***
Избегающий стиль привязанности	-	-	-	-	-	0,22**
Вовлеченность	-	-0,28**	-	-0,28**	-	-0,45***
Контроль	-	-0,24**	-	-0,27**	-	-0,38***
Принятие риска	-0,22**	-0,31***	-0,2*	-0,3***	-0,24**	-0,35***
Жизнестойкость	-0,17*	-0,31***	-	-0,31***	-	-0,44***

Примечание. Уровень значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Студенты МГТУ им. Баумана (г. Москва). Для студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана наиболее значимыми оказались шкалы «Принятие смерти как бегства» и «Страх забвения» (табл. 10). Следует также отметить, что инженеры набирали небольшое количество баллов по этим шкалам. Обращает на себя внимание и включение шкалы «Страх последствий для близких». Такого не наблюдалось в предыдущих выборках. Мы считаем это благоприятным знаком: смерть для данных студентов не является чем-то абстрактным, это скорее факт, которого следует избегать, заботясь о родных людях. Напомним, что студенты проходили тестирование в рамках профотбора на факультет военного обучения. То есть это были студенты, желавшие если и служить в армии, то по своей военной специальности. Возможно, тестирование в других условиях дало бы иной результат. Но по этим данным рисуется профиль героев, не принимающих смерть как бегство и не боящихся забвения.

Таблица 10

Корреляция методик «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» с методиками исследования временной перспективы личности, опыта привязанности и жизнестойкости: инженеры (n=283)

	Принятие-приближение смерти	Избегание темы смерти	Страх смерти	Принятие смерти как бегства	Страх последствий для личности	Страх последствий для тела	Страх трансцендентных последствий	Страх последствий для близких	Страх забвения
Негативное прошлое	-	-	-	0,21***	-	-	-	-	0,29***

Гедонистическое настоящее	0,18**	-0,15*	-	0,13**	-	-	-	-	0,16**
Будущее	-	0,14*	-	-0,24***	0,17**	-	-	-	-0,21***
Позитивное прошлое	-	-	-	-0,15*	-	-	-	0,24**	-
Фаталистическое настоящее	0,22***	-	-	0,28***	-	-	-	-	0,24***
Вовлеченность	-	0,19**	-	-0,3***	-	-	-	0,17**	-0,25***
Контроль	-	0,15*	-	-0,24***	-	-	-	-	-0,19**
Принятие риска	-0,12*	-	-0,14*	-0,26**	-	-	-0,13*	-	-0,29***
Жизнестойкость	-	-	-	-0,3**	-	-	-	0,13*	-0,28***
Тревожный стиль привязанности	-	-	-	0,17**	-	0,12*	-	-	0,28***
Избегающий стиль привязанности	-	-	-	-0,12*	-	-	-	0,18**	-

Примечание. Уровень значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Сравнение выборок. Парные сравнения выборок с помощью критерия Манна–Уитни показали, что студенты МГТУ им. Н.Э. Баумана наиболее благополучны, если судить по выделенным нами психологическим показателям. По сравнению с общей чебоксарской выборкой они более жизнестойки ($p < 0,001$), отличаются безопасным типом привязанности (низкие «Тревожный» – $p < 0,001$ и «Избегающий» – $p < 0,001$ стили), более ориентированы на будущее ($p < 0,001$), выше по шкале «Нейтральное принятие смерти» ($p < 0,001$), больше беспокоятся за близких ($p < 0,001$). При сравнении с одесской выборкой картина оказалась примерно такой же. Помимо высоких показателей по шкалам «Будущее» и «Жизнестойкость», инженеры отличались от экономистов более сильной ориентацией на позитивное прошлое ($p = 0,025$), более высокими показателями «Избегания темы смерти» ($p = 0,034$), «Нейтрального принятия смерти» ($p < 0,001$), «Страха последствий для личности» ($p = 0,016$) и «Страха последствий для близких» ($p = 0,001$).

Любопытно, что чебоксарская выборка отличалась от одесской более высокой ориентацией на позитивную временную перспективу ($p = 0,001$ – показатель по шкале «Будущее» и $p = 0,001$ – «Позитивное прошлое»). При этом показатели в группе одесских экономистов были выше по «Нейтральному принятию смерти» ($p < 0,001$), а сводная чебоксарская выборка отличалась от одесской более высокими показателями по шкалам «Страх последствий смерти для тела» ($p = 0,013$) и «Страх забвения» ($p = 0,013$). Различий в показателях жизнестойкости и привязанности в этих выборках не наблюдалось.

Мы затрудняемся интерпретировать высокую позитивную временную перспективу чебоксарских студентов. Она сохранялась, даже когда мы разделили эту выборку на студентов-медиков и не-медиков и сравнивали их с одесской и московской выборками.

Возможно, это их ресурс, в том числе и против страхов смерти. Однако, зная, что в Чувашии наблюдается повышенный уровень суицидов вследствие культурных особенностей [4], можно предположить, что ностальгия в данном случае играет отрицательную роль.

Выводы

Проведено масштабное исследование студентов разных специальностей в трех городах: Москве (инженеры), Чебоксарах (врачи, психологи, менеджеры, юристы) и Одессе (экономисты). Выяснено, что отношение к смерти и паттерны защит различны у студентов разных специальностей. Можно назвать этот эффект «образ смерти в разнотипных профессиях» [2]. Безусловно, следует продолжить изучение этого феномена. Например, сравнить медиков, психологов и студентов других специальностей в разных городах, чтобы убедиться, что эти различия не региональные и не соответствующие конкретному вузу, а именно профессиональные. Нужно провести исследования работающих врачей, чтобы понять, сохраняются ли с опытом их особенности отношения к смерти.

Результаты исследования важны для составления образовательных программ по валеологии, психологии здоровья, возможно даже, для создания отдельных курсов танатологии для студентов разных специальностей, для выявления групп риска и превенции суицидов [9]. Однако менять и дополнять данные курсы нужно с большой осторожностью. Например, исследование И.Б. Бовиной с соавторами показало [1], что молодые люди, у которых были или не были друзья, покончившие с собой, описывали их как «дураков», «слабых», «глупых», «сумасшедших». Враждебность к суицидентам провоцирует их на повторные попытки [20]. В то же время положительный образ суицидентов как «жертв» способствует распространению суицидального поведения в подростковой среде [8].

Литература

1. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Коноплева И.Н.* Особенности обыденных представлений молодежи о самоубийцах [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2013. № 1. URL: http://psyedu.ru/journal/2013/1/Vovina_Dvoryanchikov_Konopleva.phtml (дата обращения: 23.05.2014).
2. *Климов Е.А.* Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Издат. Моск. ун-та, 1995. 224 с.
3. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
4. *Положий Б.С.* Суицидальное поведение (клинико-эпидемиологические и этнокультуральные аспекты). М.: ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского». 2010. 232 с.
5. *Сырцова А., Митина О.В.* Возрастная динамика временных ориентаций личности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 41–54.
6. *Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Бадалян А.В.* и др. Адаптация методик исследования отношения к смерти у людей в остром постсуициде и в относительном психологическом благополучии // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22. № 2. С. 35–42.
7. *Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н.* Проблема отношения к смерти после суицидальной попытки [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2013. Т. 19. № 2. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2013_2_19/nomer/nomer12.php (дата обращения: 12.05.2014).
8. *Abrutyn S., Mueller A.* Are suicidal behaviors contagious in adolescence? Using longitudinal data to examine suicide suggestion // American Sociological Review. 2014. Vol. 79 (2). P. 211–227.
9. *Dennis D.* Living, Dying, Grieving. Sudberry: Jones and Bartlett Publishers, 2008. P. 227.
10. *Feifel H.* Attitudes toward death: A psychological perspective // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1969. Vol. 33 (3). P. 292–295.
11. *Feifel H.* Religious conviction and fear of death among the healthy and the terminally ill // Journal for the Scientific Study of Religion. 1974. Vol. 13 (3). P. 353–360.

12. *Ferguson E., Semper H., Yates J. et al.* The 'Dark Side' and 'Bright Side' of Personality: When Too Much Conscientiousness and Too Little Anxiety Are Detrimental with Respect to the Acquisition of Medical Knowledge and Skill [Электронный ресурс] // PLOS ONE. 2014. Vol. 9 (2). e88606. URL: <http://www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0088606#pone-0088606-g002> (дата обращения: 23.04.2014).
13. *Florian V., Kravetz S.* Fear of personal death: Attribution, structure, and relation to religious belief // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol. 44 (3). P. 600–607.
14. *Fraley R.C., Waller N.G., Brennan K.A.* An item response theory analysis of self-report measures of adult attachment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78 (2). P. 350–365.
15. *Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S.* The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory // *Public Self and Private Self* / Ed. by R.F. Baumeister. N.Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 189–212.
16. *Hart J., Shaver P., Goldenberg J.* Attachment, self-esteem, worldviews, and terror management: Evidence for a tripartite security system // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88 (6). P. 999–1013.
17. *Sedikides C., Wildschut T., Gaertner L. et al.* Nostalgia as Enabler of Self-Continuity // *Self-Continuity. Individual and Collective Perspectives* / Ed. by F. Sani. N.Y.: Psychology Press, 2008. P. 227–239.
18. *Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T.* A terror management theory of social behavior: The psychological functions of self-esteem and cultural worldviews // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. by L. Berkowitz. N.Y.: Academic Press, 1991. Vol. 24. P. 93–159.
19. *Wong P.T.* Suicide risks among college students from diverse cultural backgrounds // *Directions in Mental Health Counseling* / Ed. by S. Powell. Hobart, N.Y.: The Hatherleigh Press, 2014 (in press).
20. *Wong P.T., Reker G.T., Gesser G.* Death-attitude profile-revised: A multidimensional measure of attitudes toward death // *Death Anxiety Handbook: Research, Instrumentation, and Application* / Ed. by R. Neimeyer. N.Y.: Taylor and Francis, 1994. P. 121–148.
21. *Zimbardo P., Boyd J.* Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77 (6). P. 1271–1288.

Death Attitudes in Students of Medical, Humanitarian and Technical Specialties: the Issue of Suicide Risk

Chistopolskaya K.A.,

Junior Research Associate, Department of Suicidology, Moscow Research Institute of Psychiatry, Ministry of Health, Moscow, Russia, ktchist@gmail.com

Enikolopov S.N.,

Ph.D. (Psychology), Professor, Head of Department of Clinical Psychology, Research Center for Mental Health, RAMS, Moscow, Russia, enikolopov@mail.ru

Nikolaev E.L.,

Dr. Sci (Medicine), Associate Professor, Head of the Chair of Clinical Psychology, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary, Russia, pzdorovie@bk.ru

Semikin G.I.,

Dr. Sci (Medicine), Professor, Head of Chair of Valeology, N.E. Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia, semikin@bmstu.ru

Hramelashvili V.V.,

PhD (Medicine), Associate Professor, Senior Research Associate, Head of the Laboratory of Psychophysiological Research and Professional Orientation, Training Center "Health technology and drug prevention among youth", N.E. Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia, vikh@mail.ru

Kazantseva V.N.,

Psychologist, Odessa preschool educational institution Nursery № 306, Odessa, Ukraine, Cherry-blossom88@yandex.ru

We discuss the problem of variability of defenses from fears of death, and their dependence on the obtained profession. We describe a study with the sample was 757 subjects 18-25 years old (398 males, 359 females) from Moscow (N.E. Bauman Moscow State Technical University, engineers, n = 283), Cheboksary (Chuvash State University, physicians, psychologists, and Cheboksary Branch of RSSU, lawyers, managers, n = 323), and Odessa (Odessa National University of Economics, economists, n = 151). During the study, the subjects filled in questionnaires on time-perspective, hardiness, death attitudes and fears of death. The study confirmed the hypothesis that medical students in relation to the problem of death are significantly different from non-health professions students in relation to the problem of death ana pattern of defenses. The article presents a comprehensive picture of each of the professions of the students enrolled in the study, considering the heightened risk of suicide. The results of the study can be used to form the training courses that take into account the specifics of the future work of students in their chosen specialty.

Keywords: psychological well-being, time-perspective, hardiness, attachment, death attitudes, fear of death, suicidal risk.

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Konopleva I.N. Osobennosti obydenykh predstavlenii molodezhi o samoubitsakh [Elektronnyi resurs] [Aspects of common notions of suicidals in youth]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological science and education PSYEDU.ru], 2013, no. 1. Available at: http://psyedu.ru/journal/2013/1/Bovina_Dvoryanchikov_Konopleva.phtml (Accessed 23.05.2014). (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Klimov E.A. Obraz mira v raznotipnykh professiyakh [Worldviews in various types of professions]. Moscow: Moscow State University, 1995. 224 p. (In Russ.).
3. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestoikosti [Hardiness Survey]. Moscow: Smysl, 2006. 63 p. (In Russ.).
4. Polozhii B.S. Suitsidal'noe povedenie (kliniko-epidemiologicheskie i etnokul'tural'nye aspekty) [Suicidal Behavior (clinical, epistemological, ethnic and cultural aspects)]. Moscow: Serbskii Governmental Research Center of Social and Forensic Psychiatry, 2010. 232 p.
5. Syrtsova A., Mitina O.V. Vozrastnaya dinamika vremennykh orientatsii lichnosti [Age-specific dynamics of personal time-perspectives]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 2008, no. 2, pp. 41-54. (In Russ., Abstr. in Engl.).
6. Chistopol'skaya K.A., Enikolopov S.N., Badalyan A.V., Sarkisov S.A. Adaptatsiya metodik issledovaniya otnosheniya k smerti u lyudei v ostrom postsuitside i v otnositel'nom

psikhologicheskom blagopoluchii [Adaptation of death attitude measures on people in acute postsuicide and in relative psychological well-being]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya* [*Social and Clinical Psychiatry*], 2012. Vol. 22, no. 2, pp. 35–42. (In Russ., Abstr. in Engl.).

7. Chistopol'skaya K.A., Enikolopov S.N. Problema otnosheniya k smerti posle suitsidal'noi popytki [Elektronnyi resurs] [On the Issue of Death Attitudes after a Suicide Attempt]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [*Medical Psychology in Russia*], 2013. Vol. 19, no. 2. Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2013_2_19/nomer/nomer12.php (Accessed 12.05.2014).

8. Abrutyn S., Mueller A. Are Suicidal Behaviors Contagious in Adolescence? Using Longitudinal Data to Examine Suicide Suggestion. *American Sociological Review*, 2014. Vol. 79, no. 2, pp. 211–227. doi:10.1177/0003122413519445

9. Dennis D. Living, Dying, Grieving. Sudberry: Jones and Bartlett Publishers, 2008. 227 p.

10. Feifel H. Attitudes Toward Death: A Psychological Perspective. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1969. Vol. 33, no. 3, pp. 292–295. doi:10.1037/h0027565

11. Feifel H. Religious Conviction and Fear of Death Among the Healthy and the Terminally Ill. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1974. Vol. 13, no. 3, pp. 353–360. doi:10.2307/1384763

12. Ferguson E. Semper H., Yates J., Fitzgerald J., Skatova A., James D. The 'Dark Side' and 'Bright Side' of Personality: When Too Much Conscientiousness and Too Little Anxiety Are Detrimental with Respect to the Acquisition of Medical Knowledge and Skill. *PLOS ONE*. 2014. Vol. 9, no. 2. doi:10.1371/journal.pone.0088606. Available at: <http://www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0088606#pone-0088606-g002> (Accessed: 23.04.2014).

13. Florian V., Kravetz S. Fear of Personal Death: Attribution, Structure, and Relation to Religious Belief. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1983. Vol. 44, no. 3, pp. 600–607. doi:10.1037/0022-3514.44.3.600

14. Fraley R.C., Waller N.G., Brennan K.A. An Item Response Theory Analysis of Self-Report Measures of Adult Attachment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 78, no. 2, pp. 350–365. doi:10.1037/0022-3514.78.2.350

15. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: A Terror Management Theory. In R.F. Baumeister (Ed.) *Public Self and Private Self*. New York: Springer-Verlag, 1986, pp. 189–212.

16. Hart J., Shaver P., Goldenberg J. Attachment, Self-Esteem, Worldviews, and Terror Management: Evidence for a Tripartite Security System. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2005. Vol. 88, no. 6, pp. 999–1013. doi: 10.1037/0022-3514.88.6.999

17. Sedikides C., Wildschut T., Gaertner L., Routledge Cl., Arndt J. Nostalgia as Enabler of Self-Continuity. In F. Sani (Ed.) *Self-Continuity: Individual and Collective Perspectives*. New York: Psychology Press, 2008, pp. 227–239.

18. Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. A Terror Management Theory of Social Behavior: The Psychological Functions of Self-Esteem and Cultural Worldviews. In L. Berkowitz (Ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. New York: Academic Press, 1991. Vol. 24, pp. 93–159.

19. Wong P.T. Suicide risks among college students from diverse cultural backgrounds. In S.P. Hobart (Ed.) *Directions in Mental Health Counseling*. New York: The Hatherleigh Press, 2014 (in press).

20. Wong P.T., Reker G.T., Gesser G. Death-Attitude Profile-Revised: A Multidimensional Measure of Attitudes Toward Death. In R. Neimeyer (Ed.) *Death Anxiety Handbook: Research, Instrumentation, and Application*. New York: Taylor and Francis, 1994, pp. 121–148.

21. Zimbardo P., Boyd J. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, no. 6, pp. 1271–1288. doi: 10.1037/0022-3514.77.6.1271

Новый подход к исследованию овладения русским языком детьми дошкольного возраста с нормальным и нарушенным развитием

Лебедева Т.В.,

заместитель директора, ГБОУ ЦПМСС «Северо-Запад», соискатель кафедры специальной психологии факультета клинической и специальной психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, cpmssmitino@mail.ru

Рассматриваются возможности использования стандартизованного метода психологической оценки развития русского языка у детей дошкольного возраста. Приводится обоснование актуальности своевременной дифференциации детей с языковыми и речевыми трудностями в условиях современной образовательной практики. Представлены результаты сравнительного анализа показателей языкового и речевого развития в двух обследованных группах детей в возрасте 5–6 лет: нормально развивающихся (92 человека) и с языковыми и речевыми нарушениями (59 человек). Описываются диагностические возможности данного инструмента исследования в отношении клинической выборки детей с нарушениями языка и речи. Выявлены различия в показателях выполнения методики оценки развития русского языка между двумя выделенными группами детей. Полученные данные могут быть использованы в решении задач дифференцированной коррекционной помощи детям дошкольного возраста с недостатками языкового и речевого развития.

Ключевые слова: дети дошкольного возраста, язык, речь, нарушения языкового и речевого развития, стандартизованная методика оценки развития русского языка, современная образовательная практика.

Для цитаты:

Лебедева Т.В. Новый подход к исследованию овладения русским языком детьми дошкольного возраста с нормальным и нарушенным развитием [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Lebedeva.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Lebedeva T.V., A new approach to the study of Russian language acquisition in preschool children with normal and abnormal development [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Lebedeva.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

В настоящее время в нашей стране отмечается устойчивый рост числа детей с недостатками речезыкового развития. Часто в основе трудностей обучения лежат нарушения языка и речи ребенка. Имеются данные, что у более 55 % детей, поступающих в первые классы массовых школ, остается незавершенным дограмматический период усвоения языка [12]. В логопедических исследованиях неизменно подчеркивается взаимосвязь нарушений устной и письменной речи, а также тот факт, что дети дошкольного возраста с речевым недоразвитием составляют группу риска по дислексии и дисграфии. Поскольку школьные достижения ребенка напрямую связаны с успешностью в овладении чтением и письмом на

начальных этапах обучения, особое значение имеет проблема предупреждения и коррекции недостатков речезыкового развития в дошкольном возрасте. Очевидно, что своевременное выявление таких детей в популяции дошкольников является важной задачей психологической диагностики.

Известно, что именно в дошкольном возрасте происходит интенсивное практическое овладение языком и осознание собственной речи ребенком, имеющее важное значение для последующего овладения грамотой. Темп освоения языка у каждого ребенка свой, различия в данной области чрезвычайно велики.

В дошкольном детстве обнаруживается наибольшая чуткость к языковым явлениям, закладывается языковое поведение ребенка, развиваются словарь и грамматический строй речи [14]. Словарный запас увеличивается параллельно с овладением умением сочетать слова в предложении по законам грамматики родного языка. Усвоение языка происходит чрезвычайно активно, усваивается морфологическая система родного языка, дети осваивают в основных чертах типы склонений и спряжений, овладевают сложными предложениями, соединительными союзами и большим числом суффиксов. Интенсивное словообразование и словотворчество является яркой отличительной чертой периода дошкольного возраста ребенка. В то же время идет непрерывное совершенствование в практическом употреблении детьми речи, что определяет развитие всех когнитивных процессов в целом.

В ситуации нормального познавательно-речевого развития детям в дошкольном возрасте удается естественным образом полноценно пройти дограмматический период усвоения языка. У детей с различными формами нарушений развития подобного не происходит. В случаях не оказания им своевременной коррекционно-профилактической помощи до начала школьного обучения большинство из них демонстрируют обилие аграмматизмов в устной речи (неправильное употребление падежных окончаний, предлогов, суффиксов, приставок, неправильная постановка ударений в словах и пр.), бедный и несистематизированный словарный запас, неточное понимание смыслового значения многих слов и другие особенности [3; 6; 11; 12].

В современной российской образовательной практике, наряду с сохраняющейся системой дифференцированного обучения детей с различными нарушениями в развитии, ведущим направлением в общем и специальном образовании является концепция интегрированного обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья [5; 8]. Все большую популярность приобретает идеология инклюзивного обучения, основной идеей которого является включение детей с разными стартовыми возможностями в единый образовательный процесс. Организация и развитие в России инклюзивной практики предполагает творческий подход и определенную гибкость системы общего и специального образования с учетом потребностей не только детей с ОВЗ, но и различных этнических групп, пола, возраста, принадлежности к той или иной социальной группе.

Утрата престижа специального образования у родителей детей с нарушениями в развитии приводит к масштабной стихийной интеграции их в образовательное пространство массовых учреждений [8]. В дошкольных образовательных учреждениях находится много детей с отклонениями в развитии разного характера и различной степени выраженности.

Специалисты, работающие в области образования и здравоохранения, неоднократно отмечали негативные популяционные тенденции в сфере здоровья подрастающего поколения. Определенная часть детей рождаются с такими психофизиологическими нарушениями, которые лишают ребенка нормальной возможности овладения языком.

Особо подчеркивается увеличение числа детей с пограничными и сочетанными нарушениями развития, которых трудно отнести к определенной форме дизонтогенеза. В дошкольных учреждениях большую группу составляют дети с не резко выраженными, минимальными и поэтому трудно и не всегда правильно диагностируемыми проблемами в речевом, двигательном, сенсорном или интеллектуальном развитии [3; 8; 12].

Известно, что сходные психологические особенности наблюдаются у детей дошкольного возраста, относящихся к разным категориям нарушенного развития. В частности, недостатки языка и речи характерны для большинства традиционно выделяемых видов психического дизонтогенеза.

На современном этапе особое значение приобретают проблемы обучения грамоте и родному языку. Отмечается довольно тревожное положение с показателями грамотности молодежи России, выявленное по результатам ЕГЭ и таких международных исследований, как PISA.

Представители науки и практики, работающие в сфере образования, наблюдают общую тенденцию к снижению языковых способностей и речевых возможностей у детей разного возраста. Процессы формирования практических речевых навыков, сформированность лексико-грамматической стороны речи, осознание языковой действительности, смысловой стороны слова у многих детей происходят с опозданием или оказываются в той или иной степени нарушенными.

В связи с этим актуальной является задача своевременного выявления в популяции детей с недостатками речевого развития с помощью современных психологических методов оценки.

Постановка проблемы

Одним из общепринятых определений языка является следующее: язык – это система знаков, служащая средством человеческого общения, мыслительной деятельности, способом передачи информации от поколения к поколению и ее хранения [9]. В онтогенезе человека язык и речь неотделимы друг от друга: не существует внеречевого языка или безъязычной речи

[1; 14]. Речь является сложной функциональной системой, в основе которой лежит использование знаковой системы языка в процессе общения [9].

В зарубежной литературе принято различать расстройства развития языка (language disorders) и речи (speech disorders). Язык – это система знаков и набор правил их использования для построения высказываний. Речь – форма реализации этих правил посредством порождения высказываний в звуковой форме [7]. В отечественных традициях различение языка и речи также является общепризнанным, хотя в работах по специальной психологии и педагогике чаще используются термины «нарушения речи», «недостатки речевого развития» и другие. В данной статье мы используем понятия «нарушения речи», «речевые и языковые нарушения», «недостатки речезыкового развития» как комплексные и взаимозаменяемые.

Любые знания человек приобретает исключительно благодаря языку. Без овладения языком путь к знаниям закрыт, а знание языка – пропедевтика всех прочих знаний, начальная основа всякого образования.

Не у всех детей чувство языка проявляется в полной мере. Имеются данные, что у 60 % современных дошкольников выявляются проблемы в овладении языком и правильности речевых высказываний [2].

Для дошкольников с речевым недоразвитием характерны сложности в интеграции фонетических, семантических и синтаксических компонентов языка, затруднения на уровне понимания отдельных слов и предложений, замедленный темп развития языковой способности, речевая инертность и многие другие особенности [10; 11].

В рамках отечественных традиций специальной психологии и педагогики языковую компетентность ребенка оценивают через определение уровня развития средств общения [3].

При изучении уровня сформированности языковых средств (средств общения) исследуются особенности экспрессивной (собственной активной речи ребенка) и импрессивной (понимание речи других людей) речи. При обследовании экспрессивной речи изучается состояние связной самостоятельной речи, особенности словарного запаса, грамматического строя речи, слоговой структуры слов и звукопроизношения. Обследование импрессивной речи включает в себя изучение особенностей понимания ребенком слов, грамматических конструкций и предложений.

Для оценки сформированности языковых средств у ребенка-дошкольника традиционно используются разнообразные приемы и методы преимущественно логопедического обследования, описание которых широко представлено в отечественной специальной литературе [3; 9; 10].

Несмотря на большое количество методик, применяемых при речевом обследовании детей, научно обоснованных и апробированных психометрических процедур явно недостаточно. Это касается и психологической диагностики детей дошкольного возраста, на этапе «до-чтения», когда своевременно оказанная психолого-педагогическая коррекционная помощь в овладении родным языком и навыками речевой грамотности может минимизировать будущие трудности чтения и письма в школе.

В настоящее время проблема измерений в специальной психологии является актуальной. Многолетние традиции исключительного приоритета глубокого и всестороннего качественного анализа при изучении детей с нарушениями развития в нашей стране создают ситуацию, когда данные отдельных исследований практически непоставимы.

В России наблюдается дефицит использования стандартизованных методов психологической диагностики, предполагающих унифицированную процедуру проведения, стандартный диагностический материал, формализованную процедуру оценки и возрастные нормы, полученные на статистически репрезентативной выборке [4; 7].

Сейчас в мире предпринимаются попытки разработать такие подходы и методы выявления детей группы риска, которые могут применяться уже в детском саду [4]. Психологические и педагогические науки стремятся обнаружить ранние индикаторы риска для различных неспособностей к обучению, в том числе и языковых, чтобы нацелить их на профилактику, а не на последующие коррекционные меры (более затратные). Чтобы дети, нуждающиеся в гарантированной помощи, получили ее как можно раньше, важно обеспечить возможность безошибочного выявления детей дошкольного возраста, у которых в будущем могут возникнуть трудности в обучении чтению и письму. Несмотря на то, что опытные педагоги в состоянии выявить большинство детей с риском речевых и языковых трудностей, рассчитывать только на практический опыт специалистов в этой области недостаточно. Процесс прогнозирования может быть существенно улучшен, если он будет основан на результатах статистически достоверной психологической диагностики.

Мы считаем важным направлением использование стандартизованных методов психологической диагностики для первичной дифференциации нормального

и нарушенного речевого развития у детей дошкольного возраста в условиях интегративного обучения и инклюзивной образовательной практики. Наше исследование является одной из первых попыток применения в России данных методов.

Методика

Основными целями нашего исследования были апробация комплекта тестов, разработанных для оценки уровня развития русского языка у детей, и сравнительная оценка результатов, полученных при обследовании нормально развивающихся детей дошкольного возраста и детей с недостатками речевого развития.

Стандартизованный метод оценки развития русского языка (ОРРЯ), разработанный группой отечественных авторов под руководством Е.Л. Григоренко, не является переводной методикой и создан для изучения лексико-грамматических навыков у детей в возрасте от трех до девяти лет в варианте индивидуального предъявления [13; 15].

ОРРЯ состоит из семи субтестов, каждый из которых может быть использован как отдельная методика. В нашем исследовании были использованы пять из этих субтестов: «Пассивный словарь», «Лингвистические операторы», «Активный словарь», «Структура предложений», «Структура слов». Данная совокупность тестов позволяет определять границы пассивных и активных знаний ребенка в таких областях, как синтаксис, лексика, морфология, фонология, а также сравнить активные и пассивные лингвистические возможности детей.

Методика «Пассивный словарь» включает в себя 31 задание с множественным выбором и направлена на измерение пассивного словаря ребенка (знание и понимание значений слов). С помощью данного субтеста можно оценить словарный запас ребенка применительно к различным синтаксическим категориям (существительные, глаголы, определения, местоимения) и семантическим классам (предметы обихода, животные, цвета, геометрические формы, части тела и др.). Пример заданий: «Покажи, где мячики окружают мишку». Максимальное количество баллов – 31 балл.

Методика «Лингвистические операторы» состоит из 28 заданий, оценивающих владение ребенка сложными семантическими структурами с логическими, временными и пространственными отношениями (и/или; после того, как; перед тем, как; несколько/все/одна; первый/последний и др.). Ребенку показывают рисунок, изображающий разных животных, и просят произвести сложное действие, для исполнения которого он должен иметь контроль над временными и логическими операторами, структурой установки и отношениями порядка (например: «Покажи первого большого медведя и последнюю собаку»). Пример заданий: «Укажи на первого медведя, лису и последнюю мышь». Максимальное количество баллов – 28.

Методика «Активный словарь» включает в себя 22 задания, направленных на оценку уровня активного словаря ребенка: правильное название предметов, действий, признаков, пространственных отношений и пр. Ребенку показывают картинки с изображением обычных предметов и различных действий (например: молоток, спящий человек и т. п.) и просят назвать их. Примеры заданий: «Что это такое?», «Кто это такой?». Максимальное количество баллов – 44.

Методика «Структура предложений» содержит 24 задания с множественным выбором варианта ответа и направлена на оценку понимания ребенком грамматических и морфологических тонкостей построения и связи слов в предложении. Ребенку показывают несколько картинок, изображающих предметы и людей, выполняющих определенные действия, а затем произносят фразу, побуждающую его выбрать одну из картинок. Правильный ответ предполагает понимание произнесенной фразы и всех ее лексических,

морфологических и синтаксических аспектов. Пример заданий: «Я тебе прочитаю, а ты покажи ...». Максимальное количество баллов – 24 балла.

Методика «Структура слов» состоит из 24 заданий, в которых ребенок должен закончить предложение, опираясь на предъявленную картинку и начало фразы, произносимой экспериментатором. Задания позволяют оценить не только пассивное знание испытуемым грамматических и морфологических особенностей языка, но и активное его использование.

Задания позволяют также оценить навыки ребенка в области словоизменения применительно к местоимениям, существительным и их определениям (падеж, род, число, сравнительные и превосходные формы прилагательных), глаголам (вид, время, согласованность).

Примеры заданий: «Я буду начинать рассказывать, а ты мне будешь помогать закончить: “Вот мальчик стоит, а девочка ...”. Правильный ответ «сидит». Максимальное количество баллов – 24 балла.

Результаты исследования и их обсуждение

В проведенном нами исследовании приняли участие 151 русскоговорящий ребенок дошкольного возраста (5–6 лет) из семей, где русский язык является родным.

Исследование проводилось сплошным методом на базе дошкольных образовательных учреждений № 1358, № 1703, № 2305, № 2412 и ГБОУ центра психолого-медико-социального сопровождения «Митино» СЗООУ г. Москвы. На основании анамнестических данных и сведений, содержащихся в заключениях ПМПК и медицинских картах, нами были выделены для сравнительного анализа две группы детей. Первая группа (92 человека) – нормально развивающиеся дети, в отношении которых отсутствовала информация о наличии речевых нарушений. Вторую группу (59 человек) составили дети с недостатками речевого развития, отражающимися в логопедических диагнозах: ЗРР (6 детей), ОНР (24 ребенка), ФФН (14 детей), дислалия (15 детей).

Методика оценки развития русского языка проводилась индивидуально, результаты фиксировались в стандартной форме протокола.

Порядок предъявления субтестов для каждого ребенка был одинаково последовательным. Во время проведения методик не допускались объяснения, подсказки или мотивирующие высказывания взрослого.

Статистический анализ данных проводился при помощи специализированных программ SPSS и Microsoft Excel. В табл. 1 представлена описательная статистика обследованной выборки детей.

Таблица 1

Размер выборки, распределение пола и возраста каждой группы

Характеристика группы	Группа 1 (без нарушений языка и речи)		Группа 2 (с нарушениями языка и речи)		Вся выборка	
	М	SD	М	SD	М	SD
Возраст (месяцы)	65,50	6,664	66,64	6,599	65,95	6,640
Пол (мальчики, %)	41		53		46	

Размер выборки (чел.)	92	59	151
-----------------------	----	----	-----

Примечание. М – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

Процедура апробации стандартизированной методики предполагает получение нормативных показателей по каждому субтесту. После подсчета суммы «сырых» баллов по каждому испытуемому были определены средние значения выполнения субтестов. Данные приведены в табл. 2.

Таблица 2

Средние значения показателей выполнения субтестов ОРРЯ по группам испытуемых (в «сырых» баллах)

Методика \ Группа	ПС	ЛО	АС	СП	СС	Общий балл
Норма	28	9,4	36,5	21,9	21,3	116,9
Речевые	25,4	6,9	31,2	19,6	18,5	101,5

Примечание. ПС – «Пассивный словарь»; ЛО – «Лингвистические операторы»; АС – «Активный словарь»; СП – «Структура предложений»; СС – «Структура слов».

Были вычислены стандартизированные значения по каждому ребенку и средние стандартизированные показатели по каждой группе детей. В дальнейшем, сравнивая эти средние между собой, можно сказать, какая группа детей показывает результаты выше или ниже общего среднего по всей выборке, а также увидеть, по каким субтестам получены более высокие или низкие результаты. В табл. 3 представлены стандартизированные средние значения и стандартные отклонения по результатам выполнения всех субтестов в каждой обследованной группе детей.

Таблица 3

Стандартизированные средние значения выполнения субтестов ОРРЯ

Методика \ Группа	Группа 1 (без нарушений языка и речи)		Группа 2 (с нарушениями языка и речи)	
	М	SD	М	SD
Пассивный словарь	0,27	0,76	-0,43	1,17
Лингвистические операторы	0,06	1,05	-0,09	0,91
Активный словарь	0,23	0,92	-0,35	1,03
Структура предложений	0,23	0,92	-0,36	1,02
Структура слов	0,30	0,74	-0,47	1,17

Примечание. М – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

Результаты показывают, что существуют различия между двумя группами. В группе детей с нарушениями речи обнаружены более низкие результаты по всем показателям по сравнению с нормально развивающимися дошкольниками. Выявлены отрицательные средние значения выполнения всех субтестов детьми с нарушениями речи относительно аналогичных средних по всей обследованной выборке детей.

Наибольшая разница между двумя группами оказалась в результатах выполнения субтестов «Пассивный словарь» и «Структура слов». В группе дошкольников без нарушений языка и речи эти показатели (0,27 и 0,30, соответственно) самые высокие, у детей с речевыми нарушениями (-0,43 и -0,47, соответственно) самые низкие.

Для выяснения вопроса о значимости различий в показателях языкового развития между двумя исследуемыми группами дошкольников был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Было обнаружено, что две группы значимо различаются ($p < 0,05$) по результатам выполнения следующих субтестов: «Пассивный словарь», «Активный словарь», «Структура предложений», «Структура слов».

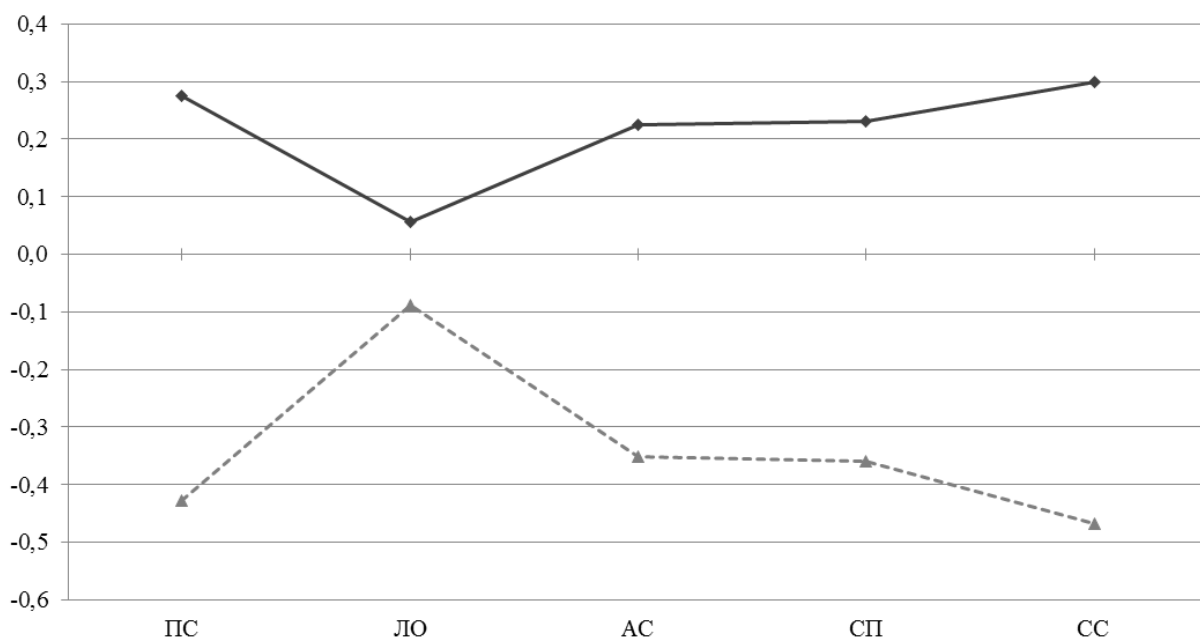

Рис. График результатов выполнения субтестов методики ОРРЯ: ПС – «Пассивный словарь»; ЛО – «Лингвистические операторы»; АС – «Активный словарь»; СП – «Структура предложений»; СС – «Структура слов»; — — — — без нарушений языка и речи; - - - - с нарушениями языка и речи

Таким образом, в соответствии с главными целями нашего исследования, апробацией стандартизованного метода оценки развития русского языка ОРРЯ и сравнительного анализа результатов нормально развивающихся детей дошкольного возраста и детей с речевыми нарушениями можно сделать следующие **выводы**.

Используемая методика позволяет установить статистически значимые различия по основным показателям лексических и грамматических навыков языкового развития дошкольников. ОРЯ может быть использована для первичной дифференциальной скрининговой диагностики детей с нарушениями речезыкового развития. В результате нашего исследования обнаружено, что различия в устном языке между детьми с речевыми нарушениями и детьми без указанных отклонений действительно существуют. Дети с нарушениями языка и речи показали достоверно низкие результаты выполнения по всем субтестам в сравнении с нормально развивающимися. Также установлены отрицательные средние значения по всем субтестам в группе детей с нарушениями речи относительно всей обследованной выборки. Значимость различий между двумя группами подтверждена по результатам выполнения субтестов: «Пассивный словарь», «Активный словарь», «Структура предложений», «Структура слов». Наибольшие различия между группами обнаружены по итогам субтестов «Пассивный словарь» и «Структура слов».

Обширный экспериментальный материал, полученный в исследовании, будет подвергнут дальнейшему количественному и качественному анализу и отражен в последующих публикациях.

Литература

1. *Абелева И.Ю.* Механизмы коммуникативной речи: Учеб.-монограф. пособие. М.: ПАРАДИГМА, 2012. 288 с.
2. *Арушанова А.Г.* Проблемы речевого развития старших дошкольников // Проблемы и перспективы развития дошкольных образовательных учреждений / Отв. ред. Л.Е. Курнешова. М.: Центр «Школьная книга», 2004. С. 64 – 69.
3. *Волковская Т.Н.* Организационно-методические основы психологической помощи лицам с недостатками речи: Учеб.-метод. пособие. М.: Национальный книжный центр, 2011. 144 с.
4. *Григоренко Е.Л.* Чтение о чтении. Воронеж.: АИСТ, 2012. 416 с.
5. *Забрамная С.Д., Левченко И.Ю.* Психолого-педагогическая диагностика нарушений развития (курс лекций). М.: В.Секачев, 2007. 128 с.
6. *Калмыкова Л.А.* Особенности восприятия и понимания дошкольниками языковых единиц // Современный детский сад. 2012. № 2. С. 2–8.
7. *Корнев А.Н.* Нарушения чтения и письма у детей: Учеб.-метод. пособие. СПб.: ИД «МиМ», 1997. 286 с.
8. *Левченко И.Ю., Киселева Н.А.* Психологическое изучение детей с нарушениями развития / Под науч. ред. И.Ю. Левченко. М.: Национальный книжный центр, 2013. 152 с.
9. *Логопедия: Учебник для вузов / Под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской.* М.: ВЛАДОС, 1988. 680 с.
10. *Методы обследования речи детей: Пособие по диагностике речевых нарушений / Под общ. ред. Г.В. Чиркиной: 4-е изд.* М.: АРКТИ, 2010. 240 с.

11. *Микляева Н.В.* Диагностика языковой способности у детей дошкольного возраста. Логопедическое обследование: Метод. пособие: 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2007. 96 с.
12. *Парамонова Л.Г.* Ключ к решению проблемы – в ее профилактике // Материалы VI международной конференции «Ребенок с дислексией в реалиях XXI века» (Москва, 21–22 мая 2013 г.) /Под общ. ред. Г.В. Чиркиной, М.Н. Русецкой, Е.Н. Российской. М.: Российская ассоциация дислексии, 2013. С. 72–75.
13. *Прихода Н.А., Григоренко Е.Л., Лебедева Т.В.* Когнитивные корреляты грамотности у детей с речевыми и языковыми нарушениями по сравнению с детьми с другими специальными потребностями // Материалы VI международной конференции «Ребенок с дислексией в реалиях XXI века» (Москва, 21–22 мая 2013 г.) /Под общ. ред. Г.В. Чиркиной, М.Н. Русецкой, Е.Н. Российской. М.: Российская ассоциация дислексии, 2013. С. 83–88.
14. *Ушакова Т.Н.* Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 524 с.
15. *Kornilov S., Rakhlin N., Grigorenko E.* Morphology and developmental language disorders: New tools for Russian // Y.P. Zinchenko, V.F. Petrenko (Eds.). Psychology in Russia: State of the Art. Moscow: Russian Psychological Society. 2012. P. 371–387.

A new Approach to the Study of Russian Language Acquisition in Preschool Children with Normal and Abnormal Development

Lebedeva T.V.,

Deputy Director, State Budget Educational Institution Center for psychological, medical and social support "North-West", Doctoral Candidate, Chair of Special Psychology, Department of Clinical and Special Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, cpmssmitino@mail.ru

We discuss the possibilities of using a standardized method of psychological evaluation of the Russian language development in preschool children. We provide a rationale for the relevance of timely differentiation of children with language and speech difficulties in modern educational practice. We present the results of comparative analysis of language and speech development in the two groups of children 5-6 years old: normally developing (N=92) and with language and speech disorders (N=59). We describe the diagnostic potential of this research tool for clinical sample of children with speech and language disorders, reveal differences in the development of Russian language between the two groups of children. The data obtained can be used in solving the problems of differentiated correctional help to pre-school children with impaired language and speech development.

Keywords: children of preschool age, language, speech, language and speech disorders, standardized technique of assessment of the Russian language development, modern educational practice.

References

1. Abeleva I.Yu. Mekhanizmy kommunikativnoi rechi: Uchebno-monograficheskoe posobie [Mechanisms of communicative speech]. Abeleva I.Yu. (eds.). Moscow: PARADIGMA, 2012. 288 p.
2. Arushanova A.G. Problemy rechevogo razvitiya starshikh doshkol'nikov [Speech development problems older preschoolers]. Kurneshova L.E. (ed.) *Problemy i perspektivy razvitiya doshkol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Problems and prospects of development of preschool educational institutions]. Moscow: Tsentr «Shkol'naya kniga», 2004, pp. 64–69.
3. Volkovskaya T.N. Organizatsionno-metodicheskie osnovy psikhologicheskoi pomoshchi litsam s nedostatkami rechi: Uchebno-metodicheskoe posobie. [Organizational and methodological foundations of psychological assistance for persons with impaired speech]. Moscow: Natsional'nyi knizhnyi tsentr, 2011. 144 p.
4. Grigorenko E.L. Chtenie o chtenii [Reading about reading]. Voronezh: AIST, 2012. 416 p.
5. Zabramnaya S.D., Levchenko I.Yu. Psikhologo-pedagogicheskaya diagnostika narushenii razvitiya (kurs lektsii). [Psycho-pedagogical diagnosis of developmental disorders]. Moscow: V.Sekachev, 2007. 128 p.

6. Kalmykova L.A. Osobennosti vospriyatiya i ponimaniya doshkol'nikami yazykovykh edinit [Features of perception and understanding of language units preschoolers]. *Sovremenniy detskii sad* [Modern nursery school], 2012, no. 2, pp. 2-8.

7. Kornev A.N. Narusheniya chteniya i pis'ma u detei: Uchebno-metodicheskoe posobie [Violations of reading and writing in children]. St.-Petersburg: ID "MiM", 1997. 286 p.

8. Levchenko I.Yu., Kiseleva N.A. Psikhologicheskoe izuchenie detei s narusheniyami razvitiya [Psychological study of children with developmental disorders]. Moscow: Natsional'nyi knizhnyi tsentr, 2013. 152 p.

9. Volkova L.S. (eds.) Logopediya: Uchebnik dlya vuzov [Speech Therapy]. Moscow: VLADOS, 1988. 680 p.

10. Chirkina G.V. (ed.) Metody obsledovaniya rechi detei: Posobie po diagnostike rechevykh narushenii [Survey methods speech of children]. Moscow: ARKTI, 2010. 240 p.

11. Miklyaeva N.V. Diagnostika yazykovoї sposobnosti u detei doshkol'nogo vozrasta. Logopedicheskoe obsledovanie: metodicheskoe posobie. [Diagnosis of language ability in preschool children]. Moscow: Ajris-press, 2007. 96 p.

12. Paramonova L.G. Klyuch k resheniyu problemy – v ee profilaktike [The key to solving the problem - in its prevention]. In Chirkina G.V. (eds.) Materialy 6 mezhdunarodnoi konferentsii "Rebenok s disleksiei v realiyakh XXI veka" (Moskva, 21-22 maya 2013 g.) [Proceedings of the Sixth International Conference "Children with dyslexia in the realities of the twenty-first century"]. Moscow: Rossiiskaya assotsiatsiya disleksii, 2013. pp. 72–75.

13. Prikhoda N.A., Grigorenko E.L., Lebedeva T.V. Kognitivnye korrelyaty gramotnosti u detei s rechevymi i yazykovymi narusheniyami po sravneniyu s det'mi s drugimi spetsial'nymi potrebnostyami [Cognitive correlates of literacy in children with speech and language disorders compared with children with other special needs]. In Chirkina G.V. (eds.) Materialy 6 mezhdunarodnoi konferentsii "Rebenok s disleksiei v realiyakh XXI veka" (Moskva, 21-22 maya 2013 g.) [Proceedings of the Sixth International Conference "Children with dyslexia in the realities of the twenty-first century"]. Moscow: Rossiiskaya assotsiatsiya disleksii, 2013. pp. 83–88.

14. Ushakova T.N. Rozhdenie slova: Problemy psikhologii rechi i psikholingvistiki [Birth words: Problems of psychology and psycholinguistics speech]. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2011. 524 p.

15. Kornilov S., Rakhlin N., Grigorenko E. Morphology and developmental language disorders: New tools for Russian. In Zinchenko Y.P. (eds.) *Psychology in Russia: State of the art*. Moscow: Russian Psychological Society, 2012, pp. 371–387.

Профессиональное самоопределение современных подростков: проблемы и пути их решения

Ильина О.Б.,

педагог-психолог, Государственное бюджетное образовательное учреждение города Москвы центр социально-трудоустройственной адаптации и профориентации «Гагаринский», аспирант кафедры возрастной психологии факультета психологии образования, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, ilinoks@mail.ru

Профессиональное самоопределение – часть общего процесса социализации подростков, необходимое условие их успешности и конкурентоспособности в современных социально-экономических реалиях – на протяжении многих лет остается одной из актуальных тем психологической теории и практики. В данной статье проблемы профессионального выбора рассматриваются в трех аспектах: в контексте социальной ситуации, в которой находятся современные подростки; с позиции самих подростков, выбирающих профессию; с учетом особенностей психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков на современном этапе. Отмечается, что хотя в настоящее время профессиональной ориентацией занимаются многие структуры и организации, проводится множество соответствующих мероприятий, эффективность этой работы невысока. Анализируются причины такого положения и сама модель профориентационной деятельности. Обсуждаются возможные пути решения исследуемых проблем. Обосновывается необходимость построения новой модели профориентационной работы.

Ключевые слова: подростковый возраст, личностное и профессиональное самоопределение, выбор профессии, профориентация, психолого-педагогическое сопровождение.

Для цитаты:

Ильина О.Б. Профессиональное самоопределение современных подростков: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Ilyina.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Ilyina O.B. Professional self-determination of modern teenagers: Problems and Solutions [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Ilyina.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Самоопределение личности – научная проблема, которая рассматривается в таких отраслях знаний, как философия, социология, педагогика, психология. В связи с этим существует множество различных подходов к определению этого понятия.

Психологические исследования направлены на изучение самого процесса самоопределения, его внутренних механизмов и факторов, на него влияющих. А.Н. Леонтьев подчеркивал активную позицию личности в самоопределении и говорил о том, что на каждом жизненном этапе человек не только подвергается влиянию среды, но и сам должен что-то делать, что-то утверждать в себе и от чего-то освобождаться. Самоопределение он понимает как индивидуальное преломление ценностей и норм окружающего мира, вследствие чего личность избирательно относится к миру и выбирает те деятельности, которые делает своими [5].

Профессиональный компонент составляет весьма значимую часть самоопределения. Проблема профессионального самоопределения – ключевая проблема психологии профессионального становления личности и личностного самоопределения индивида вообще. К понятию «самоопределение» близки такие понятия, как «самоактуализация», «самореализация», «самоосуществление». В концепции А. Маслоу самоактуализация как стремление личности совершенствоваться, проявлять себя в значимом для нее деле выступает в качестве центрального понятия. За рубежом также очень популярна концепция Дж. Холланда. Он считает, что выбор профессии обусловлен внутренними и внешними условиями. Дж. Холланд описывает профессиональную идентичность как четкое представление человека о своих личностных свойствах, интересах и талантах, которое способствует выбору подходящей профессии и дает уверенность в принятии профессиональных решений [7].

Один из методологов отечественной психологии труда и профориентации, Е.А. Климов, всесторонне анализируя понятие «профессиональное самоопределение», говорит о том, что слово «профессиональное» подразумевает «относящееся к профессионалам», и потому нужно рассматривать, как молодой специалист или опытный работник со стажем, или профессионал, вышедший на пенсию, строят свой жизненный путь, т. е. «самоопределяются». Профессиональное самоопределение не сводится к одномоментному акту выбора профессии и не заканчивается с окончанием профессиональной подготовки по выбранной специальности, а продолжается на протяжении всей профессиональной жизни [3]. Как пишет Е.А. Климов, «профессиональное самоопределение является системообразующим центром для всей системы возможных “самоопределений” подрастающего человека как субъекта деятельности и гражданина» [3, с.13].

Рассматривая проблемы профессионального самоопределения современных подростков, мы хотим выделить *три важных аспекта*: 1) социальную ситуацию, в условиях которой происходит профессиональное самоопределение подростков; 2) отношение самих подростков к выбору профессии; 3) психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения.

Социальная ситуация, в которой формируется личность современного подростка, характеризуется крайней неустойчивостью. Реформирование систем общего, среднего профессионального и высшего профессионального образования, нестабильная социально-экономическая обстановка в нашей стране, постоянная трансформация рынка труда, изменение ценностных приоритетов в обществе – эти глобальные факторы оказывают значительное влияние как на личностное, так и на профессиональное самоопределение подростков. Современная действительность требует от них умения ориентироваться в происходящем, быть гибкими и мобильными. Психолого-педагогическое сопровождение и поддержка профессионального становления подростков в этих условиях становятся жизненно необходимыми.

Отношение самих подростков к выбору будущей профессии довольно поверхностное. В подростковой среде не являются редкостью иждивенческие настроения, низкая мотивация к обучению, нежелание думать о будущем. Многие школьники недостаточно информированы о мире профессий.

В проведенном нами исследовании осведомленности подростков о мире профессий было установлено, что современные старшеклассники обладают очень поверхностными знаниями о содержании труда [1]. Например, 31 % девятиклассников на вопрос «чем занимается программист?» ответили слишком обще: «работа с компьютером», «работа с техникой», «разбирается в компьютере»; 17 % не смогли ответить на этот вопрос. При этом среди них есть те, кто выбрал профессию программиста. На вопрос «чем занимается юрист?» не ответили 36 % девятиклассников. Большинство ограничилось также общими словами: «защищает права людей», «работает с документацией». Пять человек, которые

выбрали профессию юриста, ответили на этот вопрос так: «разбирается в трудных финансовых проблемах», «помогает», «расследует», «помогает человеку откосить от тюрьмы» и «защищает права человека».

Серьезные затруднения вызвали у подростков задания на определение профессионально важных качеств и противопоказаний для ряда профессий. Как выяснилось, многие девятиклассники плохо понимают, что такое профессионально важные качества, и либо ограничиваются перечислением только общечеловеческих качеств (доброта, ум, честность), либо пишут, что художник должен «хорошо рисовать», врач «хорошо лечить», т. е. называют очевидные характеристики. Не смогли назвать ни одного качества для профессии продавец 11 % девочек и 39 % мальчиков, для профессии ювелир – 10 % девочек и 24 % мальчиков.

Задание на определение противопоказаний для ряда профессий оказалось наиболее трудным: 27 % девятиклассников так и не смогли его выполнить. Большинство назвало противопоказания лишь для части профессий. Как правило, назывались характеристики, лежащие на поверхности. Для профессий машинист электропоезда, спасатель, повар подростки перечисляли противопоказания, связанные со здоровьем. Для профессий продавец и психолог основные названные девятиклассниками противопоказания – необщительность и «нервность».

Заметим, что подобные задания не требуют от подростков каких-то специальных знаний, а предлагаемые для анализа профессии встречаются в повседневной жизни. Выполнение этих заданий связано с наблюдательностью, умением логически мыслить и владением начальными навыками анализа информации. Исследование показало, что все эти навыки у подростков развиты недостаточно. Как отмечают в своей статье Е.Ю. Пряжникова и Т.А. Егоренко, человек не может принять верное решение, сделать верный выбор, если не имеет полной информации. Выбор профессии подростками очень часто оказывается непредсказуемым и спонтанным, потому что все более непредсказуемой становится внешняя социальная среда, а система ценностей у подростков до конца не сформирована [7].

Фактически к моменту, когда нужно сделать выбор учебного заведения для дальнейшего, уже профессионального, образования, многие старшеклассники оказываются не готовыми. Так, в исследовании О.В. Кузнецовой, проведенном в общеобразовательных школах и центрах образования города Москвы, показано, что представление о своей будущей профессии имеют всего лишь 47,5 % десятиклассников. Каждый пятый обучающийся XI класса не видит своих профессиональных перспектив и не знает, что будет делать после окончания школы [4].

В проведенном нами в течение трех лет (в 2009–2011гг.) исследовании старшеклассников были получены неутешительные результаты: выяснилось, что около половины обучающихся IX и X классов, а также около 40 % выпускников школ нуждаются в помощи в выборе профессии (таб.).

Таблица

Результаты профориентационного опроса старшеклассников

2009 г.			
Классы	IX	X	XI
Всего (чел.)	1323	700	676
Прошли профориентацию из всех опрошенных (%)	52,08	62,86	61,39

Не прошли профориентацию из всех опрошенных (%)	47,92	37,14	38,61
Нужна помощь в выборе профессии (%)	47,17	50,86	37,28
2010 г.			
Классы	IX	X	XI
Всего (чел.)	1938	1208	932
Прошли профориентацию из всех опрошенных (%)	60,63	70,45	64,16
Не прошли профориентацию из всех опрошенных (%)	39,37	29,55	35,84
Нужна помощь в выборе профессии (%)	54,08	49,09	38,95
2011 г.			
Классы	IX	X	XI
Всего (чел.)	2090	1373	1286
Прошли профориентацию из всех опрошенных (%)	57,70	77,57	68,35
Не прошли профориентацию из всех опрошенных (%)	42,30	22,43	31,65
Нужна помощь в выборе профессии (%)	52,73	48,51	40,59

На психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения подростков хочется обратить особое внимание. Необходимость профессиональной ориентации неоднократно отмечалась на самых разных уровнях. В решении коллегии Департамента образования города Москвы от 14 мая 2009 года «О профессиональной ориентации учащейся молодежи на получение востребованных на рынке труда профессий» работа по профессиональному самоопределению и социальной адаптации учащихся и выпускников образовательных учреждений признана приоритетным направлением деятельности Департамента образования города Москвы.

В настоящее время профессиональной ориентацией занимаются различные структуры и организации: общеобразовательные учреждения, учреждения среднего и высшего профессионального образования, центры занятости населения, коммерческие организации, оказывающие профориентационные услуги, предприятия и организации, заинтересованные в привлечении рабочей силы. Проводится множество различных мероприятий, периодически проходят недели и дни профориентации. Но насколько эффективна эта работа? Чтобы понять это, стоит рассмотреть, что сегодня представляет собой модель профориентационной деятельности. Хотя есть и сторонники ранней профессиональной ориентации (некоторые педагоги предлагают проводить профориентационные занятия с V класса и даже в начальной школе), но, как правило, она проводится с обучающимися VIII–XI классов. Профессиональная ориентация, согласно действующему и по сей день Постановлению Минтруда РФ от 27.09.1996 № 1 «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации», находится в компетенции психологов.

В действительности основная нагрузка по этой работе в общеобразовательных учреждениях ложится на педагогов, назначенных ответственными за профориентацию, – заместителей директоров по воспитательной или социальной работе, классных руководителей, психологов, учителей-предметников (чаще всего учителей технологии). Таким образом, функции ответственных за профориентацию в школах нередко выполняют педагоги, не имеющие соответствующих компетенций и образования. Педагоги-психологи, в чьей компетенции находится эта деятельность, не всегда могут уделять ей достаточно времени, поскольку помимо нее занимаются проблемами адаптации, профилактикой и коррекцией различных форм нарушений в поведении детей и подростков на всех ступенях обучения, психолого-педагогическим сопровождением ГИА и ЕГЭ.

Основные профориентационные мероприятия, которые проводятся в школах, – это диагностика, встречи с представителями колледжей и вузов, профориентационные конкурсы, экскурсии на предприятия. В IX классе несколько лет назад был введен элективный курс «Профессиональное самоопределение».

Профориентационная диагностика обучающихся в школах в основном сводится к определению их интересов и склонностей и проводится по давно устаревшим методикам. Диагностике индивидуальных особенностей (особенностей темперамента, акцентуаций характера, мотивации выбора профессии и др.), а также диагностике затруднений в профессиональном самоопределении практически не уделяется внимание. Кроме того нередко сама диагностика носит формальный характер и проводится лишь для отчетности.

По данным Исследовательского центра рекрутингового портала Superjob, опросившего 1600 экономически активных россиян в возрасте от 18 до 40 лет, тест на профориентацию проходили 34 % опрошенных, однако только 7 % опрошенных тест помог в выборе профессии. Отметим, что в комментариях к вопросам многие респонденты говорят о слишком общем характере полученных результатов и рекомендаций, о том, что у них «как были затруднения с определением профессии, так и остались» [2]. Индивидуальные консультации по профессиональному самоопределению среди школьных психологов, к сожалению, – не такой уж распространенный вид деятельности, хотя именно они, на наш взгляд, являются наиболее эффективной формой работы и должны помочь подросткам определиться с будущей профессией.

Просвещение в профориентации нередко сводится к проведению встреч с представителями колледжей и вузов, а также к экскурсиям на предприятия. Безусловно, такие формы работы необходимы. Однако стоит учесть, что не всегда за потоком рекламы школьники могут распознать необходимую информацию: насколько востребованы сейчас и будут востребованы потом на рынке труда представляемые профессии, каковы содержание и условия труда, а также заработная плата специалистов. Здесь должна проявляться активность и самих подростков, ведь оставаясь пассивными слушателями, не включаясь в диалог, не задавая вопросов, они не получают необходимой им информации и потому не смогут сделать для себя вывод, готовы ли они учиться в этом учебном заведении, подходит ли им предлагаемая специальность.

Развивающая и коррекционная работа, пожалуй, – наиболее проблематичная область в профессиональной ориентации обучающихся. Условно к развивающей деятельности можно отнести профориентационные конкурсы «Нарисуй профессию», конкурс эссе «Моя будущая профессия», театрализованные фестивали профессий, проектные конкурсы в рамках предметной области «Технология» и подобные им. Однако со временем они все больше формализуются. Выявление затруднений в профессиональном самоопределении и работа с ними, повышение мотивации к осознанному и взвешенному выбору профессии, развитие навыков анализа информации – все это по большей части остается за пределами деятельности школьного психолога.

Несомненно, в настоящее время психологам в школе нужна методическая помощь в профориентационной работе. До прошлого учебного года при окружных управлениях

образования существовали методические центры, в которых среди методистов-предметников были и методисты по профориентации. Но произошло объединение окружных методических центров в единый Городской методический центр, что привело к сокращению этих специалистов. Кроме того, не во всех территориальных группах есть методисты по профориентации, а если они и есть, то совмещают эту работу с несколькими другими направлениями. В связи с реорганизацией многих образовательных учреждений оказались разрушенными связи и налаженные формы работы.

Многообразие различных организаций, занимающихся в настоящее время профориентацией школьников, многообразие различных форм профориентационной работы, с одной стороны, открывают огромные перспективы, а с другой – ставят проблему системности, целенаправленности и эффективности профориентации в целом.

В чем же мы видим решение выявленных проблем? На наш взгляд, оно состоит в объединении прошлого положительного опыта и современных технологий. Необходима разработка единой концепции профориентационной работы и нормативных документов, регулирующих профориентационную деятельность. В концепции должно быть отражено, в чьем ведении находится эта деятельность, каким образом должны взаимодействовать все субъекты и структуры, в нее включенные, каковы критерии оценки ее эффективности. Одной из ключевых задач является подготовка квалифицированных специалистов, психологов-профориентаторов. Вариантом ее решения может быть разработка магистерской программы или программы профессиональной переподготовки по направлению «Профориентационная работа». Поскольку профессиональная ориентация напрямую связана с изменяющейся социально-экономической ситуацией в стране, положением на рынке труда, целесообразно проводить повышение квалификации и периодическую аттестацию этих специалистов.

Программы профориентационной работы должны быть разработаны с учетом возрастных особенностей обучающихся на каждом этапе. Эта идея ранее была обозначена в Концепции профессионального самоопределения, разработанной в 1993 г. коллективом Института профессионального самоопределения молодежи РАО [8]. Она не получила широкого распространения, однако существуют попытки ее реализации – программы Г.В. Резапкиной, С.Н. Чистяковой и Н.Ф. Родичева.

Проблемы системности и целенаправленности профориентационной работы может решить создание в каждом административном округе центра социально-трудовой адаптации и профориентации, подчиненного Департаменту образования города Москвы. Такие центры в прошлом назывались учебно-производственными комбинатами, а затем межшкольными учебными комбинатами. Раньше на их базе учащиеся школ могли осуществить свои первые профессиональные пробы, получить начальные навыки работы по профессиям (например: оператор ЭВМ, секретарь-машинистка, портной, слесарь и др.). Сейчас на базе этих центров может осуществляться разнообразная проектная деятельность, что согласуется с ФГОСами основной и старшей школы. Основными специалистами в этих учреждениях должны быть психологи-профориентаторы, получившие специальное образование. Налаживать связи общеобразовательных учреждений с учреждениями среднего и высшего профессионального образования, социальными партнерами, территориальными подразделениями центров занятости и другими структурами, заинтересованными в совместной профориентационной работе будет проще в рамках своего административного округа. Например, имея информацию о профилях в школах, специалисты центров могут осуществлять более скоординированное взаимодействие этих школ с вузами и колледжами. Они могут выполнять консультативную, коррекционную, просветительскую и другие виды деятельности, чего физически не сможет сделать школьный психолог. Методисты по профориентации в этих центрах смогут осуществлять целенаправленную методическую помощь педагогам-психологам школ, занимающимся профориентационной работой.

С осени 2013 г. Департаментом образования города Москвы запущены два просветительско-образовательных проекта – «Профессиональная среда» (на базе колледжей) и «Университетские субботы» (на базе вузов). В рамках этих проектов все желающие – школьники и их родители, педагоги – могут посетить бесплатные лекции, семинары, мастер-классы, экскурсии по различным направлениям. Безусловно, такая практика несет в себе множество положительных моментов: помогает школьникам погрузиться в атмосферу образовательного учреждения, в которое они, возможно, поступят в будущем, мотивирует познавательную деятельность обучающихся, помогает учителям-предметникам более глубоко осветить различные разделы учебных программ, а преподавателям, ведущим мероприятия, – адаптироваться к аудитории школьников и донести необходимую информацию более доступным языком.

Также стоит отметить положительный опыт проведения некоторыми вузами акций «Стань студентом на день», когда школьники погружаются в атмосферу вуза, знакомятся с его учебной и внеучебной жизнью, узнают о специальностях, возможностях поступления и дальнейшего продолжения учебы.

Нам близка точка зрения Г.В. Резапкиной, которая отмечает, что «эффективность профориентационной работы определяется верностью подхода к решению задачи и наличием современных технологий. Сегодня уже недостаточно надежных методик и качественных профориентационных программ для всех классов, начиная с первого – чтобы конкурировать с Интернетом, телевидением ..., мы должны развивать тематические сайты, делать телепередачи, компьютерные игры, электронные книги, осваивать молодежные журналы, привлекая к этой работе самих подростков» [8, с. 48]. Как подчеркивает Г.В. Резапкина, основная задача – наполнить эти формы новым содержанием, которое не сводилось бы к формированию знаний, умений и навыков применительно к выбору профессии, а помогло найти подросткам смыслы и ценности, лежащие за пределами профессиональной деятельности.

Профессиональное самоопределение связывают с личностными смыслами и ценностями многие авторы. Е.Ю. Пряжникова описывает сущность профессионального самоопределения как «поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также нахождение смысла в самом процессе самоопределения» [6]. Говоря о жизненной перспективе, Е.И. Головаха отмечает, что именно ценностные ориентации, жизненные планы и цели составляют ее ядро, без них она теряет свою регулятивную функцию [6]. По мнению Е.А. Климова, результат работы педагога, занимающегося профессиональным самоопределением, проявляется в том, что подрастающий человек становится готовым к самостоятельному и сознательному обдумыванию своего профессионального будущего. Это обдумывание должно согласоваться с социальными нормами и важнейшими общечеловеческими ценностями [3].

Профессиональная ориентация – это совместная деятельность профориентатора и подростка по нахождению и определению смысла и ценностей не только в будущей профессии, но и в будущей жизни подростка в социуме. Только обретение смысла и ценности своей будущей работы может помочь подростку найти себя не только в мире профессий, но и в мире людей.

Литература

1. *Ильина О.Б.* Методика исследования осведомленности старшеклассников о мире профессий: опыт проведения // Актуальные проблемы психологии образования: Сб. науч. статей / Под ред. Н.В. Нижегородцевой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. С. 38–43.
2. Исследовательский центр Superjob. Социологические опросы. Образование [Электронный ресурс] // URL:

http://www.superjob.ru/community/pervyj_poisk_raboty_vybor_professii/56660/?utm_source=&utm_medium=&utm_campaign= (дата обращения: 25.03.2014).

3. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 304 с.

4. *Кузнецова О.В.* Представления старшеклассников о профильной школе // Современная психология: теория и практика: Материалы I международной научно-практической конференции, 29-30 июня 2011 г. М.: Институт стратегических исследований, 2011. С. 113–117.

5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность: Учеб. пособие: 2-е изд., стереотип. М.: Смысл; Издат. центр «Академия», 2005. 352 с.

6. *Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю.* Психология труда: электронный учебник [Электронный ресурс] // URL: http://www.ido.rudn.ru/psychology/labour_psychology/11.html (дата обращения: 25.03.2014).

7. *Пряжникова Е.Ю., Егоренко Т.А.* Проблема профессионального становления личности // Современная зарубежная психология. 2012. № 2. С. 111–122.

8. *Резапкина Г.В.* Москва. Профориентация. Новый век // Материалы городской научно-практической конференции «Профессиональная ориентация в современном социально-экономическом и информационно-технологическом пространстве» / Отв. редактор Л.Е. Курнешова. М.: Центр «Школьная книга», 2010. С. 44–49.

Professional Self-determination of Modern Teenagers: Problems and Solutions

Ilyina O.B.,

Educational Psychologist, State Budget Educational Institution of Moscow, Center for Social Adaptation and Career Counseling "Gagarinsky", Postgraduate Student, Department of Educational Psychology, Chair of Developmental Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ilinoks@mail.ru

Professional self-determination in adolescence for many years has been one of the hot topics of psychological theory and practice. Research in the field of personal and professional self-determination, career choice, continues to be a priority. Professional self-determination is part of the general process of socialization of adolescents, a necessary condition for their success and competitiveness in today's socio-economic realities. And it raises the question of what should be psychological and educational support in these conditions? Problems of career choice are considered on three sides: in the context of the social situation in which there are modern teenagers; from the perspective of adolescents themselves, choosing the profession; taking into account the peculiarities of psycho-pedagogical support of professional self-determination of teenagers nowadays. Analysis of problems leads us to the possible ways of solving them, and the need to build a new model of career guidance.

Keywords: adolescence, personal and professional self-determination, choice of profession, career guidance, psychological and educational support.

References

1. Ilyina O.B. Metodika issledovaniya osvedomlennosti starsheklassnikov o mire professii: opyt provedeniya [Technique to study the awareness of high school students about the world of

professions: experience of holding]. In Nizhegorodtseva N.V.(ed.) *Aktual'nye problemy psikhologii obrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of educational psychology]. Iaroslavl': Publ. IaGPU, 2013, pp. 38–43.

2. Issledovatel'skii tsentr Superjob. [Elektronnyi resurs] [Superjob Research Center]. Sotsiologicheskie oprosy. Obrazovanie. URL: http://www.superjob.ru/community/pervyj_poisk_raboty_vybor_professii/56660/?utm_source=&utm_medium=&utm_campaign= (Accessed 25.03.2014).

3. Klimov E.A. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya [Psychology of professional self-determination]: Ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenii. Moscow: Publishing Center "Academy", 2004. 304 p.

4. Kuznetsova O.V. Predstavleniya starsheklassnikov o profil'noi shkole [Representation of senior professional school]. *Sovremennaiia psikhologiya: teoriia i praktika*. Materialy 1 mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 29-30 iyunia 2011 g. [Contemporary Psychology: Theory and Practice. Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference]. Moscow: Publ. Institut strategicheskikh issledovani, 2011, pp. 113–117.

5. Leont'ev A.N. Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost': uchebnoe posobie [Activity, Consciousness and Personality]. 2-e izdanie, stereotipnoe. Moscow: Smysl: Academy, 2005. 352 p.

6. Priazhnikov N.S., Priazhnikova E.Iu. Psikhologiya truda [Elektronnyi resurs] [Labor Psychology]: elektronnyi uchebnik. URL: http://www.ido.rudn.ru/psychology/labour_psychology/11.html (Accessed 25.03.2014)

7. Priazhnikova E.Iu., Egorenko T.A. Problema professional'nogo stanovleniia lichnosti [Problem of professional personality formation]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2012, no. 2, pp. 111–122.

8. Rezapkina G.V. Moskva. Proforientatsiia. Novyi vek [Moscow. Vocational guidance. New century]. In Kurneshova L.E. (ed.) *Materialy gorodskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Professional'naia orientatsiia v sovremennom sotsial'no-ekonomicheskom i informatsionno-tekhnologicheskom prostranstve"* [Professional orientation in contemporary socio-economic and technological information and space]. Moscow: Center «School Book», 2010, pp. 44–49.

Особенности социальной дистанции и толерантности учащихся ССУЗов, реализующих программу инклюзивного образования

Гладилина Л.С.

Педагог-психолог I категории, социально-педагогический колледж, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, gls10@yandex.ru

В исследовании, направленном на оценку изменения уровня толерантности здоровых студентов к студентам с ОВЗ, рассматривается изменение социальной дистанции у лиц с ОВЗ и здоровых студентов в ССУЗе, реализующем программу инклюзивного образования. В первичном анкетировании приняли участие 222 человека: 66 человек с ОВЗ и 156 человек без патологии развития; в повторном – 222 человека: 66 человек с ОВЗ и 156 человек без патологии развития. Основой исследования явились измерения социальной дистанции посредством анкет, разработанных С.Б. Федоровым под руководством Л.М. Шипициной в Институте специальной педагогики и психологии (2000). Выявлены специфические особенности формирования толерантности у студентов без патологии развития к лицам с ОВЗ. Характерно дифференцированное отношение студентов к лицам с различной патологией развития, а также разнонаправленная динамика в отношении к социальным взаимодействиям в различных формах здоровых студентов и студентов с ОВЗ. В совместном обучении здоровых студентов и лиц с ОВЗ, обращает на себя внимание тенденция к более осознанному пониманию особенностей социального взаимодействия с лицами с ОВЗ у здоровых студентов.

Ключевые слова: толерантность, инклюзивное образование, социальная дистанция, социальное взаимодействие, лица с ОВЗ.

Для цитаты:

Гладилина Л.С. Особенности социальной дистанции и толерантности учащихся ССУЗов, реализующих программу инклюзивного образования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Gladilina.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Gladilina L.S. Social distance and tolerance of students secondary vocational inclusive schools [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Gladilina.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

В последние годы, в связи с изменением государственной политики в сфере образования в пользу процессов инклюзии, установилась положительная динамика в интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья в общую образовательную среду. Изменения отношения к людям с особыми нуждами связано как со степенью информированности общества об их проблемах, так и с развитием новейших технологий в сфере распространения информации и социальных отношений, позволяющих наиболее полно раскрывать интеллектуальный, физический и личностный потенциал лиц с ограниченными возможностями здоровья. Это привело к определенным изменениям отношения общества и государства к данной категории лиц: все более широко они представлены в сфере трудовых и социальных отношений, что происходит благодаря более дифференцированному подходу к профориентации людей с различными патологиями

развития и возможностью их более полной трудовой адаптации с помощью технических средств реабилитации [7].

На сегодняшний день в образовании детей с особыми образовательными потребностями происходят неизбежные изменения:

◆ уже второе десятилетие в России образовательная интеграция реализуется в основном методом **экстраполяции**, т.е. опытным переносом и адаптированием к отечественным условиям, модификацией некоторых, хорошо отработанных и положительно зарекомендовавших себя за рубежом, форм образовательной интеграции;

◆ в качестве приоритетного направления развития образования детей с ограниченными возможностями здоровья рассматривается организация их обучения и воспитания в обычных дошкольных, общеобразовательных и других образовательных учреждениях, совместно с другими детьми. Реализация в России **инклюзивного образования** ставит для нашей страны вопрос о необходимости смены методологии внедрения интеграционных инноваций в систему образования [1].

Все это касается и высшего профессионального образования. Отметим, что интенсификация образовательного процесса, его активные трансформации приводят к вычерпыванию резервов организма, снижению психофизического потенциала и, как следствие, трудностям в преодолении разного рода рисков, усилению виктимности. Условия, способствующие виктимизации студента с ОВЗ еще остаются, в современных образовательных структурах вследствие дефицитарности механизма социогенеза, нарушений психологической безопасности образовательной среды и нарушений духовного и физического здоровья студентов в силу ее специфики, проблем барьерной среды. Наиболее уязвимыми в этом отношении являются студенты с ОВЗ. Специфическую личностную виктимность в условиях ограниченных возможностей здоровья характеризуют деформация и дисгармония социальных отношений, сниженная психологическая устойчививость, неадекватность самопознания и восприятия реальности, фиксированные негативные установки, инфантилизм, нарушенная резистентность по отношению к стрессу [6].

В связи с вышеизложенным, актуальной становится задача проектирования оптимальной среды – жизненного пространства, обеспечивающего повышение чувства собственной ценности и уверенности в себе у лиц с ОВЗ. Здесь необходимо учитывать установки и способы поведения «нормальных» людей по отношению к людям с ОВЗ. В анализе отдельных исследований по этой тематике (Cloerkes, 1980) [6] был сделан вывод, что установки «нормальных» людей по отношению к людям с ОВЗ колеблются от ярко выраженных позитивных до в целом негативных. В этих исследованиях выявляется очень стабильная «иерархия популярности» различных видов недостаточности. Те группы людей с инвалидностью, которые больше всех других соответствуют социальным нормам «полноценных» (например, люди с повреждениями межпозвоночного диска, астматики), ранжируются наиболее высоко; люди с нарушениями, которые, по мнению большинства, не могут следовать нормативным требованиям, такие как психически больные или умственно неполноценные, занимают самое низкое место [9].

Педагогическими условиями профессиональной подготовки студентов в условиях инклюзивного образования (воспитателей коррекционных школ, социальных работников) являются:

• целостный подход в построении педагогического процесса в ССУЗе, направленного на развитие новообразования личности будущего специалиста инклюзивного образования;

• интеграция теоретических и практических аспектов подготовки в контексте решения профессиональных задач с учетом специфики профессиональной деятельности по созданию условий развития детей с ограниченными возможностями здоровья,

обеспечивающих личностное включение каждого студента в учебно-профессиональную, квазипрофессиональную и реальную профессиональную деятельность с преобладанием активных методов;

- организация целостного, поэтапного процесса профессиональной подготовки, предусматривающего своевременную диагностику и коррекцию процесса формирования готовности к профессиональной деятельности в сфере инклюзивного образования на всех этапах профессиональной подготовки [5].

Другой аспект обсуждаемой темы - проблема толерантности, которая рассматривается в философии и философской антропологии, культурологии, социологии. В частности, в трудах В.А. Лекторского, В. М. Золотухина, Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко Г.У. Солдатов, Л.В. Скворцова, А. В. Перцева, В.П. Бабинцева, О.В. Свинцовой, М. Уолцера, Е. Ямбурга и др. Ее психолого-педагогические аспекты представлены в трудах А. Г. Асмолова, Г.В. Безюлевой, Г.М. Шеламовой, О.Г. Шаврина, В.С. Чернявской, В.А. Паниной, О.А. Беньковой, П.В. Степанова, Е.А. Пугачева, А.В. Коржуева, Н.Ю. Кудзиева, Н.О. Липатова, А.А. Погодина, М.Л. Мончинская и др.

Закономерности формирования качеств личности в процессе межличностных взаимоотношений исследуются в трудах К.А. Абульхановой-Славской, Е.В. Бондаревской, Т.Г. Григорьевой, В.А. Кан-Калика, Ю.Н. Петриева, З.В. Смирновой, М.И. Станкина, и др. Аспекты взаимодействия и взаимовлияния субъектов общения в формировании толерантности рассматриваются в исследованиях О.И. Даниленко, И.А. Ильевой, Я.Л. Коломинского, А.В. Мудрика, А.М. Щербаковой и др. [2].

Толерантное отношение к лицам с ОВЗ – это всегда выбор самого здорового человека, личное дело каждого индивидуума. Тем не менее, за содержанием понятия «выбор» стоит принципиально новая и важная реальность. Выбор как педагогическая категория присутствует в исследованиях, касающихся профессионального самоопределения, профессиональной ориентации. Этот феномен пронизывает все формы жизнедеятельности человека. Именно он позволяет соотнести внешние обстоятельства и внутренние побуждения-потребности личности [3].

Проведенное нами исследование направлено на оценку изменения уровня толерантности здоровых студентов к студентам с ограниченными возможностями здоровья. В нем рассматривается изменение социальной дистанции¹ у лиц с ОВЗ и здоровых студентов в среднем специальном учебном заведении, реализующем программу инклюзивного образования.

Основой пилотажного исследования явились измерения социальной дистанции как одного из проявлений толерантности у студентов колледжа посредством анкет, разработанных С.Б. Федоровым под руководством Л.М. Шипициной в Институте специальной педагогики и психологии (2000), адаптированных лабораторией социально-психолого-педагогического сопровождения лиц с ОВЗ СПК МГППУ к условиям обучения в средних специальных учебных заведениях, реализующих программу инклюзивного образования. Для проведения детального исследования изменения социальной дистанции студентов с ОВЗ были использованы «Методика диагностики коммуникативной установки» и «Методика определения степени выраженности эмпатийных способностей» (В.В. Бойко), «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса для студентов без патологии развития; «Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению»

¹ Дистанция социальная [лат. distantia — расстояние] — восприятие различия социального статуса участниками социального взаимодействия [4].

(К. Томас), «Методика диагностики социально-психологической адаптации» (К. Роджерс и Р. Даймонд), «Методика «Q-сортировка»» (В. Стефансон).

Вопросы анкет составлены с учетом следующих основных требований:

- однозначность формулировок и смысла вопросов;
- отсутствие непонятных респонденту терминов, оценок и единиц измерения;
- ограничение количества вариантов ответа на вопрос (не более пяти);
- сбалансированность шкал оценок;
- исключение непосильных требований к памяти опрашиваемого [7].

Анкетирование проводилось в октябре-декабре 2011 и 2012 года.

В первичном анкетировании приняли участие 222 человека: 66 человек с ОВЗ и 156 человек без патологии развития; в повторном – 222 человека: 66 человек с ОВЗ и 156 человек без патологии развития.

Анкетирование охватывало студентов 1-4 курсов.

Оценка распределения полученных данных производилась по критериям асимметрии и эксцесса. Для определения значимости полученных данных динамического исследования групп использовался критерий Т-Вилкоксона.

По результатам анкетирования были получены следующие данные:

- в ходе обучения у студентов наметилась тенденция снижения количества респондентов, указывающих на неосведомленность об уровне освещения проблем родителей детей-инвалидов, что указывает на развитие навыков поиска данной информации в средствах массовой информации у студентов в процессе обучения. В тоже время увеличилось количество респондентов, указывающих на нехватку сведений о проблемах взрослых инвалидов в средствах массовой информации (рис. 1);

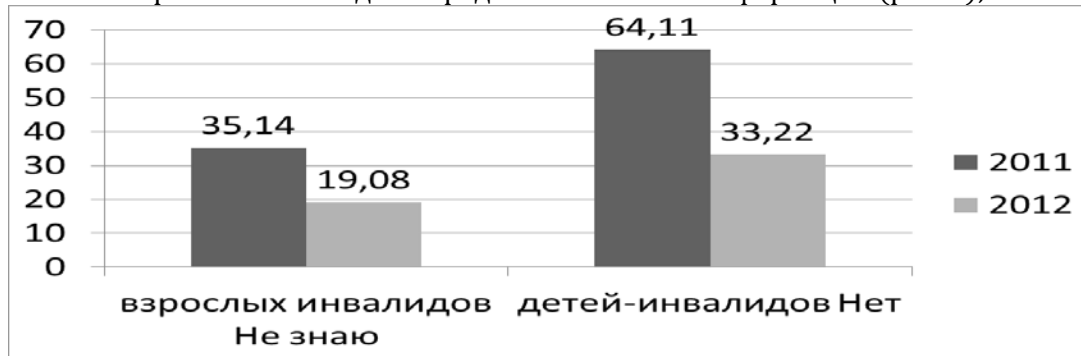

Рис 1. Динамика осведомленности респондентов о проблемах лиц с ОВЗ из СМИ

- востребованность источников информации, освещающих проблемы лиц с ограниченными возможностями здоровья, претерпела следующие изменения: повысилось значение телевидения как источника информации о лицах с ОВЗ, газет, снизилось значение популярной литературы и своих вариантов получения данной информации, что является показателем значимости средств массовой информации при определении студентами своей будущей профессиональной позиции (рис. 2);

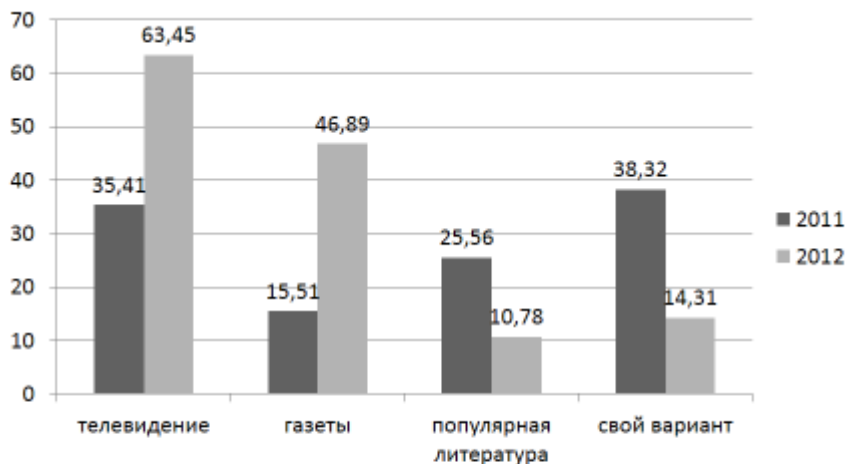

Рис 2. Динамика востребованности источников информации о проблемах лиц с ОВЗ

- осведомленность студентов о существовании законов, защищающих права лиц с ограниченными возможностями здоровья, в целом увеличилась, число неопределившихся с ответом респондентов снизилось, что говорит о повышении правовой грамотности студентов в процессе обучения (рис. 3);

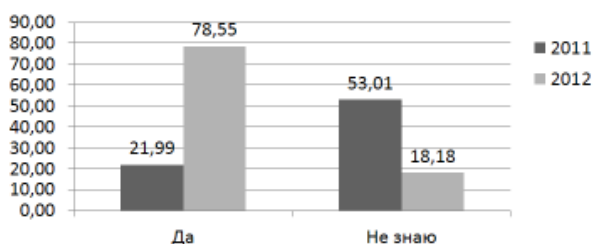

Рис 3. Динамика осведомленности респондентов о существовании законов, защищающих права лиц с ОВЗ

- снизилось число респондентов отрицательно относящихся к детям с ограниченными возможностями здоровья, к лицам с нарушениями зрения, к лицам с нарушениями слуха, к лицам с психическими нарушениями, что свидетельствует о повышении уровня толерантности у студентов к лицам с данными нарушениями (рис. 4);

Рис. 4. Динамика отношения респондентов к лицам с ОВЗ

- снизилось число респондентов, отмечающих доброжелательность как положительную черту личности лиц с ОВЗ, при этом увеличилось число респондентов, отмечающих другие положительные черты личности лиц с ОВЗ, что говорит о более внимательном и критичном отношении к личностным особенностям студентов с ОВЗ со стороны здоровых студентов и самих лиц с ОВЗ (рис. 5);

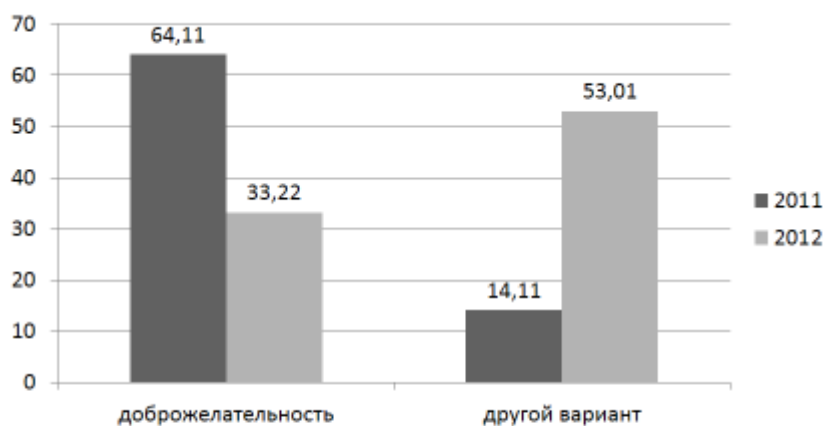

Рис. 5. Динамика положительных черт личности лиц с ОВЗ, отмечаемых респондентами

- в отношении респондентов к формам обучения лиц с ОВЗ выявляется тенденция к увеличению числа респондентов, считающих наиболее приемлемой формой обучения для лиц с ОВЗ обучение в школе индивидуального обучения, снижению случаев выбора обучения на дому как лучшей формы обучения для лиц с ОВЗ (рис. 6);

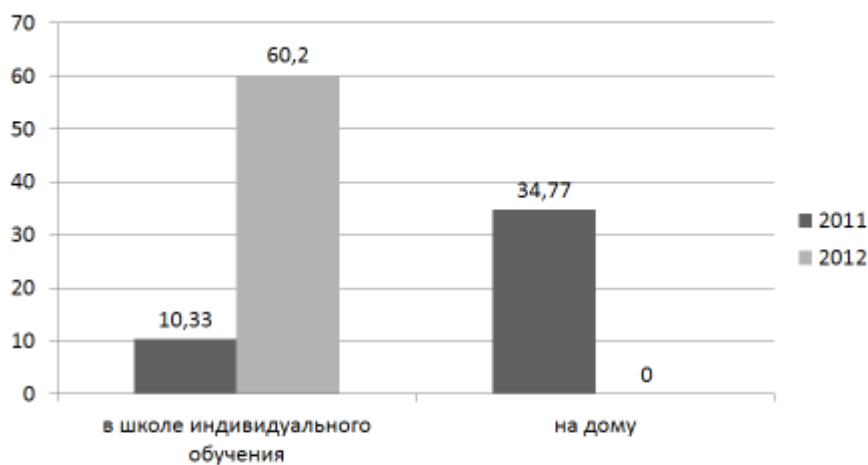

Рис. 6. Динамика отношения респондентов к формам обучения лиц с ОВЗ

- отношение к социальным взаимодействиям в различных формах с лицами с ОВЗ претерпело следующие изменения: повысилось положительное и отрицательное отношение к соседству по дому; снизилось положительное и повысилось отрицательное отношение к соседству по квартире; повысилось отрицательное и снизилось равнодушное отношение к родству с лицами с ОВЗ; увеличился разброс положительных оценок на нахождение лиц с ОВЗ в роли подчиненных на работе, отрицательных оценок на нахождение лиц с ОВЗ в роли врача и отрицательных оценок на нахождение лиц с ОВЗ в роли учителя ребенка; повысилось положительное отношение к нахождению лиц с ОВЗ в роли начальника и представителя власти; повысилось отрицательное отношение и снизилось равнодушное отношение к нахождению лиц с ОВЗ в роли психолога/психотерапевта; повысилось положительное и отрицательное отношение к детям с ОВЗ как к одноклассникам ребенка, при этом равнодушное отношение снизилось (рис. 7);

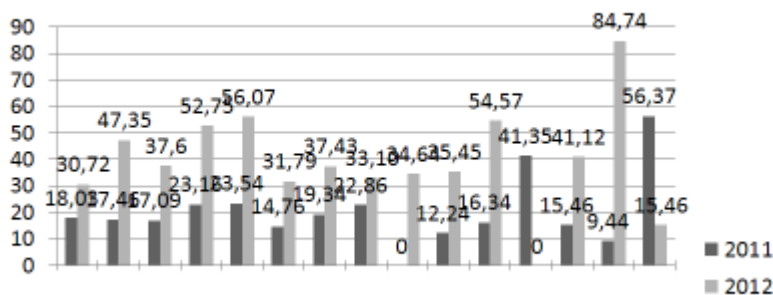

Рис. 7. Динамика отношений респондентов к социальному взаимодействию с лицами с ОВЗ

- увеличилось число респондентов высказывающихся за сохранение льгот для лиц с ОВЗ при поступлении в ВУЗы и техникумы; при поступлении на работу при этом снизилось количество высказываний против этого вида льгот; снизилось количество высказываний против льгот в транспорте; количество высказываний респондентов за сохранение льгот при лечении увеличилось, против – снизилось; количество высказываний респондентов за сохранение пенсий по инвалидности увеличилось, также сократилось и количество высказываний против этого вида льгот, что говорит о неоднозначном взгляде респондентов на существующую систему мер социальной поддержки лиц с ОВЗ (Рис. 8);

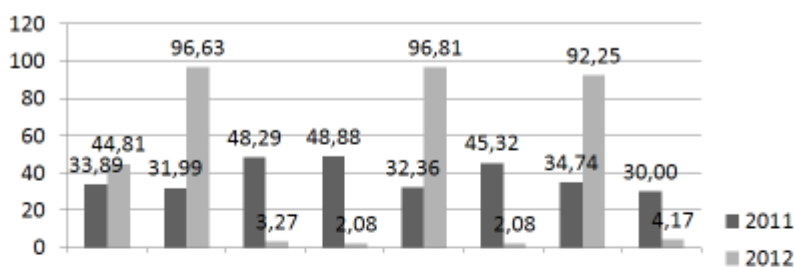

Рис. 8. Динамика отношения респондентов к льготам для лиц с ОВЗ

- мнение о необходимости существования специальной программы трудоустройства для лиц с ОВЗ претерпело следующие изменения: увеличился разброс высказываний за существование данной программы, выросло количество респондентов отрицающих необходимость существования подобной программы, в тоже время снизилось количество респондентов неопределившихся с ответом на этот вопрос, что говорит о неоднозначности позиций респондентов относительно вопроса трудоустройства лиц с ОВЗ (рис. 9).

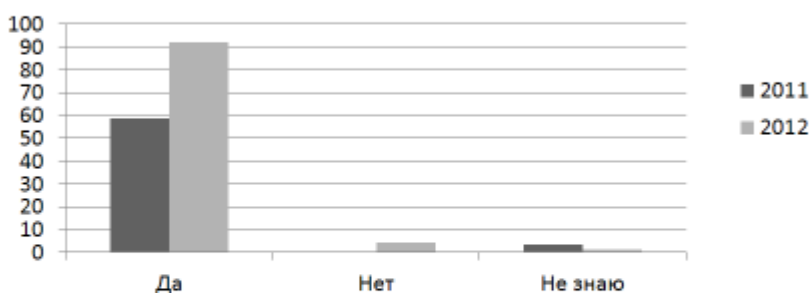

Рис. 9. Динамика мнения респондентов о необходимости программы трудоустройства для лиц с ОВЗ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в совместном обучении здоровых студентов и лиц с ограниченными возможностями, у первых обнаруживается тенденция к более осознанному пониманию особенностей социального взаимодействия со вторыми. Толерантность проявляется в поведенческих аспектах отношения здоровых студентов по отношению к студентам с ОВЗ и наоборот: тенденции к совместному проведению режимных моментов в колледже, снижение социальной дистанции при межличностном взаимодействии и др. В тоже время выявлены новые специфические особенности формирования толерантности у студентов без патологии развития к лицам с ОВЗ. Выявлены особенности изменения социальной дистанции у лиц с ОВЗ и здоровых студентов в среднем специальном учебном заведении, реализующем программу инклюзивного образования. Характерно дифференцированное отношение студентов к лицам с различной патологией развития, а также разнонаправленная динамика в отношении к социальным взаимодействиям в различных формах здоровых студентов и студентов с ОВЗ. Динамический характер исследования указывает на стабильность сделанных выводов.

Литература

1. Алехина С.В. Инклюзивное образование в России [Электронный ресурс] // Материалы проекта «Образование, благополучие и развивающаяся экономика России, Бразилии и Южной Африки» Инклюзивное образование в России. URL: http://psyjournals.ru/edu_economy_wellbeing (дата обращения 11.12.13)
2. Демчук А. В. Формирование профессиональной толерантности будущих учителей к детям с ограниченными возможностями здоровья: Автореф. дис. канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2012.

3. Живицкая А.И. Равные среди равных, или определение статуса людей с ограниченными возможностями здоровья // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: Материалы международной научно-практической конференции (20-22 июня 2011, Москва) / Моск. гор. психол.-пед. ун-т ; редкол. С.В. Алехина [и др.]. М.: МГППУ, 2011. С. 11–13.

4. Российская социологическая энциклопедия / под общей редакцией академика РАН Осипова Г.В. М.: Инфра-М Норма, 1998.

5. Пушкина Т.В., Сидловская О.П., Шельшакова Н.Н. Развитие профессиональной компетентности бакалавров по профилю «Психология и педагогика инклюзивного образования» в условиях социального партнерства // Бюллетень Учебно-методического объединения вузов РФ по психолого-педагогическому образованию. 2012. №1. С.109–113.

6. Фоминых Е.С. Витимизация и девитимизация студентов с ограниченными возможностями здоровья в современных образовательных условиях [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология 2012. №4. URL: <http://psyjournals.ru/> (Дата обращения 14.12.13)

7. Шипицына Л.М. Психология детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.М. Шипицына, И.И. Мамайчук. М.: Владос, 2004.

8. Щербакова А.М. Роль среды в самореализации человека с интеллектуальной недостаточностью // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: Материалы международной научно-практической конференции (20–22 июня 2011, Москва) / Моск. гор. психол.-пед. ун-т; Редкол. С.В. Алехина и др. М.: МГППУ, 2011. С. 44–45.

9. Цубер Й., Вейс Й, Кох У. Психологические аспекты реабилитации // Клиническая психология / Под ред. Майнрада Перре, Урса Бауманна. СПб.: Питер, 2006. С. 611–636.

Social Distance and Tolerance of Students Secondary Vocational Inclusive Schools

Gladilina L.S.

Educational psychologist (1st category), socio-pedagogical college, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, gls10@yandex.ru

The study aimed to assess the changes in the level of tolerance of healthy students to the students with HIA, we discuss the change of the social distance between patients with HIA and healthy students in secondary vocational schools that have implemented programs of inclusive education. The primary survey was attended by 222 people: 66 people with the HIA and 156 people without the developmental disease, the follow-up study - by 222 people: 66 people with the HIA and 156 people without the disease. The basis of the study was the measurement of social distance using questionnaires developed by S.B. Fedorov, under the supervision by L.M. Shipitsina at the Institute of Special Pedagogy and Psychology (2000). We revealed the specific features of the formation of tolerance among students without pathology to the persons with HIA. We show different students' attitudes toward people with different developmental pathologies and multidirectional dynamics in relation to social interactions in various forms in healthy students and students with the HIA. The joint training of healthy students and those with HIA revealed a trend towards more conscious understanding of the characteristics of social interaction with persons with HIA in healthy students.

Keywords: tolerance, inclusive education, social distance, social interaction, individuals with HIA.

References

1. Alekhina S.V. Inclusive education in Russia [Electronic resource]. *Proceedings of the project «Education, welfare and developing economy of Russia, Brazil and South Africa» Inclusive education in Russia*. URL: http://psyjournals.ru/edu_economy_wellbeing (Accessed 11.12.13). (In Russ.).
2. Demchuk A. Century Formation of professional tolerance of future teachers for children with disabilities. Ph. D. (Psychology) Thesis. Yoshkar-Ola, 2012. 25 p. (In Russ.).
3. Givickaya A.I. Equal among equals, or the definition of the status of people with disabilities. In Alekhina S.V. (eds.) *Inclusive education: the methodology followed, practice, technology: Proceedings of the international scientifically-practical conference (20-22 June 2011, Moscow)*. Moscow: Publ.MCUPE, 2011, pp. 11–13. (In Russ.).
4. Osipova V. (ed.) Russian sociological encyclopedia. Moscow: Infra-M Norma, 1998. 672 p.
5. Pushkin T.V., Sidlovskaya O.P., Snelsnakova N.N. Development of professional competence bachelors the profile of "Psychology and Pedagogy of inclusive education" in terms of social partnership. *Bulletin of Educational and methodical association of universities of the Russian Federation on the psycho-pedagogical education*, 2012, no. 1, pp. 109–113. (In Russ.).
6. Fominykh Y.S. Victimization and devictimization of students with disabilities in modern educational conditions [Electronic resource] *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical and special psychology]*, 2012, no. 4. Available at : <http://psyjournals.ru/> (Accessed 14.12.13). (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Shipitsyna L.M. Psychology of children with disorders of the musculoskeletal system: Studies. Handbook for students of the high institutions. Moscow: Vldos, 2004. 368 p. (In Russ.).

8. Sherbakova A.M. Role of the environment in the self-actualization of a person with intellectual insufficiency. *Inclusive education: methodology, practice, technology: Proceedings of the international scientifically-practical conference* (Moscow. 20-22 June, 2011). Moscow: MGPPU, 2011, pp. 44–45. (In Russ.).

9. Tsuber I, Veis I, Kokh U. Psychological aspects of rehabilitation. In Perret M. (eds.) *Clinical psychology*. Saint-Petersburg: Peter, 2006, pp. 611–636. (In Russ.).

Механизмы создания психологически безопасной образовательной среды в образовательной организации общего образования

Леонова О.И.,

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник управления координации, планирования НИР и подготовки научных кадров, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, Olesya_leonova@mail.ru

Поликаркина Е.И.,

менеджер, Москва, Россия, polikarkina_ekaterina@mail.ru

В настоящее время остается не достаточно изученным вопрос о способах создания и поддержания психологической безопасности образовательной среды школы. Между тем установлено ее положительное влияние на психологическое здоровье обучающихся, их эмоционально-личностное благополучие, формирование их метапредметных и личностных образовательных результатов. В статье описывается исследование, целью которого было изучить и проверить эмпирическим путем особенности управленческой деятельности в образовательной организации по созданию психологически безопасной образовательной среды. Изучались личностные особенности руководителя образовательной организации с помощью методики «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого, методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко, методики исследования самооценки стиля управления А.В. Аграшенкова, модифицированной Е.П. Ильиным, и методики оперативной оценки самочувствия, активности, настроения (САН). Предложены механизмы, позволяющие решить проблему создания комфортной и безопасной образовательной среды в образовательной организации общего образования.

Ключевые слова: психологическая безопасность образовательной среды, образовательная организация общего образования, управление образовательной организацией, личность в подростковом возрасте.

Для цитаты:

Леонова О.И., Поликаркина Е.И. Механизмы создания психологически безопасной образовательной среды в образовательной организации общего образования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Leonova_Polikarkina.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Leonova O.I., Polikarkina E.I. Mechanisms for creating a psychologically safe learning environment in an educational institution of general education [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Leonova_Polikarkina.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Приоритетными задачами государственной политики в сфере образования являются сохранение здоровья, развитие и воспитание подрастающего поколения. Известно, что развитие личности происходит в средовых отношениях – «особенности, свойственные среде, так или иначе, отражаются в психологических особенностях конкретных личностей» [1, с. 17]. Общественная среда содержит в себе «идеальные формы, направляющие реальное

развитие личности» [4, с.490]. Однако необходимо помнить, что негативные условия среды могут ограничивать развитие личности и приводить к отклонениям в ее развитии.

Образование является важнейшим механизмом развития, воспитания, а также социализации подрастающего поколения. Средства и условия воспитания, развития и социализации находят свое применение в психолого-педагогической реальности, называемой «образовательная среда». Одной из приоритетных практических задач образовательных организаций становится создание такой образовательной среды, которая выступает как развивающий и поддерживающий ресурс для личностного потенциала ее субъектов. Психологический компонент образовательной среды связан с ее развивающим эффектом. Данный факт проявляется в существующих классификациях образовательной среды: ориентированная на детей, развивающая, личностно ориентированная и др. Образовательная среда, обладающая названными свойствами, может по праву считаться психологически безопасной. Психологически безопасная образовательная среда – это мощный ресурс для сохранения здоровья, развития и воспитания подрастающего поколения.

Забота о психологической безопасности образовательной среды и здоровье обучающихся становится обязательным целевым ориентиром в работе каждой образовательной организации и педагога, показателем повышения качества образования. Утвержденный профессиональный стандарт педагога (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании; воспитатель, учитель) выдвигает требования к наличию у учителя компетенций, позволяющих эффективно выполнять воспитательную деятельность, создавая психологически безопасную образовательную среду. К этим требованиям относятся: «регулирование поведения обучающихся для обеспечения безопасной образовательной среды; проектирование ситуаций и событий, развивающих эмоционально-ценностную сферу ребенка; создание, поддержание уклада, атмосферы и традиций жизни образовательной организации; формирование у обучающихся культуры здорового и безопасного образа жизни» [3, с. 25].

Изменение парадигмы педагогического образования и превращение его по существу в образование психолого-педагогическое предопределило необходимость внесения соответствующих изменений в деятельность управленческого аппарата образовательной организации в части создания психологически безопасной среды образовательной организации.

Мы поставили перед собой цель – теоретически изучить и проверить эмпирическим путем особенности управленческой деятельности в образовательной организации в части создания психологически безопасной образовательной среды.

Цель исследования обусловила необходимость решения следующих задач:

- 1) изучить современные теоретические подходы к экспертизе психологической безопасности образовательной среды;
- 2) определить роль и место психологической безопасности образовательной среды в системе управления образовательной организацией;
- 3) провести эмпирическое исследование деятельности образовательной организации в решении задач создания психологически безопасной образовательной среды.

Объектом нашего исследования стала образовательная среда образовательной организации общего образования, предметом – механизмы создания психологически безопасной образовательной среды в образовательной организации общего образования.

В исследовании приняли участие 80 человек: руководитель образовательной организации, педагоги, учащиеся, родители учащихся.

Создание условий, обеспечивающих повышение уровня психологической безопасности образовательной среды, во многом связано с развитием и функционированием психологической службы, решением правовых, организационных, кадровых и методических вопросов.

В соответствии с утвержденным профессиональным стандартом педагога-психолога основные задачи *психолого-педагогического сопровождения участников образовательного процесса*:

- психолого-педагогическое сопровождение реализации основных и дополнительных образовательных программ;
- психологическая экспертиза (оценка) комфортности и безопасности образовательной среды образовательных организаций;
- психологическое консультирование субъектов образовательного процесса;
- коррекционно-развивающая работа с обучающимися;
- психологическая диагностика обучающихся;
- психологическое просвещение субъектов образовательного процесса;
- психопрофилактика (профессиональная деятельность, направленная на сохранение и укрепление психологического здоровья обучающихся в процессе обучения и воспитания в образовательных организациях).

В Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования (V–IX классы)¹ среди требований к условиям реализации основной образовательной программы основного общего образования выделены: психолого-педагогические условия, предусматривающие сохранение и укрепление психологического здоровья обучающихся; формирование ценности здоровья и безопасного образа жизни и др.

Это означает, что в условиях внедрения федеральных государственных образовательных стандартов общего образования и профессионального стандарта педагога-психолога деятельность школьного психолога как полноценного участника образовательного процесса становится обязательной, конкретной и измеримой.

В ходе анализа различных подходов отечественных и зарубежных авторов к понятию «образовательная среда» мы выявили, что образовательная среда – это целостная качественная характеристика внутренней жизни школы: она определяется теми конкретными задачами, которые школа ставит и решает в своей деятельности; проявляется в выборе средств, с помощью которых эти задачи решаются; содержательно оценивается по тому эффекту в личностном, интеллектуальном развитии детей, которого она позволяет достичь.

Согласно концепции психологической безопасности [2], под психологической безопасностью образовательной среды понимается состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников.

Согласно подходу В.А. Ясвина [5], механизмами создания и поддержания психологической безопасности образовательной среды являются:

- координация деятельности всех субъектов данной образовательной среды;

¹Утвержден приказом Минобрнауки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897.

- обеспечение значимости образовательной среды в системе ценностей субъектов образовательного процесса;
- создание благоприятного социально-психологического климата;
- содействие формированию познавательной мотивации обучающихся;
- четкая ориентированность ее образовательных целей на социальный заказ, на создание и распространение социально значимого продукта, повышение качества образовательных услуг;
- органичные эволюционные изменения в контексте взаимоотношений с внешней средой и др.

В основу экспертизы психологической безопасности образовательной среды В.А. Ясвин рекомендует включить следующие параметры ее формального описания:

- интенсивность образовательной среды;
- эмоционально-психологический климат;
- удовлетворенность образовательной средой;
- демократичность образовательной среды;
- содействие формированию познавательной мотивации (учебной, профессиональной, творческой), развитию познавательных интересов;
- удовлетворенность качеством образовательных услуг, предоставляемых образовательным учреждением.

Для каждого из участников образовательного процесса (обучающиеся, родители, учителя) указанные психологические факторы имеют свое значение (табл. 1).

Таблица 1

Значение параметров экспертизы психологической безопасности образовательной среды для участников образовательного процесса

Фактор	Участник образовательного процесса		
	Обучающийся	Родитель	Педагог
Интенсивность	Объем, сложность учебных заданий, предъявляемых учащимся на уроках и дома; уровень требований к качеству выполнения этих заданий		Объем учебной нагрузки учителей; уровень требований к содержанию и качеству их работы
Эмоционально-психологический климат	Степень психологического комфорта участников образовательного процесса, особенности их взаимоотношений, преобладающее настроение в коллективе и т.п.		
Удовлетворенность	Степень удовлетворенности учебным заведением; его значимость и место в системе ценностей участников образовательного процесса		
Демократичность	Степень демократичности администрации, возможность участвовать в управлении школой, принимать решения, касающихся личных интересов участников образовательного процесса		

Мы организовали и провели эмпирическое исследование на базе образовательной организации общего образования города Москвы. Основой для выбора первого блока

диагностического инструментария (определение уровня психологической безопасности образовательной среды) стали вышеперечисленные параметры.

Утвержденный профессиональный стандарт педагога-психолога дополняет используемый в настоящей статье научный подход по повышению уровня психологической безопасности образовательной среды следующими механизмами:

- проведение психологического мониторинга и анализ эффективности использования методов и средств образовательной деятельности;
- проведение психологической экспертизы программ развития образовательной организации с целью определения степени безопасности и комфортности образовательной среды;
- консультирование педагогов и преподавателей образовательных организаций по выбору образовательных технологий с учетом индивидуально-психологических особенностей обучающихся;
- оказание психологической поддержки педагогам и преподавателям в проектной деятельности по совершенствованию образовательного процесса.

Реализация данных механизмов позволяет педагогу-психологу организовать работу по созданию учебных взаимодействий педагогов и преподавателей с обучающимися и обучающимися между собой, разработать совместно с педагогами и преподавателями траектории обучения с учетом индивидуальных и возрастных потребностей и возможностей обучающихся, а также отдельные блоки основной образовательной программы (по формированию универсальных учебных действий, экологической культуры и здорового и безопасного образа жизни), участвовать в воплощении этих разработок в образовательном процессе.

Для обеспечения требований федеральных государственных образовательных стандартов общего образования директорам образовательных организаций необходимо предпринять меры по сохранению, развитию и повышению эффективности системы психолого-педагогического обеспечения образовательного процесса.

В данной работе мы исследовали личностные особенности руководителя образовательной организации. В современной практике управления системой образования в контексте влияния на продуктивность управленческой деятельности в образовательной организации отмечается возрастание роли личностного фактора.

Характеристика методического комплекса

Для экспертизы психологической безопасности образовательной среды использовалась методика психолого-педагогической экспертизы образовательной среды В.А. Ясвина. При исследовании личностных особенностей руководителя образовательной организации использовался блок методик:

- методика «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого;
- методика исследования самооценки стиля управления А.В. Аграшенкова, модифицированная Е.П. Ильиным с целью исследования самооценки стиля управления;
- оперативная оценка самочувствия, активности и настроения (опросник САИ),
- методика В.В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания».

Результаты и их обсуждение

По результатам экспертизы психологической безопасности образовательной среды выявлен уровень психологической безопасности образовательной среды «ниже среднего». Статистически достоверно ученики и родители определили низкий уровень психологической безопасности образовательной среды школы (табл. 2).

Таблица 2

Результаты исследования психологической безопасности образовательной среды

Показатель психологической безопасности образовательной среды	Значение параметра	Уровень психологической безопасности
Педагоги		
Интенсивность	0,55	Средний
Эмоционально-психологический климат	0,30	Низкий
Удовлетворенность	0,64	Средний
Демократичность	0,38	Высокий
Содействие формированию познавательных мотивов	0,78	Средний
Удовлетворенность качеством образовательных услуг	0,56	Средний
Родители		
Интенсивность	0,48	Средний
Эмоционально-психологический климат	0,62	Средний
Удовлетворенность	0,52	Средний
Демократичность	0,57	Средний
Содействие формированию познавательных мотивов	0,35	Низкий
Удовлетворенность качеством образовательных услуг	0,66	Средний
Учащиеся		
Интенсивность	0,70	Средний
Эмоционально-психологический климат	0,38	Средний
Удовлетворенность	0,29	Низкий
Демократичность	0,46	Средний
Содействие формированию познавательных мотивов	0,24	Низкий
Удовлетворенность качеством образовательных услуг	0,35	Низкий

В трех исследуемых группах (учащиеся, родители и педагоги) уровень психологической безопасности образовательной среды оказался «ниже среднего». Статистически достоверно наиболее низкие показатели уровня психологической безопасности образовательной среды были выявлены в среде учащихся (критерии Краскела–Уоллеса; $p \leq 0,001$).

С помощью t критерия Стьюдента не выявлено различий между группами учеников по показателям психологической безопасности образовательной среды, т. е. ученики одной параллели классов указали низкий уровень психологической безопасности по всем параметрам ее оценки.

Анализ локальных нормативных актов школы позволил выявить несоответствие содержания учебных планов и программ требованиям Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (в части психолого-педагогических условий его реализации). Одной из задач, указанных в программе развития образовательной организации на 2011–2015 гг., является «сохранение здоровья обучающихся, психолого-медико-педагогическое сопровождение детей в образовательном процессе». Механизмы реализации данной задачи программы: обеспечение условий для занятия физической культурой и спортом, создание банка

данных об уровне физической подготовленности обучающихся в I–XI классах, организация питания для большего числа учащихся. Такие способы не позволяют выполнить указанные в Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования и программе развития образовательной организации психолого-педагогические условия.

В основной образовательной программе школы на текущий учебный год также отсутствовали механизмы создания здоровьесберегающей, психологически безопасной образовательной среды.

Изучение должностных инструкций и планов работы специалистов показало, что, согласно им, работа психологической службы не включает в себя задачи создания психологически безопасной образовательной среды.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что низкий уровень психологической безопасности образовательной среды в исследуемой школе обусловлен тем, что создание психологической безопасности образовательной среды в данной организации в настоящий момент не является одной из приоритетных задач управления образовательной организацией.

Исследование личностных особенностей руководителя образовательной организации привело к следующим результатам.

1. С помощью методики самооценки стиля управления выявлены эмпирические проявления авторитарного стиля руководства (требование беспрекословно выполнять распоряжения, стремление быть первым во всех начинаниях коллектива, раздражение при проявлении инициативы подчиненными, игнорирование коллективного руководства).
2. С помощью методики «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого установлено, что руководитель образовательной организации обладает высоким уровнем лидерских способностей.
3. С помощью методики В.В. Бойко определен высокий уровень эмоционально-психологического напряжения.
4. С помощью методики САН выявлено, что состояние директора характеризуется средним уровнем самочувствия и активности, низким уровнем настроения.

Таблица 3

Результаты исследования личностных особенностей руководителя организации

Стиль управления (балл)			
Авторитарный	Либеральный	Демократический	
8	0	4	
Лидерские способности			
Балл	Уровень		
37	Высокий		
Эмоционально-психологическое напряжение			
Балл	Уровень		
192	Высокий		
Самочувствие, активность, настроение (балл)			
Самочувствие	Активность	Настроение	Средний балл
2,6	3,1	1,7	2,5

При сопоставлении полученных данных можно сделать вывод, что выявленный авторитарный стиль руководства, а также напряженное социально-психологическое состояние директора школы являются факторами, влияющими на низкий уровень психологической безопасности образовательной среды школы. В то же время высокий уровень лидерских характеристик директора школы может способствовать повышению уровня психологической безопасности образовательной среды при выполнении ряда рекомендаций.

В соответствии с полученными результатами исследования администрации школы и педагогическому коллективу рекомендуется при разработке основной образовательной программы школы и программы развития образовательной организации предусмотреть включение механизмов, прописанных в Федеральном государственном образовательном стандарте общего образования (в частности, психолого-педагогические условия реализации образовательной программы), а также профессиональном стандарте педагога-психолога. Данные механизмы обеспечат, с одной стороны, выполнение требований ФГОС общего образования, а с другой – повышение уровня психологической безопасности образовательной среды.

Учителям, классным руководителям и психологам школы мы рекомендуем при взаимодействии с учащимися и их родителями использовать для создания психологически безопасной образовательной среды следующие механизмы:

- координация деятельности всех субъектов данной образовательной среды (ученики, учителя и родители);
- обеспечение значимости образовательной среды в системе ценностей субъектов образовательного процесса;
- создание благоприятного социально-психологического климата;
- удовлетворенность образовательной средой школы;
- содействие формированию познавательной мотивации обучающихся;
- повышение качества образовательных услуг.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №12-36-01034 «Психологическая безопасность образовательной среды: взаимосвязь личностных характеристик учащихся и параметров среды»).

Литература

1. *Баева И.А.* Психологическая характеристика образовательной среды: диагностика и оценка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 3. Т. 2. С. 16 – 25.
2. *Баева И.А., Гаязова Л.А.* Психологическая безопасность образовательной среды школы и ее психолого-педагогическое сопровождение [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 3. URL: <http://psyedu.ru/> (дата обращения: 29.09.2013).
3. *Забродин Ю.М., Ямбург Е.А., Гаязова Л.А.* Профессиональный стандарт Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель) // Бюллетень Учебно-методического объединения вузов РФ по психолого-педагогическому образованию. 2014. № 1. С. 20–39.
4. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

5. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: МГППУ, 2001. 366 с.

Mechanisms for Creating a Psychologically Safe Learning Environment in an Educational Institution of General Education

Leonova O.I.,

Ph.D. (Psychology), Leading Research Associate, Department for Coordination, Research Planning and Scientific Training, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, Olesya_leonova@mail.ru

Polikarkina E.I.,

Manager, Moscow, Russia, polikarkina_ekaterina@mail.ru

At the moment the question of how to create and maintain the psychological safety of the educational environment of the school is not sufficiently studied. Meanwhile, there has been proved its positive effect on the psychological health of students, their emotional and personal well-being, the formation of a meta-subjective and personal educational outcomes. This paper describes a study the purpose of which was to examine and verify empirically the features of management activities in the educational organization to create a psychologically safe learning environment. We studied personality traits of the Head of an educational organization by the procedure "Troubleshooting leadership abilities" (E. Zharikova, E. Krushelnytsky), techniques "Diagnosis of the level of burnout" (V.V. Boyko), methods of self-management style assessment (A.V. Agrashenkova, modified by E.P. Ilyin), and methods for rapid assessment of health, activity, mood (SAN). We proposed mechanisms to solve the problem of creating a comfortable and safe learning environment in the educational organization of general education.

Keywords: psychological safety of the educational environment, educational organization of general education, management of educational organization, identity in adolescence.

The study was supported by Russian Foundation for Humanities (project № 12-36-01034 "Psychological safety of the educational environment: the relationship of personal characteristics of the students and environment settings").

References

1. Baeva I.A. Psikhologicheskaya kharakteristika obrazovatel'noi sredy: diagnostika i otsenka [Psychological description of educational environment: diagnostics and estimation]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences]*, 2002, no. 3, T. 2, pp.16–25.
2. Baeva I.A., Gayazova L.A. Psihologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy shkoly i ee psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie [Psychological security of school's educational environment and its psychological educational support] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie www.psyedu.ru [Psychological Science and Education*

www.psyedu.ru], 2012, no. 3. Available at: [http:// psyedu.ru/](http://psyedu.ru/) (Accessed 29.09.2013). (In Russ. Abstr. in Engl.).

3. Zabrodin J.M., Jamburg E.A., Gajazova L.A. Professional'nyi standart Pedagog (pedagogicheskaya deyatel'nost' v doshkol'nom, nachal'nom obshhem, osnovnom obshhem, srednem obshhem obrazovanii) (vospitatel', uchitel') [The professional Teacher standard (pedagogical activity in the preschool, primary general, main general, secondary general education) (the tutor, the teacher)]. *Biulleten' Uchebno-metodicheskogo ob"edineniya vuzov RF po psichologo-pedagogicheskomu obrazovaniyu* [The bulletin of Educational and methodical association of higher education institutions of the Russian Federation by psychology and pedagogical education], 2013, no. 1, pp.20–39.

4. Elkonin D.B. Izbrannye psikhologicheskie Trudy [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, 1989. 560p.

5. Yasvin V.A. Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu [Educational environment: from modeling to design]. Moscow: Publ. Moscow State University of Psychology and Education, 2001. 366 p.